

ГОРЬКИЙ и его эпоха

*Исследования
и
материалы*

выпуск 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ГОРЬКИЙ и его ЭПОХА

*Исследования
и
материалы*

ВЫПУСК 1

Ответственный редактор
доктор филологических наук

Б. А. БЯЛИК



МОСКВА
НАУКА
1989

Серия основана в 1989 году

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Б. А. ВЯЛИК,
доктор филологических наук В. А. КЕЛДЫШ,
член-корреспондент АН СССР В. Р. ЩЕРБИНА

Рецензенты:

доктор филологических наук В. И. БОРЩУКОВ,
доктор филологических наук В. А. КОВАЛЕВ

Г 71 Горький и его эпоха: Исследования и материалы.
Выпуск 1. — М.: Наука, 1989. — 280 с.
ISBN 5—02—011368—9.

В книге публикуются новые материалы из рукописного наследия М. Горького: статья «Всё о том же» (1929 г.), направленная на защиту советских писателей (В. А. Пильника и др.) от политических обвинений, и переписка 20-х годов с И. Е. Вольновым; печатаются фельетоны из газеты «Нижегородский листок» (1898 г.), принадлежность которых Горькому установлена только теперь.

Статьи и сообщения посвящены малоизвестным фактам биографии Горького, взаимоотношениям его с писателями Вяч. Ивановым, Ф. Сологубом, Н. Клюевым и др., с учеными, деятелями искусства. В этих работах также использованы архивные материалы, в том числе впервые публикуемые письма Горького и его адресатов.

Для литературоведов, историков, обществоведов.

Г $\frac{4603020000-217}{042(02)-89}$ 457—89

ББК 83

ISBN 5—02—011368—9

© Издательство «Наука», 1989

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга — начало нового серийного издания, посвященного Горькому. Данная серия трудов имеет целью систематическое знакомство читателей с впервые публикуемыми текстами писателя, с вновь найденными архивными материалами, с научными исследованиями, ставящими еще не изученные вопросы биографического и творческого характера, с библиографическими работами.

С 1940 по 1968 г. в ИМЛИ готовилась и выходила книжная серия «Горьковские чтения», имевшая большой резонанс (всего было издано 10 выпусков). Ее ничем не оправданное прекращение нанесло урон развитию науки о Горьком. Серийное издание «М. Горький и его эпоха» станет продолжением «Горьковских чтений». Новое название отражает особые задачи, стоящие перед изданием. Оно призвано обстоятельнее и объективнее освещать связи Горького с его общественно-литературной эпохой.

Горьковедческая проблематика нуждается в новом уровне осмысления и освобождении от методологических «грехов», которые дают знать о себе и по сей день (социологические упрощения, недостаток внимания к неповторимо индивидуальным особенностям творчества писателя, «культовая» окраска, которую нередко приобретал естественный инетет перед крупнейшим деятелем нашей литературы). Окончательный отход от представлений такого рода позволит точнее уяснить роль горьковского творчества в литературе его времени и место, занимаемое писателем в ней, — не над процессом (как часто оказывалось в наших работах), а внутри него. Так думал и сам Горький, когда, например, в письме И. А. Груздеву 1927 г., называя себя «типичным... русским литератором XX-го века», рекомендовал критикам: «Пора отметить, что во всех нас было и есть нечто общее...». Все это станет возможным по мере дальнейшего углубленного освоения наследия писателя, в том числе значительного расширения фактографической базы посвященных ему исследований.

Мы надеемся, что новое издание внесет свою лепту в постепенное осуществление непростых задач, стоящих перед наукой о Горь-

ком, и поможет сплочению горьковедов. Издание рассчитано не только на специалистов, но и на многочисленных читателей, интересующихся жизнью и деятельностью Горького.

В первый выпуск издания включены публикации ранее неизвестных статей, очерков, фельетонов писателя, проливающие свет на отдельные этапы его жизненного пути. В частности, впервые печатается статья («Всё о том же»), в которой Горький защищал советских писателей от политического шельмования. В разделе исследований и сообщений помещены материалы, связанные по преимуществу с вопросами научной биографии Горького. Раздел открывается статьей писателя М. Л. Слонимского, написанной в 1970 г. специально для предполагавшейся 11-й книги «Горьковских чтений».

М. ГОРЬКИЙ. «ВСЕ О ТОМ ЖЕ»

Кривотолки, вызванные моей заметкой «О трате энергии»¹, вынуждают меня снова вернуться к делу Пильняка, хотя «Правда» высказалась по этому поводу совершенно определенно и после ее статьи² следовало бы «дело о покушении гражданина Б. Пильняка разрушить. Союз Социалистических Советов производством прекратить». Но скандалом обрадованы различные бойкие ребята, они раздувают его, рассматривая скандал, как трамплин, который позволит им подпрыгнуть выше, вскочить на видное место. Люди этого типа не плохо владеют революционной фразой, и если им сказать: вы, ребята, кричите зря по пустякам и слишком громко, — они тотчас же начинают кричать о «примиренчестве». Разумеется, среди них есть люди, которые имеют право сказать «строительство новой жизни — наше революционное право», но есть люди панически, до истерики уstraшенные обилием фактов делового и словесного вредительства, а также немало неопаразитов рабочего класса: демагогов, прихвостней, рвачей и страдающих чесоткой честолюбия. Таких, после революции 905—6 гг., называли «обозной сволочью». Подлинная опасность ими не чувствуется, потому что они сами служат расширению и углублению ее. Лозунг культурной революции — для них слова, смысла коих они не понимают. А, возможно, что и понимают, но — как предвестие гибели своей. К делу Пильняка заставляет вернуться напечатанное в 23 номере «Лит. газеты» письмо председателя ВОКС'а т. Петрова³. В письме этом сказано, что издательству «Петрополис»⁴ в Берлине посылали свои рукописи многие из советских писателей⁵, «произведения которых печатались там на русском языке по новой орфографии и своим появлением безусловно составляли противовес эмигрантской беллетристике».

Противопоставление наших книг эмигрантским — это, на мой взгляд, дело не так уж важное и нужное. Гораздо важнее и безусловно нужно издание за границей книг современных русских литераторов, это дает европейским торговцам книгой возможность дешево выпускать на рынок сочинения русских литераторов и открывает русской литературе широкий доступ в те слои, которые хотят читать русские книги потому, что жизненно заинтересованы в знакомстве с нашей действительностью и с ростом нашего искусства, отражающего ее.

Случай Пильняка может вызвать поголовное осуждение и тех авторов, которые раньше его печатали свои книги в Европе. Пиль-

ник обвиняется в том, что отправил за рубеж рукопись, в которой сказано нечто, как говорят, клеветническое о советской действительности. Я не читал эту рукопись и вообще не люблю читать истерически растрепанные сочинения людей, которые видят действительность только как сплошной хаос⁶. Но вот в газете «Рабочий край»⁷, издаваемой в Иваново-Вознесенске, приведена такая цитата из сочинения Пильняка:

«Улучшали рабочий быт жилстроительством; купили 2-х этажный деревянный дом, привезли его на завод и распилили на дрова. Напилили пять кубов, ибо дом оказался гнилой, — годных бревен оказалось — тринадцать штук, к этим тринадцати прибавили 9 тысяч рублей — и дом построили: как раз к тому времени, когда завод закрылся в виду его хотя и неубыточности, как прочие предприятия, но бездоходности. Новый дом остался порожним».

Оправдывая мою репутацию «примиренца», я должен сказать следующее: суди по цитате, — факты относятся к прошлому и ничего «клеветнического», классово-враждебного нельзя усмотреть в них. Ежедневная пресса и в наши дни изобилует сообщениями о фактах такого печального характера. У нас делается так много, что вполне естественно: иногда делается весьма плохо. Для того, чтобы безжалостно освещать это плохое, беспощадно бороться с ним, уничтожать его — у нас введена «самокритика», которая из дня в день и обличает наши пороки, ошибки, преступления.

Известно, что против сладострастных преувеличений «самокритики» нашей прессой я неоднократно высказывался⁸. Моя антипатия к болезненно раздуваемым формам «самокритики» не позволяет мне защищать тех писателей, которые, злостно и сладострастно подчеркивая ошибки, неудачи, недостатки строителей и строительства, лишены желания и способности критиковать самих себя, свою деятельность, свое «творчество».

Я должен сказать, что также вижу в нашей действительности много подлости, грязи, много лжи и двоедушия, своекорыстия. Но я не боюсь никаких мерзостей и не люблю писать о них, считая, что гораздо полезнее писать о том, что противостоит мерзостям. Задача литератора, искренно и честно преданного великому делу р(абочего) к(ласса), — отмечать культурный рост этого класса, его успехи в работе, его мужество, труднейшие условия его жизни, которые он все-таки преодолевает, бодрый, сильный, верующий в свою победу. Я вижу, что есть литераторы, которые оценивают силу погибающего выше силы растущего нового, у них больше внимания к шуму и воплям разрушаемого, однако я не чувствую в них ни любви к нему, ни сожаления о гибели его. Чувствую только их опасение, что новый хозяин жизни недооценит значение старой культуры, общечеловеческую ценность ее науки, искусства, мучительную работу ее мысли. Они плохо слышат героическую музыку творимого нового, но совершенно несправедливо приписывают им «классовую вражду» и «слепую ненависть к диктатуре рабочих». Я нахожу, что у нас чрезмерно злоупотребляют понятиями «классовый враг», «контрреволюционер» и что чаще всего

это делают люди бездарные, люди сомнительной социальной ценности, авантюристы и «рвачи».

Рабочий класс наш находится в положении 12-ти летнего ученика, от которого история — беспощадный учитель — требует основательнейшего знания всех наук. Мы видим, что двенадцатилетний класс-диктатор непрерывно выдвигает из своей среды сотни и тысячи талантливейших людей. Если вместе с массой новых людей, отлично строящих новое государство, выдвигаются вперед глупцы, бездельники, воришки и всякое дрянцо, — этот естественный факт не должен вызывать истерику, в которую так часто превращается у нас «самокритика» на радость обывателя и для наслаждения зарубежных врагов. Самокритика необходима как средство оздоровления болеющих безразличным отношением к действительности, чиновничьим отуплением мозга, тяготением к жульничеству, авантюризму, анархизму, компромиссу и т. д. — средство борьбы со всеми явлениями, которые могут затруднить и затрудняют работу строения государства и рост культурной революции.

[Уместно и своевременно поставить вопрос, если газетная самокритика признана полезной и необходимой, почему же она не может иметь места в художественной литературе? Это — большой вопрос, и над ним следует основательно подумать. Я ставлю его потому, что, читая десятки рукописей авторов, выходящих из рабочей среды, вижу, с какой горечью и страстью эти «самокритики» говорят о болезнях своей среды, об отрицательных явлениях нашей действительности. Но именно потому, что они пишут об этом — их рукописи бракуются редакторами, цензорами. Можно ли назвать это явление нормальным? Не есть ли это поистине «закжим самокритики»?]

Рабочему классу пора озаботиться делом воспитания своих мастеров культуры, мастеров литературы. Это необходимо не только потому, что самокритика требует и художественной формы, а потому, что искусство слова всегда было и будет одним из сильнейших орудий культуры. Нужно, чтобы культурный рост класса-диктатора не отставал от быстро растущего процесса индустриализации страны. Разумеется, индустрия способствует росту культурных сил, но у нас уже ощущается недостаток этих сил, а потребность в них все растет. Этот разрыв грозит стране большими неприятностями. Недостаток культурных сил тревожит не меня одного, эта тревога живет в каждом честном человеке, который хорошо видит противоречия старой и новой действительности. Эта тревога и заставляет меня говорить о необходимости бережного отношения к людям мало-мальски культурным, способным честно помогать трудному делу строительства новой жизни, нового государства. Рабочий класс запаздывает производить и воспитывать свою интеллигенцию, свои кадры истинно культурных работников. Враги растут обильно, их рождает ужас перед гибелью, на которую они обречены. Владимир Ильич в одной из своих статей пророчески верно говорил о «„взбесившихся от ужасов... мелких буржуа“»⁹, которые от страха становятся анархистами. В деревне

они становятся именно такими и все чаще прибегают в своей борьбе против коллективизма — к террору. Но террор, это — болезнь, выявившаяся «наружу». Она разрушительнее, когда скрыта, в скрытом состоянии она сильнее заражает окружающих.

Область литературы у нас является областью хаоса. В ней буйно и не всегда политически осмысленно противодействуют друг другу партизанские отряды и группы¹⁰. Говорят, что истина рождается из противоречий. Казалось бы, что при наличии единой цели — активизировать рабоче-крестьянскую массу в духе социализма — не должно быть особенно резких противоречий. Но у нас родилось слишком много истин. Это единственный случай, когда следует признать новорожденных — незаконнорожденными, ибо все они оплодотворены и вызваны к жизни не силою действительности нашей, а силами темными: некультурностью, анархизмом, мелким, мещанским честолюбием, стремлением поскорее вылезти на видное место. Не однажды указывалось, что большинство молодых прозаиков и поэтов плохо понимают и еще хуже чувствуют возбуждающее, революционное значение подлинной действительности и что у них цеховые интересы действительно преобладают над общими интересами эпохи и класса, энергия которого творит почти чудеса. О том, как неудобно жить человеку с привычками к удобствам и человеку искателю удобств, у нас пишут гораздо лучше и проникновеннее, чем о том, как интересно жить в эти годы взрыва и роста энтузиазма рабочей массы. Героизм и активный романтизм наших дней не воспринимается молодой литературой, а пробуя изобразить его, она только дробит и компрометирует темы.

Действительность изобилует великоленными темами, богата героями. Процесс разложения и гибели старого мира и разложения человека, органически неразрывно связанного с основными понятиями, навыками, удобствами этого мира, — неизбежный процесс этот распадается на десятки и сотни тем. Всюду решительно сталкиваются непримиримые противоречия. Пусть они выражаются якобы в «мелочах», это не умаляет их драматизма, а, наоборот, приближая к действительности, к «будням жизни», еще более убедительно доказывает одному — его неустранимую обреченность на гибель, другому — историческую обоснованность его победы. Писать на такие темы у нас не умеют с достаточной и достойной темы силой, а когда напишут хорошо — критика не понимает этого, как случилось, например, с книгой Колоколова «Мед и кровь»¹¹ — книгой, по-настоящему революционной и сделанной достаточно искусно. Критика наша сугубо субъективна, произвольна, невнимательна и малограмотна, в смысле знания литературы. Критик старается, прежде всего, «выявить свое лицо» и мало думает о том, чтобы толково помочь новому читателю разобраться в материале книги, в намерениях автора, психике героев.

В наш мир властно пришла новая женщина. Героизм и трудности ее работы в деревне, драма ее правового положения дает тоже превосходные темы. В наш мир пришли новые дети. Трудовой энтузиазм массы воплощен и в единицах ее. Литература не видит энту-

знастов. Общий тон литературы гораздо ниже мажорного тона действительности. [Мне кажется, что этот факт в значительной степени объясняется «беспризорным» положением литературной молодежи, а не только ее отношением к действительности.]

Кто и какими приемами воспитывает у нас молодых писателей? Достаточно ли внимания уделяется высшими органами власти литературе и социальному положению литературной молодежи. Как и кем проводится и проводятся ли в жизнь указания ЦК партии от 25 года? Не пора ли напомнить эти указания, опираясь на печальный опыт истекших четырех лет? Это — еще не все вопросы, требующие чтобы над ними серьезно подумали. Литераторы безответственны, потому что литература беспризорна.]

Приемы воспитания молодых литераторов критиками и рецензентами сводятся к тому, что писателя подхватывают, подбрасывают и затем шлепают о землю. Этим приемом никого и ничему не научишь. Старинная пословица: «За битого — двух небитых дают», подлая пословица. В ней скрыта совершенно определенная практическая цель: цена битого повышается именно потому, что он забит, кроток, терпелив и удобен для эксплуатации. [Скандалы, даже раздутые до размеров «всесоюзных», тоже не заключают в себе ничего поучительного для молодежи.]

Печатается по авторизованной машинописи с правкой Горького, вычеркнутые автором слова даются в квадратных скобках (Архив А. М. Горького. ЛСГ-1-9-4).

Суди по упоминанию о материалах, опубликованных в «Правде» и «Известиях», статья написана в конце сентября 1929 г.

В Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР имеется еще три варианта этой статьи. Приводим отрывок из первого варианта, не вошедший в окончательный текст:

«Кроме Пильняка, есть немало других литераторов, на чьих головах „единодушные“ люди публично пробуют силу своих кулаков, стремясь убедить начальство в том, что именно они знают, как надобно охранять идеологическую чистоту рабочего класса и девственность молодежи. Например, Евгений Замятин, этот страшный враг действительности, творимой силами воли и разума рабочего класса. В 22 году — семь лет тому назад — его книга „Мы“ вышла в переводе на английский язык. В 28 отрывки этой книги в переводе с английского или чешского на русский язык печатались эсерами в „Воле России“ (...). Насколько я знаю Замятина, Булгакова, а также всех других проклинаемых и проклятых, они, на мой взгляд, не стараются поменьше истории делать ее дело, прекрасное и великое дело, и у них нет слепой органической вражды к честным делателям этого великого и необходимого дела» (ЛСГ-1-9-1).

¹ Статья М. Горького «О трате энергии» напечатана в «Известиях» 15 сентября 1929 г. В ней шла речь об осуждении романа Б. Пильняка «Красное дерево», опубликованного издательством «Петрополис».

² Речь идет о статье И. Беснялова «Литература и политика». См.: Правда. 1929. 18 сент.

³ Статья председателя ВОКСа Петрова «Как „Красное дерево“ попало за границу» (Лит. газ. 1929. 23 сент.). Кроме статьи Петрова, в «Литературной газете» было опубликовано «Письмо в редакцию» Б. Пильняка, где он указывал на то, что его книга не была в Главлите и не была запрещена.

⁴ «Петрополис» — кооперативное издательство, созданное 1 января 1918 г. в Петрограде. В 1922 г. открыло отделение в Берлине. В 1924 г. прекратило свою работу в Петрограде, продолжало существовать в Берлине до середины 30-х годов.

⁵ В издательстве «Петрополис» были изданы книги многих советских писателей: А. Толстого, К. Федина, Ю. Тынянова, В. Каверина, Веры Инбер, Пант. Романова и др.

- ⁶ К творчеству Бориса Пильняка (псевдоним Бориса Андреевича Вогау, 1894—1937) Горький относился критически. «... Досадно мне наблюдать, — пишет он в письме к Б. Пильняку, — что пишете Вы все хуже, небрежнее и холодней. „Метелинка“ — уже совершенно мертвая вещь, несмотря на весь словесный форс и всякие фокусы» (Лит. наследство. Т. 70. М., 1963. С. 311). Горький писал о Пильняке Федину: «Он весь — из Белого и — немножко — от Ремизона. Пильняка как такового еще не видно» (Там же. С. 469).
- ⁷ Цитируемый Горьким отрывок из газеты «Рабочий край» полностью приведен 2 сентября 1929 г. в «Литературной газете», в статье «От редакции».
- ⁸ О своем отрицательном отношении к крайностям самокритики, когда лишущие понижают «энергию маленьких творцов великого дела», Горький говорил в своих статьях: «Рабселькорам», «О наших достижениях» и «Рабкорам депо имени Ильича», в «Письме рабкору Санделову», в «Речи на заседании пленума Московского Совета» и др.
- ⁹ В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» В. И. Ленин писал: «... „Взбесившийся“ от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14).
- ¹⁰ Групповщина среди писателей вызывала тревогу у Горького, о чем шла речь в его письмах и статьях. «... От бесед с литераторами и чтения журналов определенно веет затхлостью злейшей „кружковщины“, — читаем мы в его статье „О пользе грамотности“, — вредной замкнутостью в тесных квадратах групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в „командующие высоты“. Это особенно характерно в таком учреждении, как „Леф“, где несколько самохвалов пытаются смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 323).
- ¹¹ Колоколов Николай Иванович (1897—1933) — советский писатель, журналист, работал в газете «Рабочий край» в Иванове-Вознесенске. После выхода первого романа Колоколова «Мед и кровь» Горький помог писателю переехать в Москву, где он стал работать в журнале «Наша жизнь». Отзыв Горького о романе «Мед и кровь» см.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 133. Письмо Горького Н. И. Колоколову см.: Лит. наследство. Т. 70. С. 223.

Б. Бялик

О СТАТЬЕ М. ГОРЬКОГО «ВСЁ О ТОМ ЖЕ»

Написанная в 1929 г. статья М. Горького «Всё о том же» заняла особое место в его литературно-критическом и публицистическом наследии. Это — единственная из его статей последнего периода жизни, оставшаяся ненапечатанной и появляющаяся в полном виде только теперь (из нее в разное время публиковались лишь небольшие отрывки). Весьма примечательна история ее создания, во многом определившая ее дальнейшую трудную судьбу. Здесь не все еще до конца ясно, но уже о многом можно и должно рассказать.

В последнее время мы часто — и с полным правом — говорим о важности восполнения пробелов, образовавшихся за ряд лет в освещении нашей литературы XX в. При этом мы обычно имеем в виду писателей, которые оказались в эмиграции, и их произведения, подвергнутые гонениям и запретам. Между тем забытыми или полужабытыми стали не только такие писатели и не только

такие произведения. В какой-то мере это относится даже к наследию М. Горького. Правда, в данном случае речь должна идти не о художественном творчестве, а о части горьковских оценок писателей-современников. Однако и эти «белые пятна» весьма существенны: речь идет об оценках тех писателей, которые были после смерти М. Горького незаконно репрессированы и как бы «вычеркнуты» из советской литературы. Долгие годы не перепечатывались и горьковские отзывы о них, оказавшись также «вычеркнутыми» из его наследия. Это положение, создававшее одностороннее представление о литературной позиции М. Горького и широко использованное его «доброжелателями» за рубежом (к сожалению, такие «доброжелатели» есть и в нашей литературной среде), было исправлено не сразу, даже не сразу после того, как к оклеветанным писателям пришла позднее — слишком поздно! — реабилитация. Это положение не может считаться вполне исправленным и в наши дни.

Стали поистине крылатыми слова Л. Леонова: «Без преувеличения можно сказать, что все мы, нынешняя литературская генерация, выпорхнули на свет из широкого горьковского рукава»¹. Забота Горького распространялась не только на эту «генерацию», о чем свидетельствует хотя бы та часть его переписки, которая опубликована в 70-м томе «Литературного наследия»: с М. Пришвиным, К. Фединым, М. Шолоховым, Б. Пастернаком, М. Зощенко, А. Платоновым и многими другими советскими писателями разных поколений. Как проявлялась горьковская забота? По-разному. К примеру, М. Шолохов сообщил Горькому о своих трудностях, о том, что не пропускают в печать шестую часть «Тихого Дона», где рассказано о перегибах, допущенных по отношению к казачеству. Горький добился опубликования шестой части романа без изъятий. Доступны читателям и разбросанные по разным изданиям отзывы Горького о писателях с очень сложными, несправедливо для них сложившимися судьбами, например о М. Булгакове (горьковская активная поддержка сыграла решающую роль в разрешении к постановке таких пьес Булгакова, как «Бег» и «Мольер»). Доступны читателям и многие другие горьковские суждения подобного рода. Многие, но не все.

Когда в 1928 г. старый и уважаемый писатель сказал о поэтах М. Герасимове и В. Кириллове: «Погибли», — Горький резко возразил: «Столь суровое заявление уже не критика, а что-то похожее на „смертный приговор“. Я нахожу, что так швырять людей нельзя»². Не менее решительно он выступил вскоре в защиту несправедливо обруганной «Копармии» И. Бабеля: «Нас вовсе не так много, чтобы мы могли беззаботно отталкивать от себя талантливых и полезных людей»³. Горький не раз критиковал творчество и общественное поведение Б. Пильняка, но он не согласился с таким отношением к нему, которое «как бы уничтожает все его заслуги в области советской литературы»⁴. Он посвятил защите Пильняка целую статью «О трате энергии», — к ней еще надо будет вернуться.

Пока следует отметить, что, разумеется, не все горьковские оценки были верными и точными — этим грешили и его великие предшественники. Но Горький умел признавать свои ошибки. Дав в «Литературных забавах» слишком резкую, отрицательную оценку поведения П. Васильева, Горький менее чем через месяц, в июле 1934 г., опубликовал открытое письмо П. Васильеву, где выразил уверенность, что он отнесется более серьезно к своему «недюжинному дарованию» и войдет в советскую литературу «как большой и своеобразный поэт». В открытом письме говорилось: «...как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово, то тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше его, а часто — хуже...»⁵. Перепечатывая «Литературные забавы» в журнале «Литературная учеба», Горький сопровождал их своим открытым письмом к П. Васильеву. Но в дальнейшем они воспроизводились без этого письма, которое на долгие годы исчезло из печати и из поля зрения читателей. Исчезли из их поля зрения и его выступления в защиту Бабеля, Пильняка и «всех других проклинаемых и проклятых», как он выразился в одном из набросков к статье «Всё о том же», назвав при этом Е. Замятина и М. Булгакова.

Вернемся к статье «О трате энергии». В ней Горький выступил в защиту не только одного писателя. Мы читаем: «...речь не только о Пильняке. Я всю жизнь боролся за осторожное отношение к человеку, и мне кажется, что борьба эта должна быть усилена в наше время и в нашей обстановке, когда и где начинается перерабатывать действительность новый человек, выдвиженец из массы, и вместе с ним человек, который хочет идти плечо к плечу с передовым отрядом массы, с ее творческим активом. Достаточно ли осторожно относимся мы к этим людям, достаточно ли умело ценим их работу, способности и не слишком ли сурово относимся к их ошибкам, к их проступкам?.. Умеем ли мы воспитывать помощников, вести за собою попутчиков? Мне кажется, не умеем. Хвастливые заявления о том, что „обойдемся и без попутчиков“, неубедительны. У нас образовалась дурацкая привычка втаскивать людей на колокольную славы и через некоторое время сбрасывать их оттуда в прах, в грязь».

Далее в газетном тексте (при перепечатке статьи в сборниках это место выпало) следовало: «Не стану приводить примеров столь неленого и жестокого обращения с человеком, примеры всем известны. Но если необходимы примеры, укажу на отношение к Сейфуллиной, Романову, Бабелю, Герасимову и многим другим». Статья кончалась словами: «Конечно, найдутся люди, которые скажут, что я проповедую либерализм, „примиренчество“. Это будет ложь. Та единственно подлинная справедливость, которую внедряет в жизнь рабочий класс наш, примиренчество не приемлет, и не может, не должно принимать. Я говорю о необходимости экономить трату энергии единиц и о необходимости развивать, воспитывать эту энергию в интересах рабочего класса»⁶.

Это пояснение не смягчило ярости тех, кто решил возразить

М. Горькому, — можно сказать, что оно, напротив, подлило масла в огонь. Вообще нельзя не поражаться резкости и обилию нападок на статью «О трате энергии», — ведь все это происходило сразу же вслед за тем, как приехавшего в 1928 и 1929 гг. из Италии писателя (он окончательно вернулся в 1933 г.) восторженно встречала вся страна. Первым критическим откликом была появившаяся в тех же «Известиях» редакционная статья «Советская общественность против пильняковщины». М. Горького редакция не называла, по ее заявление о том, что в борьбе против Пильняка и пильняковщины дается «отпор враждебным силам», а вовсе не ведется «травля», — это заявление прозвучало как признание, что публикация статьи «О трате энергии» явилась ошибкой газеты. Еще более ясно это было из утверждения редакции, что в поведении Пильняка нашла яркое выражение «кулацко-буржуазная идеология» и что «правы были писательские организации, наиболее заинтересованные борьбой с пильняковщиной», когда «категорически отмежевались» от него как от «классового противника»⁷.

Какие писательские организации противопоставлялись Горькому, возразившему против слишком суровых политических обвинений Пильняка, и ставились ему в пример? Таких организаций было немало, например объединение сибирских пролеткультовцев, потребовавших выслать Пильняка из СССР, и ассоциация пролетарских писателей Иванова-Вознесенска, которая вынесла по поводу статьи «О трате энергии» специальную резолюцию: «Поведение Пильняка ни в коем случае не заслуживает оправдания со стороны кого бы то ни было. Статья Горького в защиту Пильняка... дает лишнее орудие в руки врагов пролетарского государства. Волну общественного возмущения против Пильняка Горький отождествляет с торжеством обывательщины. Видя в Пильняке только „человека“ и не видя в нем классового врага, Горький, отменяя от себя название примиренца, объективно становится им»⁸.

Нельзя сказать, что М. Горький оказался в те дни в одиночестве, что никто не захотел поддержать его, — в его архиве сохранились письма к нему, полученные из разных мест страны. Вот что написал ему по поводу указанной резолюции один из сотрудников иваново-вознесенской газеты «Рабочий край»: «...присоединяясь к самой отрицательной оценке поступка Пильняка, считаю, что нужно вести самую жестокую борьбу с той „литературной чернью“, которая, как и во времена Пушкина, старается на каждом скандале нажить себе политический капитал. Такая публика не только не отражает линии партии и не способствует строительству культуры социализма, но, примазываясь к ней, приносит несомненный вред»⁹. Характерно и письмо Таисьи Тулиновой — литератора, связанного с журналом «Наши достижения»: «...большое Вам спасибо, Алексей Максимович, за Вашу защиту человека! Как нуждается он в защите и как дорог Ваш призыв и Ваше предостережение!»¹⁰.

По сравнению с «волной возмущения против Пильняка» и против горьковской статьи «О трате энергии» отличалась определенной сдержанностью появившаяся в «Правде» статья И. Беспалова. Не соглашаясь со словами Горького о том, что «за свой поступок Пильняк получил слишком суровое возмездие», Беспалов одновременно критиковал слишком резкие суждения о Пильняке — он писал, что требование «выслать» его из СССР «не будет поддержано советской общественностью»¹¹. Видимо, именно это выступление имел в виду Горький, когда писал в статье «Всё о том же»: «... „Правда“ высказалась по этому поводу совершенно определенно, и после ее статьи следовало бы „дело о покушении гражданина Б. Пильняка разрушить Союз Социалистических Советов“ производством прекратить...».

Оговорка «видимо» вызвана тем, что не исключено и другое: М. Горький мог написать статью «Всё о том же» тремя месяцами позднее, после появления в «Правде» того постановления ЦК ВКП(б), о котором речь пойдет ниже. Но более вероятно, что Горький ссылаясь на выступление Беспалова. В пользу такого предположения говорит и упоминание о статье председателя ВОКСа Петрова, и то, что в статье «Всё о том же» речь идет о дальнейшем раздувании «скандала», вряд ли возможном после постановления ЦК: «...скандалом обрадованы различные бойкие ребята, они раздувают его, рассматривая скандал как трамплин, который позволит им подпрыгнуть выше, выскочить на видное место». И действительно, выпады против Горького не только не утихли, а приобрели новую остроту, особенно у сибирских пролеткультовцев. У них были особые счеты с Горьким: еще в июле 1929 г. он осудил их идейные и литературные позиции в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры».

Обосновывая важность обозначенной в заглавии задачи, Горький писал, что огромную работу по индустриализации страны и коренному преобразованию сельского хозяйства наш пролетариат осуществляет при очень тяжелых условиях — «при наличии бюрократической канители, равной саботажу», при «некультурности, которая выражается в пьянстве, прогулах, хулиганстве, в небрежной работе, плохом качестве продукции», при том, что «наш рабочий класс принял от буржуазии технически нищенское оборудование фабрик и заводов, изработанные машины» и т. п. Но Горький видел не только такие факты. Он утверждал, что «при всех этих тяжелых условиях страна все-таки растет и все-таки движется вперед с быстротою, изумляющей каждого честного и непредубежденного человека». Дальнейший подъем страны во многом зависит от воспитания новых мастеров культуры, а такому воспитанию «наиболее успешно содействуют» две силы: искусство и наука. Вот почему Горький направлял острие своей критики против тех, кто пытался принизить значение этих сил. Он писал: «У нас в области оценок воспитательного значения художественной литературы не все благополучно. Особенно заметно это в провинции. Вот пример: редактор „Советской Сибири“, краевой

газеты, Курс — бывший анархист, как мне сказали, — организовал гонение на художественную литературу, и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявил, что „художественная литература реакционна по своей природе“. Это, конечно, провинциальное истолкование теории покойника „Лефа“. . . Далее: при газете организована литературная страница. Но некий товарищ Гиндин заявляет литкружку: „Партия и Советская власть не для того дали бумагу, чтобы печатать на ней стихи и рассказы“. Литературная страница ликвидируется. . . Люди эти не знают или забыли вполне определенное отношение к художественной литературе В. И. Ленина, Маркса, Энгельса и многих наших большевиков, организаторов партии, ее духовных вождей. Забыли они и майскую резолюцию ЦК партии в 1925 году».

В этой связи М. Горький подверг критике и статью И. Ломова «Пятилетний план беспартийного культурничества»: «Как всегда в статьях молодых критиков, в этой статье весьма много цитат, и все они доказывают, что Госиздат, печатая классиков, делает дело, вредное для рабочего класса. Кроме цитат, в статье нет ничего, что исходило бы непосредственно из опыта автора. А мне кажется, что автору следовало бы знать еще что-нибудь, кроме цитат. Например, отчеты библиотек, — в этих отчетах цифры говорят о положительном отношении рабочей массы к литературе старых писателей. Едва ли товарищ Ломов сумеет доказать рабочему вред для него, например, „Бориса Годунова“, „Мертвых душ“, „Крестьян“ Бальзака, „Мужиков“ Чехова, „Мещанского счастья“ Помяловского, „Деревни“ Бунина и еще полсотни или сотни таких же правдивых повестей о недалеком прошлом. . . Обилие и неосновательность слишком субъективных оценок товарищей Ломовых, Панкрушинных, Гиндиных только усиливают словесный хаос, анархизируют движение по прямой и кратчайшей к определенной цели — к воспитанию из рабочей массы мастеров культуры»¹².

«Откликнувшись» на статью М. Горького еще в № 5—7 журнала «Настоящее», сибирские пролеткультовцы вернулись к ней в следующем номере того же журнала, опубликовав текст речи, произнесенной А. Курсом 12 августа 1929 г. на литературном совещании при агитпропе Сибрайкома ВКП(б). В этой речи выступление Горького было поставлено в связи со многими «правыми», «буржуазными», «кулацкими» явлениями в литературе. К ним А. Курс отнес «дикое заявление А. В. Луначарского» (в защиту «попутчиков») и ряд произведений Сергеева-Ценского, Сельвинского, Всеволода Иванова (он был назван «мистиком») и др. Даже ВАПП уличался А. Курсом в том, что он «нередко делал уступки классовым врагам, таким, как Эфрос, Пильняк, Замятин»¹³. Однако главное наступление на Горького сибирские пролеткультовцы стали вести после появления его статьи «О трате энергии».

В газете «Советская Сибирь» была опубликована (за подписью «Журналист») статья «Затраченная энергия М. Горького». При-

ведя в эниграфе слова Горького из статьи «О трате энергии»: «Конечно, найдутся люди, которые скажут, что я проповедую либерализм, примиренчество. Это будет ложь», — «Журналист» заявил: «Нет, Горький, — сказать, что вы проповедуете примиренчество, не будет ложью. . . Вы, Алексей Максимович, убежденный и сознательный примиренец. Примиренец, так сказать, в международном масштабе. . . Нельзя не отметить, что у вас „влечение — род недуга“ к защите малосоветских элементов. . . каждый раз, как вам приходится выступать в печати, вы подражаете Ромену Роллану и становитесь „над схваткой. . .“». Сопоставление с Р. Ролланом показалось «Журналисту» настолько убийственным, что он повторил его в следующей характеристике выступлений Горького (она даст особенно отчетливое представление об уровне и тоне статьи «Советской Сибири»): «От всех этих выступлений веет каким-то демагогическим пуританством швейцарских кальвинистов типа Ромена Роллана»¹⁴. Одновременно журнал «Настоящее» напечатал подписанный инициалами «А. П.» «Редакционный блок-нотт», где вернулся к статье Горького «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры»: «Для нас совершенно очевидна скрытая сущность этого выступления, являющегося наглым вынадом группы литераторов (С. Марков, Зазубрин и др.), скрывающих свое подлинное реакционное лицо за спиной М. Горького». Развивая эту мысль, «А. П.» не стеснялся в выражениях: «гноусное обвинение», «наглая подтасовка» и т. д.¹⁵ Как уже сказано, в этом же номере «Настоящего» была обнародована и августовская речь А. Курса.

Чтобы стала более ясна позиция сибирских пролеткультовцев, следует отметить, что цитированный журнальный «Блок-нотт» был посвящен М. Горькому лишь в своей первой части (она имела громкое заглавие: «Сибирский пролетариат протестует»), а его вторая часть посвящалась М. Шолохову и была озаглавлена: «Почему Шолохов понравился белогвардейцам». Начиналась эта часть так: «Когда вышел роман Шолохова „Тихий Дон“, — все его хвалили. Даже Пильняк. Пильняк, между прочим, хвалил за то, что Шолохов работает под Толстого. Это правило Пильняку. Но неумеренное всех хвалил т. Серафимович». Называя роман Шолохова «кулацкой эпопеей», «А. П.» направил огонь против. . . классиков: «Шолохов был примерным учеником. Он очень неутомимо и усердно учился у классиков. . . Имея самые лучшие намерения, Шолохов объективно выполнил задание кулака. Конечно, нельзя полностью приписывать кулацкое грехопадение Шолохова некритической учебе у классиков. Но некритическая учеба способствовала этому грехопадению»¹⁶.

То, что в одном и том же пролеткультовском «Блок-нотте» одновременно обличались Горький и Шолохов, не было случайным. Доказывая в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры» необходимость учиться у классиков, Горький относил к их самым ценным чертам обилие «содержания, наблюдений и знаний» и «словесное изобразительное мастерство, то есть

как раз все то, чего еще нет и пока не может быть у большинства молодых писателей вследствие их малого знакомства с техникой литературной работы». Вслед за этим Горький писал: «Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока еще — единицы. Но, как мы видим, рабочий класс совершенно правильно оценил их достоинства художников слова»¹⁷. Таким образом, вторая часть «Блок-нотта» непосредственно продолжила первую: удар пролеткультовцев по классикам советской литературы был неотделим от их удара по русской классике прошлого века.

25 декабря 1929 г. ЦК партии принял постановление (оно было напечатано 26 декабря в «Правде»), в котором назвал выступление «части сибирских литераторов» против М. Горького «грубо ошибочным и граничащим с хулиганством», в корне расходящимся с «отношением партии и рабочего класса к великому революционному писателю тов. М. Горькому». Надо думать, что появлением этого постановления (а оно содержало и ряд организационных выводов, в частности освобождение Курса от поста редактора «Советской Сибири» и «Настоящего») объяснялся отказ Горького от опубликования статьи «Всё о том же». Так или иначе, его отказ не означал никакого отхода от позиции статьи «О трате энергии». В 1931 г. Горький включил статью в свой сборник «Статьи о литературе и литературной технике», а затем включал ее в два издания сборника «О литературе». Она была напечатана и в 3-м издании этого сборника, вышедшего после смерти Горького, но позднее уже не появлялась ни в его 30-томном Собрании сочинений, ни в других изданиях, что произошло и с рядом других его статей и писем.

Прямое продолжение и развитие некоторых мыслей статьи «О трате энергии» можно видеть в его опубликованной в конце 1930 г. статье «О литературе» (характерно, что в сборнике «Статьи о литературе и литературной технике» Горький поместил рядом три названных статьи: «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», «О трате энергии» и «О литературе»). В статье «О литературе» сказано: «Есть что-то комическое в боязни учебы у классиков». Повторена здесь и очень важная для Горького мысль: «Крайне странно и очень печально видеть, что споры людей, единомыслящих в главном, ведутся тоном враждебным, перенасыщены грубейшими личными выпадами и что в спорах этих отсутствует чувство товарищества, сознание единства главной линии». Продолжил Горький и защиту писателей, на которых накидывались сибирские пролеткультовцы и другие его оппоненты: «Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексеева, Юрия Либедицкого, Шолохова и десятков других авторов — вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны»¹⁸.

Мысль о том, что в слишком озлобленных литературных спорах «отсутствует чувство товарищества, сознание единства главной линии» (эта мысль, к сожалению, еще не совсем устарела), М. Горький повторял неоднократно. Например, он писал 30 сен-

тября 1930 г. А. Б. Халатову: «Кружковщину, дробление на группы, взаимную грызню, колебания и шатания я считаю бедствием на фронте литературы... Все спорщики именуют себя марксистами и, казалось бы, давно должны выработать единую линию поведения. Воронский, Полонский, Переверзев, Беспалов — „Перевальцы“ устранены с поля битвы. Меньше всех заслужил это самый талантливый Воронский, если он вообще заслужил остракизм... Следовало бы созвать что-то вроде конференции из представителей всех марксистских литгрупп и кружков, созвать и вменить им в обязанность договориться до единства. Если — они действительно марксисты, так это значит, что *основная их линия — едина*. Стало быть, расколы, раздоры и развалы идут по боковым, по второстепенным линиям. Стало быть, договориться можно и должно, и необходимо»¹⁹.

В этих словах Горького выразилось осознание им морально-политического единства основной части советских писателей — осознание, получившее подтверждение в постановлении ЦК партии от 23 апреля 1932 г. Но этому постановлению противоречили все те проявления культа личности Сталина, которые раскалывали советскую литературную среду и обрекали многих ее представителей на шельмование и гонения. Горький писал в статье «Всё о том же»: «Я нахожу, что у нас чрезмерно злоупотребляют понятиями „классовый враг“, „контрреволюционер“ и что чаще всего это делают люди бездарные, люди сомнительной ценности, авантюристы и „рвачи“...». Горький не мог предвидеть, к каким страшным последствиям приведет позднее отмеченное им злоупотребление политическими обвинениями. Не мог он предвидеть и того, что многие его предостережения и многие его попытки защитить талантливых и честных людей от расправ будут на долгие годы как бы забыты, в сущности, скрыты от новых поколений читателей. Наша задача — восполнить эти и подобные им пробелы. Публикация статьи «Всё о том же» — важный шаг на этом пути.

¹ М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 73.

² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 324.

³ Горький М. Письмо к Буденному С. // Правда. 1928. 27 нояб.

⁴ Известия. 1929. 15 сент.

⁵ Лит. газ. 1934. 12 июля.

⁶ Горький М. О трате энергии // Известия. 1929. 15 сент.; О литературе. 3-е изд. М., 1937. С. 48—50.

⁷ Известия. 1929. 17 сент.

⁸ Лит. газ. 1929. 30 сент. (Информация об общем собрании ассоциации пролетарских писателей Иваново-Вознесенска).

⁹ Нитобург Л. В. Письмо к Горькому от 4 октября 1929 г. // Архив А. М. Горького. КГ-п-54-2-3.

¹⁰ Тулинов Т. Л. Письмо к Горькому // Архив А. М. Горького. КГ-пп/а-23-56-2.

¹¹ Беспалов И. Литература и политика // Правда. 1929. 18 сент.

¹² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 25. С. 40, 42—43.

¹³ Настоящее. 1929. № 8/9. С. 26.

¹⁴ Сов. Сибирь. 1929. 22 сент.

¹⁵ Настоящее. 1929. № 8/9. С. 1.

¹⁶ Там же. С. 1.

¹⁷ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 43—44.

¹⁸ Там же. С. 261, 259, 253.

¹⁹ Архив А. М. Горького. М., 1964. Т. 10, кн. 1. С. 216.

М. ГОРЬКИЙ. «МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН»
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК»
(1898)

1

Зима появилась как бы для того только, чтобы произвести переполох среди гг. судопромышленников и иных людей, прикосновенных к воде. Заявив о своей близости, она отступила куда-то за угол будущего, и вновь на место ее встала осень, что, впрочем, читатель и без меня знает. Он знает также и о том, что скоро зима возвратится, а вместе с нею придет время, когда он не будет знать, куда ему деваться от скуки жизни и при помощи каких средств совершать привычное ему убийство времени.

По обыкновению — он завинтит и изредка будет взвинчивать себя до интереса к политике, предпочитая внутренней — внешнюю, ибо разговор о внешней политике помимо того, что ни к чему не обязывает, еще и позволяет свободно фантазировать.

Затем читатель для развлечения будет посещать приятеля, но и две пустые души от соприкосновения ничем не наполнятся. Будет он также пить, в театр ходить, «кобеля топить». . . и за всем этим будет ныть о том, что ему скучно жить. Да, еще он будет посещать клуб и там. . . тоже обрящет тоску, ибо — как сюртук и пиджак есть одеяние тела, так равно скука и тоска есть буднич-ный костюм душ наших, костюм, хотя и поношенный и затрепан-ный, даже немножко грязный, но кренкий и, пожалуй, приличный костюм. Ведь, в сущности, главное назначение костюма — прикрывать наготу, тоской же нагота и пустота души прикрывается удобно и даже, порой, красиво.

Зимнее существование читательницы еще более трагично; ей еще труднее заполнить чем-либо пустыню души своей, в коей, однако, удобно произрастет один злак ядовитый, именуемый — слезня. . . Есть на свете книги. . . но, во-первых, мало интересных для читателя, а во-вторых, одними книгами жизнь не заполнить, единым хлебом сыт не будешь, нужно и говядинки немножко. . . Нужно общение с подобными себе. . . а для этого нужна почва и материальная и психическая, у нас же для общения в широких размерах не только психической, но и материальной почвы нет — ибо наши клубы. . .

О клубах много уже говорено и много о них будет сказано. . . Что есть клуб? Клуб есть учреждение, неприступное ни для чего иного, кроме карт и выпивки. Вот что говорилось о клубах и говорилось основательно.

Кстати: в городе поднят вопрос: — нужен ли третий клуб? Вопрос простой, и разрешается он быстро. Если два существующие клуба не могут быть упорядочены до степени общественных

собраний, в которых как мужчины, так и женщины могут проводить время прилично, приятно и не без пользы, — нужен третий клуб, который мог бы удовлетворить именно этим условиям. Если же реорганизация существующих клубов в указанном направлении возможна — третий клуб является излишним. Но чего, собственно, требует обыватель от клуба и насколько сам он в состоянии удовлетворить эти требования? Ведь в сущности человек красит место — вот чего не надо забывать. Свободный и безопасный доступ женщинам, беспритязательные и в то же время умные развлечения, все это возможно. . . при искреннем желании мужчин, чтоб все это стало возможным. Но — для этого нужно перестать расстегиваться нараспашку и не следует в пьяном виде наступать дамам на шлейфы и на ноги. Нецензурные слова следует изъять из публичного обращения, амурные поношловения — без поощрения со стороны дам — тоже следует считать делом предосудительным. . .

Но прежде всего — нужно сильно пожелать иметь то, что желаешь иметь, и хотя это истина азбучная — повторить ее для напоминания читателю, скучающему от пустоты жизни, — никогда не излишне. . . (№ 285, 17 октября).

2

Поговорим о музее и о медалях, ибо, по словам председателя комитета музея, «вопрос о медалях не так прост». Прежде всего — что такое медаль? Медаль есть вещественный признак славы, потому что поэтом сказано:

Что слава? Слава есть из золота
Медаль на шею у купца.

Нужна ли медаль? О, разумеется, потому что люди жаждут славы. Но в какой, собственно, форме должна быть выбита медаль? Я полагаю — в разных формах, потому что народная мудрость говорит «по Сеньке — шапка», стало быть, нужно, чтоб у каждого Сеньки была своя оригинальная шапка. Значит — для каждого музейного человека должна быть выбита отдельная медаль. Поэтому строителям музея следует выбить медаль из железа тех скреплений, которые были назначены для поддержания музея в вертикальном положении и для того, чтобы остановить упрямое стремление потолков пасть на землю, или стен — разойтись на все четыре стороны. Известно, что эти скрепления оказались негодными для назначенной им роли — вот им новое назначение.

На медалях в честь строителей следует выбить соответствующую надпись о истинных их заслугах, например:

«За трудолюбие и искусство, обнаруженные при расстройстве древней Дмитровской башни».

Разумеется, нужно дать медаль А. А. Карелину, человеку, который больше всех других поработал для музея. На медали его следует выбить:

«А. А. Карелину за обильные пожертвования в пользу музея».

Но так как каждая медаль, по заявлению г. П. И. Лелькова, имеет и обратную сторону, — на обратной стороне медали г. Карелина следует добавить:

«Которые он, рассердившись на город за непослушание ему, Карелину, взял обратно». В таком же духе сделать надписи и другим музейным деятелям.

Ну вот, «не простой» вопрос о медалях исчерпан вполне и глубоко. Пойдем дальше.

«Музей пустует», справедливо — увы! — неопровержимо справедливо! — заявил г. Баулин. — «Но ведь и в Петербурге музей изящных искусств до сих пор плохо посещается», — добавил он, по размышлении. Пожалуй, добавлять это излишне было и следовало лишь ограничиться установкой действительного факта. Ибо в Петербурге много музеев и если один из них пустует, то ведь другие — переполнены. Затем в Петербурге за посещение музеев не так дорого берут, как у нас. У нас на прошлый год было высчитано, что входная плата за посещение музея дает 780 р. — она дала лишь 480 р., т. е. за год в музее перебивало всего 2.400 человек и каждый день его посещало шесть человек с дробями. . . Мало! А — знаете что? — пока музей обретается в данном своем виде, не выдавать ли посетителям его тоже медали? Шестерым выдать по целой медали, а дробям человека — денежное вознаграждение сообразно стоимости той части медали, каковая надет на дробь, и на этих медалях выбить:

«Храбром нижегородцу за посещение музея, в котором нет ничего интересного, кроме риска быть пришибленным потолком одного музея» (№ 286, 18 октября).

3

Сыро, холодно, на тротуарах скользко, весь песок, которым следовало бы посыпать дорожки во время гололедицы, истреблен мечтателями и местными домовладельцами: первые на нем строят здания, а вторые — из него.

Идешь в редакцию — на тебя сыплется дождь, изморозь, извозчики обрызгивают тебя грязью; придешь в редакцию — обыватель осыпает тебя опровержениями, а местные поэты — плодами своего упорного труда. Читашь, читаешь эту, с позволения сказать, литературу и приходишь к заключению, что даже литература, которую барон Брамбеус, старый критик, обыкновенно называл «Ванькиной» и отдавал своему лакею Ивану, — и та лучше и интереснее нижегородской. . .

Господи боже мой! Откуда на земле явилось столько поэтов? Кажется, скоро редакторы провинциальных изданий, соединившись вкупе, войдут в ведомство народного образования с предложением: младенцев, кои обнаруживают склонность к версификации еще в люльке, — грамоте не учить, ибо сие — вредно, как по той причине, что эти младенцы, ознакомившись с азбукой,

тотчас же начинают оную рифмовать, а это занятие есть вид бесполезной траты общественной и личной энергии, которая, как всякий капитал, должна быть употребляема с пользой для отечества.

В редакцию ежедневно поступает не менее десяти бумажек, исписанных коротенькими строчками в виде и духе нижеследующих:

ВЕСНА

Улыбнулось, проглянуло	Стали деревья как
Солнышко на небе,	Будто б рядиться,
Оживило все от	Сбрасывать черное
Сняжки.	Платье; стали и
Забурлили, зашумели	В поле работать
Ручейки реками,	Крестьяне, братья
Пожелтела, почернела	За что им попало...
Зимняя дорога.	

Хорошо, если б за эти стихи самому сочинителю от напаша «попало».

Другой сообщает* и присылает оду на смерть бабушки:

О, бабушка моя,	Слеза моя течет,
Бабеночка, бабуся!	Как воды в дождик с крыши,
Я плачу о тебе	Но ты — на небесах,
Во веки не уймуся...	А может быть, — и выше...

Так и хочется пожелать поэту, чтоб он сам скорее последовал за своей бабушкой, воспарившей в небеса...

Еще один сообщает:

По собственной охоте,
Весь утопая в поте,
Упорен, как стихия,
Всю ночь писал стихи я...

Некто, очевидно, гимназист — кается:

Логарифмы — нам не рифмы,
Понимать не можем их мы...

И забывает о том, что это стихотворение уже помещено в рассказе Гребенки «Иоани Грозный».

Было прислано однажды и хорошее стихотворение, начинавшееся словами «Тучки небесные — вечные странники»... Но мы его не напечатали, полагая, что читатели, быть может, уже читали Лермонтова, хотя стихи и были подписаны — Ф. Кикинсов. Что же это такое, наконец? Какое-то стихийное помешательство! Просим поэтов пощадить нас... Почему бы им не читать стихи свои прямо на улицах?

* Видимо, пропуск в газетном тексте.

И — зачем вообще им писать? Им надо читать. . . Право, стихов достаточно написано, даже слишком много написано и стихов, и прозы. . . и, наконец, — господа! ведь скоро, право же, не будет больше читателей, если все мы станем писателями. . . (№ 289, 21 октября).

4

«Содержатель» гостиницы «Россия» подал в городскую управу заявление о необходимости капитального ремонта здания. Итак, нет ничего у нас, что, будучи построено в 1896 году, не требовало бы ремонта после двух лет существования. Нижегородское строительное искусство должно быть «искусство для искусства», ибо оказывается, что все, что им создается, — создается не пользы ради, а для каких-то иных целей. . . Для украшения города? Едва ли, ибо постройками казарменного типа города не украсишь. Для «разгулки» времени? Или. . . для чего же, однако? Неужели строят только для ремонта?

Так как осенний сезон помимо того, что он — сезон болезней и скуки, театров и земских заседаний, еще и сезон благотворительности — будем говорить о филантропии.

Возьмите в руки лист «Нового времени» и читайте объявления. Не нужно быть особенно внимательным для того, чтобы сразу же поразиться обилием предложений труда со стороны студентов. «Студент, студент, студент» мелькает перед вашими глазами. «Студент ренетирует по всем предметам за стол и квартиру», т. е. за кусок хлеба. «Студент-медик, знающий массаж, ренетирует по всем наукам» — и детей ренетирует, и папашу готов растирать. «Студент. . . не стесняется расстоянием» — готов, значит, хоть в Любань пешком на урок ходить. «Студент, студент». . .

И вы слышите за всеми этими предложениями готовность работать до изнурения, до полной утраты сил и физических, и моральных, — вы слышите за словами объявлений единодушный крик десятков и сотен молодежи:

— Дайте есть!

Ради крова и куска хлеба, ради возможности доучиться, люди берут на себя непосильный труд и просят за него только хлеба.

Теперь подумайте: кто эти люди? Это — будущие общественные деятели, не правда ли? Это — доктора, юристы, это — нужные для жизни, знающие люди — люди, от которых мы обыкновенно требуем энергии, энергии и энергии, неустанного труда, бескорыстия, отзывчивости на запросы жизни, света, помощи нам и снова, и всячески — энергии, энергии! . .

Если они не удовлетворяют нас, — мы их осуждаем, если мы осуждаем — мы строги, как инквизиторы, — верно? О, да, это верно! В роли судьи своего ближнего человек бесподобно жесток, и никогда он не лжет так громко, как говоря:

— Я справедлив. . .

Мы судим наших общественных деятелей без смягчающих их вину обстоятельств, без снисхождения. Но, добрый и сытый читатель, мой строгий судья, сообрази и посчитай, сколько тратит человек энергии, когда он еще студент и ищет хлеба для того, чтоб учиться? Сколько мучительной и духовной энергии тратится тогда, когда студент, «не стесняясь расстоянием», бежит за уроками, гоняется за куском, за скверным куском, ибо — при такой массе желающих есть — многие ли получают кусок хороший?

Наши «общественные деятели» из разночинцев еще в школе, когда они готовятся вступить в жизнь, растрачивают свою энергию. Вот почему, между прочим, они так малоактивны, вступая в жизнь. Энергия тратится в борьбе за кусок хлеба, — вот почему ее так мало остается для борьбы за правду, за достоинство людей.

Человек вступает в жизнь мятым и ломаным, он утомлен уже тем путем, который пройден им, хотя это только начало пути. Но какое начало!

Вы хотите иметь энергичных общественных деятелей? Помогите же им жить, пока они еще учатся, и когда они войдут в жизнь, они вам помогут. Заботьтесь о сохранении их энергии, пока она еще не надломлена, пока она есть. . .

Вот мы видим, как А. П. Чехов рисует нам хмурых, бессильных людей — Ионычей и других. . .

Жалкие люди — не правда ли? Но что вынесли эти люди, этот Ионыч, пред тем, как вступить в жизнь в качестве доктора? Этого не говорит Чехов. А ведь, может быть, Ионыч-то и есть тот студент, который, «не стесняясь расстоянием», гонялся за куском хлеба и в этой погоне потерял всю силу свою, испортил себе кровь и притупил нервы. . . Он жалок и даже гадок, но кто знает, чем бы он стал, если б вовремя получил помощь? Если б энергия, которой мы от него требуем, не была изломана и растрочена раньше, чем жизнь потребовала ее от Ионыча? (№ 290, 22 октября).

5

Странную и даже можно сказать — символическую телеграмму из Петербурга поместила вчера у себя московская газета «Курьер».

«Секретарь биржевого комитета Немиров предпринимает издание газеты, посвященной интересам купечества. Название газеты „Рассыпанная хранина“».

Это мистификация? Или же петербургские купцы заранее убеждены в том, что орган, предназначение которого — защита интересов Калашниковской пристани, действительно явит из себя «рассыпанную хранину»?

Некто объявляет в «Новом времени»: «Принимаю на себя *исправление* ученых и литературных трудов». . . Вот дошлый человек! Нимало не сомневаясь в его талантах и способности

исправлять ученые и литературные труды, — и с удовольствием приветствую его появление — оно своевременно. В наши дни столько развелось различных «трудов», требующих не только радикального исправления, но даже истребления. Наверное, этот хороший человек — он, надо полагать, и гениальный человек — не останется без работы.

Но меня смущает один вопрос. Известно всем, что есть люди, которые не прочь увидеть «исправленными» и Дарвина, и Маркса, и Толстого. Представим, что они, прочитав объявление находчивого человека, придут к нему и скажут — «а ну-ка, брат, исправь нам вот этих! . .» Что же — он исправит авторов сообразно указаниям заказчиков? Любопытный джентльмен. . .

А может быть, он под «учеными и литературными трудами» подразумевает только лишь отчеты разных кредитных учреждений и банкирских домов? Это, конечно, другое дело. . . но и тут он хорошо заработает, ибо эти произведения пера тоже очень, очень часто нуждаются в исправлении. . . Обыкновенно «труды» такого вида «исправляют» гг. судебные следователи, но — все идет вперед! И вот явился человек, который чувствует себя в силах усложнить задачу судебного следователя при изучении отчетов. . . (№ 294, 26 октября).

6

Поставленная третьего дня на сцене нашего театра драматическая оглобля, названная автором «Коромысловой башней», вызывает очень серьезные размышления. Действие этой, «с позволения сказать», — пьесы относится к XIV веку и вызывает сравнения прошлого с настоящим, далеко не лестные для наших дней. Регресс правов несомненен. Каким хорошим языком говорили в Нижнем 400 лет тому назад, каким образным языком! Каменщик, простой каменщик говорит о своей возлюбленной:

— Ведь в ней весь мир был для меня!

Найдите-ка теперь такого каменщика!

— Какое варварство! — восклицает маленький сын князя Нижегородского, из чего мы видим, что еще в XIV веке нижегородцы украшали речь свою галлицизмами, ныне же, как известно, они ее украшают по большей части ругательствами, а галлицизмы, входящие в современную нижегородскую речь, все почерпнуты из омовских шансонеток.

Хорошенькая штучка эта «Коромылова башня»! Жаль одного — автор забыл вделать в нее какое-нибудь содержание. Два первые акта проходят в разговорном бездействии и лишь в конце третьего, к общему удовольствию и публики, и артистов, г. Саблина-Дольская вместе с пьесой проваливаются под сцену. Почтенная и солидная артистка вновь явилась на сцене — чему я радуюсь, а пьеса так там и осталась — чему я тоже радуюсь.

Единственным моментом в этой башне — заинтересовавшим публику, был момент, когда несколько артистов боролись с героиней г-жи Саблиной-Дольской, желая ее живьем закопать в землю. Момент, действительно, жестоко драматический и приятный, как потому, что им заканчивается пьеса, так и потому, что мы всегда с удовольствием роем ближнему ямы и смотрим, как он туда падает. Но любителям борьбы, бокса и иных видов скулокрушения я рекомендую по праздникам ходить к Жандармскому оврагу. Там, на дне его, каждый праздник происходят упражнения в искусстве зуботычин. Дерутся там не только мальчишки. Сии юные народы дерутся не только там, а всюду, где есть место, полицией не часто посещаемое и достаточно широкое для демонстрации воинственных наклонностей: они дерутся и за лесными дворами, и за товарной станцией, около Гордеевки, и очень может быть, что они без драки просто жить не могут. Но люди взрослые, женатые, бородатые — вот кого несколько странно видеть воинствующими на дне оврага. А их там бывает не мало и дерутся они с азартом. . . Хотя до сей поры, очевидно, никто никого основательно еще не изувечил. Будем ожидать, что это случится в один из следующих праздников (№ 295, 27 октября).

7

Матвей Емельянович Башкиров так-таки и не желает платить денег за воду и пользование городскими подземными трубами. Основание у его степенства старое — «ндраву моему не препятствуй». Он, М. Е., видите ли, сомневается в правильности водомера, поставленного на его мельнице; главным образом, он сердит за то, что измерение расхода воды было произведено в его отсутствие. Если подумать над сомнениями почтенного М. Е., то окажется, что сомнения эти покоятся на его недоверии к городу. Он считает городское самоуправление способным залезть к нему, М. Е., в карман — это ясно, но хотя он сам и принадлежит к числу лиц, заведующих городским хозяйством, — однако это отнюдь не дает ему права оскорблять представителей городского самоуправления подозрениями в недобросовестности и в стремлении нарушить интересы частного лица.

Г. Башкиров последовательно демонстрирует свои подозрения против города в недобросовестности, и город поступит чересчур уж великодушно, если и на этот раз спустит г. М. Е. Башкирову его издевательство над интересами города и честью его представителей. Как и в деле по взысканию аренды с г. Миловидова, мы и в данном случае рекомендуем городской думе прекрасный принцип «бей не палкой, а копейкой бей». Подумайте, господа, что будет, если каждый из наших «степенств», вообразив себя силой неодолимой и владыкой города, станет противопоставлять резонным и законным требованиям его свое «не хочу, да и все тут», свой «ндрав»?

Отказ г. Башкирова от платы за пользование трубами мотивируется именно только этим «не хочу». Он исходит от человека, для которого 245 руб. не могут явиться суммой обременительной. Указание на то, «что де трубы существуют для благоустройства города», отнюдь не оправдывает г. Башкирова и его стремления пользоваться трубами безвозмездно. . . Что собственно говорит г. Башкиров и другие, не желающие платить за пользование трубами, указывая на то, что «трубы существуют для благоустройства города»? Что трубы назначены для отвода подпочвенных вод? Но все эти господа прежде всего должны доказать, что трубы не существуют для спуска нечистот из домов г. Башкирова и ему подобных воителей против городского благоустройства. Если такое доказательство не будет представлено — отказ платить за пользование трубами будет только упрямством. Город должен побороть это упрямство так, чтобы и другим неповадно было издеваться над его интересами. Долготерпение и милосердие — качества хорошие, но если они дурно направлены, то не принесут хороших плодов, не ожидайте!

А хиромантик-то? Преусневает! Очевидно, недаром он получил «высокой науки учение» и хорошо «предсказывает прошлое и настоящее». Вчера мы сообщили, что к нему идут и чиновник, и купец, и военный, и крестьянин для того, чтобы узнать от него настоящее и прошлое. Идут и учащиеся мужеска и женска пола.

Чиновник. . . зачем он идет к хиромантику? Что он хочет знать о себе? . . 20-е число было в прошлом и в будущем будет. В настоящем ему живется плохо, узко, тесно. 200.000 он не выиграет, ибо у него нет билета. Выиграть будет так же, как и в прошлом. Геморрой он наживет со временем. Если не женат, то женится, если женат — смиренно понесет крест свой до смерти жены. Какие ж тайны хочет он узнать, когда в этой схеме включена вся его маленькая, серенькая жизнь?

Купец идет к хиромантику по причинам ясным: по врожденной склонности к суеверию. Купец, как известно, «все может», но идут года, а он никак не может понять, что человек должен верить себе самому, а не хиромантикам и шарлатантикам. Купцу, наконец, закон не писан; он, купец, и живет лишь для подтверждения этой истины. . . Бог с ним, с купцом. . . туда ему и дорога! Очевидно — «рыбак рыбака видит издалека», и вот еще почему купец чувствует «влечение, род недуга» к человеку, который так ловко пользуется глупостью людской.

Военный? Я могу предположить лишь одно: военный забыл историю и идет к хиромантику в чаянии узнать, когда, где и у кого с кем битвы были.

Крестьянин. . . этому больше некуда идти, но так как он теперь не в моде — не будем о нем говорить. Но вы, о юноши и девы, питомцы школ наших! Вам, изучающим науки, не стыдно ходить

к безграмотному человеку с вопросами о том, как пишется *глупый поступок* — через «ѣ» или «е»? Вам не стыдно спрашивать о том, как следует сказать *мы были нелепы* в настоящем времени? (№ 296, 28 октября).

8

Зима наступает. . . но реклама цветет. Какая она всегда наивная, эта наша российская реклама, и как она. . . нелепо, чтоб не сказать сильнее, пользуется моментом. Вот, например, в «Ниве» помещен рисунок г. Медведева «Яков Петрович Полонский у себя в кабинете». Сидит покойный поэт за столом на страницах «Нивы» и лежит на столе перед ним «Нива». Это хорошо, — читатель смотрит и, может быть, подумает: «Надо выписать „Ниву“, ее вон и Полонский читал». А в журнале «Север» тот же г. Медведев помещает тот же рисунок. . . но, сидя на страницах «Севера», Полонский не имеет перед собой «Севера» и «Нивы» не имеет. Это тоже хорошо: ибо зачем же на страницах «Севера» рисовать «Ниву»? Не по-коммерчески это было бы — в одной лавочке напоминать о существовании другой, торгующей таким же товаром.

Но реклама в Саратове опередила Петербург. Там, в «столице Поволжья», некий «Василий Иванович Черешнев, узнав, что многие из его покупателей считают его и до сей поры состоящим на службе у г. Яковлева, находит нужным» напечатать в «Саратовском дневнике», «что он давно не служит у г. Яковлева и вот уже 4 года имеет собственный магазин». При этом заявлении Василий Иванович напечатал свой портрет. На портрете Василий Иванович смотрит молодцом: плечи широкие, лицо полное, глазки маленькие, одет прилично. Галстук он завязывает бантом и немножко похож по фигуре на Устевайо I-го, короля зулусов. Но — однако, зачем Василий Иванович печатает свой портрет в газете? Чтобы его, Василия Ивановича, не смешали с Петром Ивановичем Бобчинским, на которого он тоже похож. Или же он, употребляя образ свой в виде вывески, желает привлечь покупателей? (№ 298, 30 октября).

9

Скучно сидеть дома в бесконечные зимние вечера. . . в театр идти? Там тоже не весело, если там нет г. контролера спальных вагонов, а вместо него г. Яковлев строит драматическую башню или г. Евтихий Карпов показывает «Земной рай». Разумеется, не один «Контролер» способен привлечь публику в театр, ее привлекает и Роберт Ленц, и «хиромантик» — она ходит посмотреть и «Сон на Волге», и «Злую яму», и «Древнюю Москву» — человек животное всеядное. Нужно отдать справедливость директору нашего

театра: он осыпает нас новинками, и даже сам строит драмы, очевидно, не надеясь, что современные драматурги способны угодить вкусам местной публики.

Странная, однако, эта наша публика! Она охотно смотрит «Чародейку», «Девичий перенос», «Древнюю Москву» и другие подделки под исторический стиль, но на представлении такой стильной вещи, как «Сон на Волге», написанной таким художником и знатоком русского языка, каков Островский, — публики нет. Неужели она боялась уснуть, глядя на «Сон»? Помимо внутренних достоинств эта пьеса и поставлена прекрасно. А какую роскошную Волгу показал публике декоратор! Это бесконечно широкая река без мелей, перекатов, инженеров, без всего, чем она ныне так испорчена. Прекрасная река, и гг. судовладельцы лишь для того, чтобы видеть, чем она была до сотворения инженеров, должны посетить театр. Там они услышат, между прочим, как «окали» на Волге в XVII столетии. Тогда, оказывается, не говорили «какой» и «такой», а «кокой», «токой». . . Все это очень интересно. . . если только гг. артисты нашего театра не пересаливают немножко. . . (№ 299, 31 октября).

10

Третьего дня на Алексеевской улице собралась масса публики и наслаждалась бесплатным зрелищем такого характера: некий остроумец, поймав голубя, привязал к его ножке нитку и пустил его. Голубь полетел, нитка зацепилась за телеграфную проволоку, и птица повисла в воздухе. Такое чрезвычайное событие сейчас же собрало толпу народа человек во сто; рассматривая висевшую в воздухе птицу, зрители начали выражать свое дешевенькое сострадание голубю. Кто-то, сердобольный, забрался на крышу дома и, вооружившись шестом, стал пытаться перервать концом его нитку. Интерес зрелища увеличился. Каждый удар шеста по нитке причинял голубю страшную боль, вырывая ему ногу, и птица с криком трепетала в воздухе, заставляя зрителей изощряться в придумывании планов спасения голубя от мук. Это продолжалось долго, до поры, пока спаситель не надумал, привязав к концу нож, перерезать нитку. Обессиленная птица упала на тротуар. . . публика разошлась довольная минутным отвлечением от созерцания собственной духовной пустоты.

Я отнюдь не против выражения сострадания к птицам, мне даже приятно видеть, что страдания голубя вызывают сострадание людей; я, наконец, настолько верю в прогресс нравов, что склонен думать — скоро и блох бить мы будем со слезами раскаяния, с чувством глубочайшего сожаления о необходимости бить их. Я даже готов верить, что мы совсем не будем бить блох, а просто постараемся внушить им путем красноречия убеждение в безправности образа их жизни и приемов питания. И, убедив их в этом, устроим для них нечто вроде богаделен, где будем содержать их на общественный счет и на растительной пище. Картофель,

морковь, репа, брюква — вот им нища, а мы получим право гордиться мягкостью наших чувств.

Все это — отнюдь не утопия, а теория, построенная на фактах. Никто не может отрицать, что наше сострадание — чувство жалкое, нищенское, одностороннее и слепорожденное чувство. Мы лицемерим — сознательно и бессознательно, когда ахаем и охаем по адресу голубя, болтающегося на нитке в воздухе, и не видим, что на земле, рядом с нами, стоит подросток-мальчик с пудовой тяжестью на голове. Это ремесленник-мальчик, он несет кулек мела, под тяжестью которого у него глаза налились кровью и трещат шейные позвонки. Другой мальчик, от водопроводчика, сгибается под тяжестью свинцовых труб, лежащих на его плечах. Мы склонны считать собаку «единственным утешением в жизни» — как недавно заявила одна из обывательниц, заявляя в управу о своем нежелании платить налог за свою собаку — а маленькие дети в трущобах Нижнего базара и городских окраин живут неизмеримо хуже наших собак — в голоде, холоде, в грязи и разврате. Мы создаем общества покровительства животным, заботимся о лошадях, собаках, птицах, клопах и не умеем помочь не только ближнему, но даже и самим себе (№ 301, 2 ноября).

11

Спектакль в честь Л. Н. Толстого, поставленный нашим кружком любителей драматического искусства, наводит на очень печальные мысли. Кружок существует давно уже, бывали у него периоды пробуждения жизнедеятельности, затем он погружался в долгий сон и о нем подолгу ничего не было слышно. Теперь он возобновился. . . следует ли думать, что вместе с этим освежились и силы его путем отдыха прежних его членов и привлечения новых сил? Спектакль, данный первого числа, заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Играли вяло, бесцветно, не было не только ансамбля, но и красивых, сильно сыгранных отдельных сцен. А между тем мы вспоминаем те же «Плоды просвещения», исполненные силами того же кружка на сцене театра лет семь, восемь тому назад. Помним, что трагическую роль старого повара потрясающе сильно играл ныне покойный присяжный поверенный А. М. Голиков. Роль Тани исполняла Е. М. Ланина, роль кухарки г-жа Черкасова, первого мужика играл — В. В. Булычев, Вово — Г. Р. Килевейн, посланного от Бурды — Н. Н. Фрелих, все эти лица и другие исполнители прекрасно провели пьесу, очень рельефно обрисовав ее глубокий внутренний смысл. Эта пьеса требует тщательного изучения более всякой другой, ибо при небрежности изучения ее типов, при недостаточно глубоком отношении к ее основной идейной цели, она сбивается у исполнителей на шарж, и даже на грубый шарж. В основу ее положено противопоставление двух мирозерцаний, и это очень рискованное противопоставление, если оно иллюстрируется так, как в данном случае. «Плоды просвещения» в пьесе — не суть плоды

истинного просвещения, это следует помнить актерам, изображающим господ. С другой стороны — мужики не суть комические лица, введенные для оживления пьесы, а, по мысли автора, — судьи господской жизни. В этом есть противоречие, и на него своевременно указывали автору пьесы, и с этим противоречием нужно считаться исполнителям ее. Восемь лет тому назад членами кружка все это было принято во внимание, и пьеса прошла у них без шаржа; серьезно, продуманно, оставив сильное впечатление у зрителей. Теперь этого не было. . .

Затем много еще портило впечатление небрежность постановки. Неловкость режиссера, отвлекающая внимание публики от сути пьесы. Курьезное впечатление произвело и чтение стихов перед пустым экраном, и рукоплескания по направлению к этому экрану. Затем — по тексту «Крейцеровой сонаты» Позднышев должен был явиться в носках, а не в ботинках. Таких недосмотров и небрежностей было много. Наконец, сама картина возвращения Позднышева должна была стоять в анфасе к зрителям, а не в профиль. Трухачевского и Позднышеву нужно было поставить ближе к авансцене, а Позднышева лицом к зрителям, ибо он — центральная фигура картины и в нем, главным образом, — ее смысл. Повторяем — было очень грустно видеть все это как иллюстрацию недостатка внимания со стороны кружка к делу, которому он служит, и как свидетельство недостатка у кружка художественного вкуса и чутя.

Из всего сказанного, однако, не следует выводить, что мы относимся к кружку безусловно отрицательно. Нет, напротив, мы полагаем, что кружок, в том его составе, который мы видели в «Плодах просвещения», мог бы и может играть более сильно и ставить пьесы более внимательно. Он, как не раз уже мы говорили, мог бы играть глубоко симпатичную и важную роль агента просвещения при более серьезном отношении к себе и к делу.

Его участие в просветительных задачах современности — вот прекрасная цель для него, и он мог бы с успехом достичь ее путем более солидной работы и участия в спектаклях будущего народного театра. Он мог бы и теперь служить более широкой публике, если бы пожелала такого почетного служения жизни и искусству. В конце концов — мы желаем ему бодрости духа. И пусть он не забудет одну хорошую поговорку: «Плох тот солдат, который не надеется быть генералом» (№ 302, 3 ноября).

12

Два дня тому назад у нас было помещено письмо «Обывателя» по поводу нашей заметки о покушении на самоубийство проститутки в одном из местных домов тернимости.

Это славное, горячее письмо человека, верующего в людей. Он восклицает:

«Добрые и хорошие люди! Перед вами несомненно тот случай, когда вы можете сделать доброе дело. Не упускайте же его и сами

придите с помощью к тому, кто никогда не придет и не может прийти к вам!»

Поскольку нам известно, до сей поры почти никто не откликнулся на этот призыв. «Добрые и хорошие люди» у нас есть, это несомненно, но они или не слышали зова, обращенного к ним, или, быть может, они полагают, что проститутка — это есть именно та овчинка, которая совершенно не стоит выделки.

Но, господа, человек, каков бы он ни был, — всегда заслуживает внимания, и, если это прямо-таки скот, мы, при желании, всегда можем пойти в нем человека, хотя, говоря по правде, скота мы в нем ищем с большим усердием и находим его с удовольствием. Это естественно — чем хуже человек, тем удобнее мне провести между ним и мною лестную для меня параллель.

Однако данный случай с проституткой является, по верному замечанию автора письма, моментом решительным в ее жизни. Умереть — не легко и не просто, и если человек решается на самоубийство, поверьте, он всегда имеет достаточно оснований сделать такой трудный шаг, и эти основания всегда есть внутренняя трагедия, неизлечимая боль его души, отчаяние, утрата надежды жить лучше, чем он жил до решения убить себя.

Человек лезет в петлю, потому что ему тесно жить. Но его вынимают из петли и говорят ему:

— Нельзя. . .

Затем оставляют его в той же мерзкой, грязной жизни, из которой он порывался уйти. . .

Оставляют и — то человеческое, то искание лучшего, которое привело его к смерти, — должно исчезнуть бесследно под гнетом его проклятой жизни — жизни в роли «жертвы общественного темперамента». . .

Вы знаете, как живут эти жертвы? Нет, конечно. Мужчины, посещающие «веселые дома» по почам, не могут знать той тоски, которая царит там днем. Мы сделаем маленький очерк дня в этих домах.

Светает. Пьяные, скотоподобные люди, именуемые «гостями», уходят домой — этот в свою холостую квартиру, тот — к жене и детям. «Девушки», утомленные физически и подавленные нравственно, растрепанные, полупьяные, с облипавшей краской на лицах, пропитанные запахом водки, — расходятся по своим комнатам, раздеваются и ложатся спать. Иные — почти все и всегда — долго молятся пред этим; почти в каждой комнате есть образ, и часто пред ним и день, и ночь горит лампада. Сквозь занавески окна в комнату смотрит дневной свет; тяжелый, пахучий сумрак царит в комнате. . . Проходит несколько минут — раздастся тяжелый хрип, бред, вскрикивания. . . Весь дом наполняется хрипящими звуками, становится обиталищем какого-то кошмара, окна в нем завешены, всюду налито, насорено и даже воздух идовито грязен. . .

Идут часы, на улице кипит жизнь, на небе сияет солнце, люди живут и ищут своего счастья — «девицы» спят тяжелым сном без сновидений. . . Иные не спят — с измятыми лицами, с головной болью, полуодетые, с тугой тоской на лицах, они молча ходят по дому, из комнаты в комнату, одна осипшим голосом что-то поет тихо и жалобно, другая безучастно молчит, третья сидит против зеркала и смотрит на свое отражение в нем, — смотрит глазами, в которых нет мысли, но много тоски и тупого, тяжелого чувства, близкого к ужасу. Заговорят они — циничными словами — о гостях, о том, что такой-то давно уже не был — женился, что ли? — а этот опять с деньгами — должно быть, снова украл. Разговор обрывается то и дело, как гнилая нитка. . . Что делать? Спать не хочется, гулять идти нельзя без спроса у хозяйки, а она спит. . . Пьют чай или ложатся спать и долго, лежа в постели, слушают тяжелый хрип тех счастливых подруг, что могут спать.

Но вот наступает вечер. Дом просыпается. Слышен громкий голос хозяйки, она, по обыкновению, не в духе и ругает кухарку или кого-нибудь из девиц. Кренкие слова прыгают в воздухе. Тяжелая, беспричинная злоба всегда присутствует в таких домах.

Проснувшись, девицы смывают вчерашнюю краску с лиц и снова их красят. Потом, полуодетые, они садятся за стол — чай и обед дается вместе. Кормят их сытно, дают много мяса, стараясь не прожаривать его, дают кофе, рис и много крахмалистых веществ — в сущности, ведь их кормят «на убой». . . Крахмалистая пища, как доказано опытом хозяек, не позволяет «спадать» телу. Кофе возбуждает нервы. . . За столом разговаривают о ночной жизни, о той или другой циничной выходке гостя, скверно подсмеиваются друг над другом. Хозяйка «журит» свою наставу за нечеловечность, за недостаток развязности, за неумение ввести гостя в расходы, за «скудность разговора». Порой она бьет «девицу», порой хвалит ее за ловкость; поучает, наставляет, грозит штрафовать, прогнать на улицу. А уже вечер наступает, скоро придут гости, нужно одеваться. . . и снова скверная, пьяная, бессонная ночь грозит через окна наступающей темнотой. . .

Тяжело даже писать об этом, а они живут так, долгие годы живут. Бывают праздники на их улице. Такой праздник описан с потрясающей душу правдой, с гениальным трагизмом и удивительной простотой у Мопассана в его рассказе «Заведение Телье».

«Добрые и хорошие люди»! Вы слышите? В этих учреждениях, существующих для удовлетворения вашей грубой похоти, живут люди, и, если они похожи на скотов, вам, только вам они обязаны этим. Мы ничего не рекомендуем — нет лекарств для лечения язвы, именуемой проституцией, нет, к позору нашему. Но, когда одна из жертв ваших, добрые и хорошие люди, рвется к смерти ради того, чтобы изменить свою опротивевшую ей жизнь, вытащив ее из несли, помогите ей вылезть из «злой ямы». Видя на

сцене театра «Злую яму», вы не видите и половины той грязи и гнусности, которыми она наполнена в действительности. Помогите!

В нашем бездеятельном обществе есть много свободной энергии, оно не знает, куда девать ее, и часто тратит на дикие выходки. Вот прекрасная точка для приложения свободной энергии! В Казани задумано Общество помощи проституткам. Нижний, с его ярмаркой, более Казани и других городов Поволжья нуждается в нем. Существой у нас нечто подобное — женщины «веселых домов» не пытались бы изменить свою отвратительную жизнь при помощи яда и веревки. А их смерть падает на нас грехом более тяжелым, чем всякая другая смерть, ибо в конце концов это мы убиваем их, и, убивая медленной, мучительной смертью посредством удушения грязью, мешаем им умирать просто и быстро (№ 303, 4 ноября).

13

Покушавшаяся на самоубийство проститутка по требованию полиции отправлена хозяйкой заведения на родину. . .

Вот и все. Что это такое — отправить на родину? Следует полагать, что это заключительная сцена второго акта драмы. Первый акт — падение, его конец — дом терпимости. Второй акт — жизнь в доме, покушение на самоубийство, возвращение «на родину». Третий акт, не менее тяжелый, чем два первые, жизнь «на родине». Конец драмы последует в акте пятом, быть может, шестом, — дай бог, чтобы он последовал скорее. Станные мы люди и удивительно мы относимся к ближнему! Измученный той жизнью, которую мы ему уготовили, он лезет в петлю, не имея другого выхода, мы вытаскиваем его из петли и отправляем «на родину». Что же мы, собственно, достигаем таким перемещением героя драмы? Да, ничего, кроме того, что в драме нарушается «единство места», ибо что такое «родина» для проститутки, босняка, для всякого человека, выкинутого за борт жизни? У этих людей нет родины, как нет у них сил бороться с жизнью, нет друзей, ничего нет у них.

За последний месяц было два известных нам покушения на самоубийство — покушался удавиться какой-то босьяк, «от тоски, голода и пьянства», затем эта женщина, пожелавшая сократить свое медленное умирание от задушения грязью. В обоих случаях самоубийцы «спасены» и. . . «отправлены на родину». Что они будут там делать, как будут жить, какими надеждами, на какие средства? Едва ли кто-нибудь ставит себе эти вопросы. В сущности, фактом отправления куда-то на «родину», мы как будто бы говорим этим людям:

— Ступай на то место, где ты родился, и там умирай, как хочешь. . .

Или же мы предполагаем, что эта несуществующая «родина»

есть некоторая мифическая страна, где живут добрые, хорошие люди, всецело занятые лишь одним — помощью несчастным ближним и с нетерпением ожидающие их? Что там живут люди, которые не спрашивают о прошлом ближнего пред тем, как дать ему грош? Что они помогут ради наслаждения помогать? Но — ведь люди везде — люди, и где-то «там» они такие же, каковы здесь. Наверное, можно сказать, что и «там» даже умирающий человек не возбуждает сострадания, как и здесь (№ 305, 6 ноября).

14

Умилительно лицезреть великодушные поступки, и мы преклоняемся почтительно пред постановлением думы о сложении с г. Миловинова 2.225 р., присужденных с него судом в пользу города. Вот щедрый подарок и хороший пример для подражания другим арендаторам городских статей дохода! Дума установила прекрасный прецедент, коим отныне и будут пользоваться разные милые люди, обуреваемые стремлением урвать кусок от щедрот города. Думе остается поступить столь же гуманно и по поводу вновь возникшего дела с г. Череп-Сиридовичем, — взыскать с него 292 руб. в удвоенном размере и, дождавшись дня его именин, преподнести ему в виде подарка от города исполнительный лист на 585 р. 40 к. с судебными и за ведение дела издержками. Так точно следует поступить в деле с г. Башкировым о захвате городской земли и с другим г. Башкировым о неуплате денег за пользование водой. . . Чтобы они все чувствовали, как ретиво город радуется об интересах их карманов. . . Если же окажется, что таковой приятный образ действий повлияет пагубно на здоровье городской кассы — во избежание окончательного ее опустошения следует прибегнуть к таким мерам, как строгое, неукоснительное и нелицеприятное взыскание недоимок, пеня и тому подобных сумм с маленького обывателя, с человека, который никому не родня, ни с кем детей не крестил и не имеет среди лиц городского самоуправления бабушки, которая бы в трудных случаях жизни ворожила ему.

Оригинальный образец почтения к писателю придумал водочный завод Бекмана: он выпустил в продажу бутылки с водкой, изображающие бюст Тургенева. Таким образом, человек, который был не в состоянии вычитать что-нибудь у великого писателя, может ныне вышить из него водки. Для вящего остроумия гг. водочные заводчики, может быть, в скором времени выпустят водку в бюстах Толстого. Память Пушкина была уже утилизирована: один из южных заводов выпустил бутылку в форме московского памятника Пушкину и продавал в ней «Пушкинскую брусничную наливку». Милые люди! Жалкие люди. . .

Кстати вспоминается, что именем Тургенева была названа в Ростове-на-Дону улица, на которой сосредоточены дома терпимости. Это уже похоже на иронию циника — именем творца

лучших женских типов назвать улицу, в которой живут «жертвы» порока и разврата.

Жалобы на то, что мы забываем своих лучших людей, пожалуй, неосновательные жалобы, и следует сказать — к сожалению, мы помним их... имена. У нас есть собаки, которых мы зовем Мильтонами, мне была известна болопка Шелли и борзая — Негри. Мы называем кобыл Жаннами д'Арк и жеребцов — Гейне — это ли не признак популярности великих людей в нашем обществе?

Следует думать, что самые ярые враги просвещения — письмоноscopy. В самом деле, ни на кого не ложится так тяжело развитие книгоиздательства, почтовых сношений и успехов таких изданий, как «Нива». Письмоноscopy, этим маленьким, но важным слугам общества приходится возить очень тяжелые санки, но они положительно не имеют времени и возможности кататься на них. День «Нивы» и других распространенных изданий для письмоноscopy — день, в который тяжесть его сумки увеличивается чуть не до двух пудов. Он выходит из почтовой конторы в 12 часов и разносит почту до 7, даже до 9 час. вечера. Каждый из них обслуживает очень большой район и утомляется страшно.

От такого положения дел обыватель очень проигрывает, ибо даже жители Полевой улицы получают почту в 4, 5 часов вечера, а в день «Нивы» — позднее. Вообще на окраинах почта всегда получается очень поздно, в чем, разумеется, нельзя винить письмоноscopy. Петербург, например, заботясь об интересах обывателя и здоровье почтальонов, завел для них велосипеды. Одесса уже раньше сделала это, хорошему примеру хочет последовать «столица Поволжья»... Недурно бы и Нижнему, расположенному так неудобно для пешеходов, подумать над этим вопросом или хотя увеличить штат разносчиков писем настолько, чтоб каждому из них не приходилось «обслуживать» такие громадные участки (№ 306, 7 ноября).

15

Текущие дни — дни торжества трех богов — Гименея, Меркурия и Плутона, коим мы и приносим обильные жертвы. Почти каждый день и чуть ли не во всех храмах юноши возлагают на себя вкуне с более или менее молодыми девицами узы из роз и терний. Исаия ликует. Шныров доволен, гости упиваются на свадьбах вином и счастьем молодых, и в общем — время очень весело убивается, а убийство времени и есть главнейшая цель обывательской жизни. Этим мы не говорим, что люди женятся для развлечения, — напротив, у нас есть документальное доказательство очень серьезного отношения к браку со стороны наших молодых людей. Одна харьковская барышня поместила в «Южном крае» объявление о своем желании давать уроки, и вот новое «редкое и выгодное»

предложение получила от некоего «молодого человека», называющего себя «ухажором». <...> *

Видите, какой солидный молодой человек и какой серьезный взгляд на брак он исповедует? Женился, пожил с женой, не понравилась она ему, и он ищет другую, но уже не жену, а так — «на правах жены»!.. При таком взгляде на брак, пожалуй, Исаия и напрасно ликует.

В то время как Гименей вербует юношей и дев, — дети отправляются в царство Плутона. Смертность среди детей — поражающая. Третьего дня, идя на Петропавловскую улицу, мы встретили четыре детских гробика, вчера утром, идя в редакцию, — два. . . Каждый день по Всесвятскому переулку проходят трагически маленькие процессии — идет отец, неся под мышкой гроб, за ним — мать с заплаканными глазами и — все. . . Сердце сжимается при виде этих гробиков. Как много их. . .

«Довлеет дневи злоба его», по сей причине от невинных маленьких покойников переходим к живым — к слугам бога Меркурия. Дни осени — дни оживления среди литературных промышленников. «По примеру прежних лет» — гремит и воет издательская реклама. Литературные лавочки, широко раскрыв двери, заывают покупателя, обещая ему поставлять в течение года самую свежую, самую лучшую духовную пищу. Обещают всё — кроме птичьего молока, и молоко только потому не обещают, что оно никакого отношения к литературе и искусству не имеет. Дают в виде премии переплеты, рамы, даже шнуры для подвешивания рам.

Вообще — ловят человекoв на удочку рекламы, действуя на алчность подписчика и нимало не заботясь о запросах его духа. . . (№ 308, 9 ноября).

Сегодня мы помещаем на странице нашей газеты портрет С. С. Баршева. Это был неутомимый труженик на арене служения идеалам справедливости, человек, памятью о котором местное интеллигентное общество должно гордиться. Покойный Сергей Сергеевич теперь не нуждается в похвалах, как не нуждался в них при жизни; и мы знаем — теплые слова не повысят температуру могилы. Мы говорим о нем, что он был тем, чем должен быть человек — нылким, стойким, бескорыстным поборником чести, права, справедливости. Это обязательная, необходимая роль каждого из нас — он ее выполнял безупречно и имеет право на память о нем, как о хорошем человеке, несмотря на серый,

* Опущены 25 строк газетного объявления, так как его содержание передано Горьким.

тусклый колорит окружавшей его жизни и среды, он не был одним из тех нудных, хмурых людей, которых с таким трагизмом изображает Чехов и к которым мы близки — как ни горько сознаться в этом. Такие люди, как С. С., не делают истории, и история не знает их — это так: но они преданностью делу, глубоко осмысленною и освещенною огнем пылкой души, готовят почву лучшему, лучшим дням, тем дням, которые будут днями историческими. О таких людях забывают скоро, чуть только они сойдут со сцены жизни — имена и образы их тускнеют и исчезают — да! это так. Но не человек важен — важен дух человека, общий смысл стремления его. Сергей Сергеевич был честный и пылкий работник в узкой и сумрачной сфере провинциальной жизни, и заслуга его, которая не забудется, именно в том и заключается, что он сумел найти симпатичное дело и вдохнуть в него живую душу.

Помещенный во вчерашнем № нашей газеты отчет о литературно-музыкальном вечере в Канавине вызывает очень неприятное впечатление, и мы считаем себя вправе сделать устроителям вечера маленькое замечание, на которое они пусть не обижаются. Благотворительность — дело похвальное, хорошее дело — это так, но оглашать, кому именно мы благотворим, не принято, потому что подобное оглашение задевает самолюбие тех людей, на долю которых вынала грустная необходимость принять помощь.

Вообще мы не помним, чтоб когда-либо и где-либо в отчетах о благотворительных спектаклях фамилии и имена тех лиц, кому оказана помощь, печатались полностью, как это сделано в данном случае. Обыкновенно ограничиваются инициалами, но, по нашему мнению, даже и это излишне. Достаточно обиден для человека и самый факт невозможности жить личными своими силами, необходимости принять грош в помощь от другого. Зачем же непременно нужно публиковать во всеобщее сведение, что вот-де грош дан именно такому-то или такой-то? И, помогая человеку, нужно помнить, что это человек — как все, и что у него есть свое человеческое достоинство — как у всех (№ 309, 10 ноября).

17

Завтра в городском театре состоится торжественный спектакль в честь величайшего писателя нашего века Льва Толстого, слово которого слушает весь мир и которым Россия имеет счастье и право гордиться так же, как Англия гордится своим Шекспиром, Франция — Вольтером, Дантом — Италия, Испания — Сервантесом и немцы — Гете. В частности, талантам Толстого, Достоевского и Тургенева наша страна обязана тем, что уже не смотрят на нас так, как смотрели 20—30 лет тому назад — как на дикарей, замерзающих в своих снегах и неспособных к участию в работе

общеевропейской мысли. В вещи славы России нет больше таких драгоценных бриллиантов, как эти три. . .

По слухам, местное общество очень бойко покупает билеты на спектакль в честь Толстого. Это, конечно, очень естественно и понятно, но хотелось бы знать, что двигает в данном случае обществом? Интерес к спектаклю как к развлечению или же — желание почтить льва нашей литературы? В последнем случае, нам кажется, следовало бы поздравить его телеграммой. Его есть с чем поздравить и есть за что поклониться ему. Его семидесятилетие — наш праздник, и путь он узнает, что те, кого он учил почти полвека — живы духом, глубоко чтут и любят его, шлют ему свой горячий привет, верят в благотворность его жизни и силу могучего духа великого автора и надеются, что еще долго он будет волновать сердца людей громким и смелым словом истины и справедливости.

Вчера у нас помещена была заметка о деле по обвинению хозяином своей горничной в краже золотой броши. Вот дело, наводящее на очень грустные мысли о том легкомыслии, с каким мы относимся к людям, к их чести и достоинству. Семнадцатилетнюю девушку привлекают к суду по обвинению в краже, потом заявляют, что якобы украденная вещь — нашлась, и дело оканчивается оправданием безвинно заведомо подозренной. Такие дела возникают часто, всегда заканчиваются оправданием и всегда оставляют неразрешенным вопрос о том, каково было обвиненному жить под тяжестью обвинения, ожидать наказания, мучиться и плакать от невозможности доказать свою правоту, и, наконец, — кто и чем вознаградит эту девушку за тяжелые дни, пережитые ею под гнетом страха быть обвиненной без вины, под тяжестью горя, вызванного оскорбительным подозрением? На честь ее брошена тень, ее репутация подвергнута сомнению, и, может быть, неизлечимой раной в сердце ее останется на всю жизнь несправедливое обвинение. Никто не думает об этом. . . При малейшем подозрении человека тащат в суд и хотя там оправдывают его, но у хозяев при имени какой-нибудь оправданной Ланиной возникает воспоминание:

— А! эта та, что судилась за кражу брошки. . . Нет, я не найму ее. . . Может быть, она и не виновата. . . Но, все-таки.

Эх, господа! Надо осторожней обращаться с человеком, ибо он есть «сосуд скудельный» и очень легко надорвать ему душу, очень легко заставить его возненавидеть людей за их несправедливость, за легкомысленное отношение к ближнему. . . (№ 310, 11 ноября).

Вчерашний звездный дождь не оправдал ожиданий некоторых из нижегородских обывателей — звезды падали где-то там, в небесах, и хоть некоторые из них, вероятно, упали на землю, но на

грудь человека ни одна не понала. Поэтому многие люди, ожидавшие падения звезд на груди свои, теперь разочаровались, так как удовольствие хватать звезды с неба выпало на долю лишь местным любителям астрономии. По адресу же С. В. Щербакова разочарованные говорят, что он — просто злой мистификатор, дерзко позволяющий себе насмехаться над маленькими слабостями очень почтенных людей, заставляя их трепетно ожидать исполнения заветных желаний в совершенно неурочное время. Сообщая о падении звезд на землю, он должен был объяснить, что небесные звезды не имеют ничего общего со звездами из капитула и орденов, что в них нет ни красоты, ни радости. . . (№ 311, 12 ноября).

19

Вскоре закончится ремонт художественного музея, и из здания старого театра перетащат в него художественные предметы древности и нового времени. Из первых нам известны следующие: плеть, которой драли преступников, кандалы и какие-то ящички, очевидно, из-под сигар, которые курили люди каменного века. Из новых мы знаем булыжник, пожертвованный городу бароном де-Бай как образец допотопных камней, употреблявшихся для мощения улиц. Булыжник очень поучительный — при взгляде на него мы видим, что улицы мостят и теперь тем же материалом и, должно быть, так же скверно. Затем следуют разноцветные художества г. Карелина, которые он намерен отобрать у города, и 10.000 бумажек, испорченных пером и карандашом г. Микешина. Все это, быть может, весьма ценные произведения искусства, но они не заполняют музея и едва ли способны привлечь в него нижегородцев. Кому любопытно видеть плеть, которой били его предков? Мы полагаем, что городу следовало бы утилизировать помещение музея с большой пользой для местной публики и для себя самого. Этого можно достичь, и это легко достижимо путем устройства в музее выставок картин русских художников. Пусть город обратится к передвижникам с предложением показать их картины в Нижнем, пусть он обратится к другим художественным обществам с подобным предложением, к О-ву фотографов и т. д. Никто не откажется от предложения расширить его популярность. И, наконец, раз музей, есть, — нужно заботиться о том, как бы его наполнить. Город мог бы обратиться в школу барона Штиглица, к владельцам художественных галерей и к другим учреждениям и лицам с просьбой прийти к нему на помощь в симпатичном деле устройства в Нижнем хранилища произведений искусства. В кладовых Третьяковской галереи покрываются плесенью десятки произведений русских художников. И много у нас есть мест и лиц, которые при умелом обращении к ним не прочь будут поделиться с городом своими сокровищами (№ 312, 13 ноября).

Спектакль в честь Л. Н. Толстого, обставленный г. Соболевским красиво, со вкусом и с любовью к делу, не возбудил, однако, в нашей публике никаких особых чувств. Она, эта капризная, требовательная публика, тысячеголовая гидра, осталась глубоко равнодушна ко всему, что создано для нее трудом местной труппы и ее руководителя — человека, как бы там ни было, ревниво работающего для своего театрального дела и сумевшего за время своего пребывания в нашем городе оживить интерес к театру, до него очень часто изображавшему «пустыню мрачную» и потолок над ней. За г. Соболевским есть крупные заслуги — нам это тем более можно сказать, что мы никогда не замалчивали его недостатков и промахов; он показывал городу такие таланты, как Далматов, Журавлева, Агарев, Инсарова и т. д. И если в этом году в его труппе есть недочеты — он старается прикрыть их разнообразием репертуара, давая городу одну новинку за другой и тем поддерживая интерес к искусству и театру.

Отнесясь незаслуженно холодно и сухо к трудам антрепренера, публика еще более странно отнеслась и к празднику в честь Льва Толстого. Она как бы не знала, что ей следует делать на торжестве в честь гениального художника страны. Как встретить его изображение и хорошо задуманный апофеоз его славы? Заметно было в настроении ее что-то близкое к недоумению пред фактом празднества, какая-то боязнь выразить те чувства, которые она испытывала при виде той жизни и людей, которых создал художник силой своего воображения. Как будто бы Толстой и его герои явились для нее чем-то новым и неожиданным, как будто она не знала, что этот ум и сердце сотворили такую массу типов, поражающих своей жизненностью. В конце концов поведение публики возбуждает очень печальные сомнения. Знает ли она, понимает ли всю глубину и силу великого писателя, всю необъяснимость той роли, которую могуче играет он на сцене мировой жизни? И если знает, неужели способность волноваться волнением гордости за страну, создавшую такого гения, как Лев Толстой, утрачена ею? Неужели души, подавленные хламом будничных мелочей, не могут стряхнуть с себя кору равнодушия ко всему, что выше обыденных интересов? И национальный праздник не возбуждает наших лучших чувств из тяжелой дремоты, обуявшей их?

В фойе театра говорили о Толстом, и так как говорили интересно и оригинально, мы приведем здесь несколько диалогов, подслушанных нами.

Барышня и кавалер. Она, юная и, судя по количеству и форме украшений из золота и серебра, — из недр семьи купеческой. Он — оттуда же, о чем свидетельствует его раскормленный вид и тупая форма головы. Она спрашивает:

— Разве граф Толстой — крестьянин?

— Н... нет... он, кажется, помещик, — отвечает кавалер не очень уверенно.

— Но зачем же он сам косит и пашет?

— А... так... может быть, скуки ради, а может быть, — по бедности...

...Около выхода стоят два господина солидных лет и почтенных внешностей, почтенных как по костюмам, так и по объему животов.

— Не понимаю я, — говорит один, — сидит Толстой, стоит Россия — это так... Ну, а около их кто, эти вот гимназисты, солдаты и все другие?

— Родственники графа, должно быть... дети, внуки и прочие.

— Зачем же они читают все?

— Да как же? Ведь свой человек писал...

...Говорят люди интеллигентные в мундирах и с печатью... разума на лицах.

— Эта яичница, на которой сидит Андросова, земной шар?

— Очевидно...

— Гм... Почему же мир посадили на северный полюс?

— А это единственное место земного шара, где действительно царит вечный мир...

— Ну, знаете, там белые медведи кусаются...

— А вы заметили, — Африка-то — совершенно утратила свои формы?

— Ну еще бы! Сколько в нее набилось евронейцев...

— А декоратор, должно быть, англофоб... как он Соединенное королевство смазал! В оладью величиной вышла...

Еще интеллигентные люди. Он — довольно известный в городе человек, она...

— Почему оркестр не играл Крейцеровой сонаты? — говорит она.

— Не понимаю! — пожимает плечами он, — странное и непростительное опущение... Очевидно, Собольщиков забыл, что граф Толстой написал свою «Крейцерову сонату» на музыку Крейцера?

— Что это вы так путаете! — восклицает дама. — Это Бетховен написал музыку на слова «Крейцеровой сонаты» Толстого.

Наш город по справедливости может гордиться пред другими городами Поволжья такими учреждениями, как сегодняшний юбиляр — Нижегородское музыкальное общество и как кружок любителей физики и астрономии, недавно отпраздновавший свой юбилей. Созданные усилиями местной интеллигенции, эти учреждения служат — одно искусству, другое — науке, одно четверть века, другое — десять лет — с неиссякаемой энергией и очевидной пользой. За двадцать пять лет существования местного музыкального Общества под талантливым руководством неутомимого в служении гению музыки В. Ю. Виллуана Общество, насколько это было возможно, — развило в местной публике любовь к музыке, тому виду искусства, который труднее всего поддается определе-

нию его таинственной сущности и всего легче проникает в душу, облагораживая ее чарующими мелодиями, возбуждая в ней стремления и порывы к счастью, к жизни и красоте.

Целебных слез родник прозрачный!
К тебе прильнувши, дух наш пьет
Забвенье мук, скорбей, забот.
На берегу твоём сомненья призрак мрачный
Заснул среди цветов, склонив свой лик больной,
Во сне он сладким звукам внемлет
И, как ребенок, тихо дремлет
Под песню матери родной.

Так говорит о музыке величайший лирик века Перси Шелли. Да, действительно, в дивных звуках Шопена, лирика в музыке, мы находим «забвенье мук, скорбей, забот», и «сомненья призрак мрачный» дремлет под чудные мелодии нашего Чайковского. Трагический Бетховен волнует вашу <душу> волнениями страсти, возбуждает стремление к счастью, к борьбе за жизнь. Глубоко верующий Бах поднимает душу к небу, к мечтам о боге, воскрешает угасшую веру.

Как выжженная степь ждет ливня и прохлады,
Мы страстно звуков ждем, исполненных отрады,
Стремясь омыть в потоке их

наши сердца, законченные смрадным чадом жизни, желая всей душой «минутного обмана созвучий неземных с их дивною красой».

Удовлетворению этих высоких потребностей прекрасного неутомимо служило местное музыкальное Общество, и трудно подсчитать благие результаты этого стремления! Они есть, они должны быть, их много, но роль музыки в деле прогресса нравов, в деле развития личности не поддается подсчету, неуловима, хотя и громадна. Развить любовь к ней — высоко благородная задача; местное Общество выполняло ее четверть века — честь и хвала людям, которые из ничего и на зыбкой почве нашей малоразвитой общественности умеют создавать такие учреждения, которыми мы, общество, можем гордиться. А почтенный В. Ю. Виллуан в день двадцатипятилетия своей энергичной работы имеет удовольствие и счастье с гордостью сказать себе, что нет города в Поволжье и музицирующего дома в Нижнем, в котором не было бы у него ученика или ученицы, среди которых имеются и очень талантливые, как, например, сегодняшняя концертантка, пианистка, с таким успехом концертировавшая за границей и в наших столицах, В. И. Исакович-Скрябина, создание его таланта и его способности посвящать людей в тайны великого искусства — музыки, которому он служит как истинный жрец, глубоко верующий в благородную мощь своего бога (№ 313, 14 ноября).

На втором спектакле в честь Толстого публика вела себя так же, как и на первом, если не равнодушнее. Среди нее было много людей из так называемой «интеллигенции», но и они не изменили обычную физиономию публики, скучно ожидавшей развлечения, не вникая в его смысл. Не говоря уже о том, что предложение послать великому писателю телеграмму не нашло отклика в местном обществе и осталось гласом вопиющего в пустыне, — никто из публики не догадался даже вставанием почтить Льва Толстого, что было бы вполне уместно в момент апофеоза или в то время, когда на сцене Толстой думает, пишет, работает. . . Как только опустился занавес над апофеозом, публика единодушно встала, зашаркала ногами, повернулась спиной к сцене и пошла домой такая же скучная и серая, какой пришла. Казалось, что она выполнила какую-то тяжелую обязанность и уходит, утомленная, позевывая и желая скорее уснуть. . .

«Душа надобна!», говорит один из типов, созданных великим писателем, неустанно, в течение полувека могучими образами и картинами призывающим наши души к «жизни чистой, человеческой». Вчера, говоря о благотворной роли местного музыкального Общества, мы должны были бы указать на то, что в наше время оскудения духовного — роль музыки более важна, чем когда-либо. Музыка тоже будит душу, будит ласково, нежно и горячей несплю матери над больным ребенком. Возбуждая в сердце хотя смутное, но сильное стремление, она оживляет душу, смягчает ее и зовет к лучшему. В ней так много красоты, и она возбуждает желание красоты. Но самое важное и главное для наших дней это то, что она возбуждает бодрость и, как вино, веселит сердце человека. А мы разучились веселиться; давно уже мы не смеемся живым, искренним смехом, тем смехом, которым так счастливы дети, который необходим для нас и которого нет у нас, — иссяк он. Веселье становится редкостью, даже возбуждает недоумение, и если мы видим человека, который умеет смеяться, то думаем, что он уже не умеет плакать. А жизнь нуждается именно в цельных людях, в груди которых всем чувствам есть место, всякому впечатлению просторно и котор^(ые) мог^(ли) бы звучать сильным и целостным ответным звуком на «все впечатленья бытия» (№ 314, 15 ноября).

22

Чествование В. Ю. Виллуана имело характер трогательный, задушевный и в высокой степени поучительный, как яркое доказательство способности местного общества ценить и уважать хороших людей, которые служат удовлетворению духовных запросов. Гром оваций, почти не умолкавший в продолжение трех часов, масса ценных подношений, добрые, светлые улыбки, которыми встречала публика В. Ю., общий горячий тон искренности,

любви к человеку — все это заслужено В. Ю. Виллуаном и было выражено ему сильно, пылко, — именно так, как и следовало. Пусть этот вечер будет памятным ему и во всю его жизнь поддержит в нем ту бодрость духа, которая так необходима энергичному и честному сеятелю прекрасного и доброго в нашем обществе. . .

Но публика — мы снова и еще будем говорить о ней, — правится это ей или нет — но публика этот сфинкс! Как она интересна и как мало понятна наблюдателю, да и сама себе, надо думать. Ничуть не умаляя заслуг В. Ю. Виллуана, мы тем не менее не можем не видеть в отношении публики к нему ее склонности к идолопоклонству. Стоит только сравнить ее поведение в театре, на юбилейном спектакле в честь Толстого, чтоб испытать глубокое недоумение. Мы наблюдаем два ее отношения — с одной стороны, к властителю душ всего мира, к великому старцу, который борется за правду с жаром юности, только что посвященного в рыцари, с другой — к местному деятелю на почве искусства, к симпатичному и талантливому человеку. И мы видим, что в то время, как второму она дает все, что может, первому — ничего.

Как хотите, но это. . . очень занимательно и возбуждает желание понять столь. . . странный факт. Известно, что древние евреи предпочли бог<у> горне<му>, бог<у> небесных сил, невидимо<му> и далеко<му>, осязаемо<е> и видимо<е> создани<е> рук своих и, забыв о первом, поклонились последнему со всей силой страсти, со всей мощью веры, душою и умом. Они сделали это, вероятно, потому, что Иегова чрезмерно велик, недосыгаемо далек от их пустой жизни в пустынях, где они бродили голодные духовно и поглощенные интересами скота своего; Иегова не доступен был ни уму, ни чувству их. И вот они создали себе простенького бога и пред ним упали во прах, хотя он, творение рук их, был пред богом истинным, как болотный огонек пред величием и красотой солнца и пред тайной северного сияния. Люди близоруки, а когда они собираются в толпу, они почти совсем теряют способность зрения, становятся тупее, чем каждый из них в отдельности и, заражая друг друга своими страстями, волнуются, бушуют и хотя порой так создают историю, но чаще всего делают скандал (№ 315, 16 ноября).

23

Погода — вот действительно злоба дня. Зима играет с нами в прятки, является на один день со снегом и морозом, а затем снова дождь, туман, слякоть и тяжелая удушающая сырость в воздухе. Игра опасная, и особенно тяжело приходится от нее детям, лишенным возможности гулять и проводящим дни в тесных и душных комнатах наших «благоустроенных» квартир. Болезни среди детей все усиливаются, по словам докторов, а вопрос о детской больнице. . . тоже, кажется, заболел столбняком и ни на вершок не подвигается к разрешению, хотя он, в сущности, давно

уже разрешен и имеются средства к его осуществлению в сумме 60.000 р., пожертвованных покойной Л. А. Рукавишниковой.

Но факт существования этих средств сам по себе, как оказывается, является тоже вопросом, а в необходимости разрешить его лица, от которых разрешение зависит, кажется, не очень твердо убеждены.

Вообще у нас не принято торопиться с удовлетворением настоятельных потребностей, если только это не потребности собственного желудка или честолюбия.

Если б можно было подсчитать, сколько сил и здоровья губят люди, проводя вечера в тесных, душных залах общественных собраний — в театрах, клубах и т. д., где они по три и четыре часа кряду дышат густым воздухом собственных испарений, — мы получили бы поразительно крупную цифру траты физической энергии. Она не окунается теми удовольствиями, которые мы получаем, подрывая наше и без того не важное здоровье, и легко могла бы быть устранена при помощи современных знаний в области строительной техники, если б мы считались с данными науки и не были так свирепы в стремлении «на обухе рожь молотить». В управе, в полицейском правлении, во всех крупных частных и общественных учреждениях, за очень малыми исключениями, — у нас ежедневно задыхаются сотни людей от недостатка воздуха и рискуют заболеть от неимения других удобств.

Но очевидно, что служащим «так было суждено», и жизнь им дана для того, чтоб они портили ее за кусок хлеба, редко — вкусный, ибо он всегда пропитан горьким трудовым потом. Забота о сохранении здоровья и энергии служащих не в моде у предпринимателей, и всяк из них стремится лишь к тому, чтобы скорее и больше выжать жизненного сока из своего работника. Это — закон современной жизни.

Положение учащихся в наших переполненных учебных заведениях — вот положение тяжкое и необъяснимое! И если б здесь можно было произвести подсчет трат и сил организма, — мы встретились бы с ужасающей цифрой. Только подумайте: с девяти и до трех часов наши дети, скученные сотнями в старых душных зданиях, со сквернейшей вентиляцией, с низкими потолками, вдыхают своими легкими затхлый, пыльный воздух — сколько тратится ими здоровья ежедневно в течение шести часов во все учебное время? Каждое учебное заведение является, в сущности, фабрикой, приготовляющей больных людей, которые впоследствии дадут жизни поколение, еще более слабое физически. А переполнение наших школ год от года все возрастает, и ни город, ни наши благотворители не обращают достаточно серьезного внимания на этот безотрадный факт, между тем как сюда-то и должны быть затрачиваемы самые упорные усилия и самые крупные средства, ибо здоровье детей — верный залог хорошего будущего. Все это старо, разумеется, и от старости, как все, кроме

вина, становится хуже, грозит последствиями, еще более печальными, хотя уже и теперь здоровье наших детей достаточно плохо и слабо (№ 316, 17 ноября).

24

Однажды, по поводу того, что в отчете о литературно-музыкальном вечере в Канавине, данном в пользу учащихся, были напечатаны имена и фамилии тех лиц, которым оказана помощь, мы сказали по адресу устроителей вечера, что публикация имен в таких случаях нецелесообразно и неэтично, потому что «задевают самолюбие тех лиц, на долю которых выпала грустная необходимость принять помощь». Теперь некто В. С. письмом в «Волгарь» возражает нам такими положениями: «Дети *никогда* своими силами не живут, и потому для них не может быть обиден факт невозможности жить своими силами». Чувствительно благодарим г. В. С. за столь мудрое указание, хотя «никогда» — слово, в данном случае, чересчур категорическое, и, желая отплатить г. В. С. истиной за истину, мы столь же категорически говорим: «дети *иногда* и очень часто живут своими силами». . . к сожалению. Затем, если автор письма уверен, что в школе товарищи не дразнят принявших помощь печальным фактом необходимости принять ее, то что скажет г. В. С. об их родителях, которые ведь тоже приняли эту помощь? Что думает г. В. С. о чувствах отца и матери, не имеющих возможности учить детей на свои средства, как он представляет их настроение в момент чтения ими имен своих детей, ни к селу, ни к городу опубликованных г. В. С. и его единомышленниками? Пусть г. В. С. представит себя на месте этих людей.

Далее г. В. С. восклицает: «Дай бог, чтобы никто не стеснялся просить помощи в ученье!». Скромное желание. . . обнаруживающее в г. В. С. взгляд на людей ни для него, ни для них не лестный. Дай бог, скажем мы, чтоб человек никогда не встречался с необходимостью принимать благотворительную помощь и чтоб в нем всегда жила уверенность в возможности жить на счет только личных своих сил. Факт принятия помощи всегда колеблет в человеке его веру в себя — главнейший стимул жизнедеятельности и понижает его самоуважение, которое у нас и без того невысоко. «Надо, чтоб в обществе жило сознание, что подавать или получать помощь на ученье не стыдно и не обидно», — говорит г. В. С. Недурно сказано, но еще лучше будет так: надо, чтоб в обществе жило твердое сознание того, что факт необходимости для людей *просить* благотворительной помощи на ученье — позорен для общества: ученье должно быть доступно всякому по праву, а не по милости.

В одном из домов г. Гогина помещаются два городских училища. Он построен на овраге, ранее служившем местом свалок нечистот из поселка самого Гогина, из дома бывшего Моякина, из всех

иных домов, примыкавших к оврагу. Долгие годы в этом овраге стояла густая, зеленая, вопиющая лужа, потом ее завалили разной гадостью, засыпали сверху землей и построили на такой явно ядовитой почве школу. Как только в школу явились дети — они начали болеть тифом и гнилостными лихорадками, о чем в свое время сообщалось у нас. Такое явление могло служить достаточным основанием для перевода школы в другое, более здоровое место, но гг. Гогиным — везет, и школа стоит себе на гнилой почве. Далее — оказывается, что один из домов г. Гогина не оценен. Один ли? Их у него так много, они так скучены. . . Затем выяснилось, что на весь поселок г. Гогина существует одна помойная яма и город очищает ее за свой счет. Это открытие совершено на днях, и мы удивляемся тому, что оно совершено. . . Ибо гг. Гогиным вообще и во всем везет, а в городском самоуправлении существуют разные Гоги и Магоги, которые гг. Гогиным покровительствуют (№ 319, 20 ноября).

25

В заседании нижегородской городской думы 19 ноября 1898 г. произошло нечто достойное быть занесенным в летописи города — Яков Емельянович Башкиров со всей силой своего ораторского таланта защищал интересы городской бедноты. Событие исключительной важности и глубокого морального смысла! Обсуждался вопрос о помещении городского ломбарда, для чего управой предложен Обрядчиковский дом на Благовещенской площади. Яков Емельянович против этого горячо возражал.

— Господа! — воскликнул он, — собственно говоря, — это не подходяще. У бедняка и без того горе на носу, а вы его посылаете в подвал. Ведь он, подвал-то, собственно говоря, — сырой! А бедняку и без того плохо живется. Опять же — Благовещенская площадь — центральное место в городе, а гостиница «Россия», собственно говоря, лучшая в городе, в ней останавливаются знатные лица. А вы хотите, чтобы бедняки тут ходили. Зачем? Бедных людей надо жалеть. . . под ломбард можно найти помещение в другом месте. Вот, к примеру, дом мещанского общества на Нижнем базаре. Я сорок лет хожу по площади и, собственно говоря, нахожу это неудобным. Нужно пожалеть бедных. . . а вы хотите в центральном месте города ломбард устроить. . .

Он много говорил в этом духе, но дума не согласилась с оратором и, несмотря на искренность и красоту его пылкой речи, почему-то решила, что чем ближе к бедным будет помещен ломбард, тем для бедных удобнее, что они не только могут изредка посещать подвал, но большинство их, по невежеству и упрямству, всю жизнь проводит в подвалах и что, наконец, никакого в предлагаемом помещении ломбарда подвала не существует. Так протест г. Башкирова против посещения бедными несуществующего подвала и не привел ни к чему. Постановлено:

не взирая на горячую защиту бедных Я. Е.-чем, оставить бедных на волю Божию в подвалах, где они живут теперь и против которых Я. Е. не имеет ничего возразить (№ 320, 21 ноября).

26

Лекции во Всесословном клубе, против ожидания скептиков, пользуются успехом. Количество слушателей с каждой лекцией повышается, интерес к ним в обществе растет, и, несмотря на некоторые недочеты в технике дела, — дело идет хорошо. Приветствуем инициаторов его и поздравляем их. Факт того внимания, которое возбуждено в публике лекциями, очень отраден как одно из бесчисленных доказательств в пользу серьезности стремления нашей публики к самообразованию. Есть лица, утверждающие, что публика в данном случае, как и всегда, руководствуется желанием убежать куда бы то ни было от «скуки жизни» и что она в большем количестве являлась бы в клуб, если б вместо чтения лекций предлагалось пение шансонеток. Но есть публика и публика; та, которая с большей охотой идет слушать шансонетки — в духовном родстве с публикой, посещающей лекции, не состоит. И потому, нам кажется, высказанное подозрение этой последней категории публики не касается.

На обсуждении доклада г. Гусева по вопросу о непрерывности действий мельниц выяснились, благодаря любезности г. Калашникова, в высокой степени интересные вещи. Так, например, г. Калашников рассказал, что «некоторые нижегородские мельницы... останавливаются только раз в год — на Пасху», и то потому, что тогда «ремонт нужен и работают *даже* в именины хозяина». *Даже* в именины хозяина работают! Из сего заявления мы считаем себя вправе сделать такое заключение: по мнению некоторых местных мукомолов, именины хозяина мельницы есть праздник годовой!... «Здорово пущено!», — как говорит один мой приятель. Само собою разумеется, что для «хозяина» именины важнее отдыха рабочих... (№ 321, 22 ноября).

27

В ноябрьской книге «Русской мысли» помещено нигде не напечатанное стихотворение Я. П. Полонского, вписанное покойным поэтом в альбом редактора-издателя этого журнала. Стихотворение называется «Песня»:

Отчего это, братцы, и голос есть,
Да не громко поет — обрывается?..
Отчего это, братцы, и песня есть,
Да наводит тоску, словно мается?..
Где та сила, та грусть богатырская,

Что певала под гусли звончатые,
На пирах, в теремах, перед боем в шатрах?
Народится ли вновь на святой Руси
Та живая душа, тот великий дух,
Чтоб от моря до моря, по всем стенам,
Вдоль широких рек, в глубине лесной,
По проселкам, по селам, по всем городам
Пронеслась его песня, как божий гром,
И чтоб вся-то Русь православная
Из конца в конец ей откликнулась,
Откликаючись, истрепенулась? . .

Одна за другой угасают живые души на святой Руси, и место их в жизни занимают какие-то духовно неопределенные, но, впрочем, вполне реальные фигуры. . . даже, может быть, слишком реальные и материальные. Полонский был последним во времени поэтом пушкинской школы — стало быть, он был первым и лучшим поэтом среди всех остальных современных стихослагателей — имена их ты же, господи, веши! ибо легион — имя их. Теперь, со смертью Полонского, пост лучшего художника слова, выразителя идей и настроений времени — свободен. Возникает вопрос — кто займет этот пост. Ставленником «Нового времени» является один из его сотрудников — Фофанов. Это все-таки нечто знакомое публике — в свое время над Фофановым много смеялись. Затем, из тьмы прошлого выступает г. Случевский, древний поэт, над которым тоже смеялись. Но смех над уродливым стихом, очевидно, не мешает славе венчать поэтов. Смеялись и над Фетом, но, в конце концов, признали его одним из лучших русских лириков. Недавно вышли в свет шесть томов произведений Случевского, — для успокоения публики считаем нужным заметить, что в шести томах не все одни стихи, есть и проза. Эти довольно увесистые книги встречены единодушным одобрением критики, так что, должно быть, пост Полонского займет г. Случевский, что будет еще одним бесспорным признаком понижения русской поэзии (№ 323, 24 ноября).

28

Огонь, так много способствовавший к украшению Москвы, за последние годы усердно стремится к очищению Самокатской площади от грязи, скопленной там в продолжении многих лет. Человек, по мере сил, борется со стремлением огня к уничтожению всякой антисанитарной мерзости и на горах пепла от притонов, сгоревших в 1896 году, выросли другие, но уже более чистые и внутренне и внешне, что является шагом вперед и чему мы обязаны не своей энергии, разумению и совести, а почти исключительно разрушительной работе стихии. Вот теперь сгорели бани Канатовой, учреждение грязное и скандальное, приют разврата, постыдное место на ярмарке. Они, конечно, будут вновь выстроены,

но уже явятся, вероятно, не в той неприглядной форме, в какой существовали до пожара. Разве это дурно? Отнюдь нет. Поэтому — «нет худа без добра» — мы должны быть благодарны, в данном случае, огню, так как он уничтожает то, что уничтожить у нас самих не хватает ни совести, ни разума. Мы наживаем деньги от грязи, которую разводим, и она нам дорога. Вновь на пепле и золе вырастет какой-нибудь притон, но он будет уже чище. И вновь, быть может, придется ждать пожара, — он часто посещает Самокатскую площадь, где для него так же много нищи, как для нас много вредного и постыдного, — который истребил бы имеющуюся вновь народиться грязь. . .

А на ее месте опять. . .

Но уж это будет сказка про белого бычка, которая в жизни ярмарки имеет тенденцию повторяться особенно во всем том, что касается ярмарочной грязи. Выгнали Омона с его отвратительным вертепом, — на его месте выросло другое учреждение того же пошиба, но все же приносящее меньше вреда, чем Омон. Неужели же нам суждено идти по пути к улучшению нашей жизни только таким путем медленного прогресса! Но ведь «доки солнце взійде, роса очи выітьє!»! И гг. Омоны, культивирующие разгул и связанную с ним грязь, будут долго еще изощряться в способах продлить свое существование в ущерб всему, что стремится к свету, к чистоте. Мы недаром вспомнили Омона, с которым, надо думать, мы уже более не встретимся. Мы недаром заговорили о нем; он сам не хочет, чтобы в Нижнем о нем забыли. Обратившись с жалобой на нас в суд, Омон, вероятно, хотел показать нижегородцам (как будто те мало его знают), что и у него есть известного рода щенетильность, что и он способен выступить в защиту своей оскорбленной чести!

Чести!

Когда о своей чести говорит содержатель кафешантана, т. е. заведения, которое весьма недалеко ушло от известного сорта домов, которые не принято называть в дамском обществе, — невольно расхохочешься. Но когда газету тащат в суд и требуют от нее ответа за то, что она назвала вещи их собственными именами, не очень-то посмеешься, зная суровость наших законов о печати. К счастью, судебная практика вносит значительный корректив в строгости закона и темным дельцам далеко не всегда удастся найти в суде защиту против разоблачения в печати их темной деятельности. . . (№ 324, 25 ноября).

Сегодня мы печатаем портрет Николая Адамовича Фрелиха.

Кому в Нижнем не знакомо это имя скромного общественного деятеля, отдавшего более трех десятков лет своей жизни на службе

ние общественным интересам Нижнего! Кому не известно, что Н. А. — мягкий, приветливый, скромный в своих желаниях, в высокой степени трудолюбивый и работающий человек высокой честности. Кто не знает, что Николай Адамович был единственным праведником среди общего Содома и хаоса, воцарившегося в нашем городском самоуправлении несколько лет тому назад, праведником, которого не коснулась эпидемия распушенности, следы которой в настоящее время еще не заметены.

Николай Адамович — чрезвычайно исполнительный человек, работами которого держалось строительное отделение управы. Он — не человек борьбы, но тихого и скромного дела. Вот почему Н. А. был далек от политики городского самоуправления, являясь только высокополезным работником для него. Его техническая опытность и необыкновенная добросовестность создали ему репутацию превосходного архитектора, которая оправдалась на многочисленных его сооружениях общественных и частных: они прочны, крепки, никогда не посещает их пресловутый «мерулиус» и десятки лет их существования свидетельствуют, что не даром имя Николая Адамовича Фрелиха окружено таким почетом.

В думе Николая Адамовича называют «незаменимым», и бессильны против него подвохи и подходы некоторых quasi общественных деятелей, которые пытаются свалить на него свои грехи и умалить то уважение, которым он пользуется.

Дума оценила труды Н. А., назначив ему при выходе в отставку пенсию и учреждая стипендию его имени. Обыватели, имевшие дело с Н. А. как с архитектором, долго не забудут его. Мы же скажем: побольше таких общественных деятелей, как Н. А., тогда общественное дело будет в хороших, честных руках!

На юбилейном собрании Нижегородского отделения музыкального общества В. Ю. Виллуан коснулся в своей речи вопроса о распространении музыки среди низших слоев местного населения. Оказывается, что г. Виллуан серьезно завял этой мыслью, но в осуществлении ее пока ниоткуда не встречает поддержки. Наоборот, в этом отношении встречаются препятствия, которые, по-видимому, трудно преодолеть. Так, предоставление права бесплатного обучения в классах музыки не может иметь широкого применения в виду недостаточности средств у Общества. Но так как число бесплатных вакансий ограничено, то недостаточным людям доступ к обучению музыки в классах прегражден.

Но г. Виллуан лелеет другую мечту: ссылаясь на пример инспектора московской консерватории К. А. Альбрехта, ныне уже покойного, который организовывал певческие хоры среди рабочих на фабриках, в самых глухих закоулках находил певцов в Москве и ее окрестностях, г. Виллуан полагает, что подобные же хоры могли бы образоваться и у нас и, таким образом, пение распространялось бы в народе.

Мы к этому прибавим, что было бы желательно устройство общедоступных концертов для народа, которые служили бы дополнением к народным чтениям и несомненно развивали бы музыкальный вкус в народе, который любит музыку и ищет ее, удовлетворяясь, к сожалению, гармониками да шарманками (№ 328, 29 ноября).

1

Зима появилась. . . — В середине октября 1898 г. температура в Н. Новгороде была на 10—12 градусов ниже нормы, морозы доходили до 11°.

. . . тоской же нагота и пустота души прикрывается. . . — О стремлении «нужных душ» прикрыть «наготу души» внешним одеянием Горький писал неоднократно. В «Фоме Гордееве», над которым в то время работал: «. . . убеждения для них — только штаны, которыми они прикрывают виденскую наготу своих душ» (Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произв. В 25 т. М., 1968—1976. Т. 4. С. 387—388. Далее: ПСС). В «Мужике» (1900), в речи Шебуева: «Душа у них — голая, ограбленная жизнью (. . .) А желание чем-то быть, что-то представить собою — осталось. . . И вот человек натыается прикрыть наготу души своей обаянием денег. . .» (Там же. Т. 5. С. 422).

2

Фельетон написан на материале «Местной хроники» (см.: Нижегородский листок, 1898. № 285. 17 окт. Далее: Н. Л.). Обсуждался вопрос об учреждении медали в память устройства художественного и исторического музея в Н. Новгороде. Медали были обещаны жертвователям музея. Приводились слова председатели комитета музея гласного А. В. Баулина: «Музей пустует, но ведь и в Петербурге музей изящных искусств до сих пор плохо посещается. Нельзя же сразу! (. . .) Вопрос о медали не так прост». А также реплика гласного П. И. Дельцова: «А это другая сторона медали!».

Что слава? со у купца. — Перефразировка известных строк из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Что слава? — Яркая заплата. . .».

. . . народная мудрость говорит «по Сеньке — шапка». — Эту поговорку Горький использовал в «Беглых заметках» (1896), в статье «Ванькина литература» (1899) (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1955. Т. 23. С. 178, 292. Далее: СС).

. . . при расстройстве древней Дмитровской башни. — Городской музей помещался в Дмитровской башне Нижегородского кремля, которая была заново отреставрирована в 1896 г. «по всем правилам современной науки», однако уже через два года потолок и купол башни провисли более чем на четверть аршина, и городская управа приняла решение о перенесении музея «в более безопасное место». См.: Маленький фельетон // НЛ. 1898. № 227. 20 авг.

Карелин Андрей Андреевич, художник, сотрудник «Волгари». Полемике с ним Горького о новой живописи в 1896 г. см.: СС. Т. 23. С. 175—179, 193—197.

3

Эта характерная для Горького тема — насмешка над обывательской графоманией — проходит и в цикле «Между прочим» в «Самарской газете».

. . . литература, которую барон Брамбеус, старый критик, обыкновенно называл «Ванькиной». . . — См. о том же в статье Горького «Ванькина литература» (СС. Т. 23. С. 287).

«Упорен, как стихия, всю ночь писал стихи я. . .» — Графоман использует рифму Д. Д. Минаева: «Область рифм — моя стихия. И легко лицу стихи я. . .» («В Финляндии») (Минаев Д. Избранное. Л., 1986. С. 199).

4

«Содержатель» гостиницы «Россия». . . — П. К. Наумов. Гостиница построена на территории ярмарки к открытию Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г.

Для «разгулки» времени? — В 1925 г. Горький писал Ф. В. Гладкову о Г. И. Успенском: «Глеб Иванович обладал хорошим слухом и если допускал шуточки, то лишь „для разгулки времени“» (СС. Т. 29. С. 439). По-видимому, этот оборот принадлежит Гл. Успенскому, ибо Н. К. Михайловский, который очень часто прибегал к словечкам Гл. Успенского, употребил его в письме к В. Г. Короленко от 8 сентября 1901 г. См.: ГБЛ. Ф. 135. Разд. II. К. 30. Ед. хр. 3. Л. 21 об.

... *читайте объявления.* — Характерный для Горького прием: обнаружить в простом газетном объявлении обобщающий, почти символический смысл его. В самарскую пору одно такое объявление: «Одиноким интеллигент ищет приличную меблированную комнату...» — «точно молотком ударило» в сердце Горького и явилось зерном, из которого со временем выросло итоговое произведение писателя — «Жизнь Клима Самгина». См.: *Тагер Е. Б.* Творчество Горького советской эпохи. М., 1964. С. 286. Тема «голодного студента» встает в «Фоме Гордееве». Фельетонист Ежов, сын оставшего солдата-сторожа, говорит: «Чтобы учиться и не издохнуть с голода, я шесть лет кряду обучал грамоте каких-то болванов и перенес массу мерзостей со стороны разных папан и мамаш, без всякого стеснения унижавших меня...» (НСС. Т. 4. С. 386).

Помогите же им жить, пока они еще учатся. — В только что написанном очерке «Читатель»: «Он требует внимания — скорее! помогайте ему жить, пока он еще человек!» (Там же. С. 125).

Вот мы видим, как А. П. Чехов рисует нам хмурых, бессильных людей. — Та же интонация и почти та же формула о «серой толпе бессильных людей» в очерке «А. П. Чехов», в части, написанной в 1904 г.: «Вот тревожно, как серая мышь шмыгает „Душечка“ (...). Вот слезоточивая Раневская...» (Там же. Т. 6. С. 55—56).

... *Ионычей и других.* — Рассказ Чехова «Ионыч» только что появился в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу „Нива“» (1898. № 9). Отзыв Горького был первым и почти единственным откликом в 1898 г.

Он жалок и даже гадок — вовремя получил помощь? — В статье «По поводу нового рассказа А. П. Чехова „В овраге“» (1900): «... „Понять — значит простить“ — это давно сказано, и это сказано верно. Чехов понимает и говорит — простите! И еще говорит — помогите! Помогите жить людям, помогайте друг другу!...» (СС. Т. 23. С. 316). Однако мотив помощи «малым сим» осложнен у Горького нешаблонными интонациями. В «Маленьком фельетоне» от 8 ноября 1898 г. он пишет: «... человек, измученный трудом, жаждущий жизни, обложившийся, услышав, что кто-то кому-то хочет помочь жить по-человечески, — громким и злым голосом кричит:

— А мне почему не помогают? А я разве не имею права на помощь?

Так в жизни нашей — когда на крик человека о помощи ответит кто-нибудь: „Иду“, тысячи стонов откликаются со всех сторон и зовут: „Ко мне! Ко мне! Я более других достоин сострадания!“».

5

... *символическую телеграмму* — газета «Курьер». — Горький приводит текст телеграммы, помещенной в газете «Курьер» (1898. № 292. 23 окт.).

6

... *драматическая оглобля.* — Похожий оборот в речи фельетониста Ежова, который называет Фому Гордеева «оглоблей символической» (НСС. Т. 4. С. 435).

«Коромысловы башня» — пьеса Л. Ф. Яковлева «Жертва суеверия. Нижегородская легенда о Коромысловой башне» (М., 1898. Лит. театральная 6-ки С. Ф. Рассохина). Шла в городском театре 24 октября 1898 г.

Сабина-Дольская Мария Алексеевна (1867—1942), провинциальная актриса. *Жандармский овраг*, по которому протекал Жандармский ключ, находился рядом с Звездинской улицей. См.: В людях // НСС. Т. 15. С. 330. Рядом с оврагом устраивались народные гулянья и праздники, которые сопровождалась кулачными боями.

... *они дерутся и за лесными дворами.* — См. «В людях»: «По воскресеньям молодежь ходила на кулачные бои к лесным дворам за Петропавловским кладбищем...» (Там же. Т. 15. С. 441—442).

Сии юные народы ~ без драки просто жить не могут. — В «Детстве» Горький написал: «...драка была любимым и единственным наслаждением юным, я отдавался ей со страстью» (Там же. С. 184).

7

Башкиров Матвей Емельянович (1845—1924), представитель Нижегородской хлеботорговой и мукомольной фирмы «Емельян Башкиров и сыновья». Упоминается в «Беседах о ремесле». См.: СС. Т. 25. С. 305. Об отказе М. Е. Башкирова платить налоги городу сообщалось в «Местной хронике». См.: НЛ. 1898. № 295. 27 окт.

Основание у его степенства старое — «идраву моему не препятствуй». — О самодурстве «миллионеров-недоимщиков» Горький писал в фельетонах самарской поры: «Я миллионер, не препятствуйте моему праву» (СС. Т. 23. С. 60).

Миловидов Иван Егорович, нижегородский лесоторговец. О его конфликте с думой из-за налогов Горький писал в «Маленьком фельетоне» 25 октября 1898 г., наводя на поговорку: «бей не палкой, а копейкой бей». Поэтому в публикуемом фельетоне далее следует текст: «...мы и в данном случае рекомендуем...».

«бей не палкой, а копейкой бей». — Эта поговорка была уже использована Горьким в одном из фельетонов цикла «Между прочим» (См.: Самар. газ. 1895. № 164. 2 авг.), а позднее всплыла в «Жизни Клима Самгина», в циничном самоназвании Варавки: «Моя постоянная фамилия Бей Непалкой Аконейкой бей. Бей — это по-турецки, а по-русски значит — господин» (ПСС. Т. 21. С. 18; Т. 25. С. 121).

А хиромантик-то? ~ Вчера мы сообщали... — В разделе «Местная хроника» сообщалось, что приехавший в город хиромантик, именующий себя «сыном высокой науки», нашел массу клиентов, преимущественно женщин, но встречаются чиновники, военные, купцы, крестьяне и даже подростки-учащиеся. См.: НЛ. 1898. № 295. 27 окт.

20-е число... — В этот день государственные служащие получали жалованье.

Крестьяшки ~ он теперь не в моде... — Горький имеет в виду теории легальных марксистов, в частности П. В. Струве, видящих в крестьянстве отсталый и реакционный класс, которому подлежит «вывариться в фабричном котле», прежде чем выйти на арену истории. По этому поводу В. Р. Короленко писал: «Еще недавно у нас было в моде „народолюбие“. Теперь людям „разочаровавшимся в народе“, имя легион» («Рус. богатство». 1897. № 11. Отд. 11. С. 28). А в только что появившейся статье Н. К. Михайловского «О г. Максиме Горьком и его героях» говорилось, что современной критике должно понравиться презрение Челкаша к «каждому рабу» Гавриле, ибо «унижение мужика — такая теперь мода» (Там же. 1898. № 9. Отд. 11. С. 61). Осенью 1898 г. Горький пишет рассказ «Кирилка», изображая «несмелого» героя-крестьянина в традиции Щедрина, Гл. Успенского и Короленко.

8

... в «Ниве» помещен рисунок г. Медведева... — Рисунок М. В. Медведева «Яков Петрович Полоцкий в своем рабочем кабинете» помещен в «Ниве» (1898. № 43. 24 окт. С. 860-а) в связи со смертью поэта, последовавшей 18 октября 1898 г.

А в журнале «Север»... — См.: Север. 1898. № 43. 25 окт. С. 1353—1354.

... лавочке ~ торгующей таким же товаром. — Ироническое отношение к иллюстрированным журналам как к развлекательному чтению Горький сохраняет надолго. В повести «Трое» подписчиками «Нивы» являются лавочники Автономы, «В людях» — Сергеевы, хозяйка Алеша Пешкова.

... в «столице Поволжья»... — Это ироническое замечание восходит к обличительной корреспонденции В. В-ра «Столица Поволжья» (Письмо из Саратова), помещенной в «Нижегородском листке» (1898. 17 окт.).

... *г. контролера спальных вагонов*. . . — «Переводной фарс», без указания автора, «Контролер спальных вагонов» шел в октябре 1898 г. в Нижегородском городском театре. Это была комедия А. Биссона, в переводе Ф. А. Корня (М., 1898. Лит. театр. б-ки С. Ф. Рассохина).

... *г. Иковлев строит драматическую башню*. . . — См. фельетон 6 и примеч. к нему.

Роберт Ленц — фокусник, выступавший в нижегородских клубах в октябре — ноябре 1898 г.

... *«хиромантик»*. . . — см. фельетон 7.

«Злая яма» — см. примеч. к фельетону 12.

«Древняя Москва» — пьеса по роману И. И. Напеченикова «Басурман». Шла в городском театре в октябре 1898 г.

... *директору нашего театра*. — Антрепренером и режиссером нижегородской труппы был Николай Иванович Соболев-Самарин (1868—1945).

«Чародейка» — опера П. И. Чайковского.

«Девичий переполох» — историческая комедия В. А. Крылова.

Прекрасная река ~ до сотворения инженеров. . . — Горький возвращается к мыслям, высказанным в заметке «Волга на выставке» из цикла «С Всероссийской выставки»: «Итак! Волгу (. . .) Эта могучая артерия России загнана, отравлена и с каждым годом бьется все слабее (. . .) Они (инженеры. — М. П.) находят, что то, что творится с Волгой, вполне в порядке вещей, и называют это „естественным изменением русла“. А на мой взгляд — архинестественно говорить так» (Одеск. новости. 1896. № 3709. 4 авг.).

10

Перед нами набросок с натуры, предваряющий два известных произведения Горького с одинаковым заглавием «Зрители» (1905 и 1917). Еще нет в нем зрелого мастерства и трагической силы позднего рассказа из цикла «По Руси», но «невеселая мысль о том, что все события мира совершаются для удовольствия бездельников» (НСС. Т. 11. С. 470), уже озадачила писателя.

... *скоро и блох быть мы будем со слезами раскаяния*. . . — В памфлете «Фарфоровая свинья» (1898): «бить блох — жестоко, но не безнравственно. . .» (Там же. Т. 4. С. 480).

11

Спектакль в честь Л. Н. Толстого, поставленный нашим кружком любителей. . . — Спектакль шел 1 ноября в Коммерческом клубе и 2 ноября во Всесловном клубе в ознаменование 70-летия Л. Н. Толстого; состоял из первых двух действий «Плодов просвещения» и живых картин по произведениям Толстого, в том числе «Крейцеровой сонаты» (НЛ. 1898. № 294. 26 окт.). Горький был на первом представлении.

... *мы вспоминаем ~ лет семь, восемь тому назад*. — Важная биографическая деталь, относящаяся к периоду, почти лишенному фактографической основы. Семь, восемь лет назад — следовательно, зимой 1890—1891 гг., когда Горький жил в Н. Новгороде, работал у адвоката А. И. Ланина. Среди исполнителей Горький называет Елизавету Михайловну Ланину, жену своего патрона, адвоката Николая Николаевича Фрелиха, земского деятеля Георгия Робертовича Килевейна и др. «Плоды просвещения» впервые напечатаны в сб. «В память С. А. Юрьева» (М., 1891; фактически книга вышла 9—15 ноября 1890 г.). В «Нижегородском биржевом листке» (1891. № 17. 20 ян.) удалось разыскать лишь следующее сообщение в разделе «Театр и зрелища»: «По воскресеньям в нижегородском клубе ставятся любительские спектакли». Среди актеров-любителей упоминается имя В. В. Булычева, видимо сына гласного думы В. В. Булычева-старшего.

Голиков Александр Михайлович (?—1894).

Два дня назад~письмо «Обывателя»... — Письмо в редакцию за подписью «Обыватель» помещено в «Нижегородском листке» 2 ноября 1898 г.

...никто не откликнулся на этот призыв. — 6 ноября 1898 г. в «Нижегородском листке», в разделе «Местная хроника», сообщалось, что в пользу покушавшейся на самоубийство Ф. С. (Федосьи Сергеевой) собрано 43 рубля 50 копеек.

...если это прямо-таки скот~найти в нем человека. — Следуя этому завету, Горький написал в ноябре 1898 г. «Ваську Красного». Данный фельетон является как бы заготовкой к рассказу, изображающему быт публичного дома. При этом состязание в жестокости между звероподобным вынубалой и утратившими человеческий облик «девицами» завершается проблеском человечности с обеих сторон и почтой примирения.

Умереть — не легко и не просто. — Здесь слышна и автобиографическая тема, как бы объяснение собственного покушения на самоубийство в декабре 1887 г.

...с гениальным трагизмом и удивительной простотой у Мопассана. — 6 декабря 1898 г. Горький писал Чехову: «Хорош Мопассан, а очень я его люблю. . .» (СС. Т. 28. С. 52).

Видя на сцене театра «Злун яму». — Пьеса К. И. Фоломеева (СПб., 1897, гектографированное издание театрального отдела книжного магазина газеты «Новости»). Героиня пьесы вынуждена торговать своим телом, чтобы дать возможность учиться в гимназии 10-летнему брату. Пьеса шла в городском театре в октябре 1898 г.

В Казани задумано Общество помощи проституткам. Нижний~нуждается в нем. — Горький стал одним из организаторов Нижегородского общества помощи нуждающимся женщинам. В 1899 г. Горький опубликовал со своим предисловием и послесловием рассказ проститутки Клавдии Гросс и замыслил издать сборник рассказов о падших женщинах.

13

...отправлена хозяйкой заведения на родину. — 6 ноября 1898 г. «Местная хроника» «Нижегородского листка» сообщала об отъезде покушавшейся на самоубийство Федосьи Сергеевой в Казань, к мужу.

У этих людей нет родины~ничего нет у них. — Нечто похожее встречается в «Фоме Гордееве» в речи Ежова: «Домой? Где дом у человека, которому нет места среди людей?» (НСС. Т. 4. С. 399).

Что они будут там делать. — На этот вопрос «Нижегородский листок» ответил 24 декабря 1898 г. в «Маленьком фельетоне» сообщалось о денежных поступлениях в пользу Ф. С-вой, которая живет в Казани и «честным трудом» — шитьем зарабатывает 30 копеек в день.

14

...мы преклоняемся почтительно пред постановлением думы. — В корреспонденции «Заседание думы» (НН. 1898. № 305. 6 нояб.) сообщалось, что дума большинством голосов, 20 против 16-ти, «уважила» ходатайство куница И. Е. Миловинова о сложении с него долга городу.

...выскински недоимок~с маленького обывателя. — Подобный же «милый порядок» отмечал Иегудиил Хламида в цикле фельетонов «Между прочим» (СС. Т. 23. С. 60—61).

Кстати, вспоминается, что именем Тургенева была названа в Ростове-на-Дону. — Горький был в этом городе во время своих скитаний по России в 1891 г.

...жители Полевой улицы получают почту в 4,5 часов вечера, а в день «Нивы» — позднее. — 4 ноября 1898 г. Горький пересел на Полевую улицу, 20, дом Н. Х. Курочкина. См.: ЛНТ Горького. Т. 1. С. 78; Письмо А. Е. Богдановича А. П. Волжиной от 5 ноября 1898 г. // Архив А. М. Горького. ФБН-ВОЛЖ. 2-1-26.

«столица Поволжья» — т. е. Саратов. См.: Фельетон 8 и примеч. к нему.

Обещают всё... — Три года назад Горький с такой же иронией писал об иллюстрированных изданиях «с премиями, приложениями, с неожиданными сюрпризами и с прочими многообразными обещаниями, имеющими целью опустошения карманов провинциальных жителей» (Между прочим. Куйбышев, 1941. С. 142).

Баршев Сергей Сергеевич (1844—1898), адвокат, председатель Общества вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии. Портрет был помещен в связи с полугодовым днем кончины.

...мы знаем — теплые слова не повысят температуру могилы. — В очерке «О черте», написанном в то же время: «Я знаю — теплые слова не повысят температуру могилы» (ИСС. Т. 4. С. 162).

...мудный, смурый людей — изображает Чехов... — Горький называет «мудными» персонажей Чехова и в письме к автору в ноябре 1898 г., и в статье «По поводу нового рассказа А. Н. Чехова „В оврате“» (СС. Т. 28. С. 46; Т. 23. С. 318).

...важен дух человека, общий смысл стремления его. — Понятие «дух человека» и требование свободы для его творческих стремлений характерно для Горького 1898—1899 гг. Об этом идет речь в очерке «Читатель» (ИСС. Т. 4. С. 125), в послесловии к рассказу Клавдии Гросс (СС. Т. 23. С. 296).

...отчет о вечере в Канавине... — 9 ноября 1898 г. на первой странице «Нижегородского листка» в форме объявления был помещен «Отчет по устройству литературно-музыкально-вокального вечера в Канавине в зале торгово-промышленного клуба 4 ноября 1898 г. в пользу бедных учениц частной прогимназии в Канавине».

И, помогая человеку, нужно помнить — у него есть свое человеческое достоинство... — Эти мысли отражены и в речах фельетониста Екова: «Если б только благотворители могли подсчитать, сколько духа в человеке убивают они, поддерживая жизнь тела!» (ИСС. Т. 4. С. 386). Poleмика на эту тему была продолжена. См.: Фельетон 24.

...торжественный спектакль в честь Льва Толстого... — «Парадный спектакль» (как значилось в объявлениях) в честь 70-летия Л. Н. Толстого, поставленный труппой Н. И. Соболяникова-Самарина, шел в городском театре 12, 13 и 15 ноября, а затем «по желанию публики» был повторен 19 ноября, а для детей — утром 21 ноября. Горький был на двух первых спектаклях. См.: Фельетоны 20 и 21.

...Россия имеет счастье и право гордиться так же — немцы — Гете. — Похожая мысль высказана в «Заметках о меценатстве» (1905): «Толстой и Достоевский (...) они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена — Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете» (СС. Т. 23. С. 352).

...льва нашей литературы? — И в предисловии к рассказу Клавдии Гросс Горький назвал Л. Н. Толстого «Львом русской литературы» (Там же. Т. 23. С. 294).

...заметка о деле по обвинению хозяйном своей горничной... — В заметке «Из камеры мирового судьи», в разделе «Местная жизнь» (НЛ. 1898. № 309. 10 нояб.), сообщалось, что нижегородский уездный исправник барон А. А. Таубе обвинил горничную своей жены, 17-летнюю меценатскую девушку из Балахины Ланину, в краже золотой броши стоимостью в 150 руб., а через два дня объявил, что брошь найдена. Ланина была «оправдана по суду», а просьба ее защитника признать обвинение недобросовестным не была принята во внимание. Это и вызвало у Горького чувство неудовлетворения и заставило по-своему осветить происшествие с «оправданьем» невинной.

По адресу же С. В. Щербакова — просто злой мистификатор... — 11 ноября 1898 г. в «Нижегородском листке» была помещена заметка С. Щербакова «Великий

звездный дождь 11—12 ноября» (ранее, 18 октября, была напечатана статья без подписи «Звездные дожди»). О С. В. Щербакове, главе Нижегородского кружка любителей физики и астрономии, см.: Фельетон 20 и примеч. к нему. См. также сб.: Нижегородское окружение А. М. Горького. Горький, 1968. С. 169—170.

19

...10.000 бумажек, испорченных пером и карандашом г. Микешина. — Скульптор М. О. Микешин (1836—1896), автор памятника Козьме Минину в Н. Новгороде, был плодовитым графиком, книжным иллюстратором и карикатуристом.

...в школу барона Штиглица. — Частное училище рисования и прикладного искусства в Петербурге, основанное Александром Людвиговичем Штиглицем (1814—1884).

20

Спектакль в честь Л. Н. Толстого. — Спектакль состоял из первого акта «Плюдов просвещения», третьего акта «Власти тьмы», третьего акта «Первого винокура», живых картин из 40 произведений Толстого и «аллегорической картины», изображавшей Толстого, окруженного созданными им персонажами. См.: ИЛ. 1898. № 310, 312. 11 и 13 нояб. (Разд. «Театр и музыка»).

Долматов Василий Пантелеймонович (1852—1912) — актер, много игравший в провинции.

Журавлева Юлия Ивановна, провинциальная актриса.

Азирев Анатолий Аноплинариевич (1864—1909), провинциальный актер.

Исарова Мария Николаевна (1866—?), оперная артистка.

...кружок любителей физики и астрономии~свой юбилей. — См. статью А. Б. <А. Е. Богдановича> «Десятилетие Нижегородского кружка любителей физики и астрономии» (ИЛ. 1898. № 299. 31 окт.). Горький был членом кружка и посещал его заседания.

За двадцать пять лет существования. — Нижегородское отделение Императорского русского музыкального общества (ИРМО) было основано по инициативе Н. Г. Рубинштейна, посетившего Нижний в феврале 1873 г. Осенью того же года Н. Г. Рубинштейн направил в Нижний Василия Юльевича Виллуана (1850—1922), только что закончившего Московскую консерваторию. Юбилей общества торжественно отмечался 14 ноября в зале Коммерческого клуба. Горький был на вечере и впервые слушал музыку А. Н. Скрибина. Одновременно проходило чествование В. Ю. Виллуана, бессменного члена дирекции и руководителя музыкальных классов.

«Целебных слез родник прозрачный. . .» — Горький приводит стихотворение «Музыка» в переводе К. Д. Бальмонта («Сочинения Шелли». СПб., 1893. Вып. 1. С. 30). В 1903—1905 гг. сочинения П.-Б. Шелли в трех томах изданы «Знанием».

«Как выжженная степь~с ид дивною красой». — Цитаты из другого стихотворения Шелли — «Музыка» в том же переводе (Там же. С. 43—44). Горький изменил единственное число — «Я страстно звуков жду. . .» — на множественное. Из этого же стихотворения заимствовано им выражение «гений музыки»: «О, гений музыки! Растет тоски волна!..».

...сегодняшняя концертантка~В. И. Исакович-Скрибина. — Первая жена А. Н. Скрибина — Вера Ивановна Скрибина (Исакович, 1875—1920) — была уроженкой Н. Новгорода.

21

«Душа надобна!». — Слова Акима из «Власти тьмы» (3-е действие, явление 15-е).

«жизни чистой человеческой» — из стихотворения Н. А. Некрасова «Песни Бремункса».

А мы разучились веселиться. — В очерке «Читатель»: «Посмотри, ведь люди совершенно разучились хорошо смеяться!» (НСС. Т. 4. С. 124).

А жизнь нуждается именно в цельных людях~«все впечатленья бытия». — Ср. речи Шебуева в повести «Мужик»: «А жизнь хочет гармонического человека,

человека, в котором интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое. Нужен человек, все способности которого (...) гармонически откликались бы на каждое впечатление бытия» (Там же. Т. 5. С. 381). Совпадает не только мысль, но и конструкция фразы, и цитата из стихотворения Пушкина «Пророк».

22

Чествование В. Ю. Виллауни. — 14, 15 и 16 ноября 1898 г. в «Нижегородском листке» печаталось много материалов, посвященных юбилею Нижегородского отделения ИРМО (он совпал с днем рождения самого В. Ю. Виллауни). От газеты юбиляру был преподнесен адрес, текст которого писал приятель Горького А. Е. Богданович. Об этом он сообщил 12 ноября 1898 г. своей невесте А. Н. Волжиной (Архив А. М. Горького. ФЕН-ВОЛЖ-2-1-39).

Но публика. — Глубоко задетый равнодушием публики на празднике в честь Толстого, Горький в своих фельетонах не только сделал сатирические зарисовки «зрителей», но стал разгневанно лезть собирательный образ «иублики», завершённый в памфлете «О писателе, который зазнался...».

...порой так созданы историю, но чаще всего делают скандал. — В «Писателе, который зазнался...»: «...ны же, господа, творите не историю, а скандалы...» (НСС. Т. 5. С. 485). Похожее рассуждение есть и в «Фоме Гордесине» (Там же. Т. 4. С. 390).

23

Рукавишников Любовь Александровна — представительница нижегородской купеческой семьи, филантропка, в городе был дом трудолюбия имени Любви и Михаила Рукавишниковых. Упоминается в «Беседах о ремесле» (СС. Т. 25. С. 305).

«ны обухе рожь молотить». — 24 октября 1898 г. в «Нижегородском листке» была помещена статья Горького (за подписью «И. Хл.») «О человеколюбии в связи с искусством на обухе рожь молотить», в которой шла речь о «человеколюбивом» стремлении содержателя почтеевски закабалить босяков.

...в наших переполненных учебных заведениях. — Отклик на корреспонденцию «Переименование губернской гимназии учащимися» и разделе «Местная хроника» (НЛ. 1898. № 273. 5 окт.).

24

...в отчете о литературно-музыкальном вечере в Канавине. — См.: Фельетон 16 и примеч. к нему.

«дети ~ живут своими силами». — Бывший ученик Канавинского училища, которого дразнили «встопыником» и «пнищбродом», написал в январе 1899 г. Чехову: «С десяти лет я стою на своих ногах...» (СС. Т. 28. С. 56).

В одном из домов г. Гогина. — Фельетон возник на основе сообщения в разделе «Местная хроника» (НЛ. 1898. № 319. 19 нояб.) о «несоцещном», т. е. не обложенном налогом, доме Гогина на Звездинской улице, в котором находится два городских училища. Но автор фельетона знает об этом уголке Н. Повгорода неизмеримо более того, что можно почерпнуть из корреспонденции. Он знает историю этих домов и этого оврага за «долгие годы», ибо в 1880—1882 гг. жил в одном из домов Г. Д. Гогина на Звездинской улице, у чертесника В. С. Сергеева. В повести «В людях» он вновь опишет этот «грязный овраг», в который «сваливают мусор со дворов, и на дне его стоит лужа густой темно-зеленой грязи» (НСС. Т. 15. С. 258). Фамилия «Гогин» будет использована в «Жизни Клима Самгина».

...из дома бывшего Маякина. — Любопытная деталь, указывающая источник, откуда Горький заимствовал фамилию своего героя. Написание «Моякин» вместо «Маякин» могло возникнуть вследствие неверно разобранных слов или опечатки.

25

В заседании ~ думы 19 ноября. — В отчете «Заседание думы», помещенном в том же номере, сообщалось о предложении городской управы передать помеще-

ние в бывшем доме Д. А. Обрядчикова, заведенного городу, под ломбард: «... извещал Н. Е. Башкиров, по мнению которого бедноте лезть в подвалы несудбно: кроме того, гласный находил, что присутствие ломбарда на Благовещенской площади, которую еще так недавно привели в образцовый порядок и украсили свечами, будет нарушать ее благоустроенный вид, между тем в гостинице Наумова («Россия». — М. П.) останавливаются высокопоставленные лица» (НП. 1898. № 320. 21 нояб.).

Башкиров Яков Емельянович (1839—1913), представитель Нижегородской хлеботорговой и мукомольной фирмы «Емельян Башкиров и сыновья» (упоминается в «Беседах о ремесле» — СС. Т. 25, С. 305), 17 ноября 1898 г. в «Местной хронике» «Нижегородского листка» сообщалось, что Н. Е. Башкиров получил звание потомственного почетного гражданина. «Горячая защита бедных», народный изображенный Горьким в речи Якова Башкирова, перекликается с заявлением Якова Маикина: «Кто больше всех о бедных нечется? Купец!» (ИСС. Т. 4. С. 442).

... несущего подвала. — Помещение для приема посетителей должно было находиться на первом этаже, а в подвалах — кладовые ломбарда.

26

Лекции во Всесословном клубе. — Общеобразовательные лекции по предварительной подписке начались во Всесословном клубе 10 ноября 1898 г.

На обсуждении доклада г. Гусева. — Корреспонденция о докладе В. А. Гусева в Техническом обществе была помещена в разделе «Местная хроника» (НП. 1898. № 349. 20 ноября). Докладчик защищал интересы рабочих-мукомолов.

Калишников Василий Иванович (1849—1908), механик-самоучка, автор «Занесок конструктора и атласа паровых машин Волжского бассейна» (Н. Новгород. 1896). Горький вспоминал о нем в 1928 г. (СС. Т. 24. С. 374).

«Здорово пущено!» — как говорит один мой приятель. — Слушая фельетон Ежовы, обличающего купцов и именитых горожан, Фома Гордеев восклицал: «Юнока!.. Здорово пущено!» (ИСС. Т. 4. С. 389).

27

Н. П. Полонский умер 18 октября 1898 г. 20 октября в «Нижегородском листке» появился некролог, представляющий собой биографическую справку. В свое время, в статье «Еще поэт» (1896), Горький назвал Полонского «маститым жрецом Аполлона», который «задумчиво смотрит» «на скорбное шатание духа» в современной поэзии. Позднее, в статье «Разрушение личности» (1909), дал оценку Полонскому, звучащую в его устах как высокая похвала: «честный воин» (СС. Т. 23. С. 122; Т. 24. С. 76). В публикуемом цикле мы сначала встречаем лишь мимоуловное упоминание имени Полонского (см. фельетон 8). Но вот Горький прочел некролог в «Русской мысли» и в нем «Песню» Полонского. . . В посмертно опубликованном стихотворении Горький услышал нечто близкое ему, свои сомнения и свои надежды. Спеть «свою песню», — это была давняя мечта Горького, которая начинала приобретать реальные очертания, ибо всероссийская слава уже стояла на пороге провинциального писателя.

... лиде не напечатанное стихотворение. — В редакционном некрологе «Н. П. Полонский» говорилось: «Мы приведем другое, еще не напечатанное его стихотворение, вписанное рукою автора в альбом редактора — издателя „Русской мысли“, т. е. В. М. Лаврова (Рус. мысль. 1898. № 11. Отд. II. С. 204). Как выяснилось, это стихотворение не вошло ни в один сборник Полонского, не упомянуто ни в одной работе о нем как дореволюционного, так и советского периода. Причина этой потери заключена в следующем. «Песня» была помещена внутри редакционного некролога и в оглавление журнала не попала. По какой-то случайности этот некролог не вошел в наиболее полную библиографию поэта: *Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д.* Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910. Не вошел он и в библиографический указатель «История русской литературы XIX века» под ред. К. Д. Муратовой (М.; JL, 1962). 20 лет тому назад некролог «Русской мысли» был упомянут в «Летописи литературных событий» (см. кн.: Русская

литература конца XIX—начала XX в.: Десятилетие. М., 1968. С. 404), но, видимо, никто так и не заглянул в него.

Ставленником «Нового времени» является ~Фофанов. — В то время «Новое время» печатало только одного поэта — К. М. Фофанова.

... шесть томов произведений Случевского ~единодушным одобрением критики. . . — Одну из таких рецензий Горький видел в ноябрьском номере «Русской мысли», рядом с некрологом И. П. Полонского.

28

Огонь, так много способствовавший к украшению Москвы. . . — Перефразировка известных строк из «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «Пожар способствовал ей много к украшению».

... сгоревших в 1896 году. . . — Тогда Горький написал «Маленький фельетон» о пожаре на Самозатах, авторство которого подтвердил в письме к И. А. Груздеву (см.: Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11. С. 190—191). В нем также звучал мотив очистительного огня: «Ярмарку можно поздравить — грязнейшая часть из ее учреждений уничтожена огнем. Это во второй раз он берет на себя роль санитар-моралиста, и нельзя не сказать ему сердечного спасибо за то, что он действует так универсально: у людей никогда не хватило бы смелости уничтожить до тла это гнусное место торговли людьми» (НЛ. 1896. № 282. 12 окт.).

Мы наживаем деньги от грязи, которую разводим. . . — Подобное саркастическое замечание есть в статье «Ванькина литература»; в ней Горький пишет о сочинителях «литературных вертепов»: «... эти люди приятны нам, и грязь, разводимая ими в жизни, не возмущает нас» (СС. Т. 23. С. 291).

Выгнали Омона с его отаратительным вертепом. . . — Кафешантан Шарль Омон появился в Н. Новгороде в 1894 г. 20 июля 1894 г. Горький сообщил О. Ю. Камниной: «Здесь Омон, ох, какой восторг» (Архив А. М. Горького. НГ-рл-18-76-13). Однако в 1896 г. он резко изменил свое отношение к заведению Омона, которого называл в своих корреспонденциях «бывшим конюхом генерала Буадеффра», «популяризатором разнужданных развлечений» (СС. Т. 23. С. 245, 248). В 1898 г. ярмарочный комитет не возобновил контракта с Омоном.

Обратившись с жалобой на нас в суд. . . — В корреспонденции «Литературное дело» в разделе «Местная хроника» сообщалось: «Вчера в окружном суде рассматривалось дело по обвинению редактора „Нижегородского листка“ Г. Н. Казачкова французским гражданином Шарлем Омоном в оскорблении в печати. Окружным судом Г. Н. Казачков оправдан» (НЛ. 1898. № 323. 24 нояб.).

29

Фредих Николай Адамович (1829—1903), отец близкого знакомого Горького адвоката Н. Н. Фредиха, в это время находящегося в ссылке в Забайкальской области. См. сб.: Нижегородское окружение А. М. Горького. С. 149.

... никогда не посещает их пресловутый «мерулиус». . . — Древесный паразит, о котором много говорили и писали в то время. На этот «ужасный микроб» пытались свалить и технические несовершенства проектов, и дурное строительство, и негодный ремонт. Отсюда ироническое замечание Горького. Реакционные элементы городского самоуправления пытались подвести под «мерулиуса» националистическую платформу, утверждая, что «ужасный микроб» был завезен в Н. Новгород строителями-финляндцами. По этому поводу в одном «Маленьком фельетоне» иронически отмечалось, что «здания, построенные самими финляндцами, не страдают от мерулиуса. . .» (НЛ. 1898. № 227. 20 авг.).

На юбилейном собрании Нижегородского отделения. . . — См.: Фельетоны 20 и 22 и примеч. к ним.

... В. Ю. Виллаун коснулся в своей речи ~среди низших слоев местного населения. — Речь была напечатана в «Нижегородском листке» 15 ноября 1898 г. Виллаун говорил о «своей заветной мечте — распространить любовь к музыке среди ремесленного, рабочего населения Нижнего Новгорода».

... подобные же хоры могли образоваться и у нас. . . — Заметим, что в «Фоме Гордееве» изображен самостоятельный хор рабочих.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦИКЛ ФЕЛЬЕТОНОВ ГОРЬКОГО. ИСТОРИЯ НАХОДКИ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Речь пойдет о новонайденном цикле ежедневных «Маленьких фельетонов», написанных Горьким в период с 17 октября по 29 ноября 1898 г. Более 30 новых статей и заметок дополняют теперь портрет Горького-публициста.

Это было время перелома в судьбе писателя. Весной вышли его первые книги, встреченные дружным одобрением критики. Газетные и журнальные отзывы нарастали, как лавина. Слава стояла на пороге провинциального писателя, но пока он бедствовал и должен был сотрудничать в газете «Нижегородский листок». При этом Горький как бы берег свое имя, стремительно приобретающее популярность, и печатался под различными псевдонимами, а порою вовсе без подписи.

О своем сотрудничестве в местной газете Горький сообщал в письмах. Лишь малая часть этой работы была известна и отмечалась в библиографических пособиях и в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» (за 1898 г. зарегистрировано всего девять случаев участия в «Нижегородском листке»).

Разумеется, горьковеды знали, что поволжские газеты таят в себе неизвестные тексты молодого Горького. Время от времени удавалось обнаружить новый очерк и атрибутировать его рядом косвенных доказательств и стилистических наблюдений. Далеко не всегда эти находки были убедительны для всех.

Любопытный случай произошел с И. А. Груздевым. В 1934 г. он опубликовал как горьковский один «Маленький фельетон» из «Нижегородского листка» (8 июня 1896 г.), подписанный, как и новонайденный цикл, тремя звездочками¹. При этом он не привел никаких аргументов и не объяснил, почему может обходиться без доказательств. Дело в том, что сам Алексей Максимович нисемно подтвердил свое авторство. Еще в 1930 г. Груздев послал ему текст этого «Маленького фельетона» об электрической конке. Горький удостоверил: «Это я писал», поставил свою подпись и отослал машиннопись обратно Груздеву с письмом от 30 июня 1930 г.: «Штучку эту писал я, дорогой Илья Александрович. Молодой был тогда, бойкий»².

Почему Груздев, публикуя фельетон, не упомянул об авторизации текста? Может быть, он хотел проверить, как будет встречена его находка? Ведь перед тем, как послать «Маленький фельетон» Горькому, Груздев выделил его среди десятков других, руководствуясь лишь собственным чутьем. . .

Увы, последовало опровержение. Опытный горьковед С. Д. Балухатый внес безапелляционную поправку: «М. Горькому приписывается „Маленький фельетон“: Нижегородский листок, № 156, 8 июня, стр. 3. Подпись: * * *. Фельетон этот, принадлежащий Е. Чирикову (что видно из подписей в „Нижегородском листке“, 1896. № 241 одновременно * * * и Е. Валин³ <...>), ошибочно приписан М. Горькому в статье И. Груздева „Горький и капитализм“...»⁴.

Разумеется, И. А. Груздев при повторной публикации «Маленького фельетона» привел тот сокрушительный аргумент, который был в его распоряжении, — процитировал письмо Горького⁵. С. Д. Балухатый вынужден был признать авторство Горького, но продолжал отрицать его участие в редакционном псевдониме: «Отмечаем, однако, что заметки в отделе „Маленький фельетон“, имеющие сборную подпись * * *, по свидетельству заведующего редакцией газеты Е. М. Ещина, составлялись Н. Ашешовым, Е. Ещиным и С. Протопоновым»⁶. Между тем Горький дважды подтвердил принадлежность ему этого псевдонима⁷.

К сожалению, важнейший справочник — «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова (М., 1958. Т. 3. С. 351), опираясь на первое опровержение С. Д. Балухатого, приписал «Маленький фельетон» от 8 июня 1896 г. Е. Н. Чирикову и отверг всякое участие Горького в псевдониме * * * ссылкой на авторитетные имена С. Д. Балухатого и К. Д. Муратовой. Между тем 8 июня 1896 г. Чирикова даже не было в Н. Новгороде, и он не мог писать фельетоны на местные темы. 16 июня 1896 г. Горький сообщал Е. П. Воляжиной из Н. Новгорода: «На днях сюда приедет Чириков — это сократит размер моего заработка в „Листке“...»⁸.

«Летопись жизни и творчества А. М. Горького», разумеется, включила «Маленький фельетон» от 8 июня 1896 г., но о подписи * * * была сделана специальная сноска, отсылающая к «Дополнительному списку» С. Д. Балухатого и К. Д. Муратовой, где участие Горького в этом сборном псевдониме, по существу, отвергалось на основании позднейшего свидетельства.

Сомнение было бы законным, если бы речь шла о том, что пока участие Горького в редакционном псевдониме не доказано, ибо нельзя делать «массовые выводы из единичных наблюдений», как шутил когда-то опытный статистик Н. Ф. Анненский⁹. И позднейшее авторское свидетельство может быть ошибочным. На это справедливо указывал С. Д. Балухатый¹⁰. Но не было принято во внимание то обстоятельство, что и свидетельство Е. М. Ещина об авторах «Маленького фельетона» — позднейшее и, как теперь оказалось, ошибочное...

Сборные редакционные псевдонимы для постоянных разделов (ежедневных — в газетах, ежемесячных — в журналах), как правило, таят неожиданности, ибо всегда в этих обязательных рубриках происходит замены и подмены, которые потом ускользают

из памяти очевидцев. Уж как надежно был расшифрован псевдоним «О. Б. А.» в «Русском богатстве»: Н. Ф. Анненский и В. Г. Короленко. Какие авторитетные свидетельства имелись: и членов семьи обоих посетителей псевдонима, и члена редакции В. А. Мякотина, да и смысловое содержание псевдонима («оба») заставляло ограничить количество его носителей двумя лицами. Но письмо Н. Ф. Анненского 1899 г., рисующее никем не предвиденную «сложность жизни», как любил говорить Короленко, указало на участие в псевдониме «О. Б. А.» и М. А. Плотникова, и А. В. Пешехонова. Причем в одном и том же номере журнала разные главы «Хроники внутренней жизни» могли иметь разных авторов¹¹.

Такая ускользающая от нас «сложность жизни» имелась внутри редакции «Нижегородского листка», о которой мы судим в основном по воспоминаниям, мало изучая первоисточники. Ведь и бесспорно принадлежащие Горькому фельетоны и очерки 90-х годов в большинстве своем не собраны и не изданы, а без этого предварительного этапа не может продвинуться и дальнейшая атрибуция. Значительная часть писем Горького 90-х годов пребывает неопубликованной, а те, что увидели свет, разбросаны по разным изданиям, почти не прокомментированы, неверно или неточно датированы. А перениска горьковского окружения и вовсе не изучена. В таких условиях очень трудно заниматься атрибуцией; и занятия эти, в сущности, давно прекратились¹².

Строго говоря, в случае с Груздевым дело до атрибуции не дошло благодаря авторизации текста. Была ли возможность доказать принадлежность фельетона Горькому другим путем? Сомнительно. Хотя текст, на слух, безусловно горьковский, как и ряд других «Маленьких фельетонов» того времени, не отмеченных и не посланных Груздевым Горькому. Тенерь же — на зыбкой почве косвенных данных и стилистических сопоставлений — можно вести бесконечный диалог по типу: «Это Горький!» — «Нет, это не Горький!» — «Нет, Горький...» и т. д.

Отметим одну, казалось бы, пустяковую деталь, связанную с «Маленьким фельетоном», открытым Груздевым. В обеих публикациях, в журнальной и даже в «Архиве А. М. Горького», была допущена одна и та же опечатка: «страх перед родителями», хотя и в тексте «Нижегородского листка», и в машинописной копии, сделанной Груздевым, стоит «перед родителями». Текстологи-горьковеды должны знать, что Горький своей рукой писал в подавляющем большинстве случаев «перед» и «чтоб». На такую «мелочь» ни наборщики, ни корректоры внимания не обращали. Но поскольку в оригинале почти всегда стояла краткая форма, то и при самом небрежном наборе оказывался весьма значительный процент именно кратких форм. Эти краткие формы, а также частое употребление тире являются очень надежным первоначальным ориентиром. Но, разумеется, надо сначала удостовериться, что эти формы не свойственны тем, кто работал в газете рядом с Горьким.

О происходившей нивелировке горьковского языка «грамотными» перенисчиками, наборщиками, корректорами и редакто-

рами пишет Е. И. Прохоров в своем основательном и дельном исследовании «Текстология художественных произведений М. Горького» (М., 1983). Он останавливается и на тех лингвистических проблемах, которые не были решены в Полном собрании художественных произведений М. Горького, и в частности пишет о необходимости сохранять лингвистические особенности, внимательно отделяя их от чистой орфографии. Если же говорить об атрибуции, то тут и орфографические формы (вроде написания слова «найти») могут пригодиться.

Недоверие к «интуиции» исследователя, принцип «подвергать все сомнению» закономерны и необходимы: «... во всех сомнительных, недостаточно проверенных, не отчетливо аргументированных случаях лучше воздержаться от публикации неосновательных „открытий“, не доверяя голой „интуиции“ исследователя, — а все случаи необоснованных публикаций должны непременно критически обсуждаться в печати». Так пишет С. Д. Балухатый и приводит в качестве примера «открытие» А. Н. Свободова, «установившего» принадлежность Горькому ряда театральных рецензий в «Нижегородском листке» (1896. № 154, 160, 161, 164, 210) без всякой серьезной аргументации: «Однако это не помешало публикаторам и исследователям Горького отнестись некритически к этому сообщению»¹³.

Заметим сразу: театральная рецензия в № 210 не имеет подписи «А.», на это не обратили внимания ни те, кто признал авторство Горького, ни те, кто отрицал. На мой взгляд, только заметки в № 154 и 210 могли бы принадлежать Горькому; *могли бы*, но вовсе не значит, что они написаны Горьким, хотя первая помещена в примечаниях к циклу «С Всероссийской выставки» (СС. Т. 23. С. 433—434), с оговоркой об отсутствии «бесспорных данных».

Псевдонимом «А.» подписывался в «Нижегородском листке» Н. П. Ашешов, бывший москвич, следовательно, человек, хорошо знавший Малый театр. Кстати, одно дело использовать сборный редакционный псевдоним или поместить заметку без подписи, и совсем другое — воспользоваться чужим псевдонимом. Всякое, разумеется, бывает, но тут нужны сугубые доказательства: какое-то прямое указание, хоть позднейшее. Тем более что заметки в № 160, 161 и 164 по своему характеру и стилю не могут принадлежать Горькому, ибо он никогда не писал театральных рецензий, так сказать, типового образца, с подробным изложением содержания, массой цитат, характеристикой чуть ли не всех исполнителей и т. п. Мог ли Горький 6—7 раз смотреть фарс Крылова-Сарду и отзываться о нем с похвалой? Могла ли рука Горького выводить такие вялые и тяжелые фразы: «В этой ли относительности понятий нравственности, в зависимости их от высоты культурного уровня и массы других условий и лежит причина тех драм, которые разыгрываются из-за чести. И эти драмы не исчезнут из жизни в зависимости от того, какой ярлык мы прилепляем к данным понятиям — ярлык чести или ярлык долга» (Нижегородский листок. 1896. № 164).

На чем же все-таки основывал свою атрибуцию А. П. Свободов? Его сторонник А. Г. Соколов, вступивший в спор с С. Д. Балухатым, пишет, что Свободов «установил принадлежность» Горькому фельетонов за подписью «А.», хотя «не представил никаких доказательств»¹⁴. Сам же А. Г. Соколов берется «представить доказательства» и решить «спорный вопрос». Однако вместо доказательств он выдвигает еще более бездоказательное утверждение о том, будто бы большая статья «Из истории винной монополии», подписанная буквой «А.» и помещенная в трех номерах «Нижегородского листка» (18, 30 и 31 августа 1895 г.), «принадлежит перу Горького». Будто бы она прислана из Самары, хотя ни одного случая такой присылки в «Нижегородский листок» мы не знаем. «Автор неоднократно подчеркивает свою близость к редакции „Самарской газеты“...» — продолжает предъявлять доказательства А. Г. Соколов. Но ведь и Н. П. Ашешов, редактор «Самарской газеты», только что, в середине июля 1895 г., приехал в Н. Новгород из Самары, свалив на Горького трудную роль редактора провинциальной газеты. Именно в это тяжелое время, когда у Горького от дел и забот «запудралась голова» и он был «прямо болен»¹⁵, Алексей Максимович и взялся за несвойственное ему дело — писание длинной специальной статьи... Без всякого сомнения исследователь приписывает «перу Горького» такие периоды: «Как нам известно, редактор газеты, о которой идет речь, выразив полную готовность предавать гласности все, касающееся монополии, отказался, однако, выполнить последнюю просьбу, так как характер некоторых статей (например, обличительных) не соответствует программе „Вестника финансов“...»¹⁶.

Горький, мол, тоже писал «обличительно» о винной монополии (а кто писал иначе в демократической печати?!), и А. Г. Соколов нашел (но не привел!) «сходные мысли и выражения» у «А.» и у Горького. Это оставшееся за кулисами сходство исследователь называет «решающим аргументом». Кроме того, в 1902 г. одно из своих писем к В. А. Носсе Горький подписал буквой «А.». Письма к Е. П. Пешковой во времена, когда писалась статья, не были изданы, а то бы и они подкрепили аргументацию: там подпись «А.» тоже встречается...

А как же все-таки быть с Н. П. Ашешовым; он был юристом по образованию, жил в это время в Н. Новгороде, писал в «Нижегородском листке» «по всем разделам» до 60 печатных листов в год, имел псевдоним «А.» и «являлся убежденным защитником и последователем так называемого обличительного направления в провинциальной печати»¹⁷. Авторство Ашешова А. Г. Соколов отвергает, ссылаясь на «данные биографии» псевдонима «А.», которые «совпадают с биографией Горького»: 1) «Автор, скрывшийся за подписью „А.“, жил в 1895 г. в Самаре, был близок к редакции „Самарской газеты“...». Но ведь это совпадает и с биографией Ашешова! 2) «... в 1896 г. переезжает в Н. Новгород и начинает писать о его театральной жизни». Каким образом этот, подлежащий еще доказательству, факт может подтвердить авторство Горького

для статьи «Из истории винной монополии»? И почему рецензии о театре могли быть написаны автором, «переехавшим в Нижний в 1896 г.», а не автором, переехавшим в 1895 г.?

Таким образом, недоказанное авторство театральных рецензий «более или менее уверенно»¹⁸ подтверждается совсем уж фантастическим предположением.

Эти произведения, разумеется, не вписаны в «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», но статья А. Г. Соколова фигурирует в библиографических пособиях по горьковской текстологии, опровержений не было, и горьковеды продолжают ссылаться на текст рецензии о Малом театре.

Можно ли вообще отличить манеру Горького от манеры Е. Н. Чирикова, Н. П. Ашешова, С. Д. Протопопова и других сотрудников «Нижегородского листка»? Казалось бы, ответ однозначен: можно и должно. Однако история публикуемой находки покажет всю сложность реальной атрибуции. Отличить можно, но доказать убедительно для всех почти невозможно. Конечно, появятся сторонники, но обязательно найдутся опровергатели, которые будут ссылаться на свой опыт, на эстетические критерии (у всех разные) и т. д. Хотя в нашем случае речь идет о Горьком 1898 г. с его яркой и определившейся манерой, а вторым автором «Маленького фельетона» выступит Е. М. Ещин, средней руки журналист.

Убедительными для всех доказательствами служат лишь прямые указания самого писателя или лиц ближайшего окружения, при этом нужны не позднейшие свидетельства, а документы того времени. Следовательно, нужно работать в архивах. При этом нужно изучать не только Горького, но и его время, где все так или иначе переплетено и связано. Годы работы в архиве Короленко привели к открытию целого массива горьковских текстов. А неизвестный Горький помог обнаружить забытое, «потерянное» исследованием стихотворение Я. П. Полонского (см. фельетон 27 данной публикации).

Принципы серьезного архивного поиска хорошо определил Короленко, руководствуясь опытом своей работы в Нижегородской архивной комиссии. Он рекомендовал предпринимать «непрерывное сплошное исследование», не ограничиваясь только «солистами и героями истории»; призывал к «черной работе собирания», не сулящей, казалось бы, «непосредственных открытий и быстрых обобщений». Но, если такую работу вести «стойко и непрерывно», она обязательно даст «не одну драгоценную и новую черту для общей истории нашего отечества» и принесет «жемчужины живой исторической истины»¹⁹.

Именно такую поисковую работу задумала и развернула редакция «Литературного наследства» (И. С. Зильберштейн, Л. М. Розенблюм, Е. Г. Коляда) для тома «М. Горький в неизданной переписке и дневниках современников». К участию были призваны люди, постоянно работающие в архивах, в том числе и я. Среди выписок о Горьком, сделанных в разные годы, встретилась одна — «неинтересная»...

10/22 декабря 1898 г. С. Д. Протопопов писал В. Г. Короленко из Туниса: «В Алжире я читал „Ниж(его)родский(й) лист(ок)“. Мал(енький) фельетон пишет Алекс. Макс., и пишет, по-моему, неважно. Николай Петр. (Ашешов. — *М. П.*) все не подавал признаков жизни, но в начале декабря попросил на 1899 г. аванс! . . Это он называет „посвящать жизнь провинциальной прессе“, а аванс 1898 г. еще не погашен»²⁰.

С. Д. Протопопов был нижегородским приятелем Короленко. Еще в 1894 г. они пытались приобрести «Нижегородский листок», чтобы превратить его в демократический «Голос Поволжья». Тогда департамент полиции пресек эту затею. «Нижегородский листок» был преобразован лишь в 1896 г., когда Короленко уже переехал в Петербург. Но Владимир Галактионович продолжал интересоваться нижегородскими делами, особенно положением провинциальной прессы, и Протопопов имел обыкновение подробно рассказывать ему о «Нижегородском листке». Протопопов был членом редакции, найщиком, совладельцем типографии, где печаталась газета, а в 1899—1900 гг. и официальным издателем «Нижегородского листка». О Горьком он обычно писал недружелюбно, да и вообще был, что называется, брюзгой.

К чему же привело комментирование фрагмента для тома «Литературного наследства»? Библиография учитывала за этот период лишь две «Беглые заметки» за горьковской подписью «И. Хл.» (т. е. Иегудиил Хламида), помещенные в «Нижегородском листке» 19 и 24 октября 1898 г. «Беглые заметки» были в то время случайной рубрикой в газете, да и Протопопов точно называет отдел — «Маленький фельетон». Это была ежедневная рубрика, посвященная местным делам. Большого подвального фельетона газета в то время не имела, даже в воскресных номерах. Просмотр горьковских писем дал прямое авторское свидетельство, перекликающееся с сообщением Протопопова. В письме к бывшему нижегородцу С. Я. Елпатьевскому с датой «не ранее 17 октября 1898 г.» сказано: «. . . а сейчас я делаю долги и ежедневные фельетоны в „Листке“». Письмо печаталось дважды (в СС. Т. 28 и в «Архиве А. М. Горького», Т. VII). И в обоих случаях в примечании к письму можно прочесть, что «Листок» — это газета «Нижегородский листок» . . . Об «ежедневных фельетонах», которые «делает» Горький, — ни слова. Так эта горьковская фраза и существовала на виду у всех более 30 лет, не возбуждая ни внимания, ни вопроса.

Дневник С. Д. Протопопова объясняет, каким образом попал за границу «Нижегородский листок» и редакционные новости. В конце 1898 г. Протопопов предпринял длительное заграничное путешествие (с 5 октября по 29 декабря). Предполагалось, что он будет присылать «Письма с дороги», но дело ограничилось единственным письмом «От Москвы до Вены», напечатанным в «Нижегородском листке» 18 октября 1898 г. В своих странствиях Протопопов получал письма нижегородцев, и в частности тогдашнего фактического редактора «Нижегородского листка»

Е. М. Ещина, который высылал ему за границу и номера газет. Вот некоторые выписки из дневника Протопопова. 22 ноября/4 декабря: «Пишу эти строки в Алжире (...). В гост(инице) я нашел кучи писем и №№ Н. Л.». 25 ноября/7 декабря: «Вчера вечером писал письма и читал Н. Л. до 3-х часов ночи». 26 ноября/8 декабря: «Наконец, кончил письма: 22 письма. Это глупо даже». 1/13 декабря, Мустафа: «Получил Н. Л. и письмо Ещина. Ну да подождут. . . Пусть приучаются без меня (...). После обеда ездил с Ал. Дм. (брат С. Д. Протопопова. — М. П.) в Алжир. В отеле „Régence“ наши 2 письма и 2 газеты Н. Л.»²¹.

Из этих записей и письма к Короленко можно было извлечь следующие предварительные соображения: 1) при отъезде Протопопова из Н. Новгорода в начале октября Горький *еще не вел* «Маленький фельетон»; 2) эту новость Протопопов узнал в Алжире из письма Е. М. Ещина в конце ноября или начале декабря. Из России письмо шло дней пять, следовательно, в конце ноября Горький *еще вел* «Маленький фельетон».

В это время Н. П. Ашешов уже переехал в Москву, где работал в газете «Курьер». В «Нижегородском листке» участия не принимал, хотя значился среди сотрудников, как и многие другие лица, чьи имена печатались в объявлениях о подписке: В. Г. Короленко, Н. Гариин (Михайловский), В. А. Гольцев, Е. Н. Чириков и др. Лишь 22 ноября 1898 г. появилась его заметка «Апология войны» за подписью «Ник. Аш». Нетрудно сообразить, что прислал он ее одновременно с просьбой об авансе (см. выше письмо Протопопова к Короленко).

Постоянными сотрудниками, делавшими газету, в это время были, кроме Протопопова и Е. М. Ещина, Н. А. Скворцов, который писал так называемые «серьезные» статьи, П. В. Ермаков, составлявший хронику по газетам, репортер Ф. П. Хитровский.

С начала октября 1898 г. постоянным сотрудником стал только что присехавший в Н. Новгород С. И. Гриневицкий, который вел, чередуя, два больших постоянных раздела «На разные темы» и «Столичная жизнь» (за подписями «С. Гр-ий» и «ий»). Участие его в «Маленьком фельетоне» (даже эпизодическое) нужно исключить совершенно: местной специфики он, как человек приезжий, не знал. Кроме того, ежедневная сумма почасового гонорара была ограниченной, а на долю Гриневицкого и так приходилась значительная ее часть. По замечанию Протопопова, Гриневицкий был «умен, тактичен и прилежен»; пером он владел, хотя писал в обычной журналистской манере, лишенной индивидуального своеобразия. 28 января 1899 г. на заседании пайщиков и ближайших сотрудников (С. Д. Протопопов в письме к Короленко называет С. И. Гриневицкого, П. В. Ермакова, Н. А. Скворцова, Ф. П. Хитровского и А. М. Пешкова) «режим Евсюка», т. е. Евсея Марковича Ещина, был подвергнут «прямой и косвенной» критике и руководителем газеты на новый годовой срок был избран С. И. Гриневицкий, но «„переме́на министерства“ (...) произошла „благородно“, без ссор и скандалов». Протопопов считал, что в руках Гриневиц-

кого «Листок» добьется заслуженного уважения, которое было «сильно поколеблено, когда „руководили общественным мнением“ „Ащев и Ещев“, как выражается мать Г. Р. Килевейна (т. с. Н. П. Ашешов и Е. М. Ещин. — М. II.) <...> „Листок“ печатается теперь в размере 2300 экз. ежедневно. Гриневицкий получает 100 р. в месяц, Скворцов — 600 р. в год, Силантьев — 360 р., Ермаков — 480 р. Кроме того ежедневно расходует около 28 р. на почтовую плату. „Волгарь“ ежедневно печатает 4100 экз.»²²

Таковы были внутренние резервы редакции в интересующее нас время. Эти сведения нам еще пригодятся.

С начала октября 1898 г. «Маленький фельетон» в «Нижегородском листке» совершенно «завыл», превратившись в информацию о думских собраниях, заседаниях разных комиссий, навигационных делах и т. п. Даже традиционная полемика с «Волгарем» не оживляла его, ибо Е. М. Ещин писал так: «„Волгарь“ считает бестактным предложение В. М. Волкова о том, что следовало бы повесить в думе портрет Н. А. Фредиха. По мнению „Волгаря“, нельзя говорить о портрете Н. А. Фредиха, пока в думе нет портрета А. С. Гациского. Все это рассуждение довольно странно. Во-первых, вполне возможно украсить думские стены и портретом А. С. Гациского; во-вторых, отсутствие портрета А. С. Гациского не помешало появлению портрета Д. Н. Дельвига в кабинете городского головы; в-третьих, непонятно, почему В. М. Волков обвинен в бестактности за умолчание об А. С. Гациском»²³ и т. д. (ср. с фельетоном 29 в нашей публикации, где о Н. А. Фредихе пишет Горький в связи с помещенным в «Нижегородском листке» портретом).

Между тем приближался сезон подписки и нужно было принимать меры по оживлению газеты.

10 октября появился первый, предупредительный сигнал: один фрагмент «Маленького фельетона» явно выпадал из прежнего — безликого и безжизненного — газетного материала. Но это была крохотная шутилка из уличной жизни. Ещин так написать не мог, но доказать авторство Горького трудно.

И вот 17 октября (см. первый публикуемый нами фельетон) — резкая и яркая перемена. Сразу попадаешь в стихию горьковской мысли и горьковской интонации. Вместо сухой и унылой информации проповеднический пафос с прямыми обращениями к читателю, риторическими вопросами, гневными переминами и т. п. При этом возникает характерный для Горького мотив «тесной», «тусклой» и «скудной» жизни, которая затягивает обывателя с его «пустой душой», лишенной сильных желаний и прикрывающей свою «наготу», как «приличным костюмом», тоскливым пытьем и т. д. Бросаются в глаза обычные для Горького церковнославянизмы («обращает», «злак ядовитый»), обилие тире и отточий, синтаксических инверсий и другие резко индивидуальные черты. Все вместе взятое выступало на газетном листе столь выразительно, что не оставалось ни тени сомнения. Горьковское, слишком горьковское!

Дальнейший отбор проходил, как правило, без особых затруднений, хотя Горький не всегда писал проповеди и делал живые зарисовки; он откликался и на местные темы, и на думские дебаты. Сразу стало ясно: раздел ведется не одним Горьким, хотя преимущественно им. Иногда его заменял Е. М. Ещин (в частности, 19 и 24 октября, когда в «Нижегородском листке» печатались горьковские «Беглые заметки», не связанные с местной тематикой), а иногда Ещин добавлял к «Маленькому фельетону», написанному Горьким, свою главку. Раздел составлялся, как правило, из нескольких главков на разные темы, отделенные друг от друга черточкой.

Задача несколько усложнялась, но миновать это наблюдение было невозможно, слишком уж несхожими были иные главки «Маленького фельетона» — по манере, интонации, языку, даже по внешнему виду текста. Ораторские приемы Горького с прямыми обращениями и укоризнами («Господа! . .» и т. п.) совершенно несвойственны Ещину. Но если даже взять две заметки на одинаковую тему, например о заседании думы, написанные в одинаково «обличительном» жанре, или, наоборот, одинаково одобрительные сообщения о лекции или спектакле, то и тогда Горький и Ещин напишут по-разному. «Обличать умест каждый газетчик, издеваться умест и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков», — заметил Чехов в 1889 г.²⁴ Горький умел ненавидеть, проклинать и благословлять. Это соединение иронии и пафоса, лирики и сарказма и составляло особый горьковский сплав. «... Аз есмь волна морская, лучи солнца отражающая и поющая о жизни с похвалою и гневом. Я знаю — писатель должен быть пророком и даже Исаией во пророках. . .» — писал он Ф. Д. Батюшкову в октябре 1898 г. (СС. Т. 28. С. 38).

Будь в роли «напарника» не Ещин, даже не Ашешов, а настоящий фельетонист — Е. Н. Чириков или С. С. Гусев, — сложностей было бы больше. Но Ещин был типичным обозревателем местной жизни; он брал конкретный факт, излагал его без всяких словесных узоров, снабжал приличной случаю сентенцией, причем любил пускать в ход известные пословицы или так называемую «газетную латынь».

Встречались, конечно, и сомнительные случаи, когда незначительные размеры текста и маловыразительная тема не позволяли вывести определенного суждения, да и в синтаксисе, лексике за малым размером главки (иногда в десяток строк) не успели проявиться горьковские черты. Однако, как правило, текст, написанный рукой Горького, возглашал о своем авторе весьма выразительно. Не говоря уже о том, что, по существу, «Маленький фельетон» связан с мыслями и настроениями Горького той поры как бы единой кровеносной системой, что и показано отчасти в комментариях.

Кроме того, при параллельном чтении фельетонов и горьковских произведений того времени начинали проявляться все новые и новые горьковские свойства текста: стилистические и лексические

кие совпадения и переклички, биографические подробности и детали и т. п. Горький никогда не переписывал сам себя, как это делал, например, Скиталец, неоднократно пускавший в оборот один и тот же текст. Поэтому сколько-нибудь значительные текстуальные совпадения встречаются редко, хотя все-таки встречаются. Это отмечено в примечаниях ко многим фельетонам. Самое большое текстуальное совпадение с очерком «О черте» обнаружено в фельетоне 16. Совпала целая фраза, вплоть до тире. Это объясняется тем, что очерк писался одновременно с фельетонами. Чем дальше произведение Горького от времени написания фельетонов, тем меньше текстуальных совпадений. Очень далеко «отлетают» лишь пословицы и присловья, поставленные в кавычки: «бей не палкой, а конейкой бей», «для разгулки времени» и др. (см. фельетоны 4 и 7).

Любопытно, что все текстуальные совпадения с «Фомой Гордеевым» приходятся на сцены, где действует «маленький фельетонист» Ежов, изображающий «собою судью даже надо всей жизнью». Этот герой собирается бросить газету и написать роман или книгу: «Я назову ее — „Отходная“: есть такая молитва — ее читают над умирающими»; книгу про общество, «проклятое проклятием внутреннего бессилия» (ПСС. Т. 4. С. 379, 393). Кетати, Ежову 30 лет, столько же, сколько Горькому²⁵, он получает 100 рублей в месяц (запомним эту цифру!) и «три копейки за выстрел», т. е. за строчку фельетонов; высмеивает и язвит именитых горожан, купцов и других «устроителей жизни». «Здорово пущено!» — говорит ему Фома Гордеев, а Горький в одном из «Маленьких фельетонов» замечает: «„Здорово пущено!“ — как говорит один мой приятель» (фельетон 26). Может быть, действительно был у Горького некий приятель, словцо которого он использовал в романе, а может быть, он ведет своеобразную «игру» с самим собой, имея в виду Фому Гордеева. . . Такая же «игра», возможно, присутствует в определении «маленький фельетонист», хотя оно имеет реальное обоснование в маленьком росте Ежова. Текстуальные совпадения именно с главами, где действует Ежов, говорят о том, что эта фигура создавалась одновременно или почти одновременно с циклом «Маленьких фельетонов» и, видимо, была подсказана Горькому-романисту его деятельностью фельетониста.

«Маленький фельетон» указывает источник имени другого героя романа — Якова Маякина. Купец Яков Башкиров, объект нападок Горького-фельетониста, возможно, подсказал имя²⁶, а фамилия «Моякин» (скорее всего, опечатка или неправильное прочтение, ибо буквы «о» и «а» Горький порою писал трудноотличимо) упомянута в фельетоне 24. Оказывается, в Нижнем, на Звездинской улице, рядом с домом Г. Д. Гогина, в котором жило семейство Сергеевых, был дом Маякина (или Маякина). «Бывшего Маякина», пишет Горький в 1898 г. А в те годы, когда Алеша Пешков жил «в людях» у Сергеевых, этот Маякин (или Маякин) был, скорее всего, жив. Фамилия «Булычов» также получает реальное приращение к биографии Горького (см. фельетон 11). Некий

В. В. Булычев играл в любительском спектакле первого мужика из «Плодов просвещения», того, что «любит себя послушать», по ремарке Толстого. . . Он мог на всю жизнь запечатлеться в емкой памяти Горького. Да и само воспоминание о любительском спектакле, сыгранном зимой 1890—1891 гг., — чрезвычайно ценная биографическая подробность. Открытые тексты вообще дают немалый материал для будущей летописи жизни и творчества Горького, указывая, в частности, ряд спектаклей и концертов, которые Горький посетил в это время. Теперь мы знаем день — 14 ноября 1898 г., — когда Горький впервые слушал музыку А. Н. Скрябина. В фельетонах есть и нижегородская топонимика, в чем-то повторяющая топонимику автобиографических повестей, а в чем-то ее дополняющая и уточняющая.

Так получилось, что первым читателем вновь найденных фельетонов стал редактор отдела «Архив ЛГ» — В. В. Радзишевский. У него сомнения в авторстве Горького не возникло, и дело обошлось даже без дополнительного рецензирования и тому подобных перестраховочных акций. Материал был напечатан в «Литературной газете» 8 января 1986 г.

В среде горьковедов Института мировой литературы публикация была встречена бурными дебатами. Совсем отрицать участие Горького в «Маленьком фельетоне» стало невозможным. Тем не менее чуть ли не каждый фельетон подвергался сомнению. Возражения носили в основном эмоционально-умозрительный характер: «эстетические критерии», мол, не выдержаны. . .

Впрочем, те, кто слышал горьковское звучание фельетонов, тоже встречались.

Разумеется, поденная, газетная работа отличается от художественных творений. Ведь и Протопопов считал, что Алексей Максимович ведет «Маленький фельетон» «неважно», а Короленко писал брату 6 августа 1895 г., что Пешков «валяет фельетоны руками и ногами, порой ляпает ужасную чепуху. . .»²⁷.

Возможно, спор вокруг авторства фельетонов продолжался бы по сей день, но в него вмешалась сотрудница Архива А. М. Горького Р. П. Пантелеова. Она предъявила письма Адама Егоровича Богдановича. Ближайший нижегородский приятель Горького писал своей невесте А. П. Волжиной, родной сестре Е. П. Пешковой, 19 октября 1898 г.: «Мы (с сыном. — М. П.) пошли на Оку, погулять. А там вблизи квартира Пешковых — мы и зашли навестить их. Алексея Макс. не было дома, он был в редакции „Листка“, в котором он взялся писать фельетон за 100 руб. в месяц. Теперь он утром ходит в редакцию. <...> Кат. Павловна оставила меня на пирог <...>. Пришел Ал. М., злой, раздражительный, как нарыв, который еще не созрел. Дело в том, что он взялся не за свое дело: он не умеет писать фельетоны, они у него слишком искусственны, фальшивы, да и материалу подходящего не хватает; кроме того, обидно, что тут ему какой-нибудь Ещин может делать замечания и указания. Но деньги надобны — и он взялся. Дело подневольное — и он злится весьма. Скоро он, разумеется, его бросит, т. е.

при первой денежной возможности». 26 октября 1898 г.: «Алексей Максимович в последнее время какой-то кислый и злой». 5 ноября 1898 г. Богданович сообщает о переезде Пешковых на Полевую улицу, в дом Курепина, и добавляет: «Алексей Максимович все еще пишет фельетоны в „Листке“»²⁸.

Архивный океан всегда заодно с истиной. . .

Письма А. Е. Богдановича подтвердили и уточнили многое. Во-первых, правильность начальной даты сотрудничества Горького в «Маленьком фельетоне» — 17 октября. Ведь 13 октября А. Е. Богданович ничего не писал о новой работе Горького, а 19 октября занял к Пешковым и узнал новость: «Теперь он утром ходит в редакцию». «Ходит», а не «пошел», следовательно это уже не первый раз.

Та шутивая сценка из уличной жизни, которая появилась в «Маленьком фельетоне» 10 октября (о ней говорилось выше), получает некоторое обоснование. Общение Горького с редакцией в это время было постоянным и тесным. С сентября газета регулярно публиковала объявление о выходе двух томов «Очерков и рассказов» М. Горького с приглашением справляться в редакции «Нижегородского листка», где, по-видимому, и продавались книги. Зайдя в редакцию, Горький мог говорить с Ещиным о недостатках «Маленького фельетона» и тут же продемонстрировать, как следует оживить унылую информацию о местных делах. Набросать крохотную сценку ему ничего не стоило. Тогда же могла возникнуть мысль предложить Горькому вести «Маленький фельетон».

Помесячная плата, помимо нострочного гонорара, назначалась лишь ближайшим сотрудникам, ведущим какой-нибудь постоянный отдел. Такая оплата являлась как бы двусторонней гарантией: сотрудник обязывался поставлять ежедневный (или ежемесячный в журнале) материал, а редакция обеспечивала определенный твердый заработок, независимый от прихотей цензуры, особо придирчивой к внутренней хронике и местным делам. В феврале 1898 г. «Нижегородский листок» был приостановлен на восемь месяцев, и лишь чрезвычайные хлопоты в Петербурге сократили срок запрета до трех месяцев. Кстати, фотография, изображающая Горького в редакции «Нижегородского листка» 3 сентября 1899 г., является своеобразной демонстрацией против цензуры. На оригинале этой фотографии, хранящемся в фондах Музея А. М. Горького, ясно видны гранки, перечеркнутые карандашом цензора: одна повешена на стену, около календаря, другая демонстративно снушена с редакционного стола рядом с газетным листом.

О цензурных притеснениях Горький иносказательно говорит в одной главке «Маленького фельетона» от 23 ноября 1898 г., заводя речь издали: «В пасмурную погоду фонари должны гореть — по указанию календаря на это число — до 6 ¹/₂ часов утра. Но, как известно, г. Иванов руководствуется календарем собственного сочинения, и очевидно, что по его календарю в эту ночь было ни пасмурно, ни ясно и на земле не было ничего достойного освещения. Такое положение дел возможно только для фельетонистов:

они в некотором роде похожи на фонари, ибо тоже освещают, их тоже гасят, когда они разгораются ярко, и часто они не находят ничего достойного освещения, хотя повсюду — царит тьма. Тьма, как известно, очень полезна для фабрикации темных дел...».

Злость и недовольство собой, о которых сообщал А. Е. Богданович, вызваны многими причинами. Но главнейшая из них — необходимость работать для заработка, отрываясь от главного своего дела, романа «Фома Гордеев». Несмотря на большой опыт работы в газетах, Горький считал, что «не умеет писать фельетоны». И действительно, он был художником по преимуществу, а не фельетонистом. Всякого рода дежурные темы — сезонные, календарные, местные, — обязательные для фельетониста, были ему тесны. Он уже отдал им дань в самарскую пору. Теперь у него другой размах крыльев: от «провинциальных картинок» его влечет ввысь, к запросам «живой души» человека.

Кстати, «живой душой» именуется и фельетонист Ежов, этот клубок «дерзкой смелости, ядовитой насмешки, горячей злобы», раздираемый недовольством собой и обществом (ПСС. Т. 4. С. 389). Письма А. Е. Богдановича показывают, откуда Горький черпал эти настроения, и подкрепляют предположение о том, что «маленький фельетонист» создавался параллельно с «Маленьким фельетоном».

И наконец, о роли Ещина. В письмах А. Е. Богдановича, как и в двух других свидетельствах, ничего не говорится об его участии в «Маленьком фельетоне» наряду с Горьким. Куда проще было бы не замечать этого участия (доля Ещина невелика) и таким образом снять главную проблему данной атрибуции, чтобы не усложнять себе задачу. Но для того, кто многократно и придирчиво читал «Маленькие фельетоны» и по собственному слуху определил начало и конец горьковского цикла внутри них, просто невозможно не отличать Горького от Ещина, хотя последний под воздействием яркого соседства несколько подтянулся и пытался писать поживее. Однако это ему плохо удавалось.

Так, как Ещин, Горький писать не мог, даже если «валял руками и ногами», как выразился Владимир Галактионович. «Валял», да не так.

Возможно, когда-нибудь, доля участия Ещина получит документальное подтверждение, но пока и письмо А. Е. Богдановича кое-что разъясняет, помогая понять, как это участие возникло. Горького раздражало, что «какой-нибудь Ещин может делать замечания и указания». Не таков был человек Алексей Максимович, чтобы писать по чужой подсказке. Судя по всему, Ещин тянул в сторону муниципальных проблем и городской злобы дня, а когда Горький не видел здесь «материала подходящего», то сам редактор писал на эти темы дополнительные главки в «Маленький фельетон».

Разумеется, «при первой денежной возможности» Горький прервал работу фельетониста, но эта возможность появилась лишь в конце ноября 1898 г., когда установились прочные отношения

с преобразованным журналом «Жизнь», редакция которого стала посылать Горькому ежемесячную плату 100 руб.

Данная публикация не исчерпывает неизвестное нам участие Горького в «Нижегородском листке». Есть основания полагать, что только в 1898 г. ему принадлежат еще семь статей, помещенных в августе и октябре. Однако это уже другой сюжет, который должен обрести материалом доказательств.

- ¹ См.: *Груздев И.* Горький и капитализм // Октябрь. 1934. № 2. С. 186—187.
- ² Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11. С. 232—233.
- ³ Один из псевдонимов Е. Н. Чирикова.
- ⁴ *Балухатый С.* Литературная работа Горького. М., 1936. С. 53.
- ⁵ См.: Труд. 1937. № 138. 18 июня.
- ⁶ *Балухатый С., Муратова К.* Литературная работа М. Горького: Дополнит. список. М.; Л., 1941. С. 28.
- ⁷ См.: Архив А. М. Горького. Т. 11. С. 190, 191, 232—233.
- ⁸ Архив А. М. Горького. М., 1954. Т. 5. С. 34.
- ⁹ *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч.: В 9 т. СПб., изд. 1-е: А. Ф. Маркс, 1914. Т. V. С. 350.
- ¹⁰ См.: Разд. Установление авторства М. Горького в псевдонимных и анонимных статьях // *Балухатый С. Д.* Горьковский семинарий. Л., 1946. С. 163—169; на с. 167 приведен пример последней ошибки самого Горького.
- ¹¹ См.: *Петрова М. Г.* О псевдониме «О. Б. А.» в «Русском богатстве» // Сов. библиогр. 1984. № 6.
- ¹² Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть указатели литературы: М. Горький в печати родного края, 1959—1968. Горький, 1973; М. Горький в печати родного края, 1969—1977. Горький, 1982.
- ¹³ *Балухатый С. Д.* Горьковский семинарий. С. 169.
- ¹⁴ *Соколов А. Г.* О Горьком-фельетонисте 1890-х годов: (Об авторстве фельетонов о театре за подписью «А.») // Вестн. МГУ. 1953. № 4. С. 137.
- ¹⁵ М. Горький и В. Короленко: Сб. материалов. М., 1957. С. 47, 51.
- ¹⁶ *Соколов А. Г.* Указ. соч. С. 138.
- ¹⁷ *Венгеров С. А.* Критико-библиографический словарь. СПб., 1897—1904. Т. VI. С. 369.
- ¹⁸ *Соколов А. Г.* Указ. соч. С. 140.
- ¹⁹ Дело о описании прежних лет архива сто лет назад и в наше время. Записка члена Нижегородской архивной комиссии В. Г. Короленко. Н. Новгород. (1895). С. 8—10.
- ²⁰ ГБЛ. Ф. 135. Разд. II. К. 32. Ед. хр. 25. Л. 17.
- ²¹ ЦГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 54, 55 об., 56, 60.
- ²² Письма С. Д. Протопонова к В. Г. Короленко от 31 января, 20 и 28 февраля 1899 г. // ГБЛ. Ф. 135. Разд. II. К. 32. Ед. хр. 25.
- ²³ Нижегородский листок. 1898. № 270. 2 окт.
- ²⁴ *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 213.
- ²⁵ Совпадение могло бы быть случайным, но Шебуев в повести «Мужик», написанной через два года, скажет, что ему 32 года (См.: ПСС. Т. 5. С. 386).
- ²⁶ Сам Яков Башкиров «претендовал на то, что Маякин „списан“ с него» (*Бялик Б.* Судьба Максима Горького. М., 1986. С. 105). Публикуемые фельетоны подтверждают эти претензии.
- ²⁷ ГБЛ. Ф. 135. Разд. II. К. 5. Ед. хр. 5. Л. 15.
- ²⁸ Архив А. М. Горького. ФЕН-ВОЛЖ-2-1-26, 32, 34.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

А. М. ГОРЬКОГО И И. Е. ВОЛЬНОВА

Иван Егорович Вольнов и Алексей Максимович Горький переписывались в течение 16 лет — с 1912 по 1928 г. Оригиналы 22-х писем И. Е. Вольнова за период 1912—1916 гг. хранятся в Архиве А. М. Горького. Четыре письма за 1912 г. опубликованы в 70-м томе «Литературного наследства» — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». Шестнадцать писем 1915—1916 гг. опубликованы в книге «М. Горький. Материалы и исследования» (М.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1). Три письма не опубликованы. Ответные письма А. М. Горького за этот период утеряны.

С марта 1916 г. по январь 1921 г. переписки, видимо, не было, или она не сохранилась. Известно, что А. М. Горький и И. Е. Вольнов встречались в декабре 1917 г. в Ленинграде, куда Вольнов прибыл из родной деревни для участия в заседании Учредительного собрания, членом которого он был избран по Орловскому избирательному округу № 3. Встреча запечатлена в очерке А. М. Горького «В глубине России» (Полн. собр. соч.: В 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 16. С. 399—402). Еще одна встреча писателей была в 1919 г. в Москве.

Из переписки А. М. Горького и И. Е. Вольнова 1921—1928 гг. три письма Горького и три письма Вольнова напечатаны в названном томе «Литературного наследства»; ниже впервые публикуются одно письмо А. М. Горького и два письма И. Е. Вольнова. Автографы хранятся в Архиве А. М. Горького.

1. ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

7 марта 1925, Москва

Март, 7-е, 1925

Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович, я получил в день отъезда моего в Москву¹. Должно быть, деревенская бодрость моя чего-нибудь мне стоила — через пару дней, в Москве, меня склянуло, я заболел, у меня начались судороги шеи, копыт и прочих придатков. Человеки, знающие толк в судорогах, сказали: сие от острой неврастении. Лекарства: касторка, клизмы, рвотное и подобное им. Образ жизни: ни пить, ни курить, ни смеяться, ни любить женщин, ни читать-писать, ни считать «рихметику» — нельзя. Спасибо, у Екатерины Павловны² я встретился с С. Я. Елпатьевским³, человеком юным и легкомысленным. «Бросьте, И(ван) Е(горович), глупить; выручайте бабу, которая вас лечит». (Я начал, было, «курс» лечения у невропатолога.) В тот же вечер я напился; говорил ритмической прозой, глотал калоши и кинжалы; на утро онохмелялся. И вот это вот хорошее радостное настроение — кинжалоглотательное — не покидает меня все дни. Так

подействовала на меня Москва после 4-летнего куракинского самостязания. Право, я сейчас похож на 20-летнего послушника, до иступления молившегося со старцы и — перемахнувшего через монастырскую стену на жгуте из собственных подштаников «в мир».

Запоем читаю; бегаю по театрам и кино; забыл, что я «умный»; знаю: буду много и хорошо писать.

Иногда, по субботам и вторникам, хожу даже в «салоны» м-не Никитиной и Я. Окунева⁴, безличного литератора. Милый Алексей Максимович, как там убого и стыдно! По пузо голые бабы из уборных Парнаса, стилизованные (по-расейски) дэнди под кокаином, дон-кихотствующий Иван Рукавишников⁵; (. . .) Виктор Шкловский⁶, бездарный (. . .) Всеволод Иванов (второй Горький?!?! . . . ?! Ура! . .) на фоне разноцветных подёнок от литературы. Зачем я хожу? Хочется видеть, знать, наестся, чтобы потом выблевать и — потерять навсегда вкус к «салонам», жеманной грации базарных печеночниц; крепче утвердиться в старообрядческой вере своей.

Часто бываю у Екатерины Павловны. Условились: в мае, в середине, если я сумею подработать, мы вместе поедem в Sorrento⁷. Пока в литературе мне не везет: меня глушит цензура. Как-то целено: я пережил полосу «лояльности», я совершенно искренне считаю себя крепким сторонником Советов, в будничной жизни я это на каждом шагу подтверждаю своею работой, а в литературе — нецензурен, п(отому) ч(то) даю деревню «такой, как она есть», и не кричу о том, что я честный сторонник Советов. Думаю, что это — временное; все образуется.

Спасибо за вести о сыне⁸, за Вашу ласку и любовь к нему.

«Орловскую Правду» Вам начнут высылать с 15-го марта⁹.

Группа дядей — Силыч, Низовой, Никандров, А. Яковлев, Гладков, Язвицкий, во главе с Любарским Николаем, организовали здесь издательскую артель: «Московское т-во писателей»¹⁰. Есть деньги (Центросоюза). Вступил и я в их гурт. Приблизительно Т-о будет приближаться к типу старого «Московского книгоиздательства писателей»¹¹ (по укладу, не по внутреннему содержанию). Вы — не поддержите? Не дадите чего-нибудь для дешевой «Библиотеки для всех»? Один-два рассказа. Мне поручено просить Вас об этом.

Обнимаю Вас, милый, родной Алексей Максимович. Пишите, — прошу Вас. Адреса у меня пока нет, живу на птичьем положении, временно адресуйте: Москва, Арбат, Староконюшенский пер., д. 33, кв. 11. А. С. Новикову-Прибою, для меня.

Привет Максиму¹².

Ив. Вольнов

2. ГОРЬКИЙ — ВОЛЬНОВУ

17 марта 1925, Сорренто

Дорогой Иван Егорович,
получил Ваше письмо, хорошо, кренко ругаетесь, это приятно читать, и это свидетельствует о несокрушимости Вашего здоровья.

Здесь тоже все ругаются, но — одинаково гнило и бездарно. Ругают же больше всего, конечно, «большевика» и очень надеются, что мужик российский смеет этот перец в порошок, пожрет и покорнейше призовет г.г. эмигрантов: «милые, пожалуйста, садитесь мне на шею, вот она!». Нашли дурака!

Я думаю, что мужик-то «большевика» действительно смеет¹, а то и немолотым проглотит, но именно потому, что он его пожрет — около мужика г.г. эмигранты не обрыбят и никакого профиту сей факт, буде он случится, им не принесет. Им суждено изругать друг друга по гроб жизни и — схизнуть. Вечная память. Помнить их будут долго и есть за что: все-таки они были люди хорошие, работали на совесть. Но когда история требует от лошади силы слона, то тут уж ничего не поделаешь. За лошадью остается право ругаться.

Рад буду, если Вы приедете, очень рад! Вам, гражданин, пора начать работать, давно пора! Все эти Ваши кооперативы, артели и прочес без Вашей помощи заведется. А Вам — писать. Много и хорошо. Так что — приезжайте. Проживем неплохо.

Хорошее — толковое и очень интересное — письмо получил от Низового. Поклонитесь ему. Впрочем — я напишу².

Все-Иванова Вы, пожалуй, поспешили оценить отрицательно; на мой взгляд, он парень, способный понять свои ошибки и поправить их. А что он будто бы Горькому подражал, это — недоразумение. Это выдумал один из критиков, наименее плохо умеющий читать. Вы критикам не верьте, особенно же современным, вроде Шкловского, который в той же мере невежествен, в какой талантлив.

Затем — будьте здоровы. На днях получил открытку от Ильи, он приедет на Пасху.

Макс шлет привет. Жму руку.

А. Пешков

Сорренто 17.III.24

3. ВОЛЬНОВ — ГОРЬКОМУ

12 апреля 1927, Куракино

Почт. отд. Куракино, Орловск. губ.
12.IV.1927

Дорогой Алексей Максимович!

В прошлом году я написал повесть «Встреча». Эта повесть сейчас печатается в «Молодой гвардии». Я просил редакцию журнала переслать Вам №№ 3 и 4, в которых она идет. Просьба к Вам большая: поделитесь, пожалуйста, со мной впечатлением от этой повести¹. Мне это нужно. Очень прошу Вас об этом.

Я снова застрял в деревне. Живу и так и этак. По соседству со мною жил старик Гулькин, трех аршин ростом, с рыжей страшной бородой. Я его чуть помню. Он был (так думалось ему) очень религиозен. Ежедневно он молился — часа 4—5 подряд. Молился так: «Отча», «Богородица», «Милосердия двери отверзи нам».

За ними следовали поминальные покойников и живых. В селе у нас до 180 дворов. Старик поминал их всех на молитве, начиная с крайнего. Вот приблизительный образец молитвы: — «Помяни, Господи, за здравье землячков моих из села Богородского. Вот Николай Афанасьич Махотин — хороший человек, богомольный, не матерный, старому и малому кланяется, на Казанскую затащил меня в хату, три чибарухи захватил мне подряд, индо я насилу до двора доташился. Дай ему, Господи, доброго здоровья, а умрет — царства небесного. А теперь черед за тобой, Кузя Дементьев, сукин сын, стерва, б. . . глаза! Помнишь, как лошадей моих загнал с проса да по целковому с лошади сорвал? Штоб тебе. . . ни дна, ни покрывки на том свете, штоб тебя черти там крючили, семя крапивные! . . Иван Федорович Кулагин, это человек так себе, не плохой, не хороший, дай ему, Господи, ни худа, ни добра на том свете. . .»

И вот мое деревенское житие сейчас похоже на Ивана Федоровича Кулагина. Увлекаюсь организацией сельскохозяйственных артелей, коллективных хозяйств. Прививаю многопольные системы севооборотов, «учу» луговое хозяйство и т. д. Деревня за эти годы изменилась, осветилась. Исчезло враждебное отношение к власти. Всеми правдами и неправдами тянется к знанию, к городу, к культурным способам обработки земли. Читает много книг и газет. Молодежь комсомольствует. Все это очень хорошо. А минусы: разврат и ужасное пьянство. Со слов парней, с которыми я дружу, у нас в селе не больше 5—10 % невинных девушек. Некоторые из них начинают озорничать с 15 лет. Популярны аборты. Между прочим, село наше не является исключением в этом случае.

А в общем, в деревне серо и нудно. Кто чуть пограмотнее, бежит из нее. Может быть, это к лучшему, и этак лет через 100 она вымрет от голода, сифилиса и собственной дикости? А на месте свиных хлевов, в которых сейчас ютится русский мужик, вырастут «артели» и «коммуны»?

Обнимаю Вас крепко, милый, родной Алексей Максимович. Привет Максиму с семьей.

Ив. Вольнов

1

Печатается по автографу (Архив А. М. Горького. КГ-п-17-18-25).

Ответ на письмо А. М. Горького от 23 января 1925 (см.: Лит. наследство. Т. 70. М., 1963. С. 59).

¹ И. Е. Вольнов выехал из родного села Куракина Орловской области в Москву 16 февраля 1925 г.

² Е. П. Пенкова, первая жена Горького.

³ Елнатевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — писатель, публицист.

⁴ Евдоксия Федоровна Никитина в 1914 г. возглавила литературное объединение в Москве, получившее название «Никитинских субботников». В заседаниях, происходивших на ее квартире, участвовали писатели и литературоведы; почетным членом был А. В. Луначарский. При объединении существовало издательство «Никитинские субботники», которое в 1927 г. выпустило книгу И. Е. Вольнова «Рассказы» и книгу «Иван Вольнов» с его автобиографией, критическими статьями о его творчестве и библиографическим указателем его произведений; Окунев Яков Маркович (1882—1939) — писатель.

- ⁵ Рукавишников Иван Сергеевич (1877—1930) — писатель.
- ⁶ Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — писатель, литературовед.
- ⁷ И. Е. Вольнов сумел поехать в Сорренто только в январе 1929 г.
- ⁸ Горький в письме от 23 января сообщал о школьных успехах Ильи Вольнова, родившегося в 1913 г. в Италии; во время пребывания Горького в Сорренто с 1924 по 1933 г. мальчик проводил каникулы в семье писателя.
- ⁹ См. ст.: Громов В. Горький — читатель «Орловской Правды» // Орловская правда. 1967. 23 нояб.
- ¹⁰ «Московское товарищество писателей» (1925—1934) — кооперативное издательство, членами которого были писатели Алексей Силыч Новиков-Прибой, Низовой (настоящая фамилия Туников П. Г.), Никандров (настоящая фамилия Шенцов Н. Н.), Яковлев (настоящая фамилия А. С. Трифонов-Яковлев), Ф. В. Гладков, В. И. Язвицкий и др. В 1934 г. вошло в издательство «Советский писатель». Любарский Николай (Ной) Маркович (1887—1938) — общественно-политический деятель, журналист, член РСДРП с 1906 г.
- ¹¹ Имеется в виду «Книгоиздательство писателей в Москве», существовало с 1912 по 1919 г. Объединяло писателей-реалистов (И. А. Бунин, И. С. Шмелев, А. Н. Толстой, А. С. Серафимович, С. Н. Сергеев-Ценский и др.), руководил товариществом В. В. Вересаев.
- ¹² Максим. Макс — сын А. М. Горького, М. А. Пешков.

2

Печатается по автографу (Архив А. М. Горького. ПГ-ра-9-8-2).

В горьковской дате описки: 1924 год вместо 1925; датируется по почтовому штемпелю на конверте.

- ¹ Вольнов писал Горькому 22 декабря 1925 г.: «Радостно чувствую напрасность страхов города (в частности, Ваши страхи), что деревня сломает революцию и город, потом отгрызнется азиатской деспотией. Не будет этого. Старое кончилось» (Лит. наследство. Т. 70. С. 60).
- ² Переписка Горького с писателем П. Г. Низовым находится в Архиве А. М. Горького.

3

Печатается по автографу (Архив А. М. Горького. КГ-ц-17-18-27).

- ¹ Горький ответил Вольнову 29 апреля 1927 г. подробным разбором повести «Встреча», отмечая высокое искусство писателя в изображении мужиков (см.: Лит. наследство. Т. 70. С. 61).

М. Л. Слонимский

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИГИ

Весной 1919 г. у близких к М. Горькому писателей и ученых возникла мысль об издании юбилейного сборника в связи с 50-летием Алексея Максимовича. Любопытно, между прочим, что никто в ту пору не знал в точности, в каком году родился Горький, и сам Алексей Максимович не мог уверенно ответить на этот анкетный вопрос. Только впоследствии выяснено было, что родился Горький в 1868 г. и, следовательно, чествование и книга опоздали на год.

Времена были весьма трудные — голод, холод, эпидемии. Белогвардейские войска рвались к самым воротам Петрограда. Но, как известно, в те тяжелейшие годы сила революции сказывалась не только на фронтах войны, но и в делах культуры. Нанерекор всем бедствиям рождались и начинали осуществляться грандиозные планы культурных предприятий.

М. Горький жил в ту пору в Петрограде. Он старался сплотить и старых и молодых вокруг одного великого дела — создания новой советской культуры для всего народа, а не для кучки «избранных». Он основал издательство «Всемирная литература», Дом ученых, Дом искусств и т. д., проектировал издание всех лучших произведений мировой литературы, выпуск биографий замечательных людей, популярной книг по разным отраслям знаний и пр. Те планы, развитые и дополненные, действуют по сей день.

К участию в работах Алексей Максимович привлекал ученых, литераторов, всех, кто готов был помочь молодой, только что родившейся Советской республике своими знаниями и опытом. Мысль о юбилейном сборнике естественно родилась среди друзей Горького и товарищей по работе.

К. И. Чуковский, знавший меня с детских моих лет, устраивал мою судьбу после того, как из-за последствий контузии я выбыл из армии. Он привел меня к Горькому, и знакомство с великим писателем определило мою дальнейшую жизнь. Чуковский сделал меня секретарем юбилейного сборника и поручил составить хронологическую канву жизни и творчества Горького, а вскоре после того я стал секретарем издательства, руководимого Горьким, и оказался чуть ли не в ежедневном общении с Алексеем Максимовичем. Такие скачки нередко случались тогда в биографиях юнцов. Время было молодое.

Порученная мне работа захватила меня. С огромным азартом принялся я за изучение жизни и творчества писателя, произведения и личность которого с детства пленили меня. Предстояло установить даты наиболее значительных событий в жизни Горького, а также даты написания и напечатания его вещей. В этой суховатой работе открылись для меня залежи поэзии. Передо мной разворачивались яркие картины прошлого, бурные страсти, огромные масштабы борьбы.

После службы, поев мороженой картошки или воблы, я бежал в Публичную библиотеку и погружался там в комплекты старых газет, испытывая все ощущения открывателя новых земель, исследователя неведомых дебрей. Роясь в «Волжском вестнике», в «Нижегородском листке», в саратовских, самарских и прочих газетах, я находил ряд ценных произведений Горького, забытых и самим автором.

Почтеннейшие ученые В. И. Саитов и С. А. Переселенков не отказывали мне в советах и указаниях. Переселенков, прихрамывая, опираясь на палку, иногда подходил ко мне, и я чувствовал на своем плече руку старого ученого и слышал его голос:

— Хорошо идет дело?

А дело шло неплохо.

Однажды мне удалось найти даже целый роман — «Горемыка Павел», ни в одну из книг Горького не входивший и оставшийся затерянным в газете.

Никогда я до того не думал, что окажусь вдруг в роли библиографа, совсем не к тому как будто шла жизнь, но тут я понял, что библиография — замечательное дело, требующее вдохновения и таланта, уж не говоря о скрупулезнейшей точности. С тем большим почтением я отношусь по сей день к труду библиографов, что сам я только ненадолго прикоснулся к нему, — я оказался все же не подходящим для этого дела человеком.

Проработав, я выходил на пустынные, замерзшие улицы города, с красноармейскими патрулями, с кострами на перекрестках. Голодный, холодный Петроград жил в боевом напряжении. Но то прошлое, которое я так старательно размечал по датам, имело самое непосредственное касательство к Красному Петрограду 1919-го года. Биография Горького пролегалa по самым главным, основным путям жизни страны и народа, она органически связана была с историей России и революции, и такое скромное дело, как составление хронологической канвы, оказалось весьма поучительным. Работа, порученная мне, воспитывала, развивала «чувство истории», помогала осмыслить происходившие события.

Алексей Максимович просил отменить издание посвященного ему сборника. Но моя работа, уже превращавшаяся в биографию Горького, продолжалась. Я давал Алексею Максимовичу написанные главы, и он возвращал мне их с замечаниями на полях, иногда передавал мне исписанные листки со сведениями не о себе, а главным образом о людях, которых он помнил и ценил. Как-то, например, он дал мне записку о Ромасе. Однажды я представил Алексею

Максимовичу список найденных мною в газетах его вещей, но он просил принести ему только, помнится, два или три рассказа, среди них — рассказ «Схимник».

Мой азарт был так силен, что даже когда меня свалила дезинтерия, то, чуть только немножко снизилась температура, я вновь взялся за работу. К. И. Чуковский и его жена Марья Борисовна принимали трогательное участие в моей судьбе. Они не побоялись привести ко мне, заразному больному, своих детей Лидию и Николая, и я им диктовал свою книгу. Марья Борисовна шефствовала и надо мной, и над детьми. Я бы, наверное, умер, если б не она и Корней Иванович.

Едва выздоровев, я тотчас же устремился в Публичную библиотеку, к наслаждениям поисков и находок.

На курсах комсомола и на курсах милиции, где я вел запятия, я посвятил Горькому специальные семинары. В Доме литераторов я сделал доклад о вновь найденных данных жизни и творчества Горького. В № 4—5 «Вестника литературы» за 1920 г. были опубликованы отрывки из моей работы под названием «Новое о Горьком», издатель З. И. Гржебин предложил мне выпустить написанную мною биографию Горького, и я согласился.

Похоже было, что работу я завершил. Оставалось поставить последнюю точку. И вот эта последняя точка почему-то никак у меня не получалась. Издатель считал книгу законченной, но я чувствовал, что чего-то в ней не хватает. И я тянул и тянул с окончательной сдачей рукописи.

В то же время я начал пробовать свои силы в художественной литературе. Меня и раньше влекло к писанию, а сейчас работа над биографией Горького дала, видимо, последний толчок. Однажды я решился показать Алексею Максимовичу свои первые беллетристические опыты, и он отнесся к ним с удивительным вниманием и доброжелательством.

Но как быть с биографией Горького? Я никак не мог понять, чем я в ней недоволен. И наконец я отдал ее в издательство, назвав не биографией, а «материалами для биографии».

Чем дальше, тем яснее мне становилось, что я не литературовед и что именно поэтому не могу я наложить самые, что называется, последние мазки на свою книгу о Горьком. Рассказы я писал один за другим, а вот тут какая-то заминка.

Издательство перенесло набор и печатание книг для Советской России в Берлин, куда и отправилась вместе с другими и моя рукопись. Однако поднясь в печать я не давал. Ощущение незавершенности работы мучило меня.

В ряде воспоминаний, в том числе и в моих, много говорилось о рождении советской литературы, в частности о кружке «Серапионовы братья», члены которого собирались у меня в комнате в Доме искусств с 1 февраля 1921 г. В своей «Книге воспоминаний» я подробно пишу о том времени, о том, как заботливо пестовал нас, «Серапионов», Горький, как помогал не только в литературной работе, но и в нелегком нашем быту. Осенью 1921 г. Алексей

Максимович уехал для лечения за границу, но и оттуда не оставлял нас своей помощью, своими советами. Письма его к нам были полны трогательной заботы, он и оттуда продолжал помогать нам.

Тем временем издательство набрало в Берлине мою книгу о Горьком, и я получил сверстанный экземпляр для корректуры и подписи в печать. Прочел, и опять мною овладели сомнения. Чего-то не хватало, какого-то литературоведческого оформления, может быть, чего-то очень малого, но необходимого. Как тут быть?..

И я не возвращал верстку, держал у себя и не подписывал в печать.

Наконец, я изложил все свои соображения в письме к Горькому. Алексей Максимович ответил мне 10 сентября 1922 г.: «Дорогой мой Михаил Леонидович. Вы хорошо делаете, отказываясь издавать „Материалы“, — в том виде, как они сделаны, они бы несколько скомпрометировали Вас. Я давно хотел сказать Вам это, но было неловко как-то, не хотелось мешать Вам. Но теперь, когда я чувствую, что в это время как одни чрезмерно — на мой взгляд — ласкают Серапионов, другие зорко присматриваются, за какое место большее укусят вас, — теперь Вашу книгу встретили бы с радостью злой и Вам неприятной».

В ту начальную пору в только что родившейся советской литературе было очень шумно, весело, драчливо. Было много восторженных воплей и не меньше — отчаянной хулы. На серапионов, не успевших еще как следует встать на ноги, с яростью бросились «внутренние эмигранты» (один из них взял даже не оставляющий никаких сомнений псевдоним «Удушьев») и в то же время трепали нас и пролетарские леваки. «Дифференцировали» жестоко: эти годятся, эти не годятся, этот — «зелень», а этот — «плесень» и т. д., и все это по отношению к только-только начавшим литературный путь молодым людям. Мы были с Горьким, со старшими товарищами, соединившими свою судьбу с революцией и Советской властью, с поднявшейся во всей стране молодой литературой, с серьезными критиками, — но все же обстановка была очень и очень сложная, и Алексей Максимович в письме ко мне все это учитывал. Надо прибавить, что и по отношению к Горькому иные критики не стеснялись в нападках.

Получив письмо Горького, я сообщил издательству, что работу считаю недоделанной и корректуру поэтому не подпишу. Издатель З. И. Гржебин отозвался 5 октября 1922 г. сравнительно спокойно: «... Вы очень огорчили меня своим письмом. Переделать работу, когда вся книга готова набором, сами понимаете, какой это убыток. Но, по-видимому, другого выхода нет. И приходится волей-неволей согласиться. Но прошу Вас по крайней мере не затягивать эту работу и теперь сделать ее уже вполне законченной. Эту книгу многие ждут. В дни юбилея Алексея Максимовича вся печать дала сведения, основываясь на Вашу работу. Вы, вероятно, читали...»

Нет, я тогда не читал и только потом узнал, что в номере «Литературного приложения» к газете «Накануне» от 1 октября 1922 г.

солидное место занимала написанная мною биография Горького. «Литературное приложение» выходило под редакцией А. Н. Толстого. Оказалось, таким образом, что издательство, хотя бы и через газету, все-таки опубликовало мою книгу (не знаю и сейчас, полностью или нет). Ссылка же на юбилей касается, очевидно, 30-летия литературной деятельности Алексея Максимовича. Были ли еще где публикации, кроме «Накануне», — не знаю, так и не смог выяснить.

31 января 1923 г. я получил уже сердитое письмо от издателя, он требовал корректуры и предупреждал: «Если вы не сообщите точно, когда вернете нам эту книгу в исправном виде, мы вынуждены будем печатать книгу в том виде, как она лабрана...». Алексей Максимович в ответ на мое обращение к нему писал мне 13 марта 1923 г.: «Дорогой мой друг, в конце концов — совершенно неважно, какова будет книга о Горьком, а важно, чтобы Михаил Слонимский писал рассказы...».

Тогда мне было непонятно, почему я заинулся на финише, да еще так, что никак не мог довести дело до конца. Теперь мне думается, что, может быть, как раз пригодилось бы для окончательного «оформления» нечто лирическое, даже романтическое, что шло с пера. Но по молодости лет я стеснялся этой лирики и добивался чего-то «научного». Горького я очень любил, выразить это чувство в каких-то наукообразных выражениях, конечно, не мог, а без этого книга казалась мне незавершенной. Алексей Максимович все это, я думаю, понимал и поэтому соглашался на любой вариант.

Не знаю, как я поступил бы. Но издательство вскоре закрылось, прекратило свое существование, и вопрос о печатании им моей книги естественно отпал. Однако я отнюдь не отказывался от мысли об издании книги. Какова бы она ни была, в ней заключалось много найденных мною новых фактов, да и много души вложил я в эту работу. Нельзя, чтобы она залеживалась. Но как завершить ее?..

Как раз в это время с предложением издать написанную мною биографию Горького обратилось ко мне ленинградское издательство Кубуч. И тут я решил, как быть.

Среди моих товарищей по кружку «Серационовы братья» был критик — Илья Груздев. Каждый из нас, прозаиков и поэтов, уже шел своим путем, мы печатались в журналах, альманахах, газетах, выходили у нас и книги, а Груздев все еще не нашел своего главного, основного дела в жизни, в литературе. Вот я и решил дать ему дело в руки, полагая, что он, критик, сможет придать моей книге «литературоведческое оформление», которое мерешилось мне как абсолютная необходимость, без него, я полагал, нельзя печатать написанную мною биографию Горького.

Груздев очень обрадовался, прямо загорелся мыслью о работе над жизнью и творчеством Горького. И я передал ему верстку книги и все остальные материалы. В Кубуч я сообщил, чтобы они считались с Груздевым как с автором.

В своих воспоминаниях К. И. Чуковский пишет о том, как я собирал материал для биографии Горького и как «впоследствии все свои материалы подарил Илье Груздеву, который вскоре после того и стал „горьковедом“»¹. Об этой моей работе вспоминал также В. Шкловский.

28 апреля 1925 г. я писал Горькому: «...серанноновский критик Груздев пишет о Вас большую работу для Госиздата. Я ему передал все имевшиеся у меня материалы и ту свою книгу, которую я писал для Гржебина: ведь все-таки досадно, если б собранный в книжке материал пропал, — а я оказался явно неспособным к серьезной ист.-литер. работе. Параллельно он сделал книжку (популярную) — для Кубуча. Я думаю, что Вы ничего не имеете против этого: Груздев напишет все же толковее и лучше, чем кто-нибудь из нынешних борзонищцев!»²

А вот что 12 августа 1925 г. пишет Груздев в первом своем письме к Горькому о книге для Кубуча: «Это не что иное, как работа Слонимского, переделанная мною в популярную книжку с соответственными добавлениями. Признаюсь, меня немало смущало мое на $\frac{3}{4}$ фиктивное авторство, но жалко было не использовать материала, а на другие комбинации Слонимский не соглашался. Да и нужно было выпустить этот очерк, не дожидаясь большой книги»³.

Я никогда не сверял свою рукопись с книгой, никогда не сверял с книгой и публикацию в «Литературном приложении» к «Накануне». Чуковский определил правильно. Я подарил свою работу Илье Груздеву, отдал ему и верстку, и все материалы, в мою книгу не вошедшие. А уж раз начав дарить, я отказался и от соавторства, все предоставив одному Груздеву. Да, попросту все подарил, что называется, от щедрот своих. Такая уж была у нас жизнь, такое было время. Вот так и получилось, что биография Горького, написанная, по признанию самого Груздева, на три четверти мною, в многочисленных изданиях несла, по моей воле, одно только имя Груздева.

Рукопись моя с пометками и замечаниями Горького тоже пошла к Груздеву. Должен сознаться, что об этом и потом пожалел. Эту память о Горьком, о работе над биографией Алексея Максимовича можно было оставить у себя. Я боялся, что рукопись затерялась, и вот — меня чрезвычайно обрадовало письмо Гиви Доментьевича Гвенетадзе, который сообщал мне, что рукопись находится в целости и сохранности в Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы АН СССР. Пользуюсь случаем принести товарищу Гвенетадзе свою искреннюю благодарность.

Вот, в сущности, и вся история этой биографии Горького.

И. А. Груздев имеет определенные заслуги как «горьковед», исследователь творчества Горького, и я, в общем-то, могу быть доволен, что помог ему в начале его литературной деятельности.

¹ Чуковский К. И. Собр. соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 489.

² Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11: Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. С. 21.

³ Там же. С. 19.

ПОМЕТЫ А. М. ГОРЬКОГО
НА КНИГЕ М. Л. СЛОНИМСКОГО
«М. ГОРЬКИЙ. МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ»

Можно продолжить рассказ М. Л. Слонимского об истории его книги, посвященной А. М. Горькому. В двух машинописных вариантах работы, переданных И. А. Груздеву, не была указана фамилия автора. Находясь среди богатейшего архивного наследия Груздева, поступившего после его смерти в Архив А. М. Горького, эта работа долгое время считалась принадлежавшей Груздеву. Как бы продолжало действовать то условие, которое поставил Слонимский, отдавая свою рукопись собрату-«сераниону»: он отказался от соавторства, предоставив свой труд в полное распоряжение Груздева. Впервые об отношениях М. Л. Слонимского и И. А. Груздева рассказал Б. А. Бялик (приведя отрывки из писем Слонимского к нему) в предисловии к XI тому «Архива А. М. Горького»¹. Позднее грузинский литературовед Г. Д. Гвенетадзе, знакомясь в Архиве А. М. Горького с груздевскими материалами, обратил внимание на рукописные пометы в двух названных машинописях, не принадлежавшие Горькому. Но почерку ему удалось установить, что это пометы, а также и весь машинописный текст принадлежат М. Л. Слонимскому².

«Материалы» охватывают период от рождения А. М. Горького до возвращения его в Россию из Италии в декабре 1913 г. Написанная в 1919—1920 г., эта работа по тому времени представляла достаточно полный свод биографических сведений о Горьком. Автор был скуп на свои собственные оценки и суждения, давая «слово» в первую очередь конкретному факту, библиографической справке, подлинному документу, горьковскому высказыванию или воспоминаниям современников. И в этой строгой фактичности состояла ценность «Материалов» М. Слонимского. Внимательное изучение провинциальной прессы, где сотрудничал молодой Горький, позволило Слонимскому обнаружить ряд «забытых» горьковских текстов, не включенных писателем в собрания сочинений.

«Материалы для биографии» Горького, более полувека назад собранные молодым писателем-энтузиастом, утратили качество научной новизны, но интересны и бесценны в другом: они хранят на своих страницах собственноручные пометы А. М. Горького. Писатель внимательно и не один раз прочел этот труд, посвященный его жизни и деятельности, и оставил на полях и в тексте работы, а иногда и на отдельных листах бумаги свои замечания. Пометы Горького различны по характеру и объему. Мы находим здесь и стилистические, чисто редакторские поправки, и разверну-

тые описания целых жизненных эпизодов, характеристики людей и событий.

Горький уточняет некоторые моменты своей биографии, дает подчас иное истолкование фактов, приведенных Слонимским, критически оценивает ряд источников, из которых тот черпал сведения, отзывается о своих произведениях. Замечания Горького открывают перед биографом новые пути исследования, акцентируют его внимание на недостаточно освещенных вопросах.

Большинство поправок относится к первому варианту работы. Второй вариант был вновь прочитан писателем и в ряде случаев содержит новые пометы.

Замечания, сделанные Горьким, показывают, что он был яростным противником юбилейно-восхваляющего стиля, «житийного» тона изложения, устранял все, что могло привести к идеализации «героя», канонизации его личности, что могло выделить ее и возвысить над другими. Позднее, в письме к И. А. Груздеву, Горький назовет себя типичным русским литератором XX в.³ Именно таким он хотел видеть и героя книги Слонимского. Однако это было не пожеланием «заинтересованного лица», а объективным требованием к произведению биографического жанра, к биографии писателя, представителя своей эпохи, помогающего понять всю ее сложность, отражающего ее основные тенденции. Литературный процесс, общественно-политическая борьба, столкновение мнений, «суматоха эпохи»⁴, как выражался Горький, — вот что должно быть в центре внимания автора биографической книги и во что должна быть «вставлена» личность писателя. Эта принципиальная позиция Горького в вопросе о том, как надо освещать героя в книге-биографии, отчетливо проявилась даже в стилистической правке, устраняющей различного рода преувеличения. Так, по поводу фразы в первом варианте «Материалов»: «В этом же — 1902 году Горький выступил на новом поприще — драматическом, — и его ждал тут также [небывалый] успех» — на полях Горький пишет: «Слишком много эпитетов „небывалый“, „исключительный“ и т. д. Лучше писать более объективно» (I, 80)⁵. Следующее утверждение вызывает аналогичное замечание писателя. Слонимский пишет: «Имя Горького в связи с назревавшими событиями стало ненавистно для реакционной части общества и было окружено ореолом славы и величия для революционеров, особенно молодежи» (I, 97). «Надо бы скромнее!» — посоветовал Горький, и автор вычеркнул вторую половину фразы, со слов «и было окружено»...

Нетерпимость к «высоким» эпитетам по отношению к своей особе была присуща Горькому всегда. Выступая, например, с речью на I съезде писателей, он начал с шутки: «Уважаемые товарищи, мне кажется, что здесь чрезмерно часто произносится имя Горького с добавлением измерительных эпитетов: великий, высокий, длинный и т. д.». Но продолжал всерьез:

«Не думаете ли вы, что, слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост и значение других?»⁶ В этих и подобных им словах не было ни кокетства, ни

уничтожения паче гордости — в них сказалась глубокая убежденность Горького в том, что писатель — это вовсе не исключительная личность, с неизменно присущими ей причудами, немыслимыми поступками, экстравагантной внешностью, каким, к сожалению, любили его изображать некоторые из мемуаристов. Вот почему, читая книгу Слонимского, Горький особенно строг к манере обрисовки героя, его внешности, поведения. Характеризуя самарский период жизни писателя, Слонимский использовал выдержки из воспоминаний А. Треплева (А. А. Смирнова) «М. Горький на Волге»⁷.

Эти воспоминания вызвали иронические замечания Горького. Треплев описывает внешность нового сотрудника «Самарской газеты»: «...Старенькая, темная рубашка, подпоясанная узким кавказским поясом, хохлацкие штаны, синие, бумажные; сапоги татарские, мягкие, с вставками из кусочков зеленой, красной и желтой кожи; в руках — толстая, суковатая палка, на голове черная мягкая шляпа с большими обвисшими от дождя полями. Из-под шляпы висели длинными прядями светлые волосы». Горький пишет на полях работы Слонимского, рядом с приведенной цитатой: «В сафьяновых сапогах не ходил, суковатой палки не носил и — какие же у меня светлые волосы, если я шатен?» (I, 32). Более резкое замечание вызвано следующим сообщением А. Треплева, приведенным автором «Материалов»: «[Работал Горький, по собственным его рассказам, без передышки, иногда, когда он уже стал своим человеком в газете, ему приходилось составлять чуть ли не весь номер целиком. Иногда он так и засынал на редакционном столе. Он, впрочем, не забывал и прежних занятий и работал иногда крючником. Очень любил удить рыбу и, чуть выдастся свободная минутка, уходил на реку с удочкой]». Горький резюмирует: «Все это не верно. Терпеть не могу удить!» (I, 33). Писателю пришлось прочитать много всякого рода «воспоминаний», «этюдов», статей о себе, в которых «ошибка памяти», субъективизм описаний часто переходили в прямые измышления, выдумку, в желание мемуариста представить популярного автора непременно в необычайном виде. Это всегда вызывало у Горького чувство протеста.

Родилась, например, в 90-е годы легенда о Горьком — «невце босячества», идеализирующем людей дна, видевшим в них своих героев, «родных по духу» людей. Горький много раз опровергал эту легенду и доказывал, что он не звал идти «в босяки», что он видел всю безысходность их «невозмутимого отчаяния», но ценил, однако, протестантский дух отверженных. И в работе Слонимского он вдруг увидел мелкий, казалось бы, штрих: фразу о босьяках, «свободная жизнь которых привлекала и прельщала» молодого Горького. Алексей Максимович заменил слова «привлекала и прельщала» на «интересовала и привлекала», более точно воспроизводящие его истинное отношение к босьякам.

Получила распространение и другая легенда — о горьковской резкости, даже грубости, — превращаясь в своего рода штамп,

в устойчивую характеристику писателя. Это тоже обнаружил Горький в «Материалах» и тщательно выправил весь эпизод, в котором описывался известный случай, происшедший в фойе Художественного театра в 1900 г.: «Горький [уже хорошо знакомый с Чеховым], будучи в Москве, пришел однажды на представление одной пьесы Чехова. А. П., в то время уже больной, тоже был в театре. Публика, увидев Горького, толпами ходила за ним в антрактах, явно и, как показалось Горькому, даже демонстративно игнорируя присутствие Чехова. Наконец, публика стала ломиться в ложу, где сидели писатели, сломала ручку двери, тогда Горький, наконец, не выдержал и резко обратился к глазевшим на него людям [с обычной своей резкостью]. — Я [не Венера Медицейская], не пожар, не балерина, не утопленник, чтобы на меня смотреть» (I, 62).

Поправки Горького позволяют перенести акцент с его собственной личности на Чехова. Этим не просто уточняется запись Слонимского, не знавшего, что на спектакле присутствовал Чехов, но как нельзя более ясно раскрываются подлинные причины горьковской резкости, вовсе не изначально свойственной его натуре, а вызванной беззастенчивым поведением театральной публики. А. Тренлев, на мнение которого вновь ссылался Слонимский, попытался увидеть в отповеди публике «добрую шутку» Горького, однако писатель возражает: «Едва ли это так, — пишет он на полях. — В столкновении с публикой Худ. театра у меня не было никаких „ласковых“ чувств, ничего, кроме обиды на людей за их отношение к литератору, старшему и более значительному, чем я» [I, 63].

Во II варианте, сохраняя горьковские дополнения, Слонимский обогащает этот эпизод новыми, более достоверными, чем воспоминания А. Тренлева, материалами из периодики, в том числе письмом Горького в редакцию газеты «Северный курьер» от ноября 1900 г., в котором писатель выражает протест против искажения «газетчиками» его слов и всего, что произошло в театре⁸. Таким образом, первоначальный эпизод полуанекдотического характера превращается в интересное маленькое исследование по конкретному, но отнюдь не узко личному вопросу. Новый «тон» описываемого эпизода задал Горький.

Хочется выйти за рамки работы Слонимского и сослаться еще на один пример характерной горьковской правки, свидетельствующей об его устойчивой позиции в оценке биографических материалов. В 1928 г. в газете «Красная Татария» (Казань) были напечатаны воспоминания И. А. Картиковского, в которых воспроизводилось несколько эпизодов из жизни Горького в Нижнем Новгороде середины 80-х годов⁹. Газетная вырезка с горьковскими пометами на ней сохранилась, как и «Материалы» Слонимского, в архиве И. А. Груздева, видимо посланная писателем своему биографу не только для сведения. Как же отнестись к этим воспоминаниям писателя? Первое знакомство двух мальчишек, игры детворы в «бабки», совместное пение народных песен, походы в лес за грибами — все эти эпизоды не вызвали замечаний Горь-

кого. Но как только автор начинает рассказывать о каких-то необычных случаях из жизни своего товарища, стараясь выделить его из числа сверстников, возвысить над ними, подчеркнуть, что он был не таким, как все, — тут же горьковский красный карандаш испещряет газетную вырезку всевозможными пометами.

«Максимыч разбивал свои взгляды на конституцию. Она не удовлетворяла его, *он требовал республики*» — сначала Горький подчеркнул выделенные слова, а потом эти и последующие фразы об ожидании Конституции в России и рассуждения о ней 14-летнего Алеша Пешкова вычеркнул совсем. Та же участь постигла и сообщение Картиковского о «порядочном количестве» поэм в стихах, которые сочинял в то время Пешков, исписывая «целые вороха бумаги» и повествуя «в основном о чертях». Резюме Горького по поводу вычеркнутого текста было коротким, но решительным: «Ченуха!». Недоверие писателя вызвало и описание спора Максимыча со старообрядцем о расколе, и приписываемое ему «обычное» приветствие: «тысячу чертей, миллион дьяволят вам!». Перечеркнув текст крест-накрест, на полях Горький написал: «Не похоже на правду». Мемуарист описывает и более позднюю встречу с Горьким в 1891 г., когда они говорили на самые разные темы. «Между прочим, — пишет Картиковский, — он сказал мне, что в одной из одесских газет была напечатана его статья о *штунде*». Подчеркнув выделенные слова, Горький опять написал на полях: «Ченуха»¹⁰. Все эти пометы по своему характеру, как видим, близки к тем замечаниям, которые делал Горький по поводу воспоминаний Тренлева на рукописи Слонимского, и вызваны сходными причинами.

Писатель действительно предостерегал своих биографов от увлечения, вслед некоторым мемуаристам, броскими и зачастую вымышленными эпизодами его биографии¹¹. Подчас он был склонен даже уменьшить свое значение, чтобы не заслонить собой живой картины времени. Слонимский писал о журнале «Жизнь»: «...пользовался [благодаря сотрудничеству Горького] необычайной популярностью [но Горький же был причиной закрытия его, поместив в кн. IV знаменитую «Песнь о Буревестнике», навеянную демонстрацией 4 марта у Казапского собора]». Горький вычеркнул в этом тексте взятые в скобки слова и заметил на полях: «Не верно. „Жизнь“ была закрыта за то, что полиция сменила провокатора Татарова с писателем Скитальцем, который ночевал в редакции. Татаров в то время только что возвратился из ссылки и жил [кажется] нелегально, хотя, кажется, уже служил в охране» (I, 63). В данном случае ближе к истине был Слонимский, назвавший подлинную причину закрытия журнала, в то время как Горький, приведя интересный факт, указал скорее на непосредственный повод к прекращению издания «Жизни».

Скучно дополняя «Материалы» сведениями о себе, напротив, как видим, существенно сокращая такие сведения, Горький охотно делился воспоминаниями о событиях, — тем более значительных,

исторических событиях, — свидетелем и участником которых он был. «Пришел 1905 год, — пишет Слонимский, — страшное 9 января, вызвавшее депутацию писателей к С. Ю. Витте и арест Горького как участника этой депутации» (I, 101). «Это следовало бы рассказать более подробно, — предлагает биографу Горький, — ибо это факт значительный для *всей* русской литературы». И далее, когда Слонимский вновь возвращается к данному эпизоду, писатель уточняет и дополняет его. «В публике был один рабочий», читаем у Слонимского. Горький называет его фамилию — Кузин — и пишет о нем: «Он оказался провокатором»; о генерале Рыдзевском: «...принял грубо, даже не пригласил сесть стариков депутации Анненского, Семевского»; вместо утверждения Слонимского, что «Витте депутацию не принял», сообщает: «У Витте на Каменноостровском депутация была принята, разговаривала с В. более часа, говорили Анненский, Мякотин, Пешехонов и еще кто-то» (I, 142).

На отдельном листе бумаги Горький пишет о Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве: «Московское восстание. На квар. Горького заседал исполнительный комитет по ликвидации восстания. Квартира — против Манежа, центра войск, укрощавших мятеж. Подробности может сообщить Десницкий, Рожков, Бор. Позери» (II, Приложения).

Эти впервые публикуемые строки вносят в революционную биографию писателя уточнение, касающееся одного из важнейших ее периодов. Из ряда сохранившихся документов и писем, из воспоминаний участников революции 1905 г., связанных во время Декабрьского восстания с Горьким, известно, что на его московской квартире изготавливались бомбы, хранилось оружие, что квартира писателя служила связующим звеном для уцелевших участников восстания. Недавно в личном деле В. И. Богомолова в ЦГАОРе обнаружен документ-справка о деятельности Богомолова (Черта) во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве, подписанная Горьким. Горький писал, что Богомолов «входил в состав одной из действовавших в Москве кавказских боевых дружин, штаб которой находился на моей квартире»¹². Но здесь же происходили и заседания исполнительного комитета, руководившего организованной ликвидацией вооруженного восстания. Этот факт, сообщенный самим Горьким, обогащает наши знания об участии писателя в первой русской революции.

Горький придавал большое значение своей заграничной поездке в 1906 г. и одной из ее главных задач — агитации против предоставления займов русскому правительству. Страницы работы Слонимского, где говорится о пребывании писателя в Европе и Америке и его общественной и партийной миссии, содержат целый ряд горьковских помет. К фразе: «Правительство Франции пошло на предложение русского правительства, заем был заключен», — писатель добавляет: «Из Германии было написано Горьким письмо А. Франсу и Ок. Мирбо¹³ с протестом против займа. Франс ответил любезным письмом, в котором выражал свое сожаление по поводу

займа и сокрушался, признавая неизбежность факта» (I, 149, оборот).

Задерживалось ли внимание Горького на событиях широкой исторической значимости или на более частных фактах, неизменными оставались критерии оценки книги Слонимского, в которой писатель хотел видеть прежде всего отражение основных общественных тенденций своего времени. Горькому не понравилось, как рассказано о работе молодого Алексея Пешкова почным сторожем на станции Добринка. Слонимский цитировал статью некоего Безобидного, опубликованную в 1901 г. в «Самарской газете». Автор описывал службу Горького как серию юмористических эпизодов из жизни будущего знаменитого писателя. «Ченуха!» (I, 13), — написал Горький на тексте Безобидного.

Но он рекомендовал биографу отметить более значительный жизненный факт: «ададуровщину», возникшую на Грязе-Царицынской железной дороге. Писатель объясняет суть «призыва», с которым обратилось железнодорожное начальство к «неблагонадежным людям»: «Целью такого приглашения разных поднадзорных и политически неблагонадежных людей было по идее М. Ададунова — известного железнодорожного деятеля — желание привлечь на службу Грязе-Царицынской дороги возможно большее количество честных людей для борьбы с невероятным воровством» (I, 12).

А какой ценный материал для историка литературы представляла следующая запись писателя, раскрывающая имена людей, суммарно названных Слонимским «группой поднадзорных», среди которых, указывает Горький, «были писатель Старостин-Мапенков, журналист М. Я. Началов, братья Степановы, бывшие ссыльные, пропагандисты среди молокан Сарат. губ. — об одном из них говорит Стенник в „Подпольной Руси“, — морской офицер Мазин, статистик Пономарев, офицер Матвеев, томск. семинарист Покровский, переплетчик Лахметка, солдат Брусков, киевский пропагандист — народник Амвросий Кулеш, студент Алабышев и еще десятка два подобных же фигур» (I, 13). Читая второй вариант «Материалов», Горький внес еще одно уточнение: когда Алексей Пешков появился, эта группа людей «уже служила» на Грязе-Царицынской железной дороге, а не приехала вместе с ним (II, 191), о чем сообщал Слонимский. Замечания Горького позднее, вероятно, послужили для И. А. Груздева толчком к подробному исследованию «ададуровщины» как своеобразного социального явления в его книге «М. Горький и его время», где и были процитированы¹⁴.

Так, от страницы к странице писатель дополняет «Материалы» Слонимского общественно значительными фактами своей биографии, расширяет круг лиц, с которыми общался и которые оказали воздействие на формирование его личности. Горький щедро делится с биографом обширнейшими запасами сведений о людях, встреченных на пелатках дорогах его жизни.

К Михайлу Антоновичу Ромасю, принявшему живое участие в судьбе молодого Горького в один из самых трудных для него периодов, писатель сохранил теплое чувство на всю жизнь. «Я очень многим обязан ему», — вспоминал Горький в 1921 г. — «Из всех моих знакомых той поры он один отнесся ко мне внимательно и серьезно»¹⁵. Предвосхищая страницы «Моих университетов», где запечатлен образ этого мужественного человека, Горький вписывает в текст работы Слонимского свои дополнения и уточнения: «По выздоровлении Горький был приглашен Михаилом Антоновичем Ромасем — бывшим политическим ссыльным (в 1892 году вновь арестованным в Смоленске и сосланным по делу «народоуправцев» Натансона и др.) — в село Красновидово Свияжского уезда. Там Ромась на средства кружка народников открыл лавку, которая должна была служить [прикрытием революционному кружку] *целям партийной пропаганды* (. . .) *деревенские кулаки, чувствуя в Ромасе врага, подожгли его лавку, сгорело все, что было в ней, а также много ценных книг Ромася. Во время пожара Ромася и Горького мужики хотели убить, помешало тому только железное спокойствие Ромася и значительная физическая сила его и [молодого] Горького*» (I, 12).

На отдельных листах бумаги писатель рассказал о Ромасе и их совместной работе в Красновидове еще более подробно, тут же подправляя, стилистически отшлифовывая свой текст. Вспоминая о тяжелых днях после покушения на самоубийство, Горький писал, что «уехал в Свияжский уезд, в село Красновидово на Волге, где бывший ссыльный Михайло Антонов Ромась открыл [лавку] — в целях революционной пропаганды — [лавку] *мелочную торговлю*. Дело пошло очень успешно, около лавочки Ромася быстро сгруппировались наиболее разумные мужики [деревни] Красновидова, и это не могло, конечно, укрыться от внимания местных кулаков и начальства. Вскоре один из мужиков, наиболее близких к Ромасю и Горькому, Изот, был неизвестно кем убит и брошен в Волгу, в Ромася стреляли ночью из ружья; начинив порохом полено дров, взорвали нечь в избе, занимаемой Ромасем, и, наконец, [однажды в августе] *в июле*, жарким утром — подожгли избу и лавку. Во время пожара, истребившего одиннадцать дворов, мужики пытались [убить] *бить* Ромася и Горького и, наверное, убили бы, но этого не случилось, благодаря непоколебимому спокойствию Ромася и недюжинной силе Горького. Пожар, конечно, разорил Ромася и принудил его уехать из Красновидова в Вятскую губернию все для тех же целей пропаганды среди крестьян. В 92 г. Ромась был арестован в Смоленске как организатор тайной типографии, по делу „народоуправцев“ [вместе] Марка Натансона, Лажавы, Мациевича и других, и второй раз сослан в Якутскую губ. на 10 лет. Горький встретился с ним еще раз только уже в 903 г. в Седлеце, где Ромась жил, отбыв ссылку» (II, Приложения). В конспективных сжатых записях Горького о Ромасе выделено главное в этом человеке — его убежденность в необходимости просветительской и революционной пропаганды в деревне.

Горький дополнил работу Слонимского и великолепным эпизодом своей встречи с другим мужественным человеком, одним из первых пропагандистов марксизма среди тифлиссских рабочих — Гола Читадзе, описав его трагическую судьбу. Эта большая запись с вводной фразой Слонимского — «Горький дал мне о нем такую справку» — была включена во второй вариант работы. Но писатель зачеркнул фразу Слонимского, отметив на полях: «Пожалуйста, — не от первого лица!» (II, 22), и заменил всюду «я» на «Горький», превращая свои воспоминания в авторский текст книги¹⁶.

Читая «Материалы» к своей биографии, Горький воскрешал в памяти тех людей, о которых упоминал автор, и своими дополнениями оживлял их образы, уточнял характеристики, подчеркивал основные черты. «У Ланина Горький познакомился с некоторыми литераторами, напр. с А. Федоровым», — пишет Слонимский. Горький дополняет: «...познакомился в кружке нижегород. интеллигенции. А. М. Федоров был в то время актером, играл на сцене городского театра» (I, 16). Слонимский с иронией сообщает об «[идее некоего филантропа,] задумавшего устроить [при кабаке] читальню и вообще превратить трактир в просветительское учреждение». Горький своими вычерками снимает ироническое звучание этой фразы и напоминает биографу, что еще в своей заметке «Для золотой роты», опубликованной «Нижегородским листком» в 1901 г., он приветствовал идею «известного старообрядческого деятеля Д. В. Сироткина», решившего выстроить для бедноты читальню «и дневной приют для безработных» (I, 68). Говоря о роли А. М. Калюжного в писательской судьбе Горького, Слонимский называет его «провинциальным писателем», «человеком вне общества». Вычеркнув эти определения, Горький даст своему литературному наставнику более четкую характеристику: «бывший политический каторжанин» (II, 205).

Горький был чрезвычайно внимателен к реальным фактам биографии, помогая Слонимскому конкретными и точными комментариями. В молодом советском литературоведении не было еще свода биографических материалов о Горьком. Сведения о его жизни и творчестве были разбросаны по многим источникам и не всегда документально подтверждены.

Перед Слонимским часто стояла задача первооткрывателя. И в этой работе помощь Горького была неоценимой. От единичных уточнений до выделения главных, узловых моментов биографии и пояснения их внутреннего смысла — таков характер комментариев Горького.

И дело тут опять же не в том, чтобы напомнить биографу еще об одном, упущенном факте, а в том, чтобы помочь ему выстроить жизнь героя биографической книги в ее основных моментах, не отвлекаясь на второстепенное, не проходя мимо главного. Эта горьковская позиция неукоснительно выдерживается в правке рукописи Слонимского, являясь одной из принципиальных оценок книги, требованием, предъявляемым писателем к жанру биогра-

фии. Как не вспомнить здесь ряд современных книг этого жанра, авторы которых, увлекаясь эпизодами частной жизни героев, насыщая страницы повествования событиями, более уместными для детективов сомнительного достоинства, превращают свои произведения в занимательное чтение для нетребовательного читателя. Против такого снижения жанра предостерегают горьковские замечания.

Писатель дополняет работу Слонимского таким существенным фактом, как посещение Л. Толстого в Москве: «Шел пешком по пути Царицын, Борисоглебск, Тамбов, Рязань, Тула, Москва, в Москве был у Л. Н. Толстого, но его не застал, видел только С. Андр.» (I, 14). И на отдельном листе пишет: «С Толстым я познакомился в Москве в Хамовниках, в 900 г., бывал у него и в Ясной» (II, Приложения). Горький привлекает внимание биографа и к таким вехам своей жизни, как странствия «по Руси», первая встреча с Чеховым, первый приезд в Петербург.

Слонимский сообщает, что после первого пребывания в Крыму «Горький отправляется в Тифлис, где ведет широкую пропаганду среди рабочих. Против него возбуждено было судебное преследование, которое, однако, за отсутствием серьезных данных было прекращено». На полях запись Горького: «Ничего подобного. Я был арестован в Нижнем в мае 97 г. и *отправлен* (выделено Горьким. — А. Т.) в Тифлис, где сидел месяц в Метехском замке» (I, 41). Горький, как это часто у него бывало, сместил дату события — арест в Нижнем и отправление в Метехский замок произошли в мае 1898 г. Но сам факт, касающийся революционного пути писателя, бесспорно, существенно дополнил работу Слонимского. Горький считал это дополнение столь необходимым, что на отдельном листке привел его еще раз в готовой для книги форме от третьего лица: «7 мая в Нижнем Горький по требованию начальника Тифлисского губ. ж. упр. был арестован и отправлен в Тифлис, где месяц просидел в Метехском замке» (II, Приложения).

Ряд фактических уточнений содержат страницы, посвященные такому ответственному периоду жизни Горького, как пребывание его в Америке. Слонимский писал, что после высылки Горького из гостиницы «писатель нашел себе пристанище в [одном из частных домов]». Вычеркнув взятые в скобки слова, Горький дополнил фразу: «в клубе литераторов, во главе которых стоял Лерой Скотт, а затем переехал в дом м-ss Престонии Мон-Мартин на Статен-айланд» (II, 286). На утверждение Слонимского, что банкет у Марка Твена в честь Горького не состоялся ввиду произошедшего скандала, он возразил: «Банкет у Марка Твена состоялся, есть фотография, на банкете присутствовали, кроме Твена, литераторы Г. Уэльс, Маркхам, Пуль, Лерой Скотт и др.» (II, Приложения). Во фразе: «Русское общество было возмущено оскорблением, нанесенным русскому писателю» — Горький делает на первый взгляд чисто стилистическую, но на самом деле смысловую поправку, написав вместо слов «русское общество» — «некоторая часть русского общества» (II, 286).

Творчество Горького в «Материалах» Слонимского не является объектом литературоведческого исследования, оно рассматривается как факт биографии писателя, как источник биографических сведений. Большое место в работе занимают библиографические разыскания. Слонимский делает первые шаги в упорядочении библиографии произведений Горького. Фиксируя публикации текстов писателя в «Волжском вестнике», «Волгаре», «Нижегородском листке», «Самарской газете», биограф извлекает на свет забытые, затерявшиеся в пыльных подшивках старых газет, ранние горьковские произведения. На полях страницы, где упомянут рассказ «У схимника», просьба писателя к своему биографу: «Нельзя ли дать мне этот рассказ. Очень прошу!» (I, 17). К рассказу «Открытие», оцененном Слонимским как «неважный рассказ, смысл которого очень запутан», Горький дает пояснение: «Испорчен цензурой» (I, 31). От наброска «Гость» отсылает биографа к своему первому роману: «Эпизод этот смотри в „Ф. Гордеев“» (I, 36).

Замечания Горького, корректирующие и направляющие работу Слонимского, интересны сейчас как его «самооценка», которая зачастую была гораздо строже, чем оценка биографа. Слонимскому были дороги обнаруженные им в периодике «забытые» горьковские произведения, у него возникало естественное желание включить их в работу. Писатель же, подходя к этой работе как к определенному литературному жанру, подчиненному своим законам композиции, настоятельно предлагал не нарушать стройности и логики развития повествования обширными публикациями. Здесь сказалось еще одно требование Горького к жанру биографической книги: строжайший отбор материала, которым располагает биограф. Так, писатель рекомендует вычеркнуть приведенную Слонимским яркую сценку о кухарке-нищавке в одном из его фельетонов из цикла «Между прочим». Биограф пытается использовать этот эпизод для иллюстрации тифлисского периода жизни писателя, в то время как в фельетоне он служит художественной деталью, помогающей Иегудийду Хламиде высмеять своих оппонентов из «Самарского вестника». «Эта статейка не нужна, — пишет Горький на полях „Материалов“, — она имела характер предисловия к полемике с писателями „Самарского вестника“...» (I, 17). Отрицательно отнесся Горький и к включению в работу большого очерка «Разбойники на Кавказе», разысканного Слонимским. «Не вижу — зачем это нужно? Лучше бросить» (I, 18), — советует он биографу.

Некоторые пометы Горького еще раз подтверждают, что писатель относился к своим автобиографическим произведениям как к вполне правомочным источникам сведений о нем, поэтому и рекомендовал автору работы именно в этих целях использовать ряд его ранних рассказов. Позднее, возражая своим оппонентам, ставящим под сомнение жизненную достоверность его произведений, Горький писал: «Когда-нибудь я напишу свою автобиографию и в ней документально, со ссылками на лица и места, оправдаю все, иногда как будто невероятные, события и состояния душ в моих

рассказах»¹⁷. Там, где у Слонимского речь шла о покушении молодого Пешкова на самоубийство, Горький пишет на полях: «Этот эпизод использован в очерке „Случай с Макаром“ или что-то в этом роде» (I, 12). Во втором варианте работы Слонимский приводит отрывок из рассказа «Случай из жизни Макара», соотнося его с фактом горьковской биографии. Плодотворным оказалось для него и замечание Горького на странице, где говорилось о завершении второго странствия молодого Пешкова и приходе его в Тифлис: «Рассказ „Мой спутник“» (I, 17). Лаконичная запись повлекла за собой дальнейшие поиски биографа и обогатила второй вариант работы интересными сведениями и материалами о прототипе героя рассказа. Вероятно, эти материалы были даны Слонимскому самим Горьким, возвратившимся в 1919 г. к своему раннему рассказу. Писатель включает его в сборник «Избранных рассказов», упоминает в воспоминаниях о Льве Толстом, приведя положительный отзыв великого писателя, наконец, именно к 1919 г. относится чрезвычайно интересная запись Горького о «Моем спутнике»:

«[Этот рассказ был написан двадцать три года назад.] Много пережил я с той поры. И множество спутников, подобных Шакро, прошло рядом со мною по различным путям, сбивая меня иногда с моей [прямой] дороги. Я не жалею о них, не осуждаю себя. Но каждый раз, когда на шею мне садился тот или иной человек, которого надо было куда-то вынести, я нес его, насколько хватало сил и охоты, нес [и] вспоминал Шакро — первого спутника моего — и повторял про себя старую думу о нем:

„Это — спутник мой. Я могу его бросить, но мне не уйти от него, ибо имя ему — легион. Это спутник всей жизни, он до гроба пойдет со мной. . .“»¹⁸.

Является ли приведенная запись новой концовкой рассказа, которой автор так и не воспользовался, или писатель предполагал ввести ее в воспоминания о Толстом? А не была ли она сделана в связи с чтением рукописи Слонимского? Можно предположить и это. Во всяком случае, в горьковской черновой заметке тесно переплетены творческое — художественное — и автобиографическое начала, на что писатель не раз обращал внимание биографа.

Желая подчеркнуть тяжелое состояние Горького в казанский период 1888 г., Слонимский приводит цитату из рассказа «Вечер у Шамова» («Я чувствую себя на земле неуютно (<...>) я очень много и упрямо вожусь сам с собою»). И здесь Горький поправляет биографа. Он пишет на полях: «Этот рассказ относится ко времени 93—94 года, когда Горький жил Нижнем — второй раз, — служа письмоводителем у адвоката А. И. Ланина» (I, 11), т. е. не годится для характеристики упомянутого момента, будучи связанным совсем с иным периодом жизни писателя.

Горький настоятельно рекомендовал Слонимскому быть точным, не отступать от жизненной правды в своем повествовании. «Пьеса была встречена и публикой, и прессой с восторгом», — сказано о первой постановке «Мещан», Горький с присущей ему

самокритичностью оспаривает это утверждение: «О нет, далеко не так! Уже тогда справедливо указывали, что пьеса длинна, скучна и бездейственна» (I, 81). Можно не согласиться с автором в том, что оценка его первой пьесы в критике 90-х годов была всегда справедливой и объективной, но нельзя не увидеть в этой записи желания писателя предостеречь исследователя от односторонних оценок и выводов, направить его к более углубленному изучению противоречивых мнений прессы, помогающих воссоздать реальную картину литературной борьбы того времени во всей ее сложности, неоднозначности.

Замечания Горького напоминают о необходимости восприятия отдельного литературного факта как части единого литературного и общественно-исторического процесса. Увидел, например, Слонимский в «Дачниках» осуждение и осмеяние интеллигенции. Горький возражает ему: «Разве интеллигенция осмеяна в „Дачниках“? Там осуждались известные характеры, что и подтверждается нижеприводимым письмом»: «... русская интеллигенция, исторически взятая как сила, а не как те или другие лица, — явление исключительное, чудесное почти, и нашу интеллигенцию есть за что любить, есть за что уважать» (II, 294). Это замечание Горького очень важно, в нем звучит ответ писателя на обвинения буржуазной критики, пытавшейся приписать ему отрицательное отношение к интеллигенции. Кстати, утверждения подобного рода не перевелись и теперь.

О «Детях Солнца» и своем пребывании в Петропавловской крепости Горький оставляет на страницах «Материалов» следующую интересную записку, до сих пор неизвестную: «Эту пьесу автор рассматривал как веселую комедию, и, работая над нею в камере, неистово хохотал к соблазну и удивлению тюремной стражи. Вызывали коменданта крепости Веревкина, человека глухого и добродушного, он являлся в камеру Г., по часу и более сидел на койке у него, слушая рассказы писателя о жизни русских монастырей, чем Вер. очень интересовался. И оба хохотали, продолжая удивлять солдат» (I, 145).

«„Городок Окуров“ вызвал много толков в печати, см. статьи в „Н. времени“ и др.» (II, 297, оборот), — замечал далее Горький, призывая биографа разобраться в противоречивости суждений и оценок представителей различных направлений русской критики. „Исповедь“ имела довольно большой успех. „Сборник“, где она печаталась, разошелся в количестве около 30 т.» (II, 296, оборот), — продолжал свои замечания Горький. У кого новая повесть имела успех, почему вокруг нее в критике было еще больше «толков» и споров, в которых подчас друзья и враги Горького менялись местами? Эти и многие другие вопросы рождают замечания Горького, вопросы, обращения не только к Слонимскому, но и к сегодняшним исследователям. „Исповедь“ [в черновом виде] писалась еще в Нижнем в 901 г. Идея ее никогда не были ясны для меня», — сообщает здесь же писатель (II, 294). Это неизвестное до сих пор высказывание Горького служит подтверж-

деннем сложного отношения автора к своему произведению. Что имел в виду Горький, когда рядом с фразой Слонимского о работе писателя над «Исповедью» в 1908 г. сообщил, что писал ее в 1901 г., причем зачеркнув первоначально написанные слова: «в черновом виде»? Ошибка ли это памяти Горького или неточная формулировка, содержащая, по сути дела, известное горьковское сообщение, относящееся к 1930 г., о рассказах некоего нижегородского сектанта, легших в основу повести и слышанных автором в Нижнем в начале 900-х годов? Все эти вопросы и сегодня требуют исследования.

Таковы замечания Горького на черновых вариантах книги М. Слонимского. Адресованные своему первому биографу, они чрезвычайно ценны для определения принципов создания будущей научной биографии писателя. Освещение личности писателя не как исключительной индивидуальности, а как типичного представителя своего времени, умение показать фигуру писателя не одиоко, не вне людей или над ними, а вместе с его окружением, во взаимодействии с литературной и общественной средой, сосредоточение исследовательских акцентов на изображении эпохи, ведущие процессы которой помогают правильно и глубоко объяснить конкретные судьбы людей и их поступки.

Эти горьковские требования, позднее четко сформулированные в переписке с Груздевым, звучащие не раз и в других его высказываниях, определяли характер его поправок к первому советскому биографическому труду о нем. Отвечая в 1933 г. некоему В. Шенелюку, собиравшемуся стать автором его биографии, Горький подчеркнул, что в представленной рукописи «слишком много ненужных мелочей», в то время как «весьма многого, что совершенно необходимо для характеристики 80—90-х гг., — не хватает, противоречия материала никак не объясняются <...>». Крайне пестрый материал этот говорит: жил человек и всю жизнь скандалил, но не объясняет, почему скандалил? Да и не может объяснить этого, ибо Вы не даёте изображения эпохи, которая вызывала необходимость Скандала, который весьма часто предшествует Истории»¹⁹.

¹ См.: Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 11: Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. С. 8—9. Получив от Б. А. Бялика эту книгу, М. Л. Слонимский писал ему: «Дорогой Борис Аронович, спасибо Вам за книгу. Прочел ее всю, вместе с примечаниями и именовым указателем, как роман, — мне-то она особенно интересна. За предисловие Ваше, очень точно и хорошо написанное, благодарю. Вы восстановили истину без обиды для Груздева, отчетливо и тактично».

² Архив А. М. Горького. Рав-пГ-15-2-2 и 15-2-3.

³ См.: Архив А. М. Горького. Т. 11. С. 158.

⁴ Там же.

⁵ Здесь и далее в скобках указывается первый или второй вариант работы Слонимского и страница, на которой Горьким написано замечание или сделано исправление; если горьковский текст помещен на отдельном листе, указывается страница рукописи, к которой относится эта записка. В квадратные скобки взят текст, вычеркнутый Горьким, курсивом обозначены слова, вновь вписанные им.

⁶ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 334.

⁷ См.: Тренев А. Горький на Волге: (Воспоминания) // Путь. 1913. № 9/10.

⁸ См.: Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 140.

- ⁹ См.: *Картиковский И. А.* Из моих воспоминаний о Горьком // Красн. Татария. Казань. 1928. 29 марта. № 73.
- ¹⁰ Архив А. М. Горького. МоГ-5-18-1.
- ¹¹ К сожалению, в двухтомнике «М. Горький в воспоминаниях современников» (Сер. лит. мемуаров. М., 1981), как и в предшествующих сборниках воспоминаний о Горьком, тексты Картиковского и Смирнова-Тренлека даны без указаний на горьковские замечания.
- ¹² *Тараканова И.* Штаб в квартире Горького // Веч. Москва. 1986. 12 авг. № 185.
- ¹³ Письмо Горького адресовано Анатолию Франсу, в тексте письма упомянут, в числе других «друзей русского народа», Октав Мирбо. См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 386—387.
- ¹⁴ См.: *Груздев И.* Горький и его время. М., 1948. Т. 1. С. 195—196.
- ¹⁵ Былое. 1921. № 16. С. 186.
- ¹⁶ «Справка» о Читателе с возвращением ей первоначальной формы от первого лица была опубликована И. А. Груздевым в приложении к книге «Горький и его время». Ввиду того что в этой публикации не упомянуто имя Слонимского, ее адресатом иногда ошибочно считают Груздева (см., напр., примеч. к рассказу «Ошибка» — *Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1968. Т. 1. С. 531).
- ¹⁷ Звезда. 1946. № 5/6. С. 163.
- ¹⁸ *Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения. Т. 1. С. 540.
- ¹⁹ Письмо хранится в Архиве А. М. Горького. Цит. по кат.: Архив А. М. Горького. Т. 11. С. 313, 314.

А. Храбровицкий

ЗАЧЕМ ГОРЬКИЙ ЕЗДИЛ В ПЕНЗУ?

В январе 1904 г. А. М. Горький на несколько дней приезжал в Пензу. В книге «Русские писатели в Пензенской области» о цели приезда Горького в Пензу сказано следующее: «Цель его приезда точно до сих пор не установлена. Полагают, что она носила конспиративный характер, была связана с помощью, которую Горький оказывал большевистским организациям»¹.

Это предположение было основано на беседе с другом и секретарем Горького — Иваном Павловичем Ладыжниковым. Беседа состоялась весной 1943 г. в Москве. Документы, подтверждающие и уточняющие сообщение И. П. Ладыжникова, не были известны.

Впоследствии в Архиве А. М. Горького в Москве были обнаружены письмо Иосифа Федоровича Блинова, у которого Горький останавливался в Пензе, и ответ Горького на это письмо. Переписка, относящаяся к концу 1935—началу 1936 г., посвящена пензенской поездке Горького и раскрывает ее цель. Вот что писал Блинов Горькому.

«Многоуважаемый Алексей Максимович.

В январе 1904 года, между 12—16 числами (старый стиль), Вы были в Пензе по революционным делам и останавливались у меня, Иосифа Федоровича Блинова. Я тогда служил в земстве и преподавал в Художественном училище. Познакомил Вас с художником К. А. Салицким (вероятно, отцом теперешнего художника Салицкого — Гоги). Направил вас ко мне Никол. Мях. Флеров, покойный ныне революционер-большевик. Все эти обстоятельства я сообщаю, чтобы облегчить воспоминание и чтобы Вы припомнили следующее важное для меня обстоятельство.

Тогда в круг моей революционной работы входило — снабжение революционной публики, по мере возможности, паспортами.

Вас я снабдил чистой (новой) книжкой (черненькой) паспорта. Это же я сделал и относительно двух товарищей, направленных Вами ко мне, вскоре после Вашего отъезда из Пензы.

Я ныне доживаю свой век в Баку, заведуя статистич. отделением в Институте охраны труда (Нефтебезопасность), и в звании доцента преподаю статистику.

Если Вы эпизод относительно получения паспортной книжки для себя и товарищей вспомните, — убедительно прошу засвидетельствовать его письменно и оформить.

Я хочу возбудить ходатайство о персональной пенсии (65 лет, слабеет зрение и падает способность работать). Требуется собрать факты революционной деятельности.

Что к Вам обращается порядочный человек — может, я думаю, подтвердить Владимир Дмитриевич Бонт-Бруевич.

Если исполните просьбу — буду благодарен. Если не исполните, — значит — забыли, а на это нельзя быть в претензии.

И. Блинов.

12.XI.1935 г.

Адрес: Баку, ул. Мясникова, 10, кв. 2, И. Ф. Блинову»².

Горький ответил на просьбу Блинова следующей запиской:

«Удостоверяю, что Иосиф Федорович Блинов в 1904 г. имел в г. Пензе паспортное бюро для обслуживания революционеров-активистов. В этом году я, по указанию т. Флерова, лично сдал к Блинову за паспортом для одного из нелегальных товарищей и паспорт незамедлительно получил. Мне известно, что тт. из Нижегородского Комитета б(ольшеви)вов тоже пользовались услугами Блинова.

15.II.36»³

М. Горький

В Архиве Горького имеется еще одно письмо Блинова. Оно было написано 20 января 1936 г. и адресовано И. П. Ладыжникову; в этом письме содержатся интересные детали, отсутствующие в письме к Горькому:

«В 1904 году января 12 старого стиля (Татьянин день) в Пензу прибыл А. М. Горький. Прибыл он по конспиративным делам. Прожил у меня в Пензе дня 3—4. Направил его ко мне мой товарищ по архангельской ссылке Николай Михайлович Флеров.

Я тогда служил секретарем в Пензенской губернской земской управе и преподавал историю искусств в Селиверстовском художественном училище. Я познакомил А. М. Горького с директором этого училища академиком Савицким К. А.

Эти обстоительства сообщая, чтобы облегчить воспоминание. Главное же в следующем.

Я имел маленькое кустарное паспортное бюро для обслуживания революционных активистов. И вот я вручил Алексею Максимовичу совершенно новенькую, чистенькую паспортную книжку (черненькую), то есть то, что ему в то время было нужно. Он был очень тронут этим одолжением. Сидел на корточках, укладывал чемодан. Когда я бросил ему в чемодан эту книжку, он встал, крепко сжал руку и расцеловал меня»⁴.

В четвертом и пятом томах «Архива А. М. Горького», содержащих письма Горького к К. П. Пятницкому и Е. П. Пешковой, имеется несколько мест, касающихся поездки писателя в Пензу.

В письме к Пятницкому из Москвы от 11 января 1904 г. Горький пишет: «Сейчас уезжаю в Пензу, ворочусь к 15-му»⁵. В письме к Е. П. Пешковой тоже от 11 января говорится: «Сейчас — 5,40 — еду. Вероятно, задержусь числа до 17-го»⁶.

На основании этих писем дата приезда Горького в Пензу опре-

деляется точно — 12 января 1904 г. Это совпадает с данными Блинова. Дата отъезда определяется тем, что 16 января Горький уже был в Москве. Таким образом, он находился в Пензе четыре дня — с 12 по 15 января включительно.

Одно из писем к Е. П. Пешковой датировано по содержанию 14-м января 1904 г. и, следовательно, было написано Горьким в Пензе. В этом письме говорится: «Сегодня 14-е число, а я еще ни разу не выходил на улицу, все сижу и читаю, а также принимаю визитеров, что не менее скучно»⁷. В письме к ней же от 6 февраля 1904 г. пишет: «Я ехал в дырявом вагоне и, должно быть, простудил ногу»⁸, а в письме, написанном между 16 и 21 марта 1904 г., сообщает: «Весной, как оказывается, я поеду в Пензу, Тамбов, Самару, Астр(ахань), Баку, Одессу — едва не вокруг света»⁹.

Эта вторая поездка в Пензу, несомненно также конспиративного характера, не состоялась.

Конспиративная поездка Горького в Пензу, его связь с Блиновым и деятельность Блинова представляют большой интерес для истории революционного движения в Пензе.

В словаре «Деятели революционного движения в России» о Блинове имеется краткая справка: «Блинов, И. Ф. В 90-х годах входил в одну из моск. с.-д. групп, продолжавших с.-д. работу после ареста С. Мицкевича, А. Винокурова и др. Выслан в Архангельск. губ»¹⁰.

В Архиве А. М. Горького хранятся воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о Блинове, написанные в 1951 г. Бонч-Бруевич пишет, что познакомился с Блиновым в 1894 г., когда Блинов был студентом филологического факультета Московского университета. Блинов возглавлял революционный студенческий кружок, занимавшийся самообразованием, пропагандой среди рабочих и студенчества, печатанием на гектографе и mimeографе нелегальной литературы и транспортировкой ее из других городов.

Блинов участвовал в создании подпольной типографии в Москве (она не приступила к работе, так как ее шрифт, по совету В. И. Ленина, был переправлен в Петербург), распространял и хранил нелегальную литературу. «В этой весьма рискованной революционной работе, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — Иосиф Федорович показал себя очень хладнокровным, спокойным, выдержанным и особо конспиративным человеком»¹¹.

В статье «Моя первая встреча с В. И. Лениным» Бонч-Бруевич также упоминает Блинова, сообщая, что в 1895 г. жил в Москве вместе с ним, тогда студентом-филологом¹². Сохранился снимок 1895 г., на котором И. Ф. Блинов сфотографирован вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем и другими участниками марксистского социал-демократического кружка в Москве¹³.

Осенью 1896 г. Блинов был арестован в Москве и на три года выслан в Архангельск. После ссылки он работал как статистик в Смоленске¹⁴, а затем в Пензе — секретарем губернской земской управы¹⁵. По данным архива Пензенского художественного училища (дело № 88), хранящегося в Пензенском областном архиве,

Блинов в 1903 г. поступил в училище преподавать историю искусств, одновременно служа в губернской управе.

В делах Департамента полиции имеются донесения пензенских жандармов, упоминающие Блинова. 24 февраля 1904 г. начальник Пензенского губернского жандармского управления (ГЖУ) высказывал предположение, что И. Ф. Блинов получает нелегальную литературу из-за границы, «хотя ничего предосудительного до сего времени не было добыто»; в этом же донесении отмечена близость Блинова с агрономом А. Н. Жекулиным¹⁶.

Донесение было послано спустя лишь месяц после того, как Горький гостил у Блинова, что, разумеется, должно было заинтересовать Департамент полиции. Но об этом в донесении нет ни слова. Так как и в жандармских делах о Горьком, тщательно изученных биографами Горького, его поездка в Пензу не упоминается, можно сделать вывод, что жандармам она осталась неизвестной.

В письме Пензенского ГЖУ от 14 июня 1905 г. Блинов значится состоящим «под наружным наблюдением»; в «Списке лиц, подлежащих обыску в ночь с 6 на 7 августа 1905 г.» также значится: «Блинов Иосиф Федорович, секретарь Пензенской губернской управы. Суворовская ул., дом 35, приюта»; далее следует отметка: «Обыск безрезультатен»¹⁷.

По-видимому, Блинов был отличным конспиратором. Характерно, что на всех снимках с Горьким, снятых в квартире К. А. Савицкого, лица Блинова не видно, он сидит спиной к аппарату. . .

20 октября 1905 г. на митинге, состоявшемся в Лермонтовском сквере, где присутствовало свыше 1300 человек, Блинов в числе других был избран уполномоченным для представления властям резолюции митинга. Резолюция требовала созыва всенародного учредительного собрания, предания суду и немедленного устранения от должности губернатора Хвостова и лиц, виновных в избиении мирной манифестации в Пензе 18—19 октября¹⁸.

О том, как закончилась деятельность Блинова в Пензе, узнаем из писем начальника Пензенского ГЖУ. 29 декабря 1905 г. он писал начальнику Московского охранного отделения, что Блинов, «служа в течение нескольких лет секретарем в Пензенской губернской земской управе, состоял одним из главных деятелей местной группы партии социал-демократов и находился в сношениях с деятелями той же партии, проживающими в других губерниях, смежных с Пензенской. . .». Далее сообщалось, что Блинов удален от службы в управе как «лицо неблагонадежное в политическом отношении, по распоряжению пензенского губернатора, за объявлением 5 минувшего ноября Пензенской губернии на положении усиленной охраны»¹⁹.

Блинову угрожал арест, но он успел уехать. 12 января 1906 г. в Департамент полиции был послан «Именной список лиц, подлежащих арестам по последним ликвидациям и успевшим скрыться из пределов Пензенской губернии». В группе социал-демократов первым значился Блинов: «18 ноября скрылся из г. Пензы и по

имеющимся негласным сведениям находится с декабря месяца в г. Москве. . .», указывались приметы Блинова: «Роста среднего, волосы русые, носит бороду и очки»²⁰.

28 января 1906 г. сведения о Блинове были включены в циркуляр Департамента полиции о повсеместном розыске, предписывавший «принять особые меры к розыску, подвергнуть обыску и аресту»²¹.

Поскольку у Пензенского ГЖУ относительно Блинова «никакой перениски по привлечению к дознанию не оказалось», розыск был прекращен 14 февраля 1907 г. со следующей формулировкой: «Надобности в дальнейшем розыске не встречается, но по обнаружении надлежит установить за ним секретное наблюдение»²².

В 1906—1907 гг. Горький написал «Мать». В одном из персонажей повести — революционере-интеллигенте Николае Ивановиче — находим сходство с Блиновым; как и Блинов, он был в архангельской ссылке, служил в земской управе, совпадают и внешние черты — носил бороду и очки²³. Художник П. Д. Корин вспоминал: «Алексей Максимович говорил мне, что у него в романе „Мать“ не было ни одного выдуманного героя»²⁴.

Дочь Блинова — Ольга Иосифовна — сообщила, что после Пензы их семья жила в Баку, где И. Ф. Блинов скончался 27 августа 1942 г. на 73-м году жизни (родился 4 апреля 1870 г.).

В книге «Русские писатели в Пензенской области» на основании беседы в 1944 г. с сыном художника-передвижника К. А. Савицкого, советским художником Г. К. Савицким, сообщается о встрече Горького в Пензе в 1904 г. с директором Пензенского художественного училища К. А. Савицким, осмотре им училища и картинной галереи.

В квартире К. А. Савицкого, во время беседы за чайным столом, Г. К. Савицким был сделан снимок, опубликованный в книге «Русские писатели в Пензенской области». В Архиве А. М. Горького хранится экземпляр этого снимка, посланный Горьким 18 февраля 1904 г. как открытое письмо из Сестрорецка, адресованное Марии Федоровне Желябужской (Андреевой). На снимке Горьким написана одна фраза «Спасибо за телеграмму!», отмечены крестиками писатель В. Н. Ладыженский, К. А. Савицкий и вопросительным знаком жена К. А. Савицкого.

Пензенский врач З. И. Олейникова сообщила мне в декабре 1946 г. о состоявшейся в дни пребывания Горького в Пензе встрече его с группой интеллигенции в квартире Блинова, жившего на углу Введенской и Суворовской улиц (ныне улицы Свердлова и Куйбышева). Олейникова была на этой встрече с мужем — фабричным инспектором П. Т. Олейниковым. Из присутствовавших она помнила В. Н. Ладыженского, врача К. Р. Евграфова, агронома А. Н. Жекулина с женой, чиновника Ф. Ф. Федоровича. Помнила, как Горький спрашивал Федоровича о политических настроениях в Пензе — кто преобладает: «седые» (социал-демократы) или «серые» (социалисты-революционеры)?

В памяти З. И. Олейниковой остался также разговор об убийстве в Пензе генеральши Болдыревой. Горький вспоминал в связи с этим Достоевского и «Братьев Карамазовых». Еще в 1895 г. Горький написал рассказ «Извозчик», навеянный делом об убийстве Болдыревой. В «Жизни Клима Самгина», писавшейся спустя 35—40 лет после этого, Горький дважды упоминает дело об убийстве Болдыревой в Пензе как громкое уголовное дело. Очевидно, будучи в Пензе, Горький интересовался этим делом.

Отголоском встречи Горького с пензенской интеллигенцией является следующее воспоминание К. Р. Евграфова, относящееся к 1916 г.:

«Нет 12 тому назад в бытность М. Горького в Пензе, между прочим, интересовался я узнать от него, что есть нового и хорошего в художественной литературе мира. Он мог мне назвать всего 3 имени»²⁵.

Для характеристики шумной популярности Горького в то время любопытно воспоминание З. И. Олейниковой о том, как В. Н. Ладыженский шутливо говорил дамам, присутствовавшим на вечере:

— Посидите на этом диване, на нем спал Горький. . .

Валерия Ипполитовна Савицкая — жена К. А. Савицкого — вспоминала в 1943 г., что уже после отъезда Горького (по ее словам, Горький из Художественного училища поехал на вокзал к поезду) городской принес записку жены губернатора Хвостова с приглашением Савицким прийти к ней на чай с Горьким.

Теперь, когда известна конспиративная цель поездки Горького в Пензу, неожиданная концовка — приглашение Горького на чай к губернаторше — выглядит особенно забавно.

¹ Храбровицкий А. Русские писатели в Пензенской области. Пенза. 1946. С. 86.

² Архив А. М. Горького. КГ-рзп-1-56-1.

³ Там же. Сир-Г-1-16-1.

⁴ Там же. ПТЛ-5-16-1.

⁵ Архив А. М. Горького. М., 1954. Т. 4: Письма к К. П. Пятицкому. С. 150.

⁶ Архив А. М. Горького. М., 1955. Т. 5: Письма к Е. П. Пешковой. С. 89.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Деятели революционного движения в России. М., 1931. Т. 5. Вып. 1. Стб. 354.

¹¹ Архив А. М. Горького. МоГ-2-29-1.

¹² Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1961. Т. 2. С. 172.

¹³ Опубликовано в серии открыток «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич». М., 1975.

¹⁴ См.: Каторга и ссылка. М., 1929. Кн. 52. С. 153.

¹⁵ См.: Памятная книжка Пензенской губернии на 1904 год. Пенза, 1903. С. 15.

¹⁶ ЦГАОР. ДО. 1898. 5. Ч. 10. Лит. В. Л. 34.

¹⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 5. № 60. 80. Ч. 8/1905. Л. 21 об., 90 об., 99.

¹⁸ См.: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 109. Оп. 1. Д. 728. Л. 15; сообщено Е. В. Колегановым. Ср.: Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905—1907 годах: Сборник документов. Пенза, 1955. С. 87—88.

¹⁹ ЦГАОР. Ф. 63. Оп. 8. Д. 1491. Л. 88.

²¹ Там же. Л. 196.

²⁰ ЦГАОР. ДО. 60/1906. Т. 1. Л. 44.

²² Там же. Т. 2. Л. 205, 212, 233.

²³ См.: Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. М., 1970. Т. 8. С. 34, 176.

²⁴ Новый мир. 1980. № 3. С. 225.

²⁵ Евграфов К. Р. Беседы с читателем // Чернозем (Пенза). 1916. 24 июля.

ГОРЬКИЙ И Б. В. БЕР

В списке прототипов «Жизни Клима Самгина» названа одна фамилия, не получившая комментария в исследованиях по истории создания романа. Горький помечает для себя: «Володя Бер, — поэт перев<одчик> Мистрала» (XXV. С. 31). Речь идет о поэте и переводчике Борисе Владимировиче Бере (имя названо неверно), с ним Горький переписывался в 1893—1897 гг.¹, и именно Бер дебютировал в 1892 г. на страницах журнала «Вестник Европы» (№ 5) переводом провансальской баллады Мистрала «Магали».

Имя Бера появляется в первых планах романа «Жизнь Клима Самгина», что говорит о важности образа, который виделся Горькому за ним. Работая над романом, писатель пытался выяснить дальнейшую судьбу Бера и в марте 1925 г. спрашивал В. Мравлин-Штевена: «Не знаете ли Вы судьбу Б. В. Бера, поэта, сына товарища председателя нижегородского окружного суда?»². Из этого письма следует, что связи с Бером были к этому моменту утеряны: Горький искал Бера в эмиграции, а между тем он никуда из России не выезжал. В. Мравлин-Штевен переслал Горькому письмо бывшего председателя нижегородской управы А. Остафьева³ от 26 февраля 1926 г. из Парижа, где сообщалось: «Борис Влад<имирович> Бер давно уже умер, не помню хорошенько, но погиб как-то трагически. Его сестра продолжает жить даже в своем имении — Казанской губернии, работая вроде инструктора по агрономии. В 23 году я ее видел в Москве — у одних моих знакомых, по делам приезжала из Казани, — Елизавета Борисовна имеет семью, по замужеству — кажется, Молоствовова. Борис Владимирович Бер — поэт и оставил много произведений»⁴.

Сведения о Бере, которые добыл Горький, были крайне скудными. Примечательная деталь: в 1925 г. Горький искал сведения о Бере, а в 1929 г., когда к нему обратилась упомянутая А. Остафьевым сестра Бера Елизавета Владимировна Молострова, Горький уже не предпринимает попыток расспросить ее о судьбе брата. Его интерес к Бери возникает и исчезает в период, совпадающий с началом работы над романом «Жизнь Клима Самгина».

Но если Горький ничего не знал о жизни Бера в годы, последовавшие за прервавшейся перепиской, то в период работы над романом он имел в своем распоряжении один источник, которым в настоящий момент не располагаем мы: письма Бера к нему. Об их существовании Горький упоминал в письме к Е. В. Молостковой от 30 июня 1929 г.: «Письма Б<ориса> В<ладимировича> находятся в архиве моем, в Берлине. Если Вам угодно, я могу — зимой — отобрать их и выслать Вам или же передать „Пушкинскому Дому“. Могу передать и его „Стихотворения“, изданные Стасюлевичем, на книге интересный автограф. Должен быть у меня и еще автограф стихотворения:

⟨. . .⟩ Б⟨ориса⟩ В⟨ладимировича⟩ я считал — и считаю — человеком высокоталантливым»⁵. Из материалов, перечисленных здесь, в Архиве Горького сохранился только автограф названного стихотворения Бера⁶. Местонахождение книги и писем в настоящее время неизвестно.

В нашем распоряжении остается, по существу, один источник: письма Горького к Беру, которые помогают понять, что видел Горький в этом человеке. И хотя в период работы над романом «Жизнь Клима Самгина» как раз их не было у Горького⁷, оценки и суждения из этих писем мы встретим на страницах романа. Кроме того, мы располагаем достаточно подробной биографией Бера, озаглавленной «Записи о жизни моего брата Б. В. Бера. Извлечения из писем, дневников и черновых тетрадей», которую составила Е. В. Молодцова⁸. В состав этой биографии включены многочисленные выписки из семейной переписки Беров, писем к Беру, а главное — отрывки из его дневников, подлинники которых до нас не дошли. Эти сведения дают ценный комментарий к письмам Горького.

Борис Владимирович Бер родился 13 февраля 1871 г. в Нижнем Новгороде. По происхождению он принадлежал к нижегородской аристократии и очень гордился своей родословной, что сразу наводит на мысль, что он может оказаться связан с Туробоевым; об аристократических связях и окружении Бера упоминает и Горький в письмах к нему, что приводит на память слова Алины о Туробоеве: «Но все-таки — порода!» (XXII. С. 140). Была в судьбе Бера и другая общая с Туробоевым черта: хотя его семья обладала определенным материальным достатком, мать Бера настаивала, чтобы ее дети жили собственным трудом. Под давлением матери Бер на протяжении долгих лет безуспешно пытался получить высшее образование, а в промежутках вынужден был время от времени определяться на службу, впрочем, ни на одной из них он долго не задерживался. Поэтому жизнь Бера, подобно жизни разорившегося Туробоева, изобиловала сменами профессий и занятий, которые диктовались стремлением добиться материальной независимости.

Впервые Горький познакомился с Бером через Николая Ланина, соученика Бера по нижегородской гимназии. Благодаря дневникам Бера мы можем установить и точную дату этого знакомства. «Были сейчас с Ланиным у Пешкова, — записывает Бер 1 ноября 1890 г. — Очень оригинальный человек. Должно быть, умный. Настоящий русский самородок. Пойду к нему в воскресенье»⁹. На первых порах знакомство носило довольно поверхностный характер, слишком разными были те круги, в которых они вращались. Бер учился в старших классах гимназии, и, хотя это был одаренный человек, учеба давалась ему с большим трудом, учился он скачками, подолгу просиживая в одном классе. Только

в 1891 г. 20-летний Бер сумел сдать экзамены экстерном и получить наконец аттестат. Любопытная подробность: накануне экзаменов Бер решает жениться на некоей Наташе А., что вызывает немалый переполох в семье. С большим трудом родителям удалось остановить сына и отправить его учиться в Москву. Читая об этом в дневниках Бера, вспоминаешь сходную ситуацию в романе «Жизнь Самгина» — решение Туробоева жениться на Лидии Варавке: «Игорь Туробоев отказался учиться в военной школе и должен был ехать в какую-то другую, в Петербург. И вот, за несколько дней до его отъезда, во время завтрака, Лидия решительно заявляет отцу, что она любит Игоря, не может без него жить и не хочет, чтобы он учился в другом городе». И далее: «Детей успокоили, сказав им: да, они жених и невеста, это решено; они обвенчаются, когда вырастут, а до той поры им разрешают писать письма друг другу» (XXI. С. 96—97). Возможно, этот эпизод пришел в роман из жизни реального Бера.

В начале своего знакомства с Горьким Бер был настроен очень прогрессивно. Его воспитательницей и наставницей была известная нижегородская общественная деятельница на ниве просвещения, одна из основателей «Общества по распространению начального образования» Адель Петровна Кондратьева (1845—1905), привившая своему воспитаннику прогрессивные демократические убеждения. В дневниках Бера часты сетования на общественную несправедливость, круг его чтения определялся в значительной степени именами Добролюбова, Белинского, Писарева. Бер в эти годы уже писал стихи и посещал салон нижегородской поэтессы А. Д. Мысовской, где собиралась прогрессивная интеллигенция Нижнего Новгорода и где он познакомился с В. Г. Короленко. Настроения Бера этих лет объясняют его симпатии к Горькому. Но вот ответный интерес пробудился значительно позже, когда в мировоззрении Бера произошли существенные перемены.

В 1891 г. Бер едет в Москву и поступает на юридический факультет университета. Оказавшись один в Москве, Бер сильно меняется. Он вспоминал позднее, что «здесь, как ненужная мишура, свалились с меня чуждые мне идеи альтруизма и внушенные мне социальные теории. Из рассыпавшейся скорлупы этой вылунился задорный и бойкий цыпленок индивидуализма. Я думал много и думал честно. А когда весной 93 года я прочел „Так говорил Заратустра“ — я нашел в этой книге самого себя в законченной и совершенной форме. Нашел все то, что грезилось, что думалось мне в предыдущие месяцы. Заратустра был для меня событием. (. . .) В Заратустре я нашел самого себя, и от этой книги я крупными шагами пошел по дороге индивидуализма и признания в себе необыкновенной личности»¹⁰.

С января 1892 г. Бер учился в Петербурге, сначала на юридическом, а затем на филологическом факультете. Здесь новое мировоззрение Бера раскрывается во всей полноте. Благодаря родственным связям он попадает в аристократические круги Петербурга. В прошении о переводе в Петербургский университет он

указывал, что намерен жить там под покровительством братьев отца — сенатора Дмитрия Борисовича Бера и директора департамента мануфактур и торговли Алексея Борисовича Бера¹¹. Не менее влиятельным был и другой родственник — Н. Н. Бер, чиновник по особым поручениям при Министерстве Двора, один, кстати, из организаторов «Ходынки». Завязывает Бер и самостоятельные знакомства в кругах светского Петербурга, о чем мы узнаем из семейной переписки. 21-го марта 1892 г. мать пишет ему: «Я все-таки не радуюсь твоим знакомствам с богатыми князьями и графьями, не по средствам тебе вести их жизнь, а быть их прихлебателем — боже тебя сохрани»¹².

В новом окружении Бер не только утверждается в индивидуализме, но и усваивает убеждения просвещенного консерватора. Именно таким, в расцвете своего увлечения Ницше и неофитом консерватизма, предстал Бер перед Горьким весной 1893 г. в Нижнем, куда он заехал ненадолго по пути в Казань. Их встреча описана О. Ф. Ивиной-Лошаковой: «...однажды отправили меня в дальнюю булочную за бубликами. Одним духом пробежав в оба конца, я вернулась как раз вовремя: возле печки сидели трое — мать на краю постели, рядом на стуле поэт Бер, навестивший в этот день проездом Алексея Максимовича, — и на корточках у печки Алексей Максимович. Он читал мои стихи, и, вероятно, они много смеялись, потому что лица у всех были очень веселые, а я писала о том, как ночью от мороза погиб ребенок на улице. Ужасно обидно, ужасно! В отчаянии я выхватила у Алексея Максимовича свои произведения...»¹³. Точно датировать эту встречу позволяет уже упоминавшийся автограф стихотворения Бера «Гром барабанную дробь...», подаренный им Горькому и снабженный датой: «26 мая 1893 года, Нижний». После этой встречи между ними и завязывается переписка, поскольку новый Бер обретает для Горького совершенно особую притягательность, что заметно отражают письма Горького, содержащие изрядную долю восхищения этим человеком. Писатель искал объяснения своему интересу. «Вы мне, надеюсь, расскажете Вашу одиссею в Петербурге? — спрашивал Горький в одном из писем. — Уверю Вас, что прошу об этом не в силу простого любопытства, а из очень сложного интереса к Вашей сложной фигуре. Такие, как Вы, — вымирают уже» (Волга. С. 128).

Черты вымирающей аристократии, которые писатель уловил в Бере, и составляли то особенное, что выделяло его в демократическом окружении Горького нижегородских лет и что притягивало его внимание. «Я завидую Вам, — писал Горький Беру, — ибо Вы, наверное, видите истинных аристократов, людей с тонкими чувствами и вкусами, с изящными манерами, красиво одетых, красиво говорящих, которые понимают искусство, ценят его; в новом не ищут старого, и, желая жить, — умеют жить (...). Человек крайностей — я принимаю культуру, если она вполне закончена, если она блестит всюду — даже в ногтях, и я отрицаю ее, если чувствую в ней несовершенство деталей, диссонанс» (Там же).

С. 124—126). «Знаете что? — писал Горький в другом письме. — Вращаясь всю мою жизнь среди разночинца — этой „новой культурной силы“ — сплошь пораженной демократизмом, и видя изредка истинного дворянина, — я чувствую большую скорбь. О ком, о чем? О всем хорошем. Оно было только тогда, когда у нас дворянин — был носителем культуры, а ныне оно мельчает и вымирает. Литература у нас — дворянская, музыка дворянская, архитектуру понимали только дворяне — все хорошее. . . истинно красивое и благородное — умели понимать только они, дворяне. Они внесли на своих плечах культуру в нашу жизнь, и тяжесть была не по плечам — сломались» (Там же. С. 128). В связи с этим письмом нельзя не вспомнить реплику Дмитрия Самгина, одобренную Кутузовым: «Туробоев интересен как представитель вырождающегося класса» (XXI. С. 218). Знакомство с Бером давало Горькому пищу для размышлений о судьбах дворянских детей в новых общественных условиях, а психологический облик и мировоззрение Бера в новой фазе развития показали Горькому гораздо более естественными для него, и писатель начинает в буквальном смысле слова изучать Бера.

Проявляя осведомленность о частых переменах в судьбе Бера, Горький расспрашивал о подробностях этих перемен: « . . . слышал, что Вы бросили филологию и поступили в гвардию. . . » (Волга. С. 124), позднее: « . . . и из войска Вы вышли. Следует ли полагать, что теперь Вы поступите в монахи? Во всяком случае я жду „дальнейших поступков“ и вполне уверен в их оригинальности» (Там же. С. 128). Действительно, Бер не смог учиться на филологическом факультете и 2 сентября 1894 г. подает прошение об отчислении из университета¹⁴, а 30 сентября поступает вольноопределяющимся в лейбгвардии Измайловский полк¹⁵. Свой поступок в письме к дяде он объясняет так: « . . . всякий, желающий получить высшее образование, может это сделать самостоятельно. Идти в университет должен тот, кто желает получить диплом, для карьеры. К этим последним я не принадлежу (. . .) »¹⁶.

Все эти скачки в жизни реального Бера имеют отзвуки и в биографии Игоря Туробоева: « . . . отказался учиться в военной школе и должен был ехать в какую-то другую, в Петербург. . . » (XXI. 96), «из училища правоведения ушел в университет, а лекций не слушает, форму не носит. . . » (XXI. 209). Есть и другие совпадения. В романе не раз упоминается о серьезной болезни Туробоева: «Самгин решил, что это кричащие глаза человека больного и озабоченного желанием скрыть свою боль и что Туробоев — человек, преждевременно износившийся» (XXI. 208). Слухи о болезни Бера также долетали до Горького, который спрашивал в письме: «Вы живы — это хорошо. А некто из Питера — сообщил мне, что вы сильно хворали и даже умерли после того» (Волга. С. 127).

В другом письме Горький передает еще слухи, которые доходили до него: « . . . слышал (. . .) что Вы больше не пишете стихов и все возитесь с женщинами. . . ». Роман Туробоева с Алиной занимает немалое место на страницах «Жизни Клима Самгина».

«На Вашем месте — уехал бы в Париж», — советует Горький Беру (Там же. С. 129), а в романе туда отправляются Алина и Туробоев.

Еще больший интерес вызывают совпадения не биографические, а психологические. Горький писал в письме к Беру: «Получил Ваше письмо и был сильно изумлен его пылким тоном. Что это с Вами? Восторженность не идет к Вам, скажу по совести. Нужно быть более скептиком, — это ценнее, а главное — это красивее» (Там же.). В Туробоеве неоднократно подчеркивается подобный склад ума: здесь упоминаются «скептические изъяснения этого щеголя» (XXI, 216), дважды о скепсисе Туробоева говорит Кутузов: «Распылите Вы себя на иронию, дешевое дело!», и позднее: «В известной доле кислоты так же необходимы организму, как и соль. Чаадаевское настроение я предпочитаю слащавой премудрости некоторых литературных пономарей» (XXI, 218).

Совпадают и литературные увлечения Бера и Туробоева. «Где у Вас переводы Метерлинка? Если это — можно — пришлите их мне, пожалуйста», — просил Горький (Там же. С. 130). Позднее писатель так прокомментировал эти строки: «Б(орис) В(ладимирович) предполагал перевести из Метерлинка „Втирушку“ и „Аглавен и Селизетт“. Говорил также о желании своем перевести некоторые стихи. Начало перевода „Втирушки“ А. И. Ланин привозил мне в Ялту, рукопись вместе с письмом моим Б. В. были переданы мною А. И. Ланину» (Там же. С. 131). На страницах романа Туробоев рассуждает о Метерлинке.

Есть совпадения не столь явные и вполне возможно случайные. Жизнь Туробоева накануне гибели намечена как бы пунктиром. «Туробоев служил в каком-то комитете, — говорит о нем Лидия Варавка, — который назывался „Комитетом Тришкиного кафтана“, затем ему предложили место земского начальника, но он сказал, что в полицию не пойдет. Теперь пишет непонятные статьи в „Петербургских ведомостях“ и утверждает, что муза редактора — настоящий нильский крокодил, он живет в цинковом корыте в квартире князя Ухтомского, и князь пишет передовые статьи по его наущению» (XXII, 494). Одна деталь заставляет предположить, что какие-то сведения о Бере доходили до Горького и после того, как оборвалась их переписка: Бер действительно был знаком с кн. Э. Э. Ухтомским, но сведений о сотрудничестве в издаваемой им газете «Петербургские ведомости» в биографии Бера нет.

Таким образом, из всех героев романа «Жизнь Клима Самгина» совпадения с реальным Бером обнаруживает Игорь Туробоев. Не вызывает сомнения, что реальный Бер мог оказаться в данном случае лишь отправной точкой, от которой отталкивалось воображение Горького. Характер Туробоева шире и значительнее этих совпадений и содержит важные для Горького обобщения. «... В образе Туробоева, — отмечает М. Г. Петрова, — Горький показал деклассацию лучшей части дворянства, окончательно рвущей с царизмом»¹⁷. Путь Туробоева, как отмечает исследовательница,

ведет его в ряды интеллигентного пролетариата, и пробуждающееся у Туробоева тяготение к левым кругам приводит его к трагической гибели: он был расстрелян вместе с другими участниками похорон Баумана.

Жизнь реального Бера при этом пошла по совсем иным рельсам, о чем, возможно, Горький вообще не подозревал. Его переписка с Бером обрывается в 1897 г., в тот момент, когда у Бера выходит первый сборник «Стихотворения» (СПб., 1897), в связи с чем Горький писал ему: «Жду с нетерпением книги и с ней письма, из которого я смог бы видеть Вас и понять Ваше самочувствие в данное время. Что тревожит Ваш дух, мятежный дух Ваш, теперь, когда „загорается зоря славы“ перед Вами?» (с. 130). Книгу Горький получил, и она хранилась, как уже упоминалось выше, до 1929 г. в архиве Горького в Берлине вместе с письмами Бера. Другой экземпляр книги Бера Горький подарил своему нижегородскому знакомому, в настоящий момент она хранится в музее Горького¹⁸.

Но слава, которую предрекал Горький, так и не пришла к Бери. Первый сборник стихов прошел незамеченным. Отчасти причина была, разумеется, в самих стихах, явно не ставших событием в русской поэзии. Но была и другая причина, заключавшаяся в некоторой экстерриториальности его творчества. Бер увлекался идеями Ницше, что в 90-е годы было онознавательным знаком принадлежности к декадентству, и эти идеи проникали в его стихи. Но, с другой стороны, он чужд был эпатажным выходкам и формальным исканиям декадентов, его стихи оставались вполне традиционными по форме. Кроме того, и организационно Бер не пытался примкнуть к существующим литературным группировкам и, живя в середине 90-х годов в Петербурге, посещал, с одной стороны, архидекадентские сборища А. М. Добролюбова¹⁹, а с другой — кружок А. К. Шеллера-Михайлова²⁰. Позицию Бера выражал эпитаф из А. К. Толстого, предпосланный сборнику: «Дружно гребите, во имя прекрасного, против течения». Плыть против течения Бери пришлось в полной неизвестности, потому что тираж первого сборника не разошелся и автору пришлось в 1902 г., переклеив обложку, выпустить его вторым изданием. Но то, что казалось Горькому новым и дерзким в середине 90-х, к 1902 г. стало общим местом, и потому опять единственный отзыв Амфитеатрова, упомянувшего о книге в обзоре текущей литературы, отметил ее появление. Амфитеатров с неодобрением назвал Бера «ницшеанцем», а в его стихах усмотрел «проповедь торжествующего эгоизма, хладнокровный культ красоты и фетовские настроения от боготворимой природы»²¹.

Не принесли Бери известности и публикации 1895—1900 гг. на страницах журнала «Живописное обозрение», где он печатал преимущественно прозу, пользуясь покровительством А. К. Шеллера-Михайлова. Второй сборник Бера — «Сонеты и другие стихотворения» (СПб., 1907) А. Блок в статье «О лирике» назвал «неумеренно банальной и ненужной книгой»²². Третий и последний сбор-

ник стихов Бера — «От потока на пути» (Новгород, 1917), как и первый, прошел незамеченным. На протяжении всей своей жизни Бер занимался переводами и переводил Шелли, Бодлера, Ламартина, Микельанджело, Верхарна. Но издана была только одна книга переводов: Переводы стихов Э. Верхарна, Б. В. Бера (М., Задруга, 1917). После смерти Бера осталось много неизданных стихов, которые хранятся в его архиве.

Но если творческая биография Бера не оправдала надежд Горького, то жизненный путь Бера вполне отвечал уже цитированному предсказанию Горького в одном из писем: «...жду дальнейших поступков и вполне уверен в их оригинальности». Но вряд ли даже Горький мог представлять, куда заведен индивидуализм его недавнего приятеля. Зато осведомленным о крутом повороте в его судьбе оказался неожиданным образом другой знакомый Бера по Нижнему Новгороду — В. Г. Короленко, который писал А. Д. Мысовской из Полтавы: «Часто вспоминаю и Вас, и вечера в Вашем доме на Тихоновской улице. Продолжаются ли они по-прежнему, и есть ли старые посетители? Между прочим, попутно вспомнился мне один юноша, с которым я познакомился именно у Вас. Я говорю о молодом поэте Бере, тогда кончившем курс гимназии (экстерном) и начавшем пробовать свои силы в литературе. Потом он печатался в „Вестнике Европы“... Эволюция сего молодого поэта в дальнейшем очень интересна. Как-то С. Я. Елпатьевский сообщил мне, что он служит чиновником в канцелярии департамента полиции. И действительно, когда по делу мне пришлось раз в конце 90-х годов побывать в этом учреждении, то в числе дрессированных молодых людей, то выбегающих к публике из недр канцелярии, то опять ныряющих в эти недра, я увидел и сего земляка-нижегородца... Очевидно, и символистская поэзия²³ на что-нибудь пригодилась. Впрочем, Сергею Яковлевичу он сказал на вопрос, как он попал на этот род службы: „О, сколько тут можно сделать добра!“»²⁴. А. Д. Мысовская посетовала в ответном письме на «влияние декадентства и символизма, так разъедающих русское общество», и на поэта Бера, который «кончил так печально»²⁵. Но в Департамент полиции Бера приводят не декадентство и символизм, казавшиеся источником всех бед Мысовской. За этим поступком стояла продуманная система убеждений, логически вытекавшая из признания себя исключительной личностью, имеющей особое предназначение. Продолжая предпринимать попытки получить образование, Бер проводит 1897—1898 учебный год в Казанском университете, а осенью 1898 г. оставляет его и оказывается в Москве, где ищет службы. И здесь охранительные убеждения заставляют Бера попробовать себя на неожиданном поприще: он поступает на службу в Московскую цензуру, как записано в его служебном формуляре, «чиновником, знающим иностранные языки»²⁶ и с декабря этого года определяется цензором иностранных газет и журналов. В обязанности Бера входила «защита» русского читателя от изданий, прибывающих из-за границы. «Только что прочел, — писал Бер не без гордости сестре в неда-

тированном письме, — и думаю представить к запрещению „*Humanite nouvelle*“, социалистического органа, очень, в сущности, интересного»²⁷. По каким-то причинам в январе 1899 г. Бер переводится на ту же должность в штат петербургской почтовой цензуры. Но очень скоро скучные присутствия на службе, ранние вставания начинают Бера тяготить. Кроме того, деятельность в цензуре оказалась малополезной и с точки зрения тех убеждений, которые привели его на этот путь. «Моя служба в цензуре, — писал он позднее в дневнике, — от индивидуализма личного перенесла меня к „индивидуализму государственному“, если можно так выразиться. Я решил исчерпать этот государственный индивидуализм и перешел в Департамент»²⁸.

Формулярный список Бера содержит запись, что с августа 1899 г. Бер причислен к Министерству внутренних дел с откомандированием для занятий в Департамент полиции. Но в это учреждение его приводят идейные соображения, и фраза, которую передавал Короленко в письме к Мысовской («О, сколько тут можно сделать добра!»), вырвалась у Бера не случайно. Пожалуй, этот «государственный индивидуализм» был настолько оригинален, что некоторые мысли Бера о русской истории, питавшие этот индивидуализм, заслуживают того, чтобы их привести. Бер считал, что отмена крепостного права не сделала русский народ свободным. «Не свободу надо было давать народу, — писал он в дневнике. — Нет. Надо было дать ему историю (. . .) История выходит из недр народа. Как чистый виноградный сок, льется она из-под давящей тяжести. Мало давили тебя, моя родина, ибо ты еще не восприняла. Но и твой час когда-нибудь придет — и у тебя будет история (. . .) Сознательно и преднамеренно вступил я в ряды порабитителей. В железную рукавицу, давящую горло моего народа, я влился лишнею тяжестью. В этой рукавице, покрытой колючими беснощадными иглами, я хочу стать самым острым шипом. (. . .)»²⁹

Но жизнь быстро рассеяла эти мрачноватые иллюзии: в реальности Бер очутился на положении одного из тех, по выражению Короленко, «дрессированных молодых людей, то выбегающих к публике из недр, то опять нырявших в эти недра», т. е. мелким чиновником крупного бюрократического учреждения, что мало согласовывалось с его тайными честолюбивыми мечтами. Прав оказался отец, предостерегавший сына: «. . . этот департамент есть самое чиновничье учреждение, даже малосимпатичное по свойству деятельности своей. Ты же всегда был враг чиновничества, и даже теперь поднимаешь свою работу на смех. . .»³⁰. На новом поприще Бер продержался менее года. Уже 24 декабря 1899 г. он записывал в дневнике: «Вернулся со службы усталый и печальный. Спал после обеда тяжелым больным сном с кошмарами из жандармских дознаний»³¹. И вскоре последовало бегство: взяв в августе 1900 г. отпуск по болезни, Бер отправляется в заграничное путешествие через Италию в Каир, а по возвращении перебирается в свое имение и к службе уже не возвращается. Родовое

имение Знаменское и стало на долгие годы основным местом его пребывания, откуда он изредка наезжал в обе столицы. Следующая вспышка общественной активности Бера носила уже вполне либеральный характер и была связана с революцией 1905 г. Произошла она под влиянием полученного в Знаменском манифеста 17 октября. «Я реагировал немедленно, — записывал Бер в дневнике. — Написал стихи. Начал толковать манифест окрестным крестьянам. Я уже скомбинировал целую серию поездок, целый план бесед и лекций. <...> Я уже видел эту преображенную жизнь, полную радостной творческой работы на ниве народной. Я уже видел „великий день и праздник урожая“». Но и эта вспышка активности окончилась столь же бесславно. «...Пылу моему суждено было охладиться очень скоро, — продолжает Бер. — Сначала я простудил горловые связки и засел дома с компрессами на горле. Затем Гудимы стали сообщать мне вкривь и вкось перетолкованные крестьянами мои же слова. Наконец, среди крестьян явилось, откуда и как, кто это разгадает, твердое убеждение, что в России нет закона до 1-го января, и, следовательно, все позволено. Пришли вести о повсеместных беспорядках и разгромах. Началась повальная рубка лесов. Началось дикое мракобесие, и все смешалось в одну громадную бессознательно мятущуюся нелепость. Все смешалось, и я был выбит из своих намерений»³².

Это была последняя попытка вмешательства в историю, в дальнейшем Бер устранился от участия в ней, живя уединенно в своем имении и отдавая досуг творчеству. Но какой бы интересной и поучительной ни казалась дальнейшая судьба Бера, она уже не имела точек соприкосновения с Горьким, в памяти которого Бер запечатлелся таким, каким он был в годы их переноски, и даже в последнем упоминании о Бере в статье «О разных разностях» (1928) Горький вспомнит Бера нижегородских лет: «Борис Бер, талантливый поэт, перев<одчик> Мистрала» (XXIV. С. 502).

Указывая на возможные связи Бера с Туробоевым, мы должны оговориться, что, отыскивая прототип, мы можем указать только на исходный материал, который питал авторское воображение, и, каким бы бесснорным ни был прототип, он является лишь частью художественного образа. «Таких людей, каковы перечисленные, — писал Горький о героях своих книг в статье „О том, как я учился писать“, — в жизни не было; были и есть подобные им, гораздо более мелкие, менее цельные, и вот из них мелких, как башни или колокольни из кирпичей, художники слова додумали и вымыслили обобщающие „типы“ людей — нарицательные типы» (XXIV. С. 470).

¹ Письма А. М. Горького Б. В. Бери и Е. В. Молодцовою / Публикации, вводная статья и примеч. Ф. Г. Попова // Волга. 1966. № 5. С. 124—132. В дальнейшем письма цитируются по этой публикации, ссылки даются в тексте, где в скобках указывается название журнала и номер страницы.

² АГ. ПГрл-26-24-1. Отца Бера Горький помнил еще по работе писмоводителем у Ланина и упоминал в заметке «Пожары»: «В. В. Бер сказал обычную фразу:

- „Ввиду полного сознания подсудимого...“ (Горький М. Заметки из дневника: Воспоминания. Берлин, 1924. С. 25). Инициалы воспроизведены неверно: он Владимир Борисович Бер (1841—1913). В 1868—1894 гг. был членом нижегородского окружного суда.
- ³ К моменту публикации сообщения «Горький и Бер» (см.: *Иванова Е. В.* Горький и Бер // Горьковские чтения 1984. Горький, 1985. С. 168—172) это письмо не было выявлено в АГ.
- ⁴ АГ, ПТЛ-12-104, отчество Молоствовой названо неточно.
- ⁵ Волга. 1966. № 5. С. 131—132.
- ⁶ См.: АГ. Рав-вГ-5-18.
- ⁷ Письма находились у Е. В. Молоствовой, которая была хранительницей архива Бера. После ее смерти наследники передали эти письма в Куйбышевский литературный музей А. М. Горького, где они и находятся в настоящий момент.
- ⁸ *Молостова Е. В.* Записи о жизни моего брата В. В. Бера: Извлечения из писем, дневников и черновых тетрадей // ЦГАЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 121.
- ⁹ Там же. Л. 634.
- ¹⁰ Там же. Л. 213—216.
- ¹¹ См.: Личное дело В. В. Бера // Гос. архив Ленинград. области (ГИАЛО). Ф. 14 (Петербургский университет). Оп. 3. Ед. хр. 28 263.
- ¹² *Молостова Е. В.* Указ. соч. С. 213. Другими Бера были в этот период кн. Г. С. Гагарин, впоследствии издавший два сборника стихов — «Стихи» (СПб., 1908) и «Стихотворения» (Пг., 1914), и поэт Е. Н. Квашнин-Самарин, друг поэта-символиста А. М. Добролюбова, так и не успевший издать свои произведения. Стихи Е. Н. Квашнина-Самарина Брюсов предполагал включить во второй выпуск альманаха «Русские символисты» (об этом см.: *Брюсов В.* Дневники, 1891—1910. М., 1927. С. 45, 156).
- ¹³ АГ. МоГ 5-2-1. Л. 11.
- ¹⁴ См.: Личное дело Бера.
- ¹⁵ См.: Свидетельство о выполнении воинской повинности // ЦГАЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 102.
- ¹⁶ Там же. Ед. хр. 88.
- ¹⁷ *Петрова М. Г.* Система образов в романе «Жизнь Клима Самгина» // Горьковские чтения. М., 1964. С. 266.
- ¹⁸ На книге сделана надпись: «Пете Молгачеву на память от Горького», на стихах есть пометы, возможно принадлежащие Горькому. (Литературный музей А. М. Горького (г. Горький)).
- ¹⁹ Единственное из известных писем А. М. Добролюбова к Беру начинается выразительным обращением: «Уважаемый не-декадент!» (Куйбышевский литературный музей им. А. М. Горького).
- ²⁰ Письма А. К. Шеллера-Михайлова к Беру отражают отеческую заботу о начинающем поэте (Там же).
- ²¹ Old Gentleman; Литературный альбом // Россия. 1904. № 945. 11(24) дек.
- ²² *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 159.
- ²³ Представление о Бере как о поэте-символисте было распространено среди нижегородцев. Кроме В. Г. Короленко и А. Д. Мысковской, его разделял и Горький, который не случайно обращался к Беру с такими, например, просьбами: «Купите и пошлите мне наложенным платежом все декадентские сборники, какие вышли! Русских декадентов, Брюса и т. д. Очень нужно — ей Богу!» (Волга. 1966. № 5. С. 127). Увлечение Ницше, интерес к Метерлинку давали основания связывать Бера с деятелями нового искусства.
- ²⁴ Сообщено М. Г. Петровой.
- ²⁵ Сообщено М. Г. Петровой.
- ²⁶ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР (г. Ленинград). Ф. 1289. Оп. 21. Д. 166.
- ²⁷ Отдел рукописей Музея истории религии и атеизма (г. Ленинград). Ф. 5. (Молостова Е. В.). Оп. 1. Ед. хр. 571. Л. 94.
- ²⁸ *Молостова Е. В.* Указ. соч. С. 213.
- ²⁹ Там же. Ч. II. С. 96—97.
- ³⁰ Там же. Ч. II. С. 65.
- ³¹ Там же. Ч. II. С. 54.
- ³² Там же. С. 290.

ГЕРОИНЯ РАССКАЗА «О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ» (Документы к портрету)

С О. Ю. Каминской Горький был связан в трудные для него годы — с 1889 по 1895-й. Это было время нужды и первых шагов на писательском поприще.

Каминская родилась в 1860 г.¹ в Нижнем Новгороде. Отец ее — коллежский регистратор Юлий Августович Гюнтер родился в 1815 г. Начав 17 марта 1841 г. службу домашним учителем, он отдал ей всю свою жизнь, в Нижний Новгород переехал в конце 1856 г. Мать — Варвара Николаевна — была акушеркой по образованию и занималась частной практикой. Кроме дочери Ольги, у Гюнтеров были еще два сына: Александр и Измаил — 1842 и 1850 года рождения.

В апреле 1866 г. семья Гюнтер покинула Нижний Новгород и уехала в Белосток, откуда, однако, вернулась 6 февраля 1867 г., оставив там шестилетнюю Ольгу на попечение родственников.

В марте 1868 г. Гюнтеры жили на Ковалихинской улице в доме Добротворского по соседству с нижегородским цеховым Василием Васильевичем Кашириным, и Варвара Николаевна принимала роды у матери будущего писателя.

В 1877 г. Ольга Гюнтер закончила Белостокский институт благородных девиц. К этому времени относится ее знакомство с членами тайной народовольческой организации «Польская народная гмина», в частности с братьями Гриневицкими, а также с будущим мужем Ф. Ф. Каминским² и его другом детства Болеславом Петровичем Корсаком, работавшим тогда на станции Белосток Второй Юго-Западной железной дороги старшим телеграфистом.

В 1880 г. студенты Петровской сельскохозяйственной академии Фома Каминский и Иван Гриневицкий, жившие на одной квартире, привлекались к дознанию по делу о попытке покушения на царя в связи со взрывом на Курской железной дороге в ноябре 1879 г. 1 марта 1881 г. Игнатий Гриневицкий бросил бомбу, убившую Александра II и его самого. В начале того же года «провалился» Болеслав Корсак и был сослан на пять лет в Иркутскую губернию³.

Ольга Гюнтер (по-видимому, в 1882 г.) переехала в Москву, поступив на высшие акушерские курсы при Московском университете, и вскоре вышла замуж за Каминского. 1 июня 1883 г. у них родилась дочь, которую называли Ольгой.

После окончания иркутской ссылки — в конце октября 1886 г. — Корсак вернулся в Белосток. В декабре 1887 г. по дороге в Тифлис он остановился в Туансе у Каминских. Приезд его навсегда нарушил их нормальную семейную жизнь. Когда в начале марта 1888 г. Корсак продолжил свой путь, с ним отправилась

Ольга Юльевна с дочерью, получив свидетельство на свободное проживание от мужа в течение одного года.

В Тифлисе они жили сначала на квартире у Георгия Тищенко, затем — у Григория Буряка, оба состояли под негласным надзором.

В апреле Корсак получил письмо от Ивана Гриневицкого с просьбой сообщить, «можно ли подыскать в Тифлисе работу». Получив утвердительный ответ, Гриневицкий вместе со своей невестой Екатериной Мазуровой прибыл 1 июня к своему товарищу. А через два дня все трое были арестованы. Еще через несколько дней арестовали и Каминскую вместе с прибывшим к ней Фомой Фомичом⁴.

Всем пятерым предстояло быть высланными этапным порядком на родину, Ольге Юльевне же удалось получить направление в Оренбург, где работал врачом в военном госпитале старший ее брат Александр Гюнтер и куда ей разрешили выехать вместе с мужем.

В сентябре 1888 г. Каминская снова покидает мужа и отправляется в Нижний Новгород, куда вскоре приезжает и Корсак.

11 октября они поселились на Лыковой дамбе близ церкви Жен-Мироносиц в доме Ефимовой, 26 ноября перебрались на улицу Тихоновскую (ныне ул. Ульянова) в дом Арбекова. Но и здесь прожили недолго. С 23 января 1889 г. они живут в доме Долгова на Больничной улице (ул. Нестерова).

Здесь и произошла первая встреча, изображенная в рассказе «О первой любви». Алексей Пешков увидел даму с «ласковыми глазами»: «Нижняя губа маленького рта ее была толще верхней, точно припухла; густые волосы каштанового цвета коротко обрезаны и лежат на голове пышной шапкой, осыпанная локонами розовые уши и нежно-румяные щеки. <...> Но самое замечательное в ней — ее синеватые глаза; они лучатся так весело, ласково, с таким дружеским любопытством. И — это несомненно! — она улыбается той самой улыбкой, которая совершенно необходима сердцу человека двадцати лет отроду, — сердцу, обиженному грубостью жизни»⁵.

А вот как описал Каминскую пристав Второй кремлевской части Нижнего Новгорода Чеховский в своем донесении нижегородскому полицмейстеру от 30 января 1889 г.: «Роста низкого, волосы светло-русые, худощавая, нос большой, стрижена коротко под польку». Несколько ранее — 13 января 1888 г. — помощник пристава Рождественской части сообщал приметы Корсака: «28 лет, росту среднего, волосы светло-русые, брови тоже, глаза голубые, нос и губы умеренные, подбородок круглый и лицо тоже»⁶.

Горький приходил к Ольге Юльевне каждый день⁷. И, видимо, в конце лета 1889 г. произошло объяснение, описанное в знаменитом рассказе. Далее события развивались стремительно. 6 сентября у Каминской истек срок действия свидетельства на свободное проживание, и она должна была вернуться к мужу в г. Минск. Но ей не хотелось этого. Между тем Корсак уговаривал ее уехать с ним за

границу. 11 сентября он подал на имя директора Департамента полиции прошение о выдаче ему заграничного паспорта для выезда на жительство во Францию в г. Жанвиль, а 16 сентября переехал с Каминской из дома Долгова в дом Малышева по той же Больничной улице. 29 сентября Корсак выехал в Минск, где 12 октября получил у своего приятеля новый вид на жительство для Ольги Юльевны сроком на три года. 17 ноября Пешков переселяется из дома Лик тоже в дом Малышева.

«Осенью 1889 г., — вспоминала Ольга Юльевна, — пришло время призыва Алексея Максимовича на военную службу. Я с тревогой ждала его возвращения из присутствия. Подошел вечер, а его все нет. Вдруг часов в десять раздался стук. . . Я бросилась к двери и увидела сияющее радостью лицо. — Не взяли! Забраковали! — крикнул он и протянул ко мне руки»⁸.

Происходила эта сцена 22 ноября. А в первых числах декабря все трое переезжают с Больничной улицы на соседнюю — Жуковскую (ул. Минина). Горький поселился в доме Евлампии Васильевны Садовой, а Каминская с Корсаком — в доме Андреева; в нем спустя три года начнут свою совместную жизнь Алексей Пешков и Ольга Юльевна.

17 декабря 1889 г. начальник Нижегородского губернского жандармского управления генерал-майор Познанский отвечал на запрос Департамента полиции: «Имею честь донести, что занасной рядовой Болеслав Петров Корсак, проживая в г. Нижнем Новгороде, никаких определенных занятий не имел и ныне не имеет и что вообще непонятно, на какие средства он живет и разъезжает. Знакомства его крайне подозрительны и состоят исключительно из бывших административно-ссылных и лиц, замеченных в политической неблагонадежности. Вот эти знакомые его: из выбывших из Нижнего — Анна Амбарова и Михаил Китаев, а из ныне проживающих — Роза Личкус, Александр Селецкий, Евгений Козлов, Ангел Богданович, Аким Чекин, Василий Кларк, Гульзум Алкина, Алексей Пешков, Евгений Добровольский, Михаил Губарев, Иван, Василий и Александра Метлины. Наконец, акушерка Ольга Каминская, урожденная Гюнтер, с которой он состоит в любовной связи и которая, вероятно, и снабжает его деньгами»⁹.

В феврале 1890 г. Корсак, получив заграничный паспорт, покинул Нижний. 26 февраля Каминская перебралась из дома Андреева в дом Виязова, стоявший на той же улице, ближе к дому Садовой.

«Я думала, — пишет Ольга Юльевна, — что, проводив Корсака, камень снадет с души моей, но — странный ход человеческих чувств! . . . Одиноким, далекий, страдающий взял перевес над довольным, счастливым, оставшимся тут, возле меня. Над письмами из Парижа, полными тоски, я плакала. Меня мучила жалость и упрёки совести. Повздыхав и передумав еще несколько месяцев, я решила уехать к Болеславу Петровичу в Париж»¹⁰.

9 мая Каминская подала прошение губернатору Н. М. Баранову

о необходимости поездки за границу, приложив медицинское свидетельство о хроническом катаральном воспалении верхушек легких, выданное доктором В. Янишевским¹¹. 14 июня Каминская получила заграничный паспорт, а 20 июня уехала: «Как ни тяжело было расстаться с Алексеем Максимовичем, в душе не угасало сознание, что я поступаю правильно. Он моложе меня, его юношеское увлечение может оказаться непрочным, в жизни он не устроен, я — тоже. А, кроме того, у меня есть дочь. Я не раз высказывала ему все это мягко, дружески. А он в ответ на это или иронизировал, или, соглашась со мной, подавленно молчал. <...> Прощаясь, сказал очень твердо: „Не пиши мне. Разрыв — так разрыв навсегда“»¹².

Ольга Юльевна обещала через полгода вернуться, но не вернулась. . . «Вскоре, — пишет Горький, — полубольной, в состоянии, близком безумию, я ушел из города и почти два года шатался по дорогам России, как перекасти-поле. <...> И все-таки сохранил нетленно в душе милый образ этой женщины, хотя видел лучших и умнейших ее»¹³.

И для Каминской это было время страстных.

В Париже она прожила недолго. В поисках работы для Корсака они переехали в Болгарию, затем в Румынию, в городок Тулчу. Здесь их приютил у себя доктор В. С. Ивановский — брат жены В. Г. Короленко. У него они прожили до лета 1891 г. среди дунайских рыбаков. Затем переехали в Плоешти; там Корсак нашел работу. В мае 1892 г. перебрались в Лондон, где он вскоре вновь оказался без места, а Каминская, поссорившись с ним, уехала в Россию к Алексею Пешкову. Она знала, что он жил в Тифлисе.

27 августа 1892 г. заграничная агентура послала в Петербург телеграмму с извещением о выезде в Россию Каминской. 4 сентября Департамент полиции разослал начальникам всех жандармских пограничных пунктов приказ о ее встрече, тщательном обыске и дальнейшем наблюдении. 14 сентября помощник начальника Киевского жандармского управления железных дорог рапортовал: «Имею честь донести, что жена кандидата сельского хозяйства Ольга Юльевна Каминская уже возвратилась из-за границы через вверенный моему наблюдению пограничный пункт 6 августа, почему требование о тщательном досмотре ее багажа и о сообщении о направлении избранного ею пути осталось неисполненным»¹⁴.

«Подъезжая к Тифлису, — вспоминала Ольга Юльевна, — я с радостью и вместе с тревогой думала — как мы встретимся». И датировала это событие: «ноздрей осенью 1892 года». В «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» значится: «Сентябрь, до 21. Встречается в Тифлисе с О. Ю. Каминской». При этом ссылка дается на рассказ «О первой любви». Приведенный же выше документ, как видим, называет середину августа. В начале сентября Каминская едет в Минск и 11 сентября получает в Минском полицейском управлении очередное свидетельство на свободное проживание от мужа в течение одного года. 12 сентября вышел в свет «Макар Чудра». Вернувшись в Тифлис, Ольга Юльевна

решает: «Сделаем так: вы уезжайте в Нижний, а я останусь здесь, подумаю и напишу вам».

21 сентября Алексей Пешков увольняется из Главных железнодорожных мастерских Закавказской железной дороги и возвращается в родной город, а 5 декабря 1892 г. Познанский писал в Департамент полиции: «Ольга Юльевна Каминская вчера — 4 декабря — прибыла в Н. Новгород из г. Тифлиса и поселилась в квартире негласно поднадзорного мещанина Алексея Максимова Пешкова, о прибытии которого я доносил на желтом бланке 7 октября за № 993. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Пешков, очевидно, сносился с Каминской и знал о предстоящем приезде ее в Нижний. Занимая до последних дней только одну комнату, он несколько дней тому назад нанял квартиру более обширную, объявив, что ждет к себе родственницу, и в нее-то прямо и въехала Каминская»¹⁵. Квартира, о которой идет здесь речь, находилась в доме Андреева по Жуковской улице.

В «Ведомости о состоящих под надзором полиции по первому участку Второй кремлевской части г. Н. Новгорода», составленной 11 декабря 1892 г., сказано: «Номер по порядку 1. Пешков Алексей Максимович, Нижегородский цеховой малярного цеха, 24 года. Надзор учрежден по распоряжению Нижегородского полицмейстера (за политическую неблагонадежность) с 26 октября 1892 г., секретный, без срока. Пешков проживает по Жуковской улице, дом Андреева, служит у Ланина письмоводителем, холост. Как Пешков, так и Каминская живут в нижнем этаже в смежных квартирах, внутри соединяющихся дверью, Пешков ходит только во второй этаж на занятия к Ланину, а Каминская никуда не ходит. Их также никто не посещает. Аттестация: за краткое время проживания в первом участке как Пешков, так и Каминская в дурных поступках замечены не были, а также не было замечено за ними никаких действий, за которые они подвергнуты надзору»¹⁶.

21 декабря начальник Нижегородского губернского жандармского управления писал полицмейстеру: «Имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства, дабы под каким-нибудь благовидным предлогом были добыты от поднадзорной Ольги Юльевны Каминской, урожденной Гюнтер, нижеследующие сведения: 1) Сколько ей лет от роду; 2) Где она родилась; 3) Какого вероисповедания; 4) Где училась и кончила ли курс; 5) Чем ныне занимается; 6) Ее семейное положение» и т. д. На что помощник пристава Никольский доносил: «Ранорт. С представлением поручения за № 435 имею честь донести. . . что по собранным мною негласным путем сведениям оказалось: 1) Жена кандидата прав сельского хозяйства Ольга Юльевна Каминская имеет от роду 33 года; 3) Вероисповедания православного (отец ее был лютеранского вероисповедания. — *Е. П.*); 5) Род занятий ее — картография и рисование; 8) Имеет только одну дочь Ольгу — 9 лет, которая находится при ней и 9) Муж ее помер недавно в одной из южных губерний. Что же касается до сведений, означенных в пунк-

тах 2, 4, 6, 7 поручения за № 435, то таковых под общепотребительными предложениями от О. Ю. Каминской добыть не представилось возможным, так как она категорически отозвалась, что все сведения о ее личности для полиции должны ограничиваться пропиской паспорта; лиц, знающих ее семейное положение, а также и родственников ее здесь в Нижнем нет. Мать ее — акушерка Гюнтер, жившая прошлым летом в Ошарской улице в доме Поддымникова, уехала из Нижнего и, по слухам, живет в Москве»¹⁷.

2 февраля 1893 г. Познанский информировал Департамент полиции: «Каминская акушерством не занимается, имеет картографические работы от Нижегородской губернской Земской управы, кроме того, рисует картины. Состоит в любовной связи с поднадзорным мещанином Алексеем Пешковым, имеет десятилетнюю дочь Ольгу, которая при ней. У нее в живых: мать Варвара Николаевна Гюнтер, которая живет в Минске, и братья Александр — 51 год (врач в г. Оренбурге) и Исаи́л — 43-х лет (ротмистр Отдельного корпуса жандармов в г. Минске). Проживая ранее в Н. Новгороде, состояла под наблюдением, так как жила с поднадзорным Болеславом Корсаком и вела обширные знакомства с лицами, считавшимися политически неблагонадежными»¹⁸.

Жизнь с Каминской в доме Андреева принесла писателю немало неприятностей. 5 марта 1893 г. в Россию вернулся Болеслав Корсак. Правда, он тут же был арестован на пограничном пункте Александрово и доставлен в Санкт-Петербургский дом предварительного заключения. К прежнему обвинению добавилось еще одно: «Сношение за границей с выдающимися представителями русской эмиграции».

Узнав об этом, Ольга Юльевна решает во что бы то ни стало выручить друга из беды.

9 мая 1893 г. она направилась сначала в Минск, откуда проехала в Вильно. Под Вильно, в местечке Свеняны, жили родители Корсака, на попечение которых она оставила свою дочь, а оттуда выехала в Петербург. Появление Каминской в столице полиция зафиксировала 5 июня в доме № 38 по Кирочной улице. Вице-директор Департамента полиции сделал у себя следующую пометку: «Для памяти. Ныне в Петербурге находится Ольга Юльевна Каминская (невеста Корсака). Вызвать ее ко мне на вторник в Департамент полиции к двум часам дня 15 сего июня». 15 июня он пишет: «Резолюция. С госпожой Каминской я имел сегодня личное объяснение. Не внушает никаких опасений»¹⁹.

А в это время Алексей Пешков буквально забрасывает Ольгу письмами, в которых делится своими творческими планами и умоляет вернуться к нему, но та в своих ответах предлагает ему лишь «дружбу» и не собирается вообще возвращаться в Нижней. В писательскую звезду Горького она еще не верит. Ее планы — освободить Корсака и уехать с ним в Тифлис.хлопоты увенчались успехом. 23 июля Корсак был освобожден. Вынесенное по его делу постановление гласило: «Принимая во внимание, что Болеслав

слав Корсак выраженное им в прошении, поданном при производстве дознания, раскаяние подтвердил затем при личных объяснениях в Департаменте полиции и что он представляется человеком, совершенно отрекшимся от своего преступного прошлого, а также имея в виду болезненное его состояние, ДП полагал бы в качестве наказания зачесть ему сидку два месяца в тюрьме, а затем подчинить гласному надзору в течение одного года в выбранном им месте жительства»²⁰.

После освобождения Корсак уехал в Тифлис, а Каминская 11 августа 1893 г. возвратилась в Нижний Новгород, в дом Андреева. «Бурная радость Алексея Максимовича при встрече со мной сняла много тяжести с души моей. Размолвки нашей мы больше не касались ни разу. . . И снова мы зажили с Алексеем Максимовичем тепло, дружно и сердечно».

Так начался третий — самый продолжительный этап их совместной жизни, который длился до следующего лета. 5 августа газета «Русские ведомости» напечатала рассказ «Емельян Пиляй». В августе—сентябре в «Волжском вестнике» были опубликованы горьковские рассказы «Месть», «О чиже, который лгал. . .», «Разговор по душе». В октябре началось постоянное сотрудничество молодого писателя в газете «Волгарь».

В начале же ноября у Каминской опять что-то случилось. Жить в доме Андреева она больше не захотела и 7 ноября перебралась на улицу Провиантскую к Казанцевым. Горькому пришлось искать новую квартиру. В ноябре они въехали в дом священника Казанской церкви Николая Павловича Прилежаева на Полевой улице, находившийся близ арестантской роты в третьем квартале Первой кремлевской части.

Очередная размолвка произошла летом 1894 г. Она совпала с необходимостью для Ольги Юльевны поехать в Минск за новым свидетельством на свободное проживание от мужа, потому что срок последнего истек как раз в июле. Выехала Каминская из Нижнего 26 июня, а вернулась 8 августа. Начался последний — четвертый этап ее жизни с Алексеем Максимовичем.

В первой половине ноября Ольга Юльевна вдруг оказывается в Вильно и заявляет местной полиции, что приехала на постоянное жительство. Однако в последних числах этого же месяца она опять в Нижнем, в доме Прилежаева. Эпизод этот, по-видимому, был связан с Корсаком. Вполне возможно, он и послужил поводом к окончательному разрыву:

«Постепенно наши отношения с Алексеем Максимовичем изменились. Я большею частью оставалась одна. Разговоры наши были немногословны, редки и только касались дел. Алексей Максимович за это время списался с „Самарской газетой“ (. . .) А мне подал дружеский совет уехать к Фоме Фомичу „отдохнуть от всего пережитого“, как он выразился. . . Через два дня Алексей Максимович уехал».

Это случилось 17 февраля 1895 г.²¹ Каминская покинула Нижний 14 июня и вскоре проследовала в Минск к мужу, «совершенно

примирившись с ним», как сказано в одном из полицейских документов. Однако 21 марта 1896 г. Ольга Юльевна уезжает в Москву. Вскоре она узнала о женитьбе Горького: «Наши друзья и знакомые, которые виделись с ним, передавали мне и моей дочери от него поклоны и приветы. Когда заболела моя дочь, Алексей Максимович предоставил ей возможность жить целый год в Ялте в пансионе и лечиться. И с того момента мы не теряли друг друга из виду».

9 февраля 1897 г. Каминская поселилась на станции Самтредиа Кутаисской губернии у Корсака, работавшего ревизором пассажирских поездов. С ним и жила до июля 1898 г., колеся по Грузии, после чего вернулась к мужу. В конце 1899 г. — снова поехала к Корсаку, который служил теперь на станции Баку в той же должности. Однако он жил уже с другой женщиной — Марией Терентьевной Песковой, крестьянкой Кинешемского уезда Костромской губернии.

В начале 900-х годов Ольга Юльевна продолжала жить, как перекаати-поле, чаще всего посещая Варшаву. С 5 апреля по 29 мая 1902 г. она жила в местечке Магоча Ялтинского уезда на даче Алисовой. В это время — до 23 апреля — в Олеше на даче Токмаковых жил Горький.

Последний, имеющийся в нашем распоряжении, документ фиксирует отъезд Каминской из Минска 31 марта 1903 г. — после похороон мужа — в Тифлис. Здесь она поселилась на улице Сагурамской в доме Церцвадзе. В Тифлисе жил тогда Болеслав Петрович Корсак.

«В ее отношении к жизни, — заканчивает рассказ „О первой любви“ М. Горький, — было нечто сродное вере ребенка в безграничную ловкость фокусника: все показанные фокусы интересны, но самый интересный еще впереди. Его покажут в следующий час, может быть — завтра, но — его покажут! Я думаю, что и в минуту смерти своей она все еще надеялась увидеть этот последний, совершенно непонятный, удивительно ловкий фокус»²².

¹ См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). Ф. 102. 3 делопр. Он. 90. Д. 700. Л. 2.

² Каминский Фома Фомич (1857—1902). См.: ЦГАОР. Ф. 93. Он. 1. Д. 148. Л. 76; Ф. 102. 3 делопр. Он. 90. Д. 700. Л. 37. Мы сохраняем традиционное написание фамилии, хотя существует вариант «Каменский», в частности в газете «Минский листок», где Фома Фомич был в начале 90-х годов редактором и сотрудником. Однако во всех жандармско-полицейских делах фамилия его и Ольги Юльевны пишется через «и». В частности, в ГАГО хранится заграничный паспорт, выданный О. Ю. Каминской летом 1890 г., прошение за ее личной подписью «Ольга Каминская», свидетельство на свободное проживание от мужа, написанное собственноручно Ф. Ф. Каминским 12 октября 1889 г. и заверенное минским нотариусом П. Н. Годиневичем и др. документы. Сам Горький не придерживался единого написания фамилии.

³ См.: ЦГАОР. Ф. 102. 3 делопр. Он. 92. Д. 654. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 102. 3 делопр. Он. 90. Д. 700. Л. 2.

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 210—211.

⁶ Государственный архив Горьковской области (ГАГО). Ф. 342. Он. 1. Д. 1125. Л. 18; Д. 1146. Л. 153.

- ⁷ См.: Каминская О. Ю. Воспоминания о А. М. Горьком // А. М. Горький нижегородских лет. Горький, 1978. С. 33.
- ⁸ Там же. С. 34.
- ⁹ ЦГАОР. Ф. 102. 3 делопр. Оп. 92. Д. 654. Л. 93.
- ¹⁰ Каминская О. Ю. Указ. соч. С. 35.
- ¹¹ См.: ГАГО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1271. Л. 205, 206, 212.
- ¹² Каминская О. Ю. Указ. соч. С. 35.
- ¹³ Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения. Т. 16. С. 221.
- ¹⁴ ЦГАОР. Ф. 102. 3-е делопр. Оп. 90. Д. 700. Л. 11.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАГО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 1564. Л. 13.
- ¹⁷ Там же. Д. 1442. Л. 10.
- ¹⁸ ЦГАОР. Ф. 102. 3-е делопр. Оп. 90. Д. 700.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Оп. 92. Д. 654.
- ²¹ Биографы Горького называют разные даты его приезда в Самару в 1895 г.: 23 февраля (И. А. Груздев), 26 февраля (К. Д. Муратова), 24–25 февраля (Л. И. Якинина), 22 февраля (Р. М. Вуль), 23 февраля (Л. М. Фарбер), 20 февраля (Летопись жизни и творчества А. М. Горького) и т. д. Вновь обнаруженные полицейские документы позволяют уточнить обстоятельства. В «Листке убытия» Горького из Н. Новгорода, составленном 17 февраля, значится: «Пешков Алексей Максимович. Время выезда, месяц и число: 17 февраля 1895 г. Куда выбыл: в г. Самару». Вот еще один документ: «Алфавит лиц, состоящих под негласным надзором полиции (...). Пешков, Алексей Максимович, нижегородский мещанин. Семейное положение: холост, семейства не имеет. Место постоянного жительства: в доме Прилежна по Полевой улице. 17 февраля 1895 г. выбыл в Самару» (ГАГО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 1859. Л. 50; Д. 1986. Л. 111). Однако вскоре Горький вновь оказывается в Н. Новгороде, и лишь 27 февраля «поднадзорный Алексей Пешков» окончательно «убывает» в Самару (см.: Поздний Е. «Пропавший» Пешков // Горьков. правда. 1987. 18 июня).
- ²² Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения. Т. 16. С. 239.

И. И. Вольнов

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ А. М. ГОРЬКОГО

С 10 апреля по 13 октября 1906 г. Алексей Максимович Горький, вместе с Марией Федоровной Андреевой и Николаем Евгеньевичем Бурениным, находился в Соединенных Штатах Америки с ответственным заданием Центрального Комитета РСДРП(б). Владимир Ильич Ленин придавал этой поездке большое значение. Цель ее заключалась в том, чтобы помешать царскому правительству получить заем у правительства США и вместе с тем попытаться собрать средства на революционную подпольную работу.

О пребывании Горького в Америке и первых месяцах его жизни в Неаполе и на Капри известно из воспоминаний Н. Е. Буренина¹.

Путешествие из Нью-Йорка в Неаполь на пароходе «Принцесса Ирэн» длилось с 13 по 26 октября 1906 г. Эти две недели в воспоминаниях Буренина заняли только одну страницу. Он описывает

обстановку салона парохода и вспоминает, как играл на рояле вместе с молодым итальянским скрипачом для Горького скрипичную сонату Грига.

Среди пассажиров парохода оказался молодой итальянский историк, который по приезде в Неаполь передал в редакцию римской газеты «Il giornale d'Italia» свою статью с впечатлениями от общения с Алексеем Максимовичем и его спутниками. 28 октября статья была опубликована. Подлинная фамилия ее автора не установлена, он подписался псевдонимом: Viator (путник. — лат.).

Копия статьи поступила недавно в Музей А. М. Горького из Италии от доктора Паоло Риччардэлли. Приводим, с некоторыми сокращениями, перевод этой статьи с итальянского:

«Уважаемый директор,

в дополнение к опубликованному Вами вчера интервью с Максимом Горьким², позвольте поделиться на страницах Вашей газеты впечатлениями человека, который имел честь переплыть Атлантический океан на том же пароходе, где были великий исследователь русской народной души, его любезнейшая и просвещенная супруга, их друг, товарищ по партии господин Буренин и милая канадская барышня³, подруга госпожи Горькой, к которой она относилась как к сестре. . .

В первые четыре дня нашего плавания была сильнейшая качка и четыре мои спутника проводили большую часть времени в своих каютах. Когда качка утихла, я познакомился сперва с Бурениным, который часто играл на фортепьяно в дамском салоне парохода. Он мне сказал, что ранее был неоднократно в Италии и что сумеет быть хорошим гидом для Горького и Андреевой, впервые приезжающих в нашу страну. Мария Федоровна мечтает встретиться с Элеонорой Дузе.

В первый вечер после бури в столовой произошел инцидент, который затруднил дальнейшее общение А. М. Горького и его спутников с пассажирами первого класса, преимущественно — разодетыми американками. Обедали всегда вместе под звуки оркестра. В тот вечер после исполнения ряда произведений легкой музыки оркестр исполнил в честь американских пассажиров национальный гимн США. При первых звуках гимна все пассажиры, капитан корабля и итальянский комиссар по эмиграционным делам встали и запели. Не встали Горький и его спутники и один итальянец из Рима. Все обратили внимание на это, и, во избежание возможных неприятностей, командир корабля приказал оркестру впредь не исполнять никаких национальных гимнов. . .

Что касается Горького и его спутников, то нетрудно было догадаться, что они не имели основания для преклонения перед американской „свободой“. . . Достаточно вспомнить, как отнеслись к А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой администраторы нью-йоркских гостиниц, проявляя такое же рвение, что и хозяева fondas⁴ в Испании, которые в XVIII в. требовали от постояльцев брачное свидетельство, завизированное Инквизицией.

Горькие надеялись познакомиться в США с образцовым народом, но убедились в том, что там права человека истолковывают и применяют по-своему: индейцы почти уничтожены, обращение с неграми такое же, как с евреями в России, японских детей в Сан-Франциско не пускают в школы, итальянских эмигрантов в католических церквях выгоняют в подвал, чтобы не общались с говорящими по-английски, потому что плохо одеты.

Госпожа Андреева говорит по-итальянски, но предпочитает изъясняться по-французски, владеет английским и немецким языками. Этим она оказывает своему Alexis, так она называла Горького, бесценную помощь в общении с иностранцами.

А. М. Горький собирается поселиться в Сорренто для завершения работы над книгой, начатой в Америке⁵. В январе, после окончания написания книги, поедет в Рим. Он понимает французскую и английскую речь, но при разговоре предпочитает пользоваться помощью своей Маруси, так он называет Андрееву.

Когда мы, с опозданием на целые сутки, прибыли в Гибралтар, я познакомил Горького с содержанием номеров „Giornale d'Italia“ с 3 по 16 октября. Он очень заинтересовался отчетами конгресса итальянской социалистической партии и известиями из России.

Он желает поближе познакомиться с нашим народом и уже здесь, на борту „Принцессы Ирэн“, со страстью наблюдал за пассажирами третьего класса, где ютилась тысяча итальянских эмигрантов, возвращающихся на родину из Америки. Он проводил много часов с ними на палубе третьего класса и наблюдал за ними с прогулочной палубы. В эти часы нежная, безмятежная радость освещала его лицо, черты которого несколько жестки, когда он сосредоточен на своих мыслях. Особенно он радовался, когда наши веселые и полные жизни южане исполняли под аккомпанемент гармошки, волынки или окарины свои народные танцы. Среди них были отличные исполнители.

Я обратил внимание своих спутников на то, что движения этих танцующих, то нежные и целомудренные, то трепещущие и дерзкие, напоминали старые фресковые росписи Помпей и росписи на изделиях из терракоты, хранящихся в Неаполитанском музее. Госпожа Горькая заметила, что подобные фигуры танцев встречаются у грузин и у других народов Кавказа. Я пытался объяснить это тем, что и те и другие народы были выходцами из греческих колоний южной Италии и с побережья Черного моря. Горький не согласился с этим предположением. Он сказал, что сходное наблюдается и в танцах татар, поселившихся на Черноморском побережье только в XIII в., и что они, как и народы Кавказа, могли унаследовать эти движения от населения генуэзских колоний.

Больше всех среди итальянских эмигрантов пользовались любовью и вниманием великого писателя дети. Каждый день он их угощал фруктами, сопровождал это угощение нежной улыбкой и лаской. С материнскими словами обращалась к детям на итальянском языке его спутница. Он попросил у командира корабля разрешение посетить трюмы, где спали эмигранты, и воочию убе-

дился в том, как жестоко владельцы пароходных компаний обращаются с этими обездоленными.

Среди них в особо тяжелом положении были шестнадцать эмигрантов, которым Bellis Island не было разрешено поселиться в США, и восемнадцатилетняя девушка, покинутая соблазнителем, у которой 21 числа случились преждевременные роды. Новорожденный умер в следующую ночь. Это печальное событие сблизило остальных пассажиров третьего класса с Горьким и его спутниками. Каждый, кто принимал участие в оказании помощи этой несчастной, был ими дружески встречен и пользовался их вниманием.

Не могу забыть глубокую грусть, отразившуюся на лице Горького, когда в день нашего приезда в Неаполь ему не разрешили, несмотря на обещание денежного вознаграждения, взять в свою лодку эту девушку, чтобы доставить на берег. Глубокое возмущение вызвали у писателя и его спутников слова одного франта, обращенные к эмигрантам при высадке с корабля: „Вот счастливый народ, воспользовался четырнадцатидневным приятным бездельем!“

¹ См.: Буренин Н. Е. Памятные годы; Воспоминания. Л., 1967. С. 124—157.

² Il giornale d'Italia. 1906. 27 ottobre. См.: Выковцева Л. Горький в Италии. М., 1975. С. 13.

³ Мисс Г. Брукс.

⁴ fonda (исп.) — постоялый двор.

⁵ Имеется в виду роман «Мать».

Л. А. Скворцова

М. ГОРЬКИЙ В 1910—1912 гг.

К истории взаимоотношений
с редакцией журнала «Современный мир»

Последние годы пребывания на Капри отмечены у Горького отчетливо выраженным изменением литературно-издательских ориентиров. 1910-й год стал во многих отношениях для него переломным. Позади остался один из самых сложных и драматических периодов биографии писателя, связанный с его сближением с группой «левых» большевиков — А. А. Богдановым, А. В. Луначарским, Г. А. Алексинским, М. Н. Покровским и другими будущими участниками фракционной группы «Вперед». Это сближение, так же как и последовавшие за ним разочарование в идеях недавних единомышленников, резкие болезненные разрывы, поиски выхода из очень глубокого мировоззренческого и духовного кризиса, — все еще остается недостаточно исследованным. Так до сих пор практически не освещены реальные взаимоотношения Горь-

кого и Богданова, степень его влияния на Горького, объективного совпадения отдельных их позиций и пр.

Эти вопросы непосредственно связаны с чисто литературными. Нас не может, например, не интересовать, в преддверии создания новой концепции русской литературы XX в., в какой мере выдвинутая Горьким после поражения революции 1905—1907 гг. концепция «позорного десятилетия» в истории русской литературы, его платформа борьбы с «литературным распадом», которые мы долгое время рассматривали лишь под знаком развития традиций боевого революционного демократизма, — в какой мере они несли на себе также и следы влияния восходящих к богдановской группе философских и в не меньшей мере политических представлений.

В свое время М. А. Лифшиц в работе «Вместо введения в эстетику А. В. Луначарского» предостерегал против выпрямления его биографии в соответствии с широко распространенной схемой эволюции А. В. Луначарского, «очень удобной для сглаживания острых углов, но далекой от исторической действительности», когда «очевидное желание „реабилитировать“ Луначарского приводит к тому, что „большевик 1905 года и богостроитель 1908 года помещены в разные отсеки нашей памяти“». В результате — торжествует «нравоучительный вывод» из легенды о Луначарском, успешно преодолевшем свои ошибки и отдельные промахи¹.

Предостережение это не потеряло своей актуальности в равной мере и по отношению к биографии Горького. Выпрямление биографии Горького проявляется достаточно часто в стремлении преуменьшить меру его увлеченности в 1906—1909 гг. идеями Богданова и Луначарского, так же как и степень его личного участия в организации Каприйской школы, в умолчании о том факте, что после неудачной попытки, относящейся к весне 1908 г., примирить Ленина и Богданова в их философском споре Горький целиком стал на сторону Богданова, что имело своим последствием фактический разрыв отношений с Лениным, прекращение переписки на полтора года.

В ноябре 1909 г., после раскола Каприйской школы и поездки М. Вилонова в Париж, Ленин возобновляет переписку с Горьким, однако отвечает отказом на новое предложение Горького приехать для примирения с Богдановым на Капри. В конце 1909 г. Горький подписывает вместе с другими участниками Каприйской школы платформу «впередовцев», переданную 28 декабря в ЦК РСДРП, — «Современное положение и задачи партии»² (вышла в свет в издании группы «Вперед» в 1910 г. в Париже). Окончательный разрыв Горького с богдановской группой, видимо, произошел не ранее весны 1910 г.

Не будем забывать о том, что Луначарский, Богданов, Л. Б. Крassin (также участник группы «Вперед») были в 1905—1907 гг. самыми близкими соратниками Ленина по проведению активной революционной тактики, несмотря на существовавшие уже и тогда философские разногласия. Богданов был послан в декабре 1907 г. Большевистским центром вместе с Лениным в Женеву для нала-

живания там «Пролетария» в составе его редакционной «тройки» — факт, о котором до сих пор стыдливо умалчивают даже самые авторитетные издания. (Богданов часто изображается чем-то вроде свободного политического эмигранта, живущего на Капри и оказывающего свое тлетворное влияние на Горького.)

Естественно, что Богданов и Луначарский пользовались в ранний каприйский период полным доверием Горького. Степень его страстной, почти фанатической увлеченности их идеями может быть подтверждена множеством прямых высказываний Горького, в том числе и давно опубликованных. Приведем только одно из них, о Богданове, относящееся к ноябрю 1906 г. (в письме к И. П. Ладьянникову): «Знаете — это чрезвычайно крупная фигура, от него можно ждать оглушительных работ в области философии, я уверен в этом! Если ему удастся то, что он задумал, — он совершит в философской науке такую же революцию, как Маркс в политической экономии. Поверьте, тут нет преувеличения. Мысль его огромна, она — социалистична, значит — революционна (...). Он меня — просто с ума сводит! И — страшно радостно»³.

А. В. Луначарский в 1926 г. писал на страницах журнала «Пролетарская революция» об истории раскола между ленинцами и «впередовцами» в рядах большевистской партии: «Богданов явился выразителем той части партии (рабочих и партийной интеллигенции), которые не хотели поверить в конец революции 1905 г.) С их точки зрения переход на новое положение, почуянный и предуказанный Лениным, на самом деле спасительный для нашей партии и давший ей возможность правильно подготовиться к событиям, последовавшим через 11 лет, был каким-то полуликвидаторством... Подобные явления мы имели во время дискуссии о Брестском мире и во время введения нэпа. Каждый раз при этом, когда гениальный стратег нашей партии, Ленин, давал сигнал о необходимости некоторого отступления или обхода, планомерно действующая революционная инерция партии приходила в трение с ним, и порою создавалась ситуация, напоминавшая собой создание особой фракции»⁴. (Статья эта не вошла в Собрание сочинений Луначарского и не была включена ни в одну из библиографий о Богданове и группе «Вперед».)

По сути дела, платформа «впередовцев», оформившаяся как реакция «слева» на поражение первой русской революции, была одним из самых ранних проявлений (можно сказать и еще более определенно — самым ранним проявлением) «детской болезни „левизны“ в коммунизме». Этот момент «сверхреволюционной» левизны в платформе богдановской группы зачастую выпадает из поля зрения многих исследователей. Между тем он необычайно важен для понимания как философской, общекультурной, так и чисто литературной позиции ее участников. М. А. Лифшиц в уже цитировавшейся выше работе особо подчеркивал, что в основе «сомнительного философского новаторства богдановской группы, забиравшей влево», лежал «сдвиг в сторону сознания к воле, ведущий к разрыву с материализмом», который якобы «совершался

во имя лучших революционных целей, под видом критики тактического оппортунизма . . . Тут был элемент чрезмерности революционного пафоса, сначала незаметный, потом все более очевидный, вплоть до перехода группы «Вперед» на позиции, близкие анархо-синдикализму»⁵.

В. И. Ленин неоднократно определял группу Богданова именно как группу «левых» большевиков. Приведем только один пример из «Детской болезни „левизны“ в коммунизме». «В двух случаях, — пишет В. И. Ленин, — борьба большевизма с отклонениями «влево» его собственной партии приняла особенно большие размеры: в 1908 году из-за вопроса об участии в реакционнейшем «парламенте» и в обставленных реакционнейшими законами легальных рабочих обществах и в 1918 году (Брестский мир) из-за вопроса о допустимости того или иного компромисса»⁶.

Платформа «впередовцев» содержала, наряду с отзывистскими и ультиматистскими лозунгами, означавшими фактический отказ от легальных форм партийной работы, констатацию особой опасности буржуазного влияния на пролетариат, главным проводником которого Богданов считал интеллигенцию, а также старую культуру в целом. Пропаганда новой пролетарской культуры рассматривалась им как своего рода положительная программа для выхода из кризисной ситуации после поражения первой русской революции.

На восприятии участниками богдановской группы литературы и литературного движения своего времени не могло не сказываться влияние революционаристски окрашенного «активизма», не признающего метафизической реальности объективных условий того исторического периода, который наступил после поражения первой русской революции, так же как и идей богостроительства, чуждых марксизму трактовок взаимоотношений личности и социального коллектива, с вытекающим отсюда односторонним пониманием проблемы индивидуализма. Все это наложило заметный отпечаток и на произведения Горького тех лет — повесть «Исповедь», статью «Разрушение личности». Упомянем в этой связи и лекции по истории русской литературы, прочитанные им осенью 1909 г. в Каприйской школе, изданные впоследствии отдельной книгой (История русской литературы. М., 1939). Влияние общих для богдановской группы позиций в определенной мере сказалось и на вынашиваемых Горьким с конца 1907 г. планах реорганизации издательства «Знание».

Кризис издательства «Знание» после поражения первой русской революции, его причины, разные его аспекты и последствия — весь этот круг вопросов уже давно, порой с разными акцентами, рассматривается нашим литературоведением и, видимо, ждет еще и дальнейшего осмысления, так же как и реальная роль Горького в литературном движении начала десятых годов, до сих пор остающаяся все еще недостаточно изученной.

«Хотя с осени 1909 г., — пишет исследователь, — совсем было остановившееся колесо «Знания» пришло в движение и изда-

тельство с перебоями возобновило свою работу, Горькому пришлось заново налаживать журнальные связи, от которых он прежде практически не зависел, публикуя все им написанное в знаменитых изданиях»⁷. Переписка Горького красноречиво свидетельствует о том (факт этот отмечен во многих работах), что ни один из легально выходивших в России журналов того времени его не удовлетворял, а также об остро ощущавшейся Горьким потребности в создании нового журнала, который мог бы стать его постоянной трибуной, объединив близких ему по духу писателей, прежде всего из среды литературной демократии. Однако свой журнал Горький, как известно, начнет издавать еще очень скоро — первый номер «Летописи» выйдет только в декабре 1915 г.

В начале 10-х годов Горький после многолетнего перерыва вновь обращается к сотрудничеству в русской периодике, которое постепенно становится все более и более активным. Это важный знак новой литературно-общественной позиции Горького, более широкого восприятия им литературной реальности, постепенно освобождающегося от максималистской нетерпимости, проявившейся у Горького особенно резко в отношении к демократической прозе конца 900-х годов, и в частности к творчеству участников товарищества «Знание». Вместе с тем вопрос о политических размежеваниях и сближениях Горького в русской журналистике предоктябрьских лет предстает достаточно сложным и требует внимательного рассмотрения на основе анализа широкого спектра фактов и обстоятельств его журнально-издательской деятельности в этот период.

В горьковедении уже освещена история участия Горького в 1911—1912 гг. в издании журнала «Современник» и несколько менее подробно — журнала «Заветы». С нашей точки зрения, представляет не меньший интерес и история сотрудничества писателя на протяжении 1910—1912 гг. с журналом «Современный мир», которая до сих пор остается фактически не исследованной страницей его биографии. Между тем конкретные факты взаимоотношений Горького с редакцией журнала «Современный мир» важны не только сами по себе, но и для воссоздания общей картины участия Горького в литературном движении и журналистике того времени.

В 1910—1912 гг. Горький опубликовал на страницах «Современного мира» одноактную пьесу «Встреча», рассказ «Мордовка», цикл из девяти «Русских сказок», статью «О писателях-самоучках». В этот же период Горький состоял в интенсивной переписке с редактором «Современного мира» Н. И. Иорданским, издательницей журнала М. К. Иорданской*, с членами редакции В. П. Краинихфельдом и В. Л. Львовым-Рогачевским. Эта хранящаяся

* Издательница «Современного мира» и ранее — «Мира божьего» (это было одно продолжающееся издание) в отдельные периоды истории журнала выступала под разными фамилиями — М. К. Давыдова, Куприна-Давыдова, Куприна, Иорданская. Ее мемуары (Годы молодости. М., 1966) изданы под фамилией Куприна-Иорданская.

в Архиве М. А. Горького переписка составляет в общей сложности более 30 писем.

4 (17) мая 1910 г. редактор «Современного мира» Н. И. Иорданский послал Горькому на Капри письмо с предложением сотрудничества в журнале. «Мы предполагали, — писал он от имени редакции, — что Вы отрицательно относитесь к участию в журналах и не решались просить Вас дать что-либо „Соврем(енному) миру“, хотя Ваше произведение для нас представляло бы наибольшую ценность как произведение писателя, близкого идейно к журналу. . . Если Вы ничего не имеете против нас, то, может быть, вспомните о „Совр(еменном) мире“ и пришлете нам рассказ. Наш читатель отчасти принадлежит к тем элементам народа, которые до сих пор остаются без внимания художников»⁸.

В июле 1910 г. Н. И. Иорданский и его жена, издательница журнала М. К. Иорданская, побывали у Горького на Капри. «Летом 1910 года я была в Италии вместе с мужем, — вспоминает М. К. Куприна-Иорданская. — В конце зимы в Петербурге разнесся слух, что Горький опасно болен. . . Из Рима Иорданский написал письмо Марии Федоровне Андреевой, в котором спрашивал о здоровье Алексея Максимовича и просил сообщить, можем ли мы приехать повидаться с ним. Мария Федоровна ответила, что Алексей Максимович поправился и будет рад приезжим из России. (. . .) Алексей Максимович раньше не был знаком с Н. И. Иорданским. Но сразу он так просто и дружески заговорил с ним, что всякая натянутость, неизбежная при первом знакомстве, очень быстро исчезла»⁹.

В «Современном мире» Горький до того времени не печатался (один его рассказ, «Каин и Артем», был опубликован в 1899 г. на страницах предшественника «Современного мира» — журнала «Мир божий»), однако с издательницей его он был знаком достаточно давно, еще с ее детских лет (Горький бывал в доме ее матери, первой издательницы «Мира божьего» А. А. Давыдовой), а позже, в период, когда Мария Карловна была женой А. И. Куприна (после 1902 г.), знал ее и более близко.

На Капри Иорданские пробыли чуть более двух недель — с 9 (22) июля по 24 июля (6 августа). (Время их пребывания датируется в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» по «Дневнику» за 1910 г. К. П. Пятницкого, бывшего в это время на Капри.) Жили они в доме, находившемся рядом с виллой «Синола», который в ожидании их заранее сняла М. Ф. Андреева. «Зимой здесь жили Луначарские, — вспоминает Куприна-Иорданская, — а внизу находилась „Каприйская школа“¹⁰. Но в момент нашего приезда она уже не существовала»¹⁰. Судя по упоминаниям об Иорданских в «Дневнике» Пятницкого, они встречались с Горьким часто¹¹. В письмах Горького этого времени есть несколько свидетельств его впечатлений от визита Иорданских. Так, он писал Е. П. Пешковой 23 июля (5 августа): «Иорданские — сообщают страшно много интересного о Питере, о литературе и т. д.»¹². И позже 10 (23 августа): «Куприна мне очень понравилась —

она стала такой тоненькой, проста в отношениях к людям и, кажется, серьезно хочет работать над журналом в целях улучшения его. Буду писать у них»¹³. Еще одно свидетельство находим в письме Горького А. Н. Тихонову: «Вчера проводил отсюда в Россию Куприну с ее мужем Иорданским, — мне чета сия понравилась, у нее есть добрые идеи, славные намерения, и я заключил с ней союз — буду печатать у них свои оптимистичьи выдумки»¹⁴.

Само по себе обращение Горького к сотрудничеству с «Современным миром» может показаться на первый взгляд достаточно неожиданным. Иорданский был видным деятелем меньшевистской фракции РСДРП, сторонником и единомышленником Г. В. Плеханова, целиком разделявшим, начиная с периода первой русской революции, его политическую и внутривластную позицию. В журнале постоянно печатались Плеханов и другие близкие ему публицисты, историки, экономисты (Л. И. Аксельрод-Ортодокс, А. М. Деборин, Л. Г. Дейч, А. М. Коллонтай и др.). Сюжет обращения Горького к сотрудничеству с «Современным миром» осложнен также и тем обстоятельством, что в журнале на протяжении 1906—1909 гг. неоднократно подвергались критике произведения Горького. В наибольшей мере эта критика относилась к богостроительским идеям «Исповеди», однако со страниц журнала неоднократно прозвучало и прямое осуждение (в статьях Г. В. Плеханова, В. П. Краинихфельда, М. Неведомского) «учительства» и «морализма» Горького, вообще публицистических элементов в его творчестве, в особенности в цикле американских очерков и романе «Мать». Широко известным, с другой стороны, резкие высказывания Горького о ряде литературных публикаций «Современного мира» — о романе М. П. Арцыбашева «Санин» (1907), о повести В. В. Вересаева «К жизни» (1909), в которой, по мнению Горького, отразились упадочные настроения в среде российской социал-демократии после поражения революции 1905—1907 г. Отрицательно оценивал он и данную в 1907 г. «Современным миром» критику анархо-синдикалистских увлечений А. В. Луначарского.

Возможно, что именно в связи со всем изложенным выше в исследованиях, посвященных Горькому, факт его достаточно близкого, как мы увидим далее, сотрудничества с журналом в 1910—1912 гг. не только никак не объясняется, но и вообще, как правило, обходится молчанием.

Отметим сначала немаловажное для истории взаимоотношений Горького с редакцией журнала обстоятельство: Иорданский мог с полным основанием говорить с Горьким о *новых* планах и замыслах редакции, поскольку сам встал во главе «Современного мира» сравнительно недавно — за год до своего приезда на Капри. К этому времени закончился своего рода «смутный период» в истории издания, последовавший после закрытия осенью 1906 г. в результате цензурных репрессий «Мира божьего», а затем — смерти его фактического редактора, многолетнего руководителя всей редакционной работы А. И. Богдановича. Тогда журнал во

многих отношениях оказался на распутье — как в определении общественно-идеологической платформы издания, так и в прояснении общей своей художественной ориентации¹⁵. Именно к этому «смутному времени» и относится публикация в «Современном мире» романа «Санин».

Иорданский сразу же после смерти Богдановича, еще будучи политическим обозревателем «Современного мира», планировал проведение в журнале, как он писал Плеханову, приглашая его к постоянному сотрудничеству, некоторых «реформ в с(оциал)-д(емократическом) направлении», с оговоркой о том, что «журнал, конечно, не станет официально партийным»¹⁶. Выразилось это в широком привлечении к сотрудничеству в журнале социал-демократических публицистов, более всего меньшевистской фракции, однако печатались в «Современном мире» и большевики — М. С. Ольминский, В. Д. Бонч-Бруевич, П. Орловский (В. В. Воровский). При этом редакцией твердо оговаривались условия предоставления социал-демократам журнальной трибуны: «Современный мир» печатал лишь их достаточно нейтральные, не касающиеся проблем внутрипартийной полемики выступления, по преимуществу философско-эстетической либо культурно-исторической тематики. Приведем лишь одно, но, может быть, наиболее выразительное свидетельство этой редакционной установки, идущее из меньшевистского лагеря. «Иорданский, — писал Ю. О. Мартов П. Б. Аксельроду, — ...старается не пускать наших в „Совр(еманный) мир“ (на просьбу Кольцова и Череванина о работе ответил: можете писать по эстетике и философии, но только не на политические темы)»¹⁷.

Внефракционная ориентация редакции «Современного мира», усилившаяся в период внутрипартийного сближения В. И. Ленина и Г. В. Плеханова (большевиков и плехановской группы меньшевиков-партийцев, в которой самую активную роль играл Иорданский), была, очевидно, для Горького вполне приемлемой основой для сотрудничества с журналом. Как известно, «пик» этого сближения приходился как раз на 1910 г. В марте 1910 г. В. И. Ленин написал Г. В. Плеханову письмо о желательности встречи с ним для обмена мнениями о положении дел в партии. Одним из подтверждений сближения стало принятое В. И. Лениным и Г. В. Плехановым в августе 1910 г. на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене решение о совместном издании, большевиками и меньшевиками-партийцами, еженедельной легальной социал-демократической газеты (будущей «Звезды»). Иорданский вошел от плехановской группы в первую редакцию «Звезды» и активно участвовал осенью 1910 г. в организации издания. Обстоятельство это играет свою роль в истории сотрудничества Горького с «Современным миром»: осенью 1910 г. Иорданский вел с Горьким, как свидетельствует переписка, переговоры о его участии одновременно и в журнале и в будущей газете «Звезда».

Несомненное принципиальное значение имело то обстоятельство, что в целом, в главных своих проявлениях общая ориентация

«Современного мира» в том виде, как она сложилась к моменту переговоров с редакцией журнала о сотрудничестве, не входила в противоречие с сформировавшейся у Горького в начале 40-х годов, в переломное для его общественно-литературной позиции время, задачей silочения левой демократической печати, собиранию и объединению сил литературной демократии, все более настойчиво выдвигаемой им теперь на первый план.

Эту свою новую положительную программу (новую — по сравнению с 1907—1909 гг., когда на первый план выступала и поглощала все остальное задача литературно-идеологического размежевания) Горький ясно сформулирует несколько позже, в связи с опытом своего участия в издании журналов «Современник», «Заветы», «Запросы жизни», «Вестник Европы» (и добавим — в особенности в связи с серией последовавших затем разрывов Горького с редакциями этих журналов). Сотрудничество с «Современным миром» было, как мы увидим далее, первым в этом ряду.

Переписка Горького 1911—1913 гг. свидетельствует о том, что его программа постепенно приобретала все более широкие очертания. Речь уже шла о «духовном собирании» Руси, о необходимости «объединения всех культурных сил нашей разноплеменной страны»¹⁸. В исследованиях, посвященных сотрудничеству Горького в журналах «Современник» и «Заветы», уже много раз цитировались соответствующие выдержки из его писем в их редакцию. Приведем не менее выразительные в этом плане высказывания Горького из писем Д. Н. Овсянику-Куликовскому в декабре 1911—январе 1912 г. «Ваше любезное предложение сотрудничать в „Вестнике Европы“ я с удовольствием принимаю, — писал Горький, — и если редакция желает, могу поскорее прислать небольшой рассказ о споре одного россиянина с богом. Мне очень хотелось бы знать, как Вы смотрите на пропаганду общеимперской организации литературных и научных сил?»¹⁹. В следующем письме Горький излагал свое понимание программы будущих «Заветов»: «Как попытка объединения литераторов всех народностей начинается журнал в России; что будет — не знаю, многого — не жду <...> Буде в этом журнале не удастся соединить публику, — другой надобно начинать. Собственно говоря — за эту задачу надо бы взяться вам, „Вестнику Европы“, старейшему журналу великорусскому, наиболее глубоко понимающему значение культуры, наименее партийному. Весьма басовито и внушительно прозвучало бы на страницах „В(естника)Е(вропы)“ указание на то, что нам, России, весьма грозит участь Австрии, страны, где огромное количество духовной энергии поглощается борьбой племенной, а общекультурный рост — застыл почти»²⁰.

Эта широкая программа развития русской журналистики на внепартийной общедемократической основе, сложившаяся и оформившаяся в начале 40-х годов, сочеталась у Горького с постоянным его желанием, можно даже сказать давней мечтой, иметь журнал на социал-демократической платформе — «большой хороший журнал, который поставил бы себе задачей, — как он писал в обраще-

нии к делегатам Пражской партийной конференции в январе 1912 г. — с одной стороны, всестороннее изучение современной русской действительности, с другой — пропанду теории социализма, пропанду необходимую и совершенно забытую нашими теоретиками в их фракционном мордобое. Сие азиатское занятие, — добавлял Горький, — пора прекратить, и мне кажется, что прекратить его могут лишь практики, указав на весь тот моральный и материальный вред, которым мы обязаны непрерывной и бесплодной драке. Найти денег для журнала проще, чем для газеты, и этими поисками я очень занят в настоящее время»²¹.

Мы вынуждены постоянно забежать вперед, чтобы обозначить широкий контекст начала сотрудничества Горького в «Современном мире», ибо в этом самом раннем опыте его участия в русской журналистике 10-х годов общие позиции Горького только формировались и не были столь отчетливо декларированы. Возвращаясь к «Современному миру», мы должны обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. В период переговоров с Горьким о сотрудничестве в журнале (после Капри они, как уже отмечалось, были продолжены в редакционной переписке осенью 1910 г.) литературно-художественный отдел его выглядел весьма репрезентативно. В 1909—1910 гг. вокруг «Современного мира» снова, как это было когда-то в «Мире божьем», сложился устойчивый авторский коллектив, выделявший его на общем журнальном фоне. В большинстве своем это были писатели все того же знаижевского круга, хотя и находившиеся уже в иной стадии своего творческого бытия, — И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Е. Н. Чириков, С. С. Юшкевич, Д. Я. Айзман, А. С. Серафимович, С. И. Гусев-Оренбургский, Н. Ф. Олигер, Н. Тан (В. Г. Богораз), А. А. Кипен. Все эти авторы в тот период практически уже не собирались вместе под обложкой какого-либо иного журнала. (Несколько позже, с 1911 г., многих из них начнет также печатать «Вестник Европы» — после прихода туда Д. Н. Овсяника-Куликовского; в 1912—1913 гг. там же будет сотрудничать и Горький.)

Представительность «Современного мира» по отношению к реалистическому художественному движению тех лет подтверждали также имена постоянно здесь теперь публиковавшихся С. Н. Сергеева-Ценского, И. С. Шмелева, В. В. Муйжеля. На протяжении первой половины 1910 г. (т. е. к моменту приезда Иорданских на Капри) журнал познакомил своих читателей с «Деревней» Бунина, повестью Сергеева-Ценского «Движения», первой частью из книги Вересаева «Живая жизнь» («Человек проклят» — о Ф. М. Достоевском). В портфеле редакции — если судить по тому, что появится на страницах «Современного мира» в ближайшем будущем, — были новые произведения Бунина, Сергеева-Ценского, Шмелева.

Важным для Горького направлением в работе редакции журнала было и традиционное, еще со времен «Мира божьего», внимание к молодым начинающим писателям из демократической среды. С середины 900-х годов журнал периодически печатал произведения писателей-самоучек — А. П. Библика, Н. Н. Никанд-

рова, А. С. Неверова, начинающих поэтов Ф. Поступаева, Б. А. Верхоустинского.

Совершенно очевидно, что именно во время пребывания Иорданских на Канри Горьким и была передана им рукопись одноактной пьесы «Встреча» («Дети»), над которой Горький работал весной 1910 г. В июне 1910 г. рукопись пьесы была послана в издательство И. П. Ладыжникова в Берлин²². (Издательство это обладало правом первой публикации произведений Горького на русском языке; на протяжении многих лет они выходили параллельно, почти одновременно у Ладыжникова и в «Знании».) Отдельное издание пьесы «Встреча» вышло в издательстве Ладыжникова в августе—сентябре 1910 г. В «Современном мире» она была напечатана в сентябрьской книге.

Заметим, что переговоры А. В. Амфитеатрова с Горьким о возможном его участии в издании нового журнала «Современник» начались в октябре 1910 г., т. е. уже после этой первой публикации Горького в «Современном мире» и через два месяца после того, как Горький, по его собственному определению, «закключил союз» с редакцией «Современного мира» о сотрудничестве. Факт этот опровергает широко распространенное представление о том, что именно «Современник» был первым, еще со времен издания «Жизни», русским журналом, в котором после почти десятилетнего перерыва снова стал печататься Горький. Такого рода абберрация, возможно, возникла потому, что предстоящее сотрудничество Горького в «Современном мире» не было широко анонсировано, подобно тому, как это сделал Амфитеатров: проспект издания журнала «Современник», опубликованный в газете «Речь», с объявлением постоянного сотрудничества Горького привлек тогда широкое внимание (достаточно напомнить о письме в связи с этим Ленина к Горькому, о последовавшем затем протесте самого Горького и пр.).

Однако появлению пьесы Горького в «Современном мире» также предшествовали сообщения в прессе, хотя и значительно более скромные. 19 августа (1 сентября) газета «Утро России» в заметке «Фарс М. Горького» сообщала о предстоящей публикации пьесы «Встреча» в сентябрьском номере журнала, излагая при этом ее содержание с выдержками из текста. В газете «Одесские новости» от 22 августа (4 сентября) подчеркивалось, что после долгого перерыва имя М. Горького «снова появится на страницах толстого журнала».

После этой публикации и вплоть до начала 1911 г. произведения Горького продолжали появляться, как и раньше, лишь в издательстве Ладыжникова и в «Знании»: на протяжении второй половины 1910 г. были опубликованы параллельно в двух издательствах пьесы «Чудаки» и «Васса Железнова». С наступлением 1911 г. диапазон публикаций Горького в русской периодике постепенно будет расширяться: в журнале «Современник» появится цикл рассказов, объединенных общим названием «Жалобы», статья «Писатель» («Н. Е. Каронин-Петропавловский»), несколько сказок (из «Сказок об Италии»). Отдельные сказки и этого цикла

Горький напечатает в 1911 г. также в газетах «Звезда», «Киевская мыль», «Новая жизнь», журнале «Путь». Особенно стремительно будет расширяться круг сотрудничества Горького в 1912 г. — кроме «Современника», это «Заветы», «Запросы жизни», «Украинская жизнь», «Вестник Европы» и другие издания. До сих пор наибольшее внимание горьковедение уделяло сюжету разрывов Горького с редакциями, однако не менее важен, требуя широкого осмысления, и сам факт столь активного вхождения Горького в русскую журналистику того времени.

С начала 1911 г. Горький продолжит свое сотрудничество и с «Современным миром». Летом 1910 г. на Капри, видимо, была достигнута договоренность о том, что в ближайшее время Горький передаст в «Современный мир» и рассказ. Об этом обещанном Горьким рассказе идет речь в письмах Иорданского Горькому в последних месяцах 1910 г. (Иорданский просит дать заглавие рассказа для проспекта журнала, благодарит Горького сначала за обещание передать рассказ в «Современный мир», а затем за получение его и т. д.²³) О своем намерении напечатать рассказ в «Современном мире» Горький сообщает 19 ноября (2 декабря) в издательство Ладыжникову²⁴. Рассказ был опубликован под названием «Мордовка» в январской книге «Современного мира» за 1911 г. (Этот рассказ вместе с рассказом «Романтик» сам Горький рассматривал как подступ к новому роману «Сын», замысел которого остался неосуществленным.)

В февральской книге «Современного мира» была напечатана статья Горького «О писателях-самоучках». Следующая публикация — девять «Сказок» (из цикла «Русские сказки») — относится уже к сентябрю 1912 г. История этой последней публикации Горького уже давно привлекла к себе внимание исследователей. Она была освещена достаточно подробно с привлечением материалов редакционной переписки между Горьким и В. П. Кранихфельдом еще в довоенной книге «М. Горький. Материалы и исследования», позже — в книге К. Д. Муратовой «М. Горький на Капри», наконец, в комментариях к 12-му тому Полного собрания сочинений Горького²⁵.

Для периода сотрудничества Горького в «Современном мире» программной стала публикация его статьи «О писателях-самоучках». Именно с нею во многом связан главный «нерв» сюжета взаимоотношений Горького с редакцией — его самое первое разочарование в возможности осуществления своих планов и первый же импульс к последующему разрыву.

Замысел этой работы зрел у Горького на протяжении нескольких лет. В январе 1909 г. он писал Е. П. Пешковой о своем намерении написать на эту тему книгу: «Интеллигенция наша — гадка, бессильна и дрябла, да, — но на смену ей идет другая, воистину творческая сила! Скоро я напишу книгу о „начинающих писателях“ — крестьянах, рабочих, солдатах, — ты увидишь, что это такое! Россия проснулась и — не заснет»²⁶.

В «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» приведено

также, в изложении, донесение департамента полиции, относящееся к июню 1910 г. (перлюстрация письма из Парижа в московский книжный магазин «Звено»), — сообщение о том, что в назначенный к выходу социал-демократический легальный сборник для рабочих должна войти статья М. Горького «О писателях-самоучках». (Речь шла о сборнике по вопросам литературы и искусства, который готовился участниками группы «Вперед» — Г. А. Алексинским, А. А. Богдановым, А. В. Луначарским и др.²⁷) Решение Горького передать статью в «Современный мир» — еще одно свидетельство окончательного разрыва его с «впередовцами».

Текст этой статьи окончательно сложился, как отмечено в комментариях к 24-му тому 30-томного Собрания сочинений Горького, не ранее осени 1910 г. Однако опубликованное позже, в 1976 г., письмо Горького Луначарскому, посланное до 15 (23) января 1911 г., свидетельствует о том, что работа над статьей продолжалась еще и в январе 1911 г.: «Работаю над статьей о „писателях-самоучках“, — писал Горький, — а когда кончу — пришлю Вам эту статью, дабы Вы ознакомились с тем перерождением крестьянина и рабочего, которое, мне кажется, можно принять как факт»²⁸. В январе этого же года Горький сообщал А. В. Амфиотрову: «В февральской книге „Современного мира“ пойдет давно обещанная этому журналу моя заметка „О писателях-самоучках“»²⁹.

Исследователи творчества Горького уже указывали на сложность содержания этой статьи, далеко выходящего за рамки ее названия. Она находится как бы в центре всей публицистики Горького предреволюционного десятилетия и связана общими идеями и мотивами, с одной стороны, со статьями 1907—1909 гг. («О цинизме», «Разрушение личности»), с другой — с его более поздними выступлениями («Вширь пошло», «О современности», «Издалека», «О „карамазовщине“» и др.).

Отметим один из оттенков выступления Горького — данную им здесь острополемическую трактовку русского национального характера, которая в последующие годы найдет еще более противоречивое воплощение в его публицистике, вплоть до статьи 1915 г. «Две души», помещенной в «Летописи». Между тем Горький именно с нею, с национальной проблемой, прямо связывает один из главных выводов своей статьи, чаще всего как раз и цитируемый. Это вывод о том, что после 1905 г. «непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека», «бодрого духом, полного горячей жажды приобщиться к культуре». По мысли Горького, этот тип человека способен оздоровить не только интеллигенцию, но и нацию в целом от «наших национальных недугов — фатализма и мистицизма, заразы, введенной в кровь нам вместе с кровью монгольской, болезни, усиленной теми увечьями, которые нанесены душе русского народа мучительными веками его истории, полной неисчерпаемых ужасов»³⁰.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, вопрос об отразившихся в этой статье, имеющей столь сложную предысторию,

с замыслом, уходящим в глубь каприйского периода, новых оттенках в литературно-общественной позиции Горького начала 10-х годов. О том, — если сформулировать вопрос более точно, — какие мотивы этой статьи являются стабильно устойчивыми по отношению к прошлому и какие подверглись определенному развитию во времени?

Совершенно очевидно, с одной стороны, что статьи «О писателях-самоучках» с данным в ней резким противопоставлением упадочнических настроений в современной литературе духовному здоровью, оптимизму, вере в человека писателей из народа (с оговоркой, что речь идет «не о таланте, не об искусстве, а о правде, о жизни») находилась в русле выдвинутой Горьким в 1908—1909 гг. платформы борьбы с «литературным распадом». Горький фактически повторил в ней свою давнюю излюбленную мысль о том, что страна «нуждается в сильных здоровых рабочих людях, в простой яркой здоровой литературе»³¹. Новым, однако, было то, что самоучкам, писателям из народа (Горький пока еще не пользовался понятием «пролетарский писатель», к которому он вскоре обратится) он здесь как бы передоверял те функции, те самые сокровенные свои надежды, которые ранее возлагал на писателей, объединенных товариществом «Знание». Именно их общими усилиями и должен был, по замыслу Горького, быть дан литературе периода реакции своего рода оздоравливающий урок «социальной педагогики», если пользоваться одним из любимых выражений Горького. Постигшее его на этом пути жестокое разочарование — один из драматических сюжетов как собственной биографии Горького, так и кризиса издательства «Знание».

По существу, вся статья — это страстный публицистический призыв к интеллигенции «снова коснуться земли, народа, демократии», войти в соприкосновение с «движением народа навстречу к культуре». «И мне кажется, что именно сейчас, после 1905 года, — заключал Горький, — интеллигент должен бы с великим и особенным вниманием присматриваться к росту новых идей, новых сил в массе „потревоженного народа“»³².

В статье есть новые для Горького акценты, особенно по сравнению с недавним прошлым, в постановке проблемы взаимоотношений интеллигенции и «низовой» демократии. Горький здесь, по его собственным словам, выступил в совершенно ранее ему не свойственной роли защитника интеллигенции. «Жутко и больно, — писал он, — отмечать рядом со стремлением „человека страшной жизни“ к благам культуры его скептицизм и недоверие к интеллигенции». С нескрываемой тревогой Горький обращал внимание на то, что отношение демоса к интеллигенции «нередко принимает формы убийственно враждебные и злые», что это настроение, «видимо, очень глубокое (...) как будто все более разрастается». Горький здесь даже формулирует достаточно ясно, может быть впервые, необходимость борьбы с настроениями антиинтеллигентского сектантства. В качестве подобного настроения «человека страшной жизни» Горький приводил «Записки литературного

Макара» М. Сивачева. «Автор этих записок, — писал Горький, — рабочий Сивачев, и в них внимательный читатель увидит, чем грозит разрыв интеллигенции с народом». Другой пример был связан с рассказом Горького о том, как «приезжают люди из ссылки и рисуют отношения между ссылными интеллигентами, с одной стороны, крестьянами и рабочими, с другой, такими красками, что невольно хочется кричать: <...> Хорошее цените выше, ему помогайте жить и расти»³³.

Все это достаточно резко контрастировало с тем, что Горький писал об интеллигенции еще два-три года назад. Вспомним хотя бы известные слова из письма Горького к Пятницкому в сентябре 1908 г.: «Эта „внеклассовая группа“ становится все более органически враждебна мне, она вызывает у меня презрение, насыщает меня злобой. Это какая-то неизлечимая истеричка, трусиха, лгуныя». В это время Горький был убежден, что многим из писателей знаижевского круга «нет места в „Знании“»³⁴.

А вот что писал Горький осенью 1911 г. П. В. Мурашову: «Теперь следовало бы взглянуть беспристрастно на всю работу русской интеллигенции за сто лет, — мы увидим, что это труд колоссальный и что люди совершили его в условиях почти невозможных <...> Естественно, что многие надорвались и устали; не будем добивать их, но — если мы хотим жить, поможем пошатнувшимся, привьем им наш бодрый взгляд на жизнь, расскажем о наших надеждах и чаяниях, дадим понять тем людям, которые нас учили, что мы способные ученики, преподанное нам — понято нами и добро — мы помним. Ведь все Завражные и Сивачевы выступают против интеллигента с тем самым оружием, которое он же, интеллигент, выковал, отточил и дал им в руки <...> Вот, мне кажется, каково должно быть отношение к факту разрыва интеллигенции с народом — бороться против него, но не углублять это несчастье»³⁵.

Можно с полной уверенностью сказать, что новые оттенки в отношении к расколу демократии и интеллигенции были бы совершенно невозможны в статье Горького, если бы она и в самом деле предназначалась для коллективного сборника богдановской группы. (Напомним о том, что статья «Разрушение личности» уже после того, как она была отклонена Лениным для публикации в «Пролетарии», прошла, по свидетельству самого Горького, «коллективную редакцию Базарова, Богданова, Луи(ачарско)го»³⁶.) Ибо Богданов, для которого интеллигенция всегда была только «буржуазной», только проводником буржуазного влияния на пролетариат, считал его раскол с интеллигенцией не только неизбежным, но и совершенно необходимым.

Несомненно, что все эти новые оттенки, характерные для статьи «О писателях-самоучках», как-то предварили формирование у Горького более сложной, чем в период 1908—1909 гг. общественной и литературной программы. Вопрос этот требует внимательного и дифференцированного рассмотрения в широком культурно-историческом и идеологическом контексте, с привлечением обсто-

ательной научной аргументации. В нашем литературоведении уже отмечалось, что в начале 10-х годов Горький «освобождается от крайностей „богостроительского“ оптимизма (. . .) Его тревожат трудности движения — социальные, психологические, национально-исторические; порой он даже преувеличивает их. Но так или иначе воззрения Горького на общественный процесс осложняются, что, естественно, воздействует и на его литературную позицию той поры, отличающуюся широтой взгляда»³⁷.

С этой новой позицией и были связаны факты активного сотрудничества Горького в русской периодике, большинство его новых журнально-издательских планов и начинаний. Многие из них, как известно, были подвергнуты критике со стороны В. И. Ленина, который в некоторых выступлениях Горького видел «неудачную попытку согнуться до точки зрения общедемократической вместо точки зрения пролетарской», попытку «разговора с „демократией вообще“»³⁸. В научной литературе подробно освещены противоречия выдвигаемой тогда Горьким программы, а также многие случаи, когда Ленин предостерегал Горького от дальнейшего сотрудничества в том или ином журнале. Так было с «Современником», с «Заветами», с «Запросами жизни». Предостерегал он Горького и от планов более тесного сотрудничества с Иорданским. Воспринимая сначала перспективу совместного с меньшевиками-партийцами издания «Звезды» положительно, в период антиликвидаторского блока с Плехановым Ленин в дальнейшем был недоволен работой редакции «Звезды», в особенности Иорданского, о чем и сообщал Горькому в мае 1911 г.: «. . . со „Звездой“ у нас п о р я д о ч н о неладов было и есть: у них нет линии, они боятся идти с нами, боятся идти с ликвидаторами, жмутся, ныжатся, колеблются». В этом же письме Ленин объяснял, что Иорданский совершенно непригоден для возникших у Горького планов издания совместно с ним нового журнала на социал-демократической платформе, «ибо у него „свой“ журнал и он будет либо тормозить, либо тянуть в „свой“ журнал, оставляя его своим-полулиберальным»³⁹.

Редакционная переписка «Современного мира», непосредственно относящаяся к сотрудничеству Горького в журнале, как уже говорилось, довольно обширна. В Архиве А. М. Горького хранится 11 писем Н. И. Иорданского к Горькому и, к сожалению, лишь одно Горького к нему, хотя, судя по переписке, несомненно были и другие; 3 письма М. К. Иорданской к Горькому и 3 письма Горького к ней; 7 писем Горького к В. П. Кранихфельду и 5 ответных писем. Кроме этой целиком посвященной проблемам сотрудничества Горького в журнале переписки, есть также несколько имеющих прямое касательство к этому писем Горького к В. Л. Львову-Рогачевскому и его писем к Горькому (всего в Архиве 14 писем Горького и 17 Львова-Рогачевского).

Переписка с редактором и издательницей журнала, в особенности раннего периода (осень 1910 — первые месяцы 1911 г.), свидетельствует о том, что поначалу Горький принимал самое

близкое участие во внутриредакционных делах. Горькому посылались «для личного ознакомления», как писал ему Иорданский, некоторые произведения еще до появления их в печати, как это было, например, с рассказом Леонида Андреева «День гнева». Горький делал замечания по некоторым уже состоявшимся либо планируемым публикациям, порицал и поощрял редакцию, предлагал темы для заказных статей в разные отделы журнала, вносил свои предложения по поводу авторского состава «Современного мира» и его структуре.

Приведем выдержки только из одного письма Горького к Иорданской не ранее 16 (29) ноября 1910 г., не оставляющие сомнений в отношении характера участия Горького в работе редакции. «Какие вы умники, что отказались печатать черный роман Арцыбашева (речь идет о романе М. П. Арцыбашева „У последней черты“. — Л. С.) <...> А „Деревня“ будет оценена, будет <...> Вот тема для статьи „Деревня и дворянство в изображении Алексея Толстого и Бунина“, — но необходимо, чтобы статью писал человек, не только с русской литературой малость знакомый, а и знающий русскую историю. <...> Сколь сладок у Вас Львов (В. Л. Львов-Рогачевский. — Л. С.). Огорчить бы его, право, чем-нибудь. Хоть бы книжки внимательно читать научился он. Привлекли бы Вы к себе Сургучева, да и Коцюбинского тоже — приятные писатели. О Коцюбинском не судите по первому тому: подбор сделан цестро, но неудачно. А Никифорова написала сентиментально, грубо и никудышно. <...> Любопытнейшая вещь „Записки литературного Макара“ Сивачева. Вам, по званию вашему с-декскому, необходимо обратить внимание на сию вещь и объяснить ее толково читателю-демократу»⁴⁰.

В другом письме к Иорданской, относящемся к январю 1911 г., Горький обратился в редакцию с просьбой о публикации в самом ближайшем номере «Современного мира» рецензии на «подлую и лживую книгу» И. А. Родионова «Наше преступление», которую он хотел непременно видеть напечатанной в одной книге со своей статьей «О писателях-самоучках»⁴¹. Редакция откликнулась на его просьбу с необычайной оперативностью: статья Горького уже шла в февральском выпуске «Современного мира» — там же была опубликована и рецензия на книгу Родионова под названием «Чье преступление?», принадлежавшая перу постоянного сотрудника журнала публициста Е. Смирнова (Э. Л. Гуревича). Существенно, однако, для понимания характера взаимоотношений Горького с редакцией, что в письме его не просто обозначалась тема предстоящего выступления журнала, но и был предложен его конкретный план. Горький прокомментировал «отчаянное противоречие предисловия и текста», присущее книге Родионова, а также ее географические реалии, отметив также, что в рецензии необходимо использовать два недавних материала из газеты «Речь». «Помещенная в одной книге с моею статьей, рецензия произведет чудесное впечатление, — заключал Горький, — и даст книжке хороший звук и запах»⁴².

В этом же письме Горький сформулировал свое понимание главного направления в работе редакции и характера своего участия в ней, что во многом проявляется (во всяком случае, это самое четкое прямое свидетельство) приведенные нами ранее слова из письма к А. Н. Тихонову о «добрых идеях» и «славных намерениях» редакции, о заключении с нею союза о сотрудничестве: «...напечатать такую рецензию (на книгу Родионова. — Л. С.) — долг порядочных людей и демократов. Вы это понимаете, конечно, действуйте же в этом направлении определеннее и резче, старайтесь завоевать журналу симпатии в низах — в этом я Вам неизменный помощник».

С этим соотносятся и некоторые другие высказывания Горького о «Современном мире». Приведем выдержку из письма к В. Г. Короленко между 26 августа и 18 сентября (8 сентября и 1 октября) 1910 г., т. е. вскоре после «заключения союза» о сотрудничестве с журналом, касающуюся конфликта редакции с газетой «Речь» (К. Чуковский на страницах «Речи» обвинил тогда журнал в сознательном обмане читателей в связи с тем, что не все предварительно анонсированные произведения были в нем напечатаны; дело рассматривалось в писательском Суде чести). «Поведение „Речи“ в деле с „Современным миром“ — внушило мне к этой газете нехорошее чувство, — писал Горький, — слишком много политики в этой газете, и слишком торопится наплевать она на *демократию*»⁴³ (курсив наш. — Л. С.).

Такой тип сотрудничества, с обстоятельным вхождением во внутриредакционные дела, был в истории журнала фактом совершенно исключительным, даже по отношению к постоянно печатавшимся там авторам. Во всяком случае, мы не находим аналогичных фактов в архивных документах, переписке и пр. Интересно сравнить с этой точки зрения переписку редакции с Горьким и переписку с Плехановым, который начиная с 1907 г. и вплоть до конца издания печатался в журнале с необычайной интенсивностью, давая ежегодно порой до пяти своих очень объемных работ (всего около 50 публикаций). Поскольку Иорданский был активнейшим соратником Плеханова, именно в нем легко было бы предположить, как это иногда и делалось, негласного руководителя журнала. Однако редакционная переписка (письма Иорданского Плеханову хранятся в архиве Дома Плеханова, несколько писем самого Плеханова к Иорданскому находятся в ЦГАЛИ и Кранихфельду — в личном фонде Кранихфельда в Рукописном отделе ИРЛИ)⁴⁴ не только категорически опровергает подобное предположение, но и убеждает в том, что Плеханов никакого практического участия в делах журнала не принимал, четко выдерживая избранный тип сотрудничества и постоянно сохраняя дистанцию. Если письма Иорданского еще и содержали некоторую достаточно формальную информацию о состоянии дел в журнале, то в письмах самого Плеханова речь всегда идет только о темах статей, их объемах, сроках представления и гонорарах.

Замечания Горького, высказанные им в письмах к Краних-

фельду в начале 1912 г., в период обозначившихся конфликтов с редакцией (к ним мы еще обратимся) содержали уже целую программу перестройки журнала, даваемую им на фоне резкой критики работы редакции. Предложения Горького в наибольшей мере касались общественно-публицистического и научного отделов. Так, он считал необходимым изменить характер международного обозрения, ввести в журнал несколько новых рубрик — раздел «Деревня» (по материалам провинциальной прессы), «Обзор торгово-промышленной деятельности», «Хронику завоеваний мысли». Если мы обратимся к истории сотрудничества Горького в журнале «Современник», то увидим, что примерно те же самые отделы Горький предложит чуть позже, осенью 1912 г., второй обновленной редакции журнала «Современник», в которую вошли Е. Н. Ляцкий, П. И. Певин, Н. К. Муравьев.

Подобные совпадения можно проследить практически и по всем остальным пунктам предложений Горького «Современному миру», сделанных в самом начале 1912 г. Горький упрекал редакцию в том, что вне поля ее зрения остается большой круг проблем, интересующих демократию, прежде всего таких, как мировое социалистическое движение, новый этап развития капитализма в России, национальный вопрос, необходимость борьбы со всяческими проявлениями национализма в России. «...Ваша задача следить за всем, что творится в области „национального самоопределения“ племен, входящих в состав империи, — писал Горький в том же письме Кранихфельду. — „Самоопределение“ это принимает такой характер, что наша внутриимперская распря племен обещает создать нам положение еще более горшее, чем то, каким судьба наградила Австрию. (...) Если мы своевременно об этом вопросе не подумаем — наш неустойчивый социализм превосходно и надолго может захлебнуться национализмом»⁴⁵.

По переписке Горького можно проследить, как углубляется и развивается его публицистическая программа по национальному вопросу на протяжении одного только 1912 г. — от «Современного мира» к «Заветам» и позднему «Современнику». Так, в «Заветах» Горький уже поставил условием своего участия «привлечение к сотрудничеству иноплеменных литераторов», которое не было выполнено редакцией и стало одним из поводов к разрыву с ней. «Современник», считал Горький, должен «сразу же и твердо поставить себя защитником принципа широкой областной и племенной самостоятельности, сторонником идеи необходимости реорганизации государства на началах федерализма»⁴⁶. В августе 1912 г. Горький обратился к Вересаеву с предложением «быстро сорганизовать сборник произведений сибирских, белорусских и украинских писателей, латышский и татарский...»⁴⁷ (это предложение также не было принято).

Обращаясь в «Современный мир», Горький настаивал на том, что журнал должен занять резкую и определенную позицию по отношению к сектантским настроениям в среде «низовой» демократии. «Считая себя социалистами и демократами, — писал он Кра-

нихфельду 16 (29) января 1912 г., — вы очень мало обращаете внимания именно на демократию, на те настроения, которыми она живет, то „брожение без дрожжей“, которое затемняет ее сознание. <...> Обратите внимание на идеи Сивачева, Завражного, Волкова <...> Этих Волковых становится все больше, и все они играют на одной дуде одну и ту же весьма вредную песню. Они становятся популярны в массе — чему имею доказательства»⁴⁸.

Отдельные предложения Горького редакция приняла, хотя реализованы они были далеко не сразу, часть — только в 1913—1915 гг. Так, журнал начал более широко, чем раньше, печатать самоучек (в 1912 г. был опубликован роман А. Библика «К широкой дороге»). В русле высказанных Горьким идей было написано несколько статей Львова-Рогачевского и Л. Н. Клейнборта, характеризующих творчество писателей из демократической среды. Клейнборт опубликовал в 1915—1916 гг. в «Современном мире» несколько частей из своей будущей книги «Очерки рабочей демократии», содержавшей несколько разделов о начинающих писателях из рабочей среды, рассматривавшей также и проблему их взаимоотношений с интеллигенцией.

В январе 1911 г. Горький предложил Иорданскому поднять «у себя в журнале агитацию за необходимость организовать Общество для помощи писателям-самоучкам <...> Если бы „Современный мир“ взялся бы за организацию такого нового демократического „литературного фонда“, — писал Горький, — это создало бы ему хорошую позицию в демократии и, несомненно, увеличило бы его популярность <...> я мог бы сообщить некоторые детали плана организации такого Общества»⁴⁹.

О том, насколько дорога Горькому была идея организации такого общества, свидетельствует его письмо к критику и публицисту А. А. Яблоновскому в январе того же года: «<...> позвольте обратиться к Вам с просьбой о помощи в деле, кое считаю добрым. Суть такова: в февральской книге „Современного мира“ пойдет моя заметка „О писателях-самоучках“, я прошу — нельзя ли, опираясь на факты, указанные в этой заметке, и многое аналогичное, что известно и Вам, — <...> поднять вопрос о необходимости организации в России „Общества для помощи писателям-самоучкам“? <...> Я корплю над этим делом более десяти лет, и — поверьте — на моих глазах погасло много светлых душ, которые обещали разгореться очень ярко и красиво. И погасли они лишь потому, что вовремя никто не помог, не поддержал»⁵⁰.

Предложение Горького вызвало в редакции «Современного мира» большую растерянность. «Ведь если во главе такого дела станет журнал, — отвечала Горькому М. К. Иорданская, — то, естественно, что от журнала ведь будут требовать печатания произведений, подобных тем, какие Вы указываете в Вашей статье («О писателях-самоучках». — Л. С.). Это же, конечно, совершенно невозможно»⁵¹.

Отказ редакции пойти навстречу планам Горького, несомненно, вызвал у него охлаждение к журналу, которое усилилось после

возникновения нового конфликта с Кранихфельдом (с осени 1911 г. он замещал редактора «Современного мира», так как Иорданский был на два года выслан из Петербурга по подозрению в связях с социал-демократической партией). Еще в декабре 1911 г. Горький переслал в редакцию для публикации выполненный А. А. Золотаревым перевод воспоминаний польского революционера С. Токаржевского о Достоевском на каторге вместе с заметкой самого Золотарева о Достоевском. В сопровождающей эти материалы записке В. П. Кранихфельду Горький писал: «Мне кажется, что в наше время роста зоологического национализма освещение личности одного из основоположников этого настроения — вполне уместно и своевременно»⁵².

Однако Кранихфельд счет публикацию перевода воспоминаний о Достоевском не только неуместной, но и вредной, в том числе и с точки зрения необходимости борьбы с националистическими настроениями. В воспоминаниях Токаржевского, судя по письму Кранихфельда, были приведены высказывания Достоевского, имевшие шовинистическую окраску. Кранихфельд полагал, что это может только обострить националистические настроения: «... перевод заметки Токаржевского о Достоевском только подольет масла в огонь, если появится в печати, (...) воображаю, — какой материал дало бы появление заметки Токажевского всем нововременским и им подобным националистам!». Кранихфельд обращал также внимание Горького на то, что Токаржевский дал Достоевскому однозначно отрицательную характеристику и не мог «найти в своей памяти ни одной черты, которая рисовала бы нам не только больного и озлобленного, но и крупного во всяком случае человека»⁵³. Мы привели столь большую выдержку из письма в связи с тем, что до сих пор в нашем литературоведении конфликт Горького с Кранихфельдом, оркестрованный, как видно из переписки, достаточно сложно, отразивший некоторые крайности в отношении Горького к Достоевскому, получал лишь совершенно одностороннее (в пользу Горького) толкование.

Горький с суждением Кранихфельда о Достоевском решительное не согласился, подчеркнув в своем ответном письме, что «его „философию“ нитается современная реакция, (...) именно на ней базируется весь „внутренний враг“ демократии; пришла пора выступить против достоевщины на всех ее пунктах». «Очень жаль, если эта необходимость, — продолжал Горький, обвиняя далее уже редакцию в целом за ее пассивную, с его точки зрения, позицию, — не чувствуется остатками той интеллигенции, коя еще не утратила сознания возможности организовать демократию изнутри и извне, и понимает, что здесь — в этой организации — единственное спасение для нее и для страны от преждевременного и полного развала»⁵⁴.

Свою резкую критику работы редакции Горький объяснял в письме к Кранихфельду в июне 1912 г. как «попытку подойти к журналу возможно ближе, считая себя человеком небесполезным для него»⁵⁵. Однако на последнее письмо Кранихфельда в сентябре

1912 г., где он папоминал Горькому об этом и просил «определить формы, в которых могло бы вылиться Ваше дорогое для нас желание подойти поближе к журналу»⁵⁶, Горький, по-видимому, не ответил. На этом история его сотрудничества с «Современным миром» закончилась.

- ¹ *Лифшиц М. А.* Вместо введения в эстетику А. В. Луначарского // Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 7. С. 596.
- ² См.: *Лифшиц С.* Каприйская партийная школа. 1909 г. // Пролетарская революция. 1924. № 5/6. С. 71.
- ³ Архив А. М. Горького. М., 1959. Т. 7: Письма к писателям и И. П. Ладыжникову. С. 148.
- ⁴ *Луначарский А. В.* Вместо предисловия: (К статье С. Лифшица «Партийная школа в Болонье, 1910—1911 годы») // Пролетар. революция. 1926. № 3/4. С. 112.
- ⁵ *Лифшиц М. А.* Указ. соч. С. 598—600.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 17.
- ⁷ *Нинев А. А.* Горький и Бушин на Капри // Горьковские чтения, 1964—1965. М., 1966. С. 98.
- ⁸ Лит. наследство. Т. 95: А. М. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С. 669.
- ⁹ *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. 2-е изд. М., 1966. С. 296, 298.
- ¹⁰ Там же. С. 298.
- ¹¹ См.: Дп.-Пят. 1910 // Архив А. М. Горького. Л. 67, 68, 69, 71, 71 об., 73.
- ¹² Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9: Письма к Е. П. Пешковой, 1906—1932. С. 95.
- ¹³ Там же. С. 96—97.
- ¹⁴ Горьковские чтения, 1953—1957. М., 1959. С. 14.
- ¹⁵ Более подробно об этом см.: *Скеорцова Л. А.* Современный мир // Русская литература и журналистика начала XX века: Большевиетские и общедемократические издания. М., 1984. С. 120—131.
- ¹⁶ Архив Дома Плеханова. В-188-11.
- ¹⁷ Письма П. Б. Аксельрода Ю. О. Мартову: Материалы по истории русского революционного движения. Берлин, 1924. С. 172—173.
- ¹⁸ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 29. С. 217.
- ¹⁹ Там же. С. 211—212.
- ²⁰ Там же. С. 214—215.
- ²¹ Там же. С. 222.
- ²² См.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1972. Т. 13. С. 515.
- ²³ См.: Лит. наследство. Т. 95. С. 671—672.
- ²⁴ См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, 1908—1916. М., 1958. Вып. 2. С. 166—167.
- ²⁵ См.: *Горький М.* Материалы и исследования. М., 1936. Кн. 2. С. 76; *Муратова К. Д.* Горький на Капри. Л., 1971. С. 189—191; *Горький М.* Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 12. С. 564—569.
- ²⁶ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 60.
- ²⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, 1908—1916. С. 137—138.
- ²⁸ Архив А. М. Горького. М., 1976. Т. 14: Неизданная переписка. С. 71.
- ²⁹ Цит. по кн.: *Овчаренко А. И.* Публицистика М. Горького. М., 1961. С. 308.
- ³⁰ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 126—127.
- ³¹ Архив А. М. Горького. М., 1954. Т. 4: Письма к К. П. Пятницкому. С. 261.
- ³² *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. С. 135—136.
- ³³ Там же. С. 113, 134, 114.
- ³⁴ Архив А. М. Горького. Т. 4. С. 261, 246.
- ³⁵ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 204.
- ³⁶ Архив А. М. Горького. Т. 7. С. 188.

- ³⁷ Келдыш В. А. Сборники товарищества «Знание» // Русская литература и журналистика начала XX века: Большевистские и общедемократические издания. С. 269.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 228.
- ³⁹ Там же. Т. 48. С. 33.
- ⁴⁰ Лит. наследство. Т. 95. С. 673.
- ⁴¹ Там же. С. 678.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 128.
- ⁴⁴ См.: Архив Дома Плеханова. В-188; ЦГАЛИ. Ф. 1074, 1.7; РО ИРЛИ. Ф. 528.1.299.
- ⁴⁵ Лит. наследство. Т. 95. С. 691.
- ⁴⁶ Цит. по кн.: Муратова К. Д. Указ. соч. С. 27—28.
- ⁴⁷ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 159.
- ⁴⁸ Лит. наследство. Т. 95. С. 691.
- ⁴⁹ Там же. С. 677.
- ⁵⁰ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 160.
- ⁵¹ Лит. наследство. Т. 95. С. 679.
- ⁵² Там же. С. 687.
- ⁵³ Там же. С. 688, 689.
- ⁵⁴ Там же. С. 690.
- ⁵⁵ Там же. С. 698.
- ⁵⁶ Там же. С. 705.

И. И. Вольнов

В. И. ЛЕНИН И И. Е. ВОЛЬНОВ

(по документам)

По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича¹, не подтвержденному другими документами, Владимир Ильич Ленин встречался с И. Е. Вольновым за границей. Он читал книгу писателя «Повесть о днях моей жизни» и отзывался о ней и об авторе положительно². Книга, с пометками карандашом, хранится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

Документально установлены встречи В. И. Ленина с И. Е. Вольновым в Кремле в 1919 г.

В воспоминаниях Б. М. Волина, который был председателем Орловского губисполкома с лета 1918 по лето 1919 г., рассказывается о том, как он во время VIII съезда Советов, состоявшегося в Москве в конце декабря 1920 г., встретился с Владимиром Ильичем на углу Моховой и Воздвиженки: «Владимир Ильич вспомнил, что во время Ливенского восстания в Орловской губернии он послал мне телеграмму о право-эсеровском „крестьянском“ писателе Иване Вольнове, находившемся в Ливнах, с предложением спасти ему жизнь. — Что, успели? — спросил Ленин. Я ответил, что телеграмма пришла вовремя, что Вольнов был освобожден, хотя имел, по всей видимости, отношение к кулацкому восстанию»³.

В этих воспоминаниях, написанных Б. М. Волиным спустя 37 лет после упомянутых событий, совершенно верно отмечено, что

Владимир Ильич проявлял неоднократно внимание к судьбе и творчеству И. Е. Вольнова. Однако Вольнов был арестован в апреле 1919 г., гораздо позже жестокого кулацкого восстания в Ливенском уезде, которое происходило с 18—20 июля до середины августа 1918 г. и к которому И. Е. Вольнов не имел никакого отношения. Летом 1918 г. И. Е. Вольнов был в Кунгуре и в Самаре.

Телеграмма Орловскому губисполкому, о которой упоминает Б. М. Волин, датирована 12 апреля 1919 г. и была послана по случаю ареста И. Е. Вольнова Малоархангельской ЧК в ночь на 7-е апреля 1919 г.:

«12. IV. 1919

Оред, губисполком

Кония Малоархангельск, исполком

Арестован литератор Иван Вольный. Горький, его товарищ, очень просит о наибольшей осторожности, беспристрастии расследования. Нельзя ли освободить под серьезный надзор? Телеграфируйте.

Предсовнаркома Ленин»⁴

Телеграмму В. И. Ленин послал в связи с полученной им в тот же день телеграммой А. М. Горького:

«Срочно. Москва, Кремль. Ленину.

Малоархангельске Орловском арестован литератор Иван Вольный, мой товарищ. Его политическая лояльность для меня несомненна. Очень боюсь торопливых действий. Прошу Вас телеграфировать о беспристрастном расследовании причин ареста и освобождения под надзор»⁵.

Через два дня, 14 апреля, на телеграмму Ленина ответили Б. М. Волин и С. Д. Ефремов:

«Москва. Председателю Совнаркома Ленину.

О ходатайстве Горького о Вольном предупреждена губчека.

Волин»⁶

«Москва, Совнарком. Ленину.

Вольнов распоряжением губчека отправлен в се распоряжение с частью материалов, дальнейшее следствие ведется.

Президиум Ефремов»⁷

На телеграмме Б. М. Волина пометка Ленина «В архив». На телеграмме С. Д. Ефремова, кандидата в члены Президиума Малоархангельского уездного исполкома и заведующего Малоархангельским уездным совнархозом, резолюция В. И. Ленина: «Переговорить с Держинским. 14.IV. В архив».

С. Д. Ефремов послал копию телеграммы А. М. Горькому, но ее текст был искажен. В письме сыну от 16 апреля 1919 г. Алексей Максимович писал:

«...Вчера — вторник, 15 — получил телеграмму из Малоархангельска. „Вольнов распоряжением губчека отправлен *в* се распоряжение, часть материала, дальнейшее следствие ведется 59 президиум Ефремов”.

Я не настолько грамотен, чтобы понять сей текст. Что значит „всн”? ВЧК или Ваше, т. е. мое? не знаю.

Я телеграфировал о Вольном Малоархангельск, Ленину, Луначарскому (...),

просил Зорина телеграфировать ЧК Малоархангельск и сам еще раз телеграфировал туда. Иду хороших известий. Не тревожусь»⁸.

Когда А. М. Горький писал это письмо, И. Е. Вольнов был уже освобожден. В. И. Ленин 14 апреля 1919 г. телеграфировал Горькому:

Петроград
Смольный, Горькому.

Председатель орловской следственной комиссии Чужников телеграфирует мне, что Иван Вольный временно освобожден до разбора дела.

Ленин»⁹

На телеграмме Чужникова имеются пометки Ленина: «Телеграмма 14/IV Горькому». «В архив»¹⁰.

По неизвестному стечению обстоятельств телеграмма Ленина не была своевременно доставлена Горькому. Телеграмма оказалась у П. Е. Зиновьева, который телеграфировал Горькому: «Ленин сообщает, что Иван Вольнов освобожден до разбора дела. Зиновьев». Но и этой телеграммы Горький не получил. 18 апреля он писал сыну:

«Уважаемый сын мой и комиссар!

Несмотря на прилагаемые депеши я все-таки продолжаю не понимать, где Иван, и боюсь за его башку. (...) Если ты узнаешь о Вольном что-нибудь, успокой мое взволнованное сердце»¹¹.

Данные о точной дате и причине ареста Вольнова приведены в письмах М. А. Пешкова. 10 апреля 1919 г. Максим Алексеевич сообщал Горькому:

«...Сейчас получила известие, что арестован Иван Вольный. Он и два члена исполкома отправились уговаривать разойтись восставших крестьян.

Уговорили, — и... были все трое арестованы, все трое чрезвычайной как заложники. Леонид Старк послал телеграмму, чтобы его немедленно препроводили в Москву...»¹².

Второе письмо было адресовано в высшие инстанции:

«6-го апреля с. г. в Малоархангельском уезде Орловской губ. был арестован местной ЧК писатель Иван Егорович Вольнов, живший в селе Куракино.

Арестован он, судя по полученным оттуда мною и комиссаром „Роста“ тов. Л. Старком сведениям, в то время, как уговаривал вместе с двумя членами исполкома крестьян и дезертиров не поднимать восстание и выдать оружие.

Уговорить удалось, оружие было сдано, и все разошлись по домам.

В ночь на 7-е апреля приехавшим отрядом ЧК Вольнов и оба члена Исполкома были арестованы. Теперь Вольнов находится в Малоархангельской тюрьме как заложник.

Его хорошо знает мой отец, кроме того, среди московских товарищей у него есть много очень близких друзей.

Со своей стороны, я, много сживший с ним по Сибири и все время живший с ним до его отъезда в Куракино, уверяю, что никаких нагон против Советской власти он теперь не мог предпринять.

Комиссар военных курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки при Всеобуче М. А. Пешков

18 апреля 1919 года»¹³.

Несмотря на покровительство В. И. Ленина, через 5 месяцев в том же Малоархангельске 15 сентября 1919 г. И. Е. Вольнова снова арестовали и при обыске отобрали у него рукописи.

Причиной ареста, как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич¹⁴, послужила критика Вольновым каких-то местных распоряжений. По-видимому, местным властям не понравилось, что Иван Егорович советовал крестьянам обращаться непосредственно к В. И. Ленину с жалобой на незаконные распоряжения. Сам писатель сообщал М. А. Пешкову:

«Куракино. 15.VI.19.

Дорогой Мах,

Я благодарен тебе, что ты дал движение нашему делу: 3—4 дня тому назад меня допрашивали относительно «дезертирского восстания» в Куракине и мер, применявшихся при выпрессировании чрезвычайного налога.

Посылаю тебе еще одно дело: обобрали у нас одного мужика — не кулака, я его знаю, он — то, что теперь называют середняк, чужим трудом не жил. 15-го марта он жаловался (телеграфно) Ленину. Последний телеграммно от 5-го апреля приказал возратить ему скот, сельскохозяй. орудия и т. д. Телеграмма была на имя финансового отдела в Малоархангельск. Но там не хотят возратить; отговариваются — некогда.

Будь добр, направь это дело куда следует. Очень прошу тебя. . .

Иван»

«Куракино, 17 августа 1919 г.

Мах, милый,

Еще одно дело — тоже об обобравших. Мужики — не кулаки. Их обирал некто Романчиков, однодеревенец, и присвоил скот себе. Этот фрукт — в прошлом подричник, пивка, а теперь заделался „коммунистом“. Говорят, сейчас у него трудами праведными скоплено на сотни тысяч скота, имущества. Он в наших краях был в качестве главного выжимателя чрезвычайного налога. Он истязал мужиков, продавал их скот, следом за ним ездили его родственники, скунавшие продаваемый скот. Цену на скот назначал он сам. Однажды эти несчастные мужики подавали прошение губ(ернским) властям. Там не обратили на них внимание. Потом написали еще одно прошение, я направил его Ленину, а тот, кажется, в бюро жалоб на Поварскую. Узнай у него, куда он направил их прошение, и присоедини прилагаемые при сем бумаги к их жалобе. Здесь же фигурируют хлебные расписки. Этот Романчиков отнял на десятки тысяч рублей у своих однодеревенцев (дер. Паусвой) хлеба и не заплатил им денег. Вероятно, он просто украл у них эти деньги.

Своим сельским обществом он изгнан в данное время, а при объявлении у нас „военно-полевого осадного положения“ (бывают и такие!) к нам в волость его посадили на место председателя исполкома. Срам, гадость! . .

Иван»¹⁵

Поводом для ареста могла послужить тогдашняя обстановка в Орловской области в связи с приближением к Орлу денкинцев. В дневнике И. Е. Вольнова читаем:

«Пережито 15-е сентября. Орел, „работы“, „копюпльное семячко“ . . . Все это слишком кренко врезалось в память, не забудется, не надо занисывать. У меня появилось много лишних седых волос. Надо помнить только фигуры, сцены. . . ночь, общее возбуждение, граничащее с безумием, и отец Сергей — захудалый, смешной пониц, с горящими черными большими глазами: „Ив. Ег.! Ваня! . . я. . . ты. . . вы. . .“.

Фигура К. И., милого, несчастного и жалкого. Я был бы несчастнее, жалче, если бы был на его месте. Наш разговор. . . менки с песком и крылья ужаса. . . изияция Olive, глухой с трубкой, м-ме Narusehkin, плеяда жалких бюрократов: Подизвитов, Яковлев. . . сохранивших насколько было можно достоинство, подобие осанки. . . их очередь у котлов. А в это время много осеннего солнца, паутина, рыжая зелень и рыжая глина могил тифозных на взгорье, на фоне голубого-голубого осеннего неба. . .

Фигура Алекс. Мих. Тинякова, злого, задыхающегося от бессильной злобы, бешеного одифоба, мятущегося, чувствующего обреченность, надеющегося.

Фигура Ивана „Митрича“, наука, жидетника, молящегося, в чесучевой, на выпуск, рубахе, грустного в цинизме, определенного негодяя.

Фигура Маслова-тихого, — все больше молча услуживает. . . Действительно ли он был невинен и страдал?

Тончилин — рабочий, брянец, меньшевик. Волк — железнодорожник, орловец, эсер. Охающий и удрученный Христианович — барин, не правится ему все, ошарашен, полное недоумение.

И все-таки ложь, что мне тяжело, что опостыла мне жизнь; ведь я должен бы убить себя, — это так естественно. А может быть, не пришло еще время? . . . Надо побороть в себе чувство животного страха перед смертью. Тогда явится то, чего так мало доставало мне в жизни: хладнокровия в тоске, тогда я перейду грань преступности, т. е. стану по ту сторону грани: не будет странно ни себя, ни своей жизни, жизни животного»¹⁶.

По всей вероятности, снова А. М. Горький из Петрограда просил Ленина освободить Вольнова и спасти его рукописи. Документально это не доказано; возможно, друзья писателя сообщили в Москву. В очерке «Иван Вольнов» Горький приводит следующие слова Вольнова: «Они меня арестуют, а мужики тихим манером — телеграмму Ильичу: выручай! Ильич выручит, а начальство еще злее сердится на меня». А может быть, это был тот случай, когда, по свидетельству Горького, Иван Егорович сам послал Ленину телеграмму: «Опять арестовали. Скажите, чтобы выпустили»¹⁷.

Вольнов был освобожден раньше 13 октября, так как в этот день полки деникинской армии ворвались в Орел¹⁸. Он приехал в Москву, поселился у Е. П. Пешковой и через несколько дней был принят В. И. Лениным в Кремле.

15 октября он снова был арестован в Москве. Сын Горького, М. А. Пешков, обратился к В. Д. Бонч-Бруевичу со следующим письмом:

«16 октября 1919 г.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вчера вечером в 11 ч. снова арестован агентами Особого отдела при ВЧК Иван Егорович Вольный. Когда я хотел при обыске познать Вам или тов. Дзержинскому, комиссарам, производившим обыск, мне было заявлено, что если я по поводу этого ареста буду телефонировать кому бы то ни было, то я сам буду арестован, а телефон сорван. После этого Ив. Егорович был увезен. Протокола составлено не было. Причина ареста неизвестна. Надо думать, что это недоразумение.

С товарищеским приветом

М. Пешков»

Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич:

«... Дзержинский расследовал все у себя и часа в три сообщил мне, что это все — недостатки управленческого механизма. Владимир Ильич сам звонил Дзержинскому.

17 октября, часов в десять утра, в кабинете Бонч-Бруевича раздался звонок. — Я всю ночь сидел, ожидая Вольного, — хрипел, кашлял, говорил тяжелым голосом, задыхаясь, Алексей Максимович. — Когда же, наконец, его освободят? — и голос его оборвался.

Владимир Ильич крайне возмущался, узнав о нездоровье и волнении Алексея Максимовича. Он сейчас же еще раз позвонил Дзержинскому и категорически потребовал немедленно освободить Вольного и приехать ему, Дзержинскому, вместе с Вольным к нему в Кремль. Через час Вольный был вместе с Дзержинским в кабинете Владимира Ильича»¹⁹.

По-видимому, при этой встрече шел разговор и об отобранных у Вольнова рукописях, но Орел был еще в руках деникинцев. Город

был освобожден войсками Красной Армии 20 октября. Сверхсрочная правительственная телеграмма за подписью Ленина была отправлена орловским властям 22 октября. Ее текст был опубликован впервые С. М. Бурдянским в «Известиях» от 13 апреля 1960 г.:

«Орел, председателю исполкома

Копия — председателю ЧК

Совершенно немедленно вышлите в Москву, Кремль, Совнарком все рукописи, отобранные на обыске у писателя Ивана Вольного. Сохранность их на нашей личной ответственности. Исполнение телеграфируйте.

Предсовнаркома Ленин

Написано 22 октября 1919 г.г.

Последняя фраза написана рукой В. И. Ленина²⁰.

Но этим дело не ограничилось. Владимир Ильич дал указание В. Д. Бонч-Бруевичу проследить за ходом дела и доложить ему о результатах.

Вслед за телеграммой Ленина из Совнаркома 27 октября 1919 г. было отправлено в НКВД обстоятельное письмо по этому же вопросу:

«В Народный Комиссариат Внутренних дел.

Препровождаю при сем вам список рукописей, изъятых на обыске у писателя Ивана Вольного Орловской Губчека 15 сентября сего года.

Прошу вашего срочного распоряжения через подведомственные вам местные органы прежде всего по охране этих рукописей, о немедленном возвращении ценными посылками по адресу: Москва, Кремль, Управление делами Совнаркома.

Я докладывал Председателю Совнаркома об аресте этих рукописей, и В. И. Ленин сделал тотчас же распоряжение послать от его имени на имя председателя Орловского исполкома и председателя Орловской Губчека при сем прилагаемую в копии телеграмму.

Владимир Ильич предложил обратить особое внимание на сохранность всех этих рукописей и на немедленную их доставку в Кремль для вручения Ивану Вольному.

В силу всего этого прошу вашего самого срочного распоряжения о доставке этих рукописей в Москву.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

Вл. Бонч-Бруевич»²¹.

При встречах с В. И. Лениным И. Е. Вольнов рассказывал о своих планах на будущее, попросил, чтобы его рукописи хранились временно в архиве управделами. Чтобы не было недоразумений с местной властью, Владимир Ильич тут же от руки написал ему маленькую охранную грамоту²².

Вскоре В. Д. Бонч-Бруевич получил от Ивана Егоровича письмо из Шереметьевской (ныне им. Склифосовского) больницы:

«Москва, Шереметьевская больница, 9.XI.1919.

Болезнь помешала мне, глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич, своевременно поблагодарить Вас, а через Вас и Владимира Ильича за заботы о рукописях моих. Быть может, они найдутся (я плохо верю в это). Но заботы Ваши и Владимира Ильича о них крепко ободрили меня: стало быть, то, что я делаю, то есть пишу о муках и радостях народа моего, нужно не мне одному, а и народу, России (...). у меня найдется еще больше сил, крепости и любви написать вдвое, притом больше того, что уничтожено бестолковыми малограмотными людьми.

Через три дня я все-таки еду на сыпняк в Самарскую губернию. Если останусь жив, меня, вероятно, через пару месяцев качнет еще куда-нибудь: хочется ездить,

видеть, впитывать в себя все — святое и грязное, необычайное, небывшее, неповторимое, — грудь горит от восторга, что живу в это исключительное время. И вот эта жадность впитать в себя все, что может вместить душа, толкает меня к новым бродяжествам, голоду, оскорблениям, опасности, порой расхищениям духа.

Я знаю: теперь уже вылиты бочки зловония на русскую революцию: если она будет раздавлена, на нее и народ, ее создавший, потекут сточные ямы мира, и в этом грязном и подлом потоке затянутся илом светлые жемчужинки революции, теперь незаметно разбросанные по всей Руси, — я буду ходить, ездить, собирать и хранить в сердце своем, чтобы потом с восторгом рассказать о них миру.

Крепко жму Вану руку
*Ив. Вольный*²³.

Нельзя без волнения читать эти документы — свидетельство удивительного ленинского внимания к человеку, преданному делу народа.

¹ См.: *Вольнов А. И. Ленин и Вольнов* // Орлов, правда. 1986. 10 авг.

² См.: *Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения: В 25 т. М., 1974. Т. 20. С. 37.*

³ *Валин Б. М. Страницы славной истории* // За власть Советов. Оренб., 1957. С. 19.

⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 50. С. 280.*

⁵ В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма, воспоминания, документы. 3-е изд. М., 1969. С. 142.

⁶ В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917—1922 гг.). М., 1975. С. 185.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Архив А. М. Горького. М., 1971. Т. 13: М. Горький и сын. С. 188. С. С. Зорин был тогда председателем Петроградского революционного комитета.

⁹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 280.*

¹⁰ *Ленинский сборник XXIV. М., 1933. С. 175.*

¹¹ Архив А. М. Горького. КГ-од-1-32-1. ИГ-рл-30-33-154.

¹² Там же. КГ-рлн 7а-1-III.

¹³ Архив А. М. Горького. Т. 13. С. 190.

¹⁴ См.: *Бонч-Бруевич В. Д. Арест писателя И. Е. Вольнова* // ОРГБЛ им. В. И. Ленина. Ф. 369. 26. 11); *Он же. Мои встречи и переписка с писателями* // ЦГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 319.

¹⁵ Копии этих писем хранятся в Архиве писателей-орловцев; телеграмма В. И. Ленина, упоминаемая в первом письме, не сохранилась.

¹⁶ *Вольный Ив. Мысли, заметки, дневник, сцены с натуры. . . пустословие* // Архив писателей-орловцев.

¹⁷ *Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. Т. 20. С. 338.*

¹⁸ См.: *Летопись города Орла / Сост. П. И. Фролов и И. Н. Чернов. Тула, 1980. С. 95.*

¹⁹ Орлов, правда. 1986. 10 авг.

²⁰ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 51. С. 70.*

²¹ *Левинские страницы: Документы. Воспоминания. Очерки. М., 1960. С. 43.*

²² См. ст.: *Вольнов А. И. Указ. соч.*

²³ Письмо впервые опубликовано с небольшими сокращениями в газете «Звезда», органе Малоархангельского РК КПСС, от 22 апр. 1986 г. и в «Орловской правде», 10 авг. 1986 г.

Личные и творческие связи М. Горького и М. Коцюбинского уже не раз были предметом специального рассмотрения. В этих заметках приводятся некоторые новые и малоизвестные материалы.

1

Сообщая о первой встрече с М. Горьким, М. Коцюбинский отмечал в письме к А. Аплаксии от 4 (17) июня 1909 г.: «Он меня знает по литературе и, оказалось, ценит»¹. Комментируя это высказывание, исследователи обычно указывают, что М. Горький мог познакомиться с произведениями украинского писателя в русских переводах. Такая точка зрения принята и комментатором очерка «М. М. Коцюбинский» в Полном собрании сочинений М. Горького². Первая публикация Коцюбинского на русском языке при этом отнесена к 1899 г., когда в журнале «Жизнь» № 12 был опубликован в переводе Р. Стрельцова рассказ «Ради общей пользы».

Однако до появления этого рассказа в русских периодических изданиях было уже девять публикаций произведений украинского писателя на русском языке. (Три из них — детские рассказы в переводе Н. Перелыгина — составили отдельную книжку «Огоньки», вышедшую в Москве двумя изданиями — в 1899 и 1904 гг.) Самые ранние переводы из М. Коцюбинского напечатаны в одесских периодических изданиях — ежедневной газете «Одесский листок» (1895, 2 июня, № 134) и еженедельном журнале «По морю и суше» (1896, № 13). В 1897—1898 гг. в печати появились «Елка» (в другом переводе — «В рождественскую ночь»), «Харитя», «Пятизлотник», «Маленький грешник», «Посол черного царя». Они пришли к русскому читателю преимущественно со страниц журналов для детей («Детское чтение», «Детский отдых» — оба издавались в это время в Москве; «Игрушечка» — выходила в Петербурге) или провинциальных изданий (владикавказская газета «Казбек») ³. Поэтому знакомство с ними М. Горького весьма проблематично. И лишь один перевод появился в популярном общероссийском издании — «Ниве» (1898, № 11) ⁴. Эта публикация могла попасть в поле зрения М. Горького.

Позже, в 1900—1909 гг., произведения украинского писателя печатались как в широко известных журналах и газетах («Русское богатство», «Русская мысль», «Русские ведомости»), так и в менее распространенных изданиях (журналы «Наука и жизнь», «Вестник иностранной литературы», «Южные записки», газеты «Южное обозрение», «Киевская искра» и др.). Из неучтенных публикаций этого периода следует особо отметить повеллу «На скале» в петер-

бургском сатирическом журнале «Маляр» (1906. № 3—5, в связи с закрытием издания публикация не была завершена). В первом номере журнала появилась и сатирическая миниатюра М. Горького «Мудрец», перепечатанная из «Адской почты». «Встреча» произведений М. Горького и М. Коцюбинского на страницах «Маляра» не была единственной. Можно указать на такую «встречу» и в журнале «Жизнь».

Если весьма вероятное чтение М. Горьким хотя бы некоторых из произведений М. Коцюбинского в русских переводах все же обосновывается пока что гипотетически, то его знакомство с рассказами украинского писателя на языке оригинала подтверждается рядом документальных материалов.

М. Коцюбинский послал Горькому свой первый сборник избранных произведений, изданный на Надднепрянской Украине, — «Оповідання. Том перший» (Киев, 1903). Он вспоминал об этом 15 апреля 1908 г. в письме к В. К. Винниченко: «... Решился послать свою книжку тем из русских писателей (с соответствующей надписью), кого я больше всего люблю. В числе их был и Горький»⁵. Книга дошла до адресата, она зафиксирована в описи библиотеки М. Горького нижегородских лет⁶.

Эти факты известны специалистам уже давно. Письма украинского и русского литературного критика и писателя В. П. Горленко к украинскому писателю и этнографу Б. Д. Гринченко, введенные в научный оборот (на украинском языке) несколько лет тому назад⁷, свидетельствуют о том, что М. Горький познакомился с произведениями М. Коцюбинского на языке оригинала еще раньше.

В. Горленко был активным сотрудником журнала «Киевская старина», издал книги «Южнорусские очерки и портреты» (1898), «Украинские были» (1899), «Отблески» (1905), выступал как литературный критик на страницах «Нового времени», отнюдь не разделяя политического направления этой газеты.

Лето он обычно проводил в своем имении Ярошовка Прилукского уезда Полтавской губернии. В августе 1900 г. познакомился в Мануйловке Кобелякского уезда Полтавской губернии с М. Горьким и стал одним из тех, кто оповещал русского писателя о достижениях украинской литературы.

«Малороссийская литература приобрела сторонника в лице Горького, которому я недавно послал кое-что лучшее из прежнего и нового, — сообщил В. Горленко в письме к Б. Гринченко от 14 октября 1900 г. — Он прислал мне замечательное письмо по этому поводу» (с. 65). К сожалению, письмо Горького не сохранилось. В письме от 28 октября 1900 г. Горленко подробно останавливается на этом, указывая, что послал М. Горькому «маленький пакет малороссийских книг»: лучшие вещи Г. Ф. Квитки (Г. Основьяненко), поэму М. Макаровского «Наталя», составленный Б. Гринченко сборник «Думи кобзарські» — «из старых вещей»; Мирного, Коцюбинского и Яновскую — «из новых» (с. 65). В письме приведен довольно большой отрывок из несохранившегося письма

М. Горького, содержащий высокую оценку произведений писательницы демократического направления Л. Яновской: «Яновскую я прочел не отрываясь. Какой у нее прекрасный язык и как она умна! Посоветуйте перевести ей „Смерть Макарихи“ на русский язык. По-моему, это очень значительная вещь. Какая простая, грустная. . . Она спета, а не написана, если только я понимаю что-нибудь. Драма еще лучше. На великорусском языке нет такой народной драмы, нет вещи, написанной для театра так искусно и умно. Мне, знаете, даже завидно. . .». Часть письма М. Горького В. Горленко приводит в изложении: «Затем он говорит, чтобы я написал об этих двух вещах Яновской в газете, и передаст свой привет Яновской (которой я совершенно не знаю). Прибавляет еще, что будет горячо благодарить меня, если я буду знакомить его еще „с этой красивой и грустной литературой“»⁸. «Других вещей он пока не читал, — заканчивает В. Горленко письмо к Б. Гринченко. — О них я услышу его мнение в Петербурге, где буду с ним видаться, когда он приедет туда зимой из Нижнего Новгорода, где живет постоянно» (с. 65).

В неопубликованном письме Горленко к тому же адресату от 28 ноября 1900 г. речь шла, как можно предположить, о привлечении Горького к переводу на русский язык произведений Л. Яновской: «Надеюсь видеть Горького в декабре и поговорить с ним, о чем Вы пишете и о чем я и сам думаю. Но он задавлен своей работой, которая еще ужаснее тем, что глаза и уши всей страны обращены теперь в его сторону»⁹. Письмо Гринченко, на которое отвечает Горленко, к сожалению, не найдено. Переводил ли Горький кого-то из украинских писателей — также остается неизвестным.

Какие же произведения М. Коцюбинского В. Горленко мог послать М. Горькому? К тому времени на Надднепрятской Украине отдельно были изданы только две небольшие книжки М. Коцюбинского — сборник детских рассказов «Харитя. Ялинка. Маленький грішник» и рассказ «Пятизлотник». Обе они вышли в организованной Б. Гринченко серии изданий для народного чтения в Чернигове в 1895 г. по инициативе издателя. Учитывая, что львовские издания Коцюбинского в это время практически не имели распространения на Надднепрятской Украине, были крайне труднодоступны (даже автору, чтобы получить их, приходилось прибегать к различным почтовым «ухищрениям»), реально предположить, что М. Горький получил от В. Горленко либо обе черниговские книжки, либо одну из них. Посредником в заочном контакте представителей братских литератур выступил, кроме В. Горленко, и украинский писатель Панас Мирный (А. Рудченко). Он с восхищением встретил детские рассказы М. Коцюбинского, о чем оставил много свидетельств в переписке как с автором этих произведений, так и с другими корреспондентами¹⁰, и широко популяризировал их. Именно от Панаса Мирного В. Горленко получил сведения о черниговских изданиях М. Коцюбинского и сами эти издания¹¹. В. Горленко, в свою очередь, выступал популяризатором произведений М. Горького среди украинских писателей,

в частности настоятельно советовал читать их Панасу Мирному. Так, в письме к нему от 11 января 1900 г., незадолго до личного знакомства с М. Горьким, В. Горленко писал: «Литературные новости? Если как-нибудь не читали еще сочинений М. Горького, то усиленно рекомендую прочесть (вышло три тома рассказов). Это крупный писатель»¹². Через некоторое время, в письме от 30 марта 1900 г., он возвращается к этой теме: «Читали ли Вы Горького, как он Вам нравится?»¹³.

Свое мнение о раннем творчестве М. Горького В. Горленко высказал в рецензиях на «Очерки и рассказы» и повесть «Фома Гордеев». Он отнесся к произведениям М. Горького доброжелательно и в общем высоко оценил их. Например, рецензия на «Очерки и рассказы» заканчивается такими словами: «Чтение рассказов г. Горького, к которому мы приступили с предубеждением, внушает интерес и влечение к автору. Это служит всегда признаком дарования. Точно ли художник перед нами? От правды, сосредоточенности и большей зрелости будущих его работ зависит решение этого вопроса»¹⁴. Повесть «Фома Гордеев» критик рассматривал как «новое крупное произведение» М. Горького¹⁵.

2

Важными документами для изучения пребывания М. Коцюбинского на Капри, его встреч с М. Горьким являются письма украинского писателя, в большинстве своем известные широкому кругу специалистов. Одно из писем, редко используемых исследователями, — к И. Иванову от 17(30) июня 1909 г. Опубликованное в 1935 г.¹⁶, оно затерялось в подшивке массовой газеты и, хотя было процитировано в одном из исследований в 1963 г.¹⁷, в Собрание сочинений писателя не вошло.

«Так мне хотелось забежать к Вам хоть на минуту, но я был в Киеве только от парохода до поезда и должен был устроить свои дела», — писал М. Коцюбинский своему киевскому корреспонденту. Спустя две недели пребывания на Капри, писатель был целиком под впечатлением чудесного острова и его обитателей, был захвачен знакомством с М. Горьким: «Вместо личного приветствия посылаю его Вам с Капри, где я нашел все то, что мне так нужно иметь: солнце, красоту, спокойствие и хороших людей. Чувствую себя бодрее и здоровее».

И. Иванов — русский литературный и театралный критик¹⁸, автор книги «Чехов и его творческий путь» (1910), статей о творчестве Н. Гоголя, Т. Шевченко, М. Горького, И. Бунина, Л. Андреева и др. До середины июля 1906 г. он жил в Чернигове, где принимал активное участие в литературно-общественной жизни города. В Чернигове с ним и познакомился М. Коцюбинский, переехавший сюда на постоянное жительство в 1898 г. И. Иванов — автор первой в столичной печати статьи о творчестве М. Коцюбинского («Украинский беллетрист»), появившейся в журнале «Образование» (1906. № 8)¹⁹. Статья могла быть известна М. Горькому.

Личные и творческие связи М. Коцюбинского и И. Иванова имеют некоторое значение для исследования недостаточно освещенного раннего этапа знакомства М. Коцюбинского с прозой и драматургией М. Горького. Эта тема обычно раскрывается с привлечением нескольких наиболее известных фактов. Указывается, во-первых, на то, что рассказ М. Коцюбинского «Ради общей пользы» появился в том же номере журнала «Жизнь» (1899. № 12), что и рассказ М. Горького «Двадцать шесть и одна», и делается вывод, что украинский писатель был знаком с этим произведением русского коллеги. Во-вторых, принимается во внимание, что М. Коцюбинский послал в 1903 г. М. Горькому книгу своих произведений как одному из любимых писателей. В-третьих, используется письмо начинающей писательницы В. Тюриной к М. Коцюбинскому от 31 марта 1903 г.²⁰, из которого следует, что украинский писатель советовал ей (в не дошедшем до нас письме) переводить на украинский язык произведения лучших русских писателей, среди которых называл и М. Горького.

Имеется возможность несколько расширить и дополнить эти сведения. Прежде всего следует сказать подробнее как об источнике знакомства М. Коцюбинского с произведениями М. Горького — о журнале «Жизнь», а также о трехтомных «Очерках и рассказах». Информация о восприятии произведений Горького читателями Черниговской общественной библиотеки (одним из них был М. Коцюбинский), об их значительной популярности содержится в опубликованном отчете библиотеки за 1900 г. В нем отмечается, в частности, заметный успех журнала «Жизнь», завоевавшего «первое место в таблице наиболее читаемых нашими абонентами журналов»²¹. Авторы отчета (члены правления библиотеки, среди которых были И. Иванов и В. Коцюбинская — жена писателя) прямо связывают успех этого журнала с именем М. Горького²². Они указывают, что М. Горький так завладел вниманием читателей, что спрос на его сочинения едва удовлетворялся имеющимися в библиотеке экземплярами. «Имя М. Горького занимает место ближе к началу таблицы, помещаясь между такими знаменитостями, как Островский и Щедрин, и это уже в том самом году, когда библиотекою были приобретены сочинения этого автора!»²³.

Атмосфера общего интереса к творчеству М. Горького, которой были охвачены на рубеже веков читатели Черниговской общественной библиотеки (многие из них входили в круг знакомых М. Коцюбинского)²⁴, не могла не захватить и украинского писателя. В «Жизни» он мог прочитать, кроме небольших вещей М. Горького, и его повести: «Фома Гордеев», «Мужик» (осталась неоконченной) и «Трое».

В последующие годы М. Коцюбинский постоянно читал и другие журналы и сборники, в которых печатался М. Горький. Так, по воспоминаниям А. Аплаксииной, сотрудники статистического бюро Черниговской губернской земской управы, где служил М. Коцюбинский, выписывали сообща «Сборники товарищества „Знание“» и популярные русские журналы²⁵.

В 1910—1911 гг. в издательском товариществе «Знание» были опубликованы два тома «Рассказов» М. Коцюбинского в переводе М. Могилянского. Обстоятельства подготовки издания, осуществленного при содействии М. Горького, изучены неплохо²⁶. Ценный материал для исследования этой проблемы содержится, в частности, в обширной опубликованной и неопубликованной переписке М. Коцюбинского. Освещалось в литературе и восприятие «Рассказов» в русской критике²⁷, однако здесь еще остается ряд неизученных моментов.

Украинский писатель не имел достаточной информации о рецензиях на «Рассказы», появляющихся в русской периодической печати, и был обеспокоен тем, вызвали ли интерес его произведения в русском переводе. Он писал об этом М. Горькому в письме от 11 (24) марта 1911 г. М. Горький в ответном письме от 18 (31) марта 1911 г. успокаивал его: «Михаил Михайлович, дорогой мой, Вы — не правы! Первый том вызвал ряд рецензий, и, на мой взгляд, довольно интересных»²⁸. Далее в письме называлось несколько рецензий, напечатанных в столичных периодических изданиях. А в конце письма М. Горький отмечал, что появились отзывы и в ряде провинциальных газет.

Рецензии на первый том, опубликованные в столичной печати, основательно изучены. А вот то место горьковского письма, где говорится об отзывах на книгу в провинциальных газетах, исследователями не комментируется: неизвестно, какие именно публикации имел в виду писатель.

Библиографы фиксируют рецензию на это издание в малораспространенной уманской газете «Голос провинции» (1910. 25, 26 дек. № 147, 148). Кроме этой, М. Коцюбинский знал и рецензию в екатеринославской газете «Южная заря» (1911. 9 февр. № 1410). Однако знакомство М. Горького с этими публикациями маловероятно, данные о том, что он получал эти издания на Капри, неизвестны.

В ходе поиска удалось обнаружить рецензию на первый том «Рассказов» М. Коцюбинского в газете «Нижегородский листок» — в рубрике «Библиография» (20 янв. 1911 г. № 19). Криptonим «А. У.», которым была подписана рецензия, использовал нижегородский журналист А. Дробыш-Дробышевский, в то время редактировавший «Нижегородский листок»²⁹.

М. Горький получал «Нижегородский листок» вместе с рядом других провинциальных газет на Капри и, как свидетельствовали современники, всегда уделял ему значительное внимание.

«Нижегородский листок» проявлял в начале века постоянный интерес к украинской литературе. Так, в первые годы века при содействии М. Горького — сотрудника тогдашней редакции «Нижегородского листка» — здесь печатались в русских переводах рассказы В. Стефаника и И. Франко³⁰. Газета представляла своим читателям произведения ведущих украинских писателей и позднее, уже в 1910-х годах³¹.

Книга М. Коцюбинского, отмечал рецензент, должна удивить скептиков, все еще недооценивающих художественный уровень украинской литературы. В частности, он указывал: «Флобер писал Тургеневу, что, читая „Войну и мир“, он местами „испускал крики удивления“³². Вот такие „крики удивления“ хотелось испускать и мне при чтении некоторых рассказов г. Коцюбинского». По мнению критика, литература, в которой могут появляться такие произведения, как рассказы М. Коцюбинского, — настоящая литература. Надо обратить внимание, что это соображение А. Дробыш-Дробышевского перекликается с известной мыслью Н. Чернышевского, высказанной еще в 1861 г. в рецензии на первый номер украинского журнала «Основа». Выдающийся критик писал, что не признавать украинскую литературу, имеющую такого поэта, как Тарас Шевченко, — значит обнаруживать собственную дикость³³. Но и спустя столетия, на протяжении которого развитие украинской литературы всячески тормозилось самодержавием, даже лучшие образцы ее были малоизвестны русскому читателю. Вот почему снова приходилось говорить о том, что давно было хорошо осознано доброжелательно настроенными по отношению к украинской литературе специалистами-литературоведами и рядовыми читателями. Показательно, что и сам М. Коцюбинский считал, что русские переводы его произведений, изданные «Знанием», публикации в русских журналах откроют дорогу украинской литературе, будут способствовать ознакомлению русских читателей с ее лучшими достижениями³⁴.

Обратившись непосредственно к рассказам украинского писателя, А. Дробыш-Дробышевский писал: «Они прямо-таки прелестны, они трепещут жизнью, немногие из писателей умеют схватывать так жизнь как бы во всей ее свежести, без всякой литературной искусственности, как г. Коцюбинский. Хотя безыскусственность г. Коцюбинского — это, собственно, высшее проявление искусства». И далее: «Рассказы его написаны легко, грациозно, но они блещут красками, лица его рассказов выступают перед нами во всей характерности своих фигур, хотя ведь он их подробно не описывает: там он бросит одну черту, в другом месте другую, и вот перед нами выступает данное лицо как живое. И картины природы он описывает мимоходом, но они сплетаются с рассказом как неразрывная часть, и сцены в его рассказах то облиты солнцем, то выступают во мраке. И всюду виден тонко чувствующий, поэтически настроенный автор, создающий их».

А. Дробыш-Дробышевский останавливается на конкретных произведениях украинского писателя — «Ради общего блага», «Под минаретами», «Куколка», «Дебют». Не со всеми соображениями критика, например по поводу последних двух рассказов, можно согласиться: автор рецензии не сумел постичь их разоблачительный пафос.

Рецензент отметил хороший уровень переводов, выполненных М. Могилянским. Его работа по популяризации украинской литературы в России начала XX в. еще не была предметом целостного

рассмотрения. Он переводил на русский и произведения ряда других украинских писателей — например И. Франко, выступал со статьями об украинской литературе в русской периодической печати. Эта его деятельность получила высокую оценку М. Горького³⁵.

Все произведения М. Коцюбинского свидетельствуют о значительном мастерстве автора, отмечал в заключение рецензии А. Дробыш-Дробышевский. Рассказы украинского писателя он рассмотрел как тесно связанные с предыдущим этапом развития национальной литературы. «Хорошие семена посеял в малорусской литературе Шевченко, и они дают прекрасные всходы», — писал он.

Публикация в «Нижегородском листке» — только одна из тех «провинциальных» рецензий на первый том «Рассказов» М. Коцюбинского, о которых писал М. Горький. Как понятно из его письма, рецензий было больше — и это не позволяет считать поиск оконченым.

¹ Листи М. М. Коцюбинського до О. І. Аплаксіної. Київ, 1938. С. 111.

² См.: Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения: В 25 т. М., 1971. Т. 11. С. 554—555.

³ Отдельные переводы появлялись к тому же без указания автора оригинала, некоторые — даже под чужой фамилией. Так, рассказ «Ялинка» («Белка») в переводе И. Белоусова («В рождественскую ночь») печатался без обозначения автора, только с указанием «С малоруссийского», и в журнале «Игрушечка» (1897. № 12), и в книге И. Белоусова «Росинки», изданной в Москве двумя изданиями в 1900 и 1906 гг. Рассказ «Маленький гринчик» издатель книги «Огоньки» Д. Ефимов ошибочно приписал украинскому писателю Б. Гринченку.

⁴ Этот перевод («Послы черного царя») появился в «Ниве» анонимно, и до последнего времени история его публикации в журнале была нераскрытой. Автором этого сообщения установлено, что перевод, выполненный украинским писателем Г. Коваленко-Коломацким, «Нива» перепечатала с некоторыми изменениями из владикавказской газеты «Кавбек», где он появился впервые в 1897 г. (30 нояб. № 145.; 2 дек. № 146).

⁵ Листування М. Коцюбинського з В. Винниченком (Вступ. підготовка текстів і коментарі Н. М. Федченка) // Радянське літературознавство. 1988. № 2. С. 43.

⁶ См.: Балаки Д. А. Личная библиотека А. М. Горького нижегородских лет. Горький, 1948. С. 40.

⁷ См.: До проблеми «М. Горький і українська література»: (З листування В. Горденка з Б. Грінченком). (Вступ. публікація і коментарі є. Мітельмана) // Радянське літературознавство. 1985. № 4. С. 63—66. В дальнейшем ссылки на эту публикацию даются в тексте (указывается страница).

⁸ Рассказ «Смерть Макарихи» и пьеса «На Зеленый Клип», о которых идет речь в письме М. Горького, были впервые напечатаны ежемесячным журналом «Киевская старина» в 1900 г. (соответственно март и май) и тогда же изданы отдельными оттисками. Рассказ появился на русском языке впервые не в 1910 г., как указывается до сих пор, а в 1902 г. — он был опубликован в переводе Ф. Чеботарева в газете «Орловский вестник» (9, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18 нояб. № 296, 297, 299, 301, 302, 303, 304, 305). По мнению исследователей, образ утешителя Луки («На дне») напоминает некоторыми чертами образ Носика из пьесы «На Зеленый Клип».

⁹ Центральная научная библиотека АН УССР. Отд. рукописей. Ф. 111. № 36126.

¹⁰ См.: Мирний Панас (Рудченко П. Я.). Зібрання творів: У 7 т. Київ, 1971. Т. 7. С. 434, 432, 434, 440.

¹¹ См.: Листи Василя Горленка до Панаса Мирного, 1883—1905. Київ, 1928. С. 56.

¹² Там же. С. 70.

- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Новое время: Иллюстрированное прил. 1899. № 8559. 15(27) дек. С. 11.
- ¹⁵ Там же. 1900. № 8638. 15(28) марта. С. 8.
- ¹⁶ См.: С. Б. Неопубликованный лист М. М. Коцюбинського // Пролетарська правда. 1935. № 230. 5 жовтня.
- ¹⁷ См.: *Недзвідський А. В.* Канрійські зустрічі М. Коцюбинського // М. Коцюбинський: Матеріали 11 наукової конференції пам'яті письменника (До 100-річчя з дня народження). Вінниця, 1963. С. 140.
- ¹⁸ См.: *Герасимов Ю. К.* Критика в провинции // Очерки истории русской театральной критики: Конец XIX—начало XX века. Л., 1979. С. 305—307.
- ¹⁹ Письмо М. Коцюбинського к И. Иванову по поводу этой статьи не сохранилось. Его содержание можно понять из ответного письма критика к писателю от 24 января 1907 г., в котором он отмечал: «(...) Мне чрезвычайно приятно, что Вы, насколько я могу судить по Вашему письму, не чувствуете себя задетым моим, может, и слишком в некоторых частях резким отзывом» (Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского. № А-1725).
- ²⁰ См.: Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского. № А-2276.
- ²¹ Отчет Черниговской общественной библиотеки за 1900 год // Земский сборник Черниговской губернии. 1901. № 11 (прил.). С. 25—26.
- ²² См.: Там же. С. 27.
- ²³ Там же. С. 29—30.
- ²⁴ См.: *Коцюбинський Ю. Р.* Михайло Коцюбинський і Чернігівська громадська бібліотека // Українська мова і література в школі. 1975. № 6. С. 85—87.
- ²⁵ См.: *Апалкіна О. І.* Сторінки спогадів // Листи М. М. Коцюбинського до О. І. Апалкіної. С. 260.
- ²⁶ См.: *Лебідь А.* «У чужій хаті» (Епізод з виданням творів М. Коцюбинського російською мовою) // Бібліологічні вісті. 1928. № 1. С. 39—46; *Милошвидов Л. М.* Коцюбинський і російський читач // Літературний архів. 1930. № 3/6. С. 31—55; *Кисельов Г. К.* Коцюбинський і горьківське видавництво «Знання» // Радянське літературознавство. 1967. № 5. С. 37—44.
- ²⁷ См.: *Грицюга М. С.* Михайло Коцюбинський в російській критиці та літературознавстві // Українська література в російській критиці кінця XIX—початку XX ст. Київ, 1980. С. 382—390.
- ²⁸ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 163.
- ²⁹ Об А. Дробын-Дробышевском и его отношениях с М. Горьким см.: Нижегородское окружение А. М. Горького, 1889—1904: Биобиблиогр. справочник. Горький, 1968. С. 49—51.
- ³⁰ См.: Украинские и польские писатели в «Нижегородском листке» // Вопр. лит. 1974. № 1. С. 312—313.
- ³¹ См.: Твори Івана Франка в перекладах на словянські мови: Матеріали до бібліографії / Уклад. М. Мороз // Словянське літературознавство і фольклористика. Київ, 1966. Вып. 2. С. 186—187.
- ³² Имеется в виду письмо Г. Флобера к И. Тургеневу от 21 января 1880 г., в котором французский писатель делится впечатлениями от чтения «Войны и мира». Он писал, в частности: «Читая, я временами вскрикивал от восторга...». См.: *Флобер Г.* О литературе, искусстве, писательском труде: Письма, статьи: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 253.
- ³³ См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. 7. С. 935—936.
- ³⁴ См.: *Коцюбинський М.* Твори: В 7 т. Київ, 1975. Т. 7. С. 84.
- ³⁵ См.: Там же. С. 157. Перевод М. Мосилянського имел и некоторые недостатки, отмеченные Горьким в его письме Коцюбинському. См.: Там же. С. 91; *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 149.

ГОРЬКИЙ И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Среди книг, принадлежавших Горькому, сохранился имеющий его пометы экземпляр «Переписки из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона (Пб.: Алконост, 1921¹). Спор о судьбах культуры, который вели здесь два ее признанных мастера, не мог не заинтересовать Горького, поборника духовной преемственности. Тем более что в первые послеоктябрьские годы проблема эта приобрела особую остроту: нигилистическая бравада авангардистов вновь возрождалась в декларациях Пролеткульта, а в среде интеллигентской элиты возникали порой рецидивы своеобразного руссоизма.

Конценция Гершензона выразила особый тип отрицания культуры, парадоксально возникший на почве ее избытка. «Обостренное чувство непомерной тяготы влекомого нами культурного наследия» — так обозначил Вяч. Иванов суть неприемлемой для себя позиции Гершензона², и Горький пометил данное определение. Впоследствии, говоря о «кризисе гуманизма» в интеллигентском сознании, он назовет среди выразителей этого кризиса Гершензона «Переписки»³. А в тексте этой книги выделит его признание: «... Мне тягостны, как досадное бремя, как слишком тяжелая, слишком душная одежда, все умственные достояния человечества, все накопленное веками и закрепленное богатство постижений, знаний и ценностей» (11). Второй автор «Переписки», Вяч. Иванов, держался противоположных воззрений («Мы с Вами, дорогой друг, диагональны не только по комнате, но и по духу», — писал ему Гершензон (10). Созданные человечеством богатства культуры — главное в ивановской ценностной шкале, этой, по его словам, «иерархии благоговений» (13). В возникшем споре ивановское «благоговение» перед культурой Горькому было близко в той же мере, в какой чужд неоруссоистский бунт против нее у Гершензона⁴. «Кумиротворцу» Горькому, отличавшемуся, подобно Иванову, ценностным типом мировоззрения, нигилизм анархического жизнечувствования был органически враждебен. Утрату «присутствия каких-либо ценностей» он связывал с атрофией социального начала, этим симптомом опустошения личности⁵.

Культурный нигилизм Горький критиковал не раз. Как чуждое себе отметил он, например, суждение Л. Андреева, который, ссылаясь на Л. Толстого, утверждал: «... культура — мусор, она только искажает свободный рост души»⁶. Подобное признание было подчеркнуто Горьким и на страницах «Переписки» в словах Гершензона: «Несметные знания... онутали меня кругом (<...>, как мусор, они засоряют мой ум...» (16)⁷. Возражая подобным парадоксам, Иванов выдвигал идею Памяти как «верховой владычицы» культуры, и Горький это мнение разделял. Интенсивно пометил он в тексте «Переписки» следующее суждение Иванова о буржуазных истоках антикультурного бунта и о его бесперспек-

тивности в демократической среде: «Анархические течения, — констатировал Иванов, — не являются господствующими, они по существу кажутся коррелятом и тенью буржуазного строя. То, что именуется сознательным пролетариатом, стоит всецело на почве культурной преемственности. Борьба ведется не за отмену ценностей прежней культуры, но... за их переоценку» (45).

Подобный вывод диктовало Иванову его участие в просветительской работе первых послеоктябрьских лет — в Театральном, Литературном и Внешкольном отделах Наркомпроса, на курсах Художественного слова, в кружках пролетарских поэтов. «Сделать высшие достижения искусства доступными народу, а дарованиям из народа открыть возможность художественного развития» — в этом видел Иванов, по его словам, долг писателя в новой России⁸. Именно преданность делу культуры, убежденное просветительство создавали — при всех мировоззренческих расхождениях между пролетарским писателем и поэтом-идеалистом — возможность контактов, возникших еще в начале века.

1

Внимание участников петербургского литературного утра, собравшихся 3 января 1906 г. на «башне» у Вяч. Иванова, привлекло появление Горького: начавшееся в 1905 г. в сатирическом журнале «Жунал» сотрудничество «знаниенцев» с символистами и художниками «Мира искусства» предполагалось продолжить для поисков новых форм театральной сатиры⁹. Живую зарисовку эпизода находим в одном из писем Е. Лансере. Выделявшийся среди «мирискусников» своей приверженностью к демократии, Лансере был сторонником сближения с нею художников своего круга. «...Чтобы в будущем искусство заняло должное место, нужно теперь протянуть руку людям будущего и вместе строить», — писал Лансере А. Бенуа, убеждая его в том, что «вся молодость, вся жизнеспособность, все надежды, весь энтузиазм на стороне левых». Соответственно из лидеров двух сил, начавших тогда диалог на «башне», симпатии Лансере привлек не ее хозяин, а Горький. Отмечая то, что проектируемый театр видится Иванову мистернальным, создаваемым «археологично», а Горькому — сатирическим, злободневным, Лансере добавлял не без иронии: «Мы <Добужинский, Сомов и другие художники. — И. К.> думали, что после бесконечно длинной и ученой речи Иванова... с доказательствами историчности его теории, с греческими, немецкими и французскими цитатами, с 9 симфонией Бетховена, с Вагнером, Нитче и т. д. и т. д. <Горький. — И. К.> просто уйдет». Но он не только предложил «реальный путь» к осуществлению нового театра как смотр спектаклей «разнообразного направления», но и призвал собравшихся к сотрудничеству, говоря, что «в России, столь бедной во всех отношениях... люди искусства являются истинным духовным авторитетом». Лансере полагал, что в деле эстетического обновления «Горький мог бы быть рычагом огромной

силы»; «он человек ясного ума и располагающий к себе своей искренностью»¹⁰.

Из посетителей литературного утра Горького открывали для себя тогда многие¹¹. Потянулся к нему и Иванов, решивший поддержать знакомство: возможное сотрудничество с Горьким сулило выход к более широкой читательской аудитории. Как видно из письма к Иванову М. Ф. Андреевой, он намеревался даже навестить Горького в Финляндии, куда тот был вынужден уехать в начале 1906 г. из-за угрозы полицейских преследований. Но тогда встреча не состоялась. «... Нам приходится уезжать еще дальше от Петербурга, — сообщила Андреева Иванову 15/28 января 1906 г. — Это тем более грустно, что Ваша первая денеша о приезде сюда доставила нам с Алексеем Максимовичем большое удовольствие!..»¹². Письмо это привез Иванову побывавший в Финляндии Чулков вместе с предложением взяться за переводы из Флобера (почитатель Флобера, Горький предполагал издать его произведения в «Знании», и Б. Зайцев уже начал тогда переводить для этой цели «Искушение святого Антония»¹³). «Г. И. Чулков вернулся. Спасибо за Ваш привет», — отвечал Иванов 16/29 января. — Платной работы, которая представляла бы в то же время внутренний интерес, я ищу, — недавно закончил перевод „Острова“ Байрона, — и потому за „Саламбо“, например, взялся бы охотно; смотрю на такой перевод как на привлекательный, хотя и трудный подвиг в области *стиля*, памятуя о тургеневских опытах передачи Флобера». Иванов кончал письмо словами надежды на продолжение сотрудничества¹⁴.

Горьковский ответ, пришедший с опозданием, настолько поинтересовался Иванову, что он, сняв с него копию (по-видимому, для пересылки жене, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал), приписал сверху: «Любопытное письмо М. Горького, которое симпатично его обрисовывает». Приводим с небольшими сокращениями этот не публиковавшийся текст:

«Дорогой Вячеслав Иванович, не отвечал долго потому, что все шляюсь с места на место, поглощая сердцем Финляндию. Влюбился в эту страну, где у людей какие-то янтарные сердца. Сошелся со здешними художниками и восхищен. Живу в угаре здоровых, ярких впечатлений (<...>). Знакомство с вами и вашим кружком для меня ценно и приятно, — тем более мне жаль, что мы встретились во время, которое не позволяет мне свободно располагать собою. Не желая попасть в тюрьму — учреждение уже хорошо знакомое мне, а потому не интересное, — не могу приехать в Петербург, да и здесь не в безопасности (<...>). Так я могу надеяться, что дело с переводом „Саламбо“ устроится между вами и Пятницким? Я, разумеется, написал ему об этом»¹⁵. (Сообщая Пятницкому, что Иванов берется за «Саламбо», Горький заметил: «Перевод будет сделан с любовью, я в этом не сомневаюсь»¹⁶.)

Сотрудничеству Иванова в «Знании» не было дано осуществиться: контакты с Горьким, не успев упрочиться, прекратились с его отъездом в Америку и вынужденной эмиграцией¹⁷. На стра-

ницах первого номера «Адской почты», вышедшего в начале мая 1906 г. в отсутствие Горького, писатели встретились заочно. В номере были помещены афоризмы Иегудиила Хламида, клеймившие карателей, лженародную Думу, либералов, а также сатирическая сказка «Мудрец». Иванов поместил стихотворение «Сивилла» — видение Медного всадника, скачущего по трупам. Протест против контрреволюционного террора, развязанного «каинным» самодержавием, звучал и в ивановском стихотворении «Язвы гвоздинные», появившемся во втором номере «Адской почты».

Ненависть к царизму, делавшая тогда борьбу против него всенародной, воодушевляла и Горького, и Иванова. Но отнюдь не отменяла глубоких различий в характере и масштабах деятельности «европейски знаменитого» автора «Матери» и «Врагов», агитатора революционной партии — и лидера элитарной литературной школы, который даже в «годину гнева» (как назовет он 1905 год в цикле своих антисамодержавных стихов) звал к ненасильственному преобразению жизни, достигаемому соборным единением «просвещенных сердец». Противоречие между сторонником революционного социализма и приверженцем одной из христиански-социалистических утопий было в условиях 1905 г. особенно явным. Настаивая на необходимости «сверхиндивидуальных», т. е. религиозных, ценностей как главного условия созидания цельной личности, Иванов противился любым доводам атеистического гуманизма. Он отрицал в этой связи даже антропологию весьма ценного им Ницше, в которой «сверхчеловек — только сверхсубъект», а заодно и горьковское понимание человека. «И что, как не тот же субъект — даже не сверхсубъект — „Человек“ М. Горького, этот единственный синтез объективации, на который способна новая русская душа этих времен религиозного и нравственного распада». Так писал Иванов в отзыве о повести Л. Андреева «Красный смех», в которой увидел, наряду с «жесточайшим из проклятий» войне, свидетельство беззащитности атеистического сознания перед ужасами реальности. «Мы бессильны снести не только войну, но и самую жизнь (см. «Дачников» Горького и весь репертуар чеховской «скуки») потому, что мы прежде всего и глубоко безверны», — заключал Иванов, уравнивая в угоду своему тезису о спасительности веры разнопорядковые социально-психологические и художественные явления¹⁸.

В отзыве о другом произведении Андреева — «Жизни Человека» — Иванов, сам того не зная, во многом совпал с Горьким. Главным недостатком «мистерии» Андреева Иванов считал отсутствие веры в «Человека», что лишило произведение, претендующее на богоборческий смысл, «Прометеева огня». Иванов даже писал об андреевской «клевете на Человека», если брать его «во всем диапазоне его человечества»¹⁹. Аналогичный упрек, только в менее резкой форме, делал андреевской «мистерии» и Горький: «Человек... вышел очень незначителен — ниже и слабее, чем он есть на самом деле в действительности», автор «лишил его трагизма»²⁰. Впоследствии, в воспоминаниях об Андрееве, Горький скажет, что

они «непримиримо расходились... во взгляде на человека»: «Андрееву человек представлялся духовно нищим», «все дела его „суета сует“, тлен и самообман. А главное — он раб смерти и всю жизнь ходит на цепи се». «Для меня человек всегда победитель, даже и смертельно раненный, умирающий»²¹. А в другой статье об Андрееве, наперекор его «космическому пессимизму», Горький утверждал, что «человечество нуждается в оптимистическом инструменте, который, несколько увеличивая красивое и доброе, несколько притемнял бы уродливое и злое»²². Стремление выдвигать «красивое и доброе» — всегдашняя тенденция Иванова, хотя его оптимизм имел принципиально иную, чем у Горького, — религиозную — природу.

В оценке поэмы «Человек» Иванов единственный раз приблизился к антигорьковской линии «Весов». В их многолетней кампании против демократической литературы он, за вычетом рецензии о «Красном смехе», не участвовал. Дело было не только в обыкновении «хоровожатого» русских символистов утверждать свое охотнее, чем опровергать чужое. Ивановская концепция «всемирного» (в которой сказались отзвуки юношеского сочувствия революционному подполью, генетическая верность присущим русской интеллигенции заветам гражданственности, интерес историка к общине, «важнейшие основания славянофильства»²³) исключала антидемократизм в духе Ницше или Мережковского. Смысл социально-этической утопии Иванова молодой Блок недаром увидел в том, чтобы «потонуть в народной душе»²⁴.

Проводезь интеграции и осуждение «уединенной» личности, прозвучавшие уже в его стихах конца века, собранных в книге «Кормчие звезды» (1903), Иванов развернул в статьях 1904—1906 гг. («Копье Афины», «О Шидлере», «Кризис индивидуализма», «О „Цыганах“ Пушкина» и др.). Печатавшиеся в «Весах», «Вопросах жизни», эти ивановские статьи в то время, по-видимому, не были известны Горькому, упоминаний их в его переписке нет; из произведений Иванова он мог читать тогда стихи сборника «Прозрачность»²⁵. Следить за русской прессой, в том числе за модернистскими изданиями, писатель смог, лишь обосновавшись на Капри.

Горьковские письма 1907—1908 гг. показывают, что произведения модернистов он воспринимал чаще всего отрицательно как явление субъективистского творчества. Не вникая в уже отмеченные критикой разногласия между декадентским эгоцентризмом символистов первой волны и исканиями «общественности» у зачинателей второй, Горький видел всех их индивидуалистами и писал, что литература для них — лишь средство «обратить внимание читателя на ничтожество и нищенство своего „я“, — которое они, мысленно, произносят всегда с большой буквы»²⁶. Возражая этому горьковскому мнению, Л. Андреев отстаивал более справедливую и дифференцированную оценку творчества символистов, выделяя тех среди них, которые «ищут» и «мыслят», а литературу «любят, может быть, даже больше, чем мы, — ибо утверждают ее

самоцельность, работают над нею неустанно...». Таковы для Андреева Блок, Сологуб и «даже этот холодный выдумщик и стихослагатель В. Иванов»²⁷. С некоторыми доводами Андреева Горький согласился, признав за символистами «любовь к слову» и «серьезную культурную заслугу» в обогащении языка и стиха²⁸. Но сути своего отношения не изменил. «Само собою разумеется, что в Брюсовых, Блоках, Ивановых многое прямо-таки чуждо мне, — писал Горький весной 1908 г., — но не слеп и не могу не видеть у них красоты, всем нам нужной, для всех — ценной, дорогой, редкой. О, черти, как хорошо они могли бы говорить, если б не болели этой изнуряющей болезнью — гипертрофией Я»²⁹.

Увлеченный тогда критикой антиобщественных настроений в социальной психологии и литературе (приведенное письмо относится ко времени работы над «Разрушением личности»), Горький запоздал, обличая индивидуализм Блока (в то время уже автора статей о народе и интеллигенции, пьесы «Песня судьбы») и даже Брюсова с его гражданственными стихами «о современности». Что же до Иванова, то проповедь коллективизма и осуждение «своеназначной и самодовлеющей» личности звучали у него настолько внятно, что причисление его к индивидуалистам можно было объяснить лишь незнакомством с его позицией. (Много лет спустя Горький скажет об ивановской приверженности идее «соборности», «хорового начала». См. ниже.)

В статьях Иванова 1904—1906 гг. и в горьковском «Разрушении личности» — при всем различии исходных мировоззренческих установок их авторов — есть нечто общее. Это, во-первых, опиравшееся на доводы эпоса и мифа представление об изначальной гармонии индивидуума и массы, когда, «творя личность, коллектив не нарушал в себе органического сознания единства своих сил», а «Я чувствовало себя вместилищем опыта племени», до тех пор, пока «стремление личности к абсолютной свободе необходимо поставило ее резко против ею же установленных традиций» (Горький, 29). Подобным образом характеризовал и Иванов эту фазу начальных прав еще не выделившейся из коллектива личности, когда была она еще «в гармонии с началом вселенским» и свобода еще не сделала «освободившегося отступником от целого»³⁰. Во-вторых, отпадение личности от породившего ее коллектива оценивалось и Горьким, и Ивановым как процесс регрессивный. Подобное представление легло в основу горьковского «Разрушения личности», где «разрушение» есть результат отъединения от целого. А в тексте «Перениски» Горький отчеркнул те строки XI письма Иванова, где «ложь нашей расчлененной и разбросанной культурной эпохи» была следствием «исконного греха „индивидуации“, которым отравлена вся историческая жизнь человечества — вся культура» (54).

Разумеется, представление о связи с обществом как о важнейшей нравственной норме не отменяло различий у обоих в понимании коллективизма: для Иванова он — явление религиозной

«соборности», для Горького — революционное, социалистическое единство. Эти различия — при общем программном антииндивидуализме обоих писателей — обусловили, например, их сближение и расхождение в оценке такого социального недуга русской современности периода реакции, как «эпидемия» самоубийств. Заслоном от нее обоим виделось обретаемое личностью «непреложное чувствование своей соподчиненности и связи со всей мировой жизнью» (Иванов³¹), все то, что делает «разнообразнее, глубже, шире связи человека с жизнью вселенского коллектива» (Горький³²). Но эта связь достигалась, по Иванову, силою «религиозной воли», по Горькому же — близостью к «мироощущению демократии». Так в своих стремлениях к «переделке всего человечества по новому штату» оба писателя нередко поднимали, говоря словами героя Достоевского, «те же вопросы, только с другого конца».

Отрицание разрушающего личность индивидуализма ради воскрешающего ее общественничества определило некоторые сходжения Горького и Иванова в эстетических взглядах. Обоих более всего вдохновляли те создания искусства, которые были почерпнуты из «сокровищницы коллективного творчества народа», ведь именно «его живой опыт в форме идей и символов организует художник» (Горький, 43). Подобные мысли многократно варьировал и Иванов, говоря о том, что «поэт обращается к символам, искони заложенным в его духе народом»³³. Оба писателя не раз упоминали при этом Италию эпохи Возрождения; тогда «искусство было делом народа и создавалось для народа», — заключал Горький, рассказывая о ликовании сограждан Чимабуэ, узнавших, что он завершил свою Мадонну (35). Иванов также ссылался на «эпохи Праксителя и Чимабуэ», когда народ был «судьей» их творений и «увенчивал их своим признанием»³⁴.

Критерий народности, непреложный для каждого из двух писателей (хотя у Горького он находился в полном согласии с его художественной практикой, а у Иванова же — в парадоксальном противоречии с ней), обусловил и их общее тяготение к монументальному искусству «большого стиля». Его вершины для обоих — Данте, Шекспир, Сервантес, Байрон, Шиллер, Гете; корни такого искусства — в прошлом, его новое торжество — в будущем. Иванов, констатируя начавшийся в пору освободительного подъема «кризис индивидуализма» в общественном сознании, стремился предугадать пути близящегося эстетического возрождения (в статьях 1904—1906 гг. «Поэт и чернь», «Предчувствия и предвестия», «О „веселом“ ремесле и умном веселии» и др.). Автор «Разрушения личности», писавшегося в годы реакции, сосредоточился на изображении симптомов упадка современной литературы как следствия регресса буржуазного сознания, его растущего «дробления». «Писатель — уже не зеркало мира, — констатировал Горький, — а маленький осколок; социальная амальгама стерта с него; валяясь в уличной пыли городов, он не в силах отразить своими изломами великую жизнь мира, и отражает обрывки уличной жизни, маленькие осколки разбитых душ» (68).

К подобному выводу Иванов придет тоже, когда напишет, осуждая приземленное поверхностное творчество: «Все то, что мечется в глаза, что оглушает на улице, вся муь и ненужная нестрота жизни, вся она . . . хлещет какою-то . . . печистой волной в берега поэзии, засоряет ее»³⁵. Бескрылый натурализм и субъективный импрессионизм, в которых Горький видел знаки упадка искусства, не раз осуждались и Ивановым. «В погоне за мгновениями, — писал он, — личность раздроблена и рассеяна . . . жизнь разрежена в ткань мимолетных видений», и художники ее — «пожиратели „мгновений“»³⁶. Творческий субъективизм, этот коррелят «раздробленного» сознания, Иванов энергично отвергал. Он не принимал «мелочности психологизма», «ничтожной возни личности с самою собой» и звал искусство снова обратиться к «монументальным линиям», стремиться «стать органом планетного сознания человечества»³⁷. Как видим, в эстетических «рго» и «contra» обоих писателей были некоторые немаловажные общие пункты.

Последовавшая за «Разрушением личности» повесть «Исповедь», в которой горьковский идеал коллективизма был окрашен влияниями «богостроительства», вызвала сочувственный отклик Иванова в его программной статье «О русской идее»³⁸. Считая, что мысль об «обращении к народу за богом или служении народу как некоему „богу“» ожила в интеллигентском сознании, Иванов связывал это явление «общественной совести» с итогами 1905 г., не разрешившего всех ее «жгучих противоречий». Своеобразное литературное неонародничество Блока и Белого, воскрешающих заветы и «запевы» Некрасова, Иванов при этом считал бесперспективным; ведь оба поэта «не ведают, по-видимому, ходов к народу, кроме приобщения к его отчаянию, и не ведают выхода для народа». Иную, «quasi-религиозную концепцию народничества» неожиданно дал, по мнению Иванова, «правовверный большевик Максим Горький»: он «завел речь в „Исповеди“ о народобожии». Движение социал-демократов «в сторону соборного чувствования», сказавшиеся, например, в книге Луначарского о религии, Иванов оценил как, «быть может, случайный уклон марксизма», зависимый от О. Конта и Фейербаха. Но, «как бы то ни было, Горький по-своему говорит то же, что мы слышали уже встарь: „. . . если ты бога ищешь, иди к народу и верь, во что он верует“». Только прежде думали, что народ богоносец, а Горький думает, что народ сам бог и верует в свою божественность». Иванов подчеркивал, однако, что «бог» в понимании Горького не есть «количественная совокупность» людей массы, а ее «соборное, творческое, сверхличное, единое Я». Именно навстречу ему идет часть современной интеллигенции: «„В соборной душе раствори и потеряй душу свою“, — учит Горький-народник, как мечтает народник-Блок». И хотя Иванов отделял от подобного «народничества» свою позицию, возникающую через приближение «к мистической реальности, а не к эмпирической действительности современного народного бытия», искания автора «Исповеди» приверженец «соборности» одобрял³⁹.

Как известно, круг идей «Исповеди» был исчерпан Горьким к началу 910-х годов; последний рецидив богостроительства В. И. Ленин осудил в горьковском ответе критикам его статьи «О карамазовщине»⁴⁰. Среди участников анкеты «Биржевых ведомостей», порицавших Горького за его выступление против инсценировки «Бесов» в Художественном театре, Иванова не было. Но его отношение к опыту Достоевского, заявленное к этому времени в ряде работ, принципиально отличалось от горьковского. Для Горького Достоевский — при всей неоднозначности оценок и настойчивых напоминаниях об антиреволюционном смысле его проповеди — великий социальный художник. Для Иванова Достоевский — писатель-мистик, шедший «от действительности к высшей действительности»; «реалистический символизм» Достоевского устремлен прежде всего к вопросам религии и морали⁴¹. Примечательно, что даже в анализе «Бесов» (которым посвящен специальный экскурс в работе «Достоевский и роман-трагедия», 1911) Иванов счел общественно-политическую тему, выдвигая как «основной миф» этого произведения древнее предание о Матери-Земле и противостоящих ей силах зла, всплывающее в темных пророчествах юродивой Хромоножки. Случалось, что в спорах 1913 г. точки зрения Горького и Иванова приводились как полярные. Ф. Степун, например, считая, что мысль Горького о «злом гении» неверна, ибо зло безбожно, а Достоевский глубоко религиозен, ссылаясь на характеристику его мистической концепции, данную Ивановым в работе «Достоевский и роман-трагедия». А обращение Художественного театра к «Карамазовым» и «Бесам» оправдывал ивановскими выводами о драматургической природе романов Достоевского с их «перенесением условий сцены в эпическое повествование»⁴².

Влияния Достоевского в публицистике Иванова были встречены Горьким осуждающе. В статьях 1914—1916 гг. («Славянская мировщина», «Вселенское дело», «Живое предание» и др.) вошли в книгу «Родное и вселенское», 1917, посвященную «вечной памяти Ф. М. Достоевского») Иванов называл себя «алёшинцем», ведя от героя «Карамазовых» свое национально-религиозное понимание идеала России. О подъеме подобных настроений в дни войны Горький писал В. Войтинскому в конце ноября 1914 г.: «Идут разговоры о духовном слиянии „Великой России“ со „Св. Русью“, о мистических началах национализма, о мессианизме третьего Рима, о том, что Русь — носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации». И продолжал, имея в виду публицистику «Утра России» и «Биржевых ведомостей»: «Общественное мнение создают именно эти органы при помощи языков и перьев Вяч. Иванова, Булгакова, Эрна, Л. Андреева, Струве и прочих, имя же их — легион. Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники. Противно, как в помойной яме»⁴³.

Вместе с тем от многих ревнителей национализма Иванова отличало отсутствие шовинистических взглядов. Поэт не раз под-

черкивал, что его «вера в святую Русь», т. е. в Россию идеальную, лишена «национального надмения» и отнюдь «не исключает чужих святынь». Одной из «коварнейших и вреднейших доктрин нашего времени» виделась Иванову «идеология духовного антисемитизма». Так писал он в статье 1915 г. «К идеологии еврейского вопроса», напечатанной в сборнике «Щит», одним из инициаторов издания которого был Горький. В 1916—1917 гг. Иванов участвовал и в другом интернационалистском начинании Горького — в сборниках армянской, латышской и финской литератур, вышедших в издательстве «Парус». В каждом из них появились сделанные Ивановым переводы стихотворений О. Туманяна, Аусеклиса (М. Кругземиса), Аспазии (Э. Розенберг-Райнис), О. Машиннена. Работа с прежде неизвестным своеобразным материалом сообщила поэтической речи Иванова новые краски, способствовала тому движению к простоте формы, которое станет одной из тенденций его позднего творчества.

Из переписки Горького первых послеоктябрьских лет выясняется факт его содействия печатанию ивановской трагедии «Прометей». Переданная Ивановым издательству «Алконост» в начале 1919 г., она попала в список книг, приостановленных производством в силу распоряжения комиссара по печати Лисовского; участь ивановской пьесы разделили тогда рассказы и статьи А. Белого, Ремизова, Эрберга, а также вторая книга журнала «Записки мечтателей». Горький указал Лисовскому на то, что произведения, запрещенные им к выпуску, важны «как попытка группы литераторов разобраться в ее отношении к действительности», и подчеркнул особую ценность появления книг для серьезного чтения, ибо «агитационная литература не может исчерпать всех возможностей духа»⁴⁴.

Тема ивановской трагедии, издание которой поддержал Горький, отвечала его всегдашнему интересу к истории о мифическом богоборце, в чьем «грандиозном образе» «народ вскрывает свои великие цели и сознание своего равенства богам» (29). Но, по Иванову, судьба Прометея — это «трагедия титанического начала как первородного греха человеческой свободы»⁴⁵. Удел похитителя огня — «саморасточение, самоопустошение, самонисчерпание»; в его облике Ивановым было подчеркнуто не только героическое, но и страдальческое, жертвенно-искупительное. Принять ивановского «Прометея», это «каноническое творение для символического религиозного театра»⁴⁶, Горький вряд ли мог. Но он вступился за автора ради утверждения права писателя на свободу исканий, ради признания принципа многообразия духовного творчества. Книга Иванова, как и произведения названных выше авторов, была издана «Алконостом» в том же 1919 г.

2

Общению Горького с Ивановым суждено было продолжиться за рубежом. «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! — писал Иванов 25 сентября 1924 г. — Счастлив послать

привет из Рима в Сорренто: ведь мы оба любим Италию». Делясь своими планами, Иванов сетовал на возникшие для него трудности с печатанием произведений и надеялся на поддержку Горького. «... Ни за что не желая участвовать в изданиях, политически враждебных Советской власти, вижу, что ничего для меня подходящего нет — кроме Вашей „Беседы“ и „Эпохи“, по-видимому очень сокращающих свой круг деятельности»⁴⁷. Тогда же Иванов по совету издателя журнала «Беседа» С. Кавлуна, с которым он незадолго до того виделся в Берлине⁴⁸, направил Горькому рукопись своей «музыкальной трагикомедии» в стихах, написанной незадолго до отъезда в Италию. Хотя эта пьеса («Любовь-мираж»⁴⁹) была ему возвращена, поэт не оставлял мысли об участии в горьковском журнале. Цикл стихов, посланный Ивановым Горькому 16 октября 1924 г., тоже не был принят. Текстом горьковского письма мы не располагаем, но о мотивах отказа можем судить по ответу Иванова. «Отказавшись напечатать первый цикл в книге, впервые допускаемой в Россию, — писал Иванов, — Вы были, конечно, совершенно правы по неопровержимым „тактическим соображениям“ (<...>). А указанные Вами мотивы Вашей особой взыскательности и, признаюсь, неожиданное для меня общее суждение о моей литературной деятельности — во много раз для меня ценнее, чем устройство моей пьесы-шутки в Вашем журнале. И спасибо, что Вы говорите со мной с той простотой, какой именно я ожидал от Вас»⁵⁰.

Сказанное помогает понять обстоятельства возникновения одного из лучших произведений позднего Иванова, его «Римских сонетов»; их появлению — невольно или намеренно — способствовал Горький. Отвергнутый цикл Иванова составили, возможно, те стихотворения круга «Песен смутного времени», печатавшихся в конце 1917 — начале 1918 г. в журнале Г. Чулкова «Народоправство», которые могли не увидеть света из-за прекращения этого издания. В «Песнях» слышались надежды на очищающую силу революционных событий («Может быть, эти лютые дни Человечней пред богом они, Чем бывшее с его благочинной И бесчестья, и злобы личиной»). Но преобладали в них, как и в других материалах чулковского еженедельника, «либерально-христианские сетоования перед лицом красного террора и воинствующего атеизма»⁵¹. После горьковского отказа Иванов, как видно из его письма, счел неуместной публикацию посланных стихов. Но Горький не исключал участия поэта в своем журнале. Он ли посоветовал Иванову взять, в духе его интересов, тему из истории культуры, выбрал ли ее сам поэт, мы не знаем. Но следующим произведением, отправленным им 25 ноября 1924 г. Горькому для «Беседы», явились семь сонетов о Риме; их чеканные строфы запечатлели облик «вечного города», его фонтаны и статуи, улицы и площади, помнившие Лоренцо Медичи, Пиранези, Гоголя.

Сонеты понравились Горькому. «Дорогой Вячеслав Иванович, — писал он, — прекрасные стихи Ваши получил, примите мою сердечнейшую благодарность, Мастер!»⁵². Одновременно поэт

узнал и мнение близкого в ту пору к Горькому Вл. Ходасевича, отметившего «высокое и скромное, некрикливое мастерство» ивановских картин⁵³. Сообщая Иванову, что его «сотрудничество как прозаика для „Беседы“, конечно, желательно и было бы принято с величайшей радостью», Горький просил дать журналу статью о современной поэзии. Ссылаясь на недостаточное знакомство с ней, Иванов эту просьбу отклонил. Вместе с письмом от 10 декабря 1924 г. он отправил последние два из «Римских сонетов» и предложил «Беседе» этюд об «Идиоте» Достоевского, а также «некоторые размышления и толкования к Пушкину»⁵⁴. Горький сразу согласился. «Очень прошу Вас прислать статью об „Идиоте“, — писал он Иванову 12 декабря, — было бы хорошо поместить ее в „7-й“ книге, статья не очень велика? А для 8-й о Пушкине, если Вы не против?». В этом же письме сообщалось, что «Римские сонеты» «отправлены в редакцию „Беседы“»⁵⁵. Иванов держал корректуры, даже получил гонорар. Но сонеты, как и статьи о Пушкине и Достоевском, напечатаны не были; издание «Беседы» после № 6/7 прекратилось.

В конце августа—начале сентября 1925 г. Иванов гостил несколько дней у Горького в Сорренто. В римском архиве поэта сохранилось его письмо из Сорренто к детям, Лидии и Дмитрию, написанное 28 августа 1925 г. и полное живых впечатлений встречи:

«...С террасы Горького нас завидели. Я сейчас же пошел к нему, встретил он меня очень сердечно и оставил у себя обедать. После виски был подан борщ. Сразу же коснулись вопроса о журнале. Ему предложили из Советской России издавать на государственный счет журнал, который составляться будет им за границей, а печататься в России. Он ответил согласием при условии, что ему будет предоставлена безусловная свобода, что цензуры над ним не будет. Ответ еще не получен. При этом Горький заявил мне, что, допустив своеволие, за которое извиняется, он поставил, между прочим, условие, что редактором отдела поэзии должен быть Вячеслав Иванов. Я ответил, что прошу его на этом условии отнюдь не настаивать, тем более что я еще не уверен, что могу принять на себя это трудное по тактическим причинам дело, и даже если бы принял, не хочу нести один эту ответственность, а непременно с ним вместе, так что я был бы скорее его советником и предоставлял бы ему окончательные решения, — на что он ответил: „Благодарю Вас“. В тот же вечер мы успели поговорить кое о чем важном и принципиальном, в большом согласии, и, кроме того, по моему настоянию, состоялось необычное в его доме дело: он читал свои вещи, а именно повесть „Тараканы“ („О тараканах“. — *И. К.*), которая потом обсуждалась. Это было в четверг, а вчера, в пятницу, была прочтена „Безответная любовь“ („Рассказ о безответной любви“. — *И. К.*), сегодня, ибо я кончаю письмо по возвращении от него, в два часа ночи, — „Голубая жизнь“.

Впрочем, за поздним часом, умолкаю. Мы гармонизуем больше, чем я ожидал. Он, вопреки моим ожиданиям, совсем моложав, без

седых волос, с рыжими усами, высокий, тонкий, чрезвычайно скромный, — уверяет, что учится писать, ибо еще не умеет, — ни следа старости или размяклости, сердечно вдумчив, — часто глубок, похож по душевной проработке и просветленности на человека христианского подвига. . . »⁵⁶

Вернувшись в Рим, Иванов вспоминал «несравненную сердечность и теплоту», с которой его «приняли и обласкали». «Эта неделя очень многое дала мне и никогда не забудется, — писал он Горькому, — но самый главный дар ее — глубокое познание Вас как человека, как мыслителя и как художника»; поэт благодарил за «духовное гостеприимство», за «сочувственное взаимопонимание в сферах, где найти общий с Вами язык и общую почву было для меня уже нечаянною радостью»⁵⁷.

На эти изъяснения чувств и на присланную Ивановым его книгу («Дионис и прадионисийство», Баку, 1923; издание сохранилось в горьковской библиотеке⁵⁸) Горький ответил 15 сентября 1925 г.: «Встреча и беседа с Вами останутся незабвенными для меня. Пусть многое в духе Вашем не приемлемо для меня, но я умею любоваться ходом мысли, даже и чуждым мне. Позвольте еще раз сердечно благодарить за доброе Ваше отношение ко мне и крепко позжать Вашу руку, руку поэта и мыслителя»⁵⁹. В таком контексте трудно объяснить неприязненно-иронический тон горьковской заметки об Иванове, сделанной, по-видимому, вскоре после отъезда поэта из Сорренто⁶⁰. Ивановские похвалы, порой избыточные в духе присущей ему велеречивости (которую он сам звал в шутку «вячеславизмом»), Горькому показались «чрезмерными», остроумие недостаточным, раздражило суждение о «потемкинских деревнях» в новой России, сделанное, как заметил Горький, «по эмигрантскому канону»; досталось даже внешности Иванова.

Контраст между «разоблачительностью» этой зарисовки и дружелюбным тоном горьковских писем к поэту (весьма критический характер имеет и близкая по времени заметка об А. Белом, чью индивидуальность, как известно, Горький высоко ценил) допускает, по-видимому, лишь одно объяснение. Заметка об Иванове написана рукой автора «Самгина» (осенью 1925 г. писание романа уже было в разгаре), и в ней дан не столько портрет реального лица, сколько сделанный «со стороны» набросок некоего персонажа. В горьковском письме упоминается о «неприемлемом» в ивановском мире, но это не отменяет уважения к поэту-ученому; в заметке же видно лишь размежевание с ним. Здесь и упрек ивановскому «Дионису», в котором автор «выворачивает Ницше наизнанку», здесь и скептическое отношение к «антропомонизму». Эту возникшую у Иванова еще в годы войны идею изначального единства человечества вопреки различиям наций и рас Горький недооценил в ее социальной тенденции, счел параллелью «гипотезе биологов о единой клетке, праматери всего живого». В то время как девиз «Человек един», почерпнутый у гностиков и индийских философов, вобравший мысли Вл. Соловьева и Н. Федорова, приобрел в утопии Иванова общественно-преобразующий

смысл: сознание того, «что все мы единый Адам . . . улучшит людей и усмирит человеческие страсти»⁶¹. Горький укоризненно отмечает, что Иванов, «видимо, уже забыл» «многое из своих мыслей о „соборности“, хоровом начале». Но ивановская проповедь «единого Адама» имела все те же «интеграционные» цели.

После поездки в Сорренто Иванов надеялся на продолжение сотрудничества и был огорчен, узнав о горьковском намерении отречься «от всех литературных дел». В начале 1926 г. Горький сообщил Иванову, что интересовавшее обоих предприятие по выпуску научной литературы не осуществится: «Частное издательство, на которое я рассчитывал, повисло в воздухе. . .»⁶². С этих пор переписка иссякает; Иванов нарушил молчание лишь по случаю 60-летия Горького; поздравив его с большой датой «благородной и плодотворной жизни», поэт выражал надежду на то, что не оскудеет горьковский «творческий и взыскующий дух»⁶³.

Последний эпизод в отношениях писателей говорит об участии Горького в судьбе Иванова, переживавшего тогда полосу денежных затруднений и тревог в связи с болезнью сына. В письмах от 15 и 20 декабря 1928 г. поэт, продолжавший научную и переводческую работу для ГАХН и Госиздата, просил Горького подтвердить в ЦЕКУБУ необходимость «продлить некоторое материальное обеспечение» и содействовать привлечению его к работе над переводами Данте⁶⁴. Именно в этой связи Горький обратился в начале 1929 г. к П. Когану, в то время руководителю ГАХН, напоминая о парадоксальной и драматической ситуации Иванова за рубежом и о необходимости ему помочь: «В⟨ячеслава⟩ И⟨вановича⟩ особенно следовало бы поддержать здесь, он ведь в исключительной позиции: „русский, советский профессор, с красным (!) наспортом читает итальянским профессорам лекции по литературе“. Анекдот „исторический“. Кстати, у него есть большая работа об Эсхиле, — Академия не могла бы издать?»⁶⁵. Более чем 20-летние отношения Горького с Ивановым завершались той же нотой, с которой и начались, — нотой внимания к писателю, во многом далекому, чья деятельность осознавалась, однако, как ценное явление культуры.

⁶¹ Музей-квартира Горького в Москве, 19/4—17; Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. М., 1981. Кн. 1. С. 179. Далее: Описание. Некоторые из помет приведены в кн.: *Островская С.* Рукой Горького. М., 1985.

⁶² *Иванов Вяч., Гершензон М. О.* Переписка из двух углов. Изд.: Алконост. С. 13. Далее страницы даны в тексте.

⁶³ Горький — М. Пришвину 15 мая 1927 г. // Лит. наследство. Т. 70. М., 1963. С. 346.

⁶⁴ Мечтая, окунувшись в Лету, забыть «о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии и выйти на берег вагим, как первый человек» (11), Гершензон писал: «Мне мерещится, как Руссо, какое-то блаженное состояние — полной свободы и ненагруженности духа. . .» (16). Горький выделил данное суждение на с. 16, а далее отчеркнул возражение Иванова против этой панацеи анархического бегства и невзвозданности: «. . .вольная воля. . . оказалась бы, в конце нового ряда походов, безвыходною тюрьмой» (28).

⁶⁵ *Горький М.* Разрушение личности (1908) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 38—39. Далее страницы указываются в тексте.

- ⁶ Горький М. Леонид Андреев (1919) // Цит. по кн.: Лит. наследство. Т. 72. М., 1965. С. 373.
- ⁷ Среди максим Гершензона о «тирании» явлений культуры, утративших изначальную «правдивость» и превратившихся в «фетиши», Горький подчеркнул следующую: «Наполеон-император и картина на музейном троне — равно деспоты» (35).
- ⁸ Иванов Вяч. Выступление на заседании Наркомпроса (1919) // ОР ГБЛ. Ф. 109. Оп. 5. Ед. хр. 9. Л. 3.
- ⁹ См.: Карасик З. М. Горький и сатирические журналы «Жунал» и «Алская почта» // М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., 1957.
- ¹⁰ Е. Лансере — А. Бенуа, 5 января 1906 г. // ОР ГРМ. Ф. 137. Ед. хр. 519. Л. 2. Частично опубликовано в ст.: Карасик З. Указ. соч. С. 383.
- ¹¹ И. Э. Грабарь писал, например, после посещения в Куоккале литераторов и художников летом 1905 г.: «Горький всех очаровал. Непонимаете, до того неожиданно другой человек, чем мы все раньше думали...» (Грабарь И. Письма, 1891—1917 гг. М., 1974. С. 163). Известно суждение Блока, писавшего после «утра» у Иванова: «Сегодня из всего многолюдного собрания мне понравился только Максим Горький, простой, кроткий, честный и грустный» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8. С. 147).
- ¹² ОР ГБЛ. Ф. 109. Оп. 11. Ед. хр. 31.
- ¹³ Горький — К. П. Пятницкому, январь 1906 г. // Архив Горького. М., 1954. Т. 4. С. 195.
- ¹⁴ АГ КГ-п 30-2-1. Л. 1.
- ¹⁵ Копия рукой Иванова письма к нему Горького (конец января — начало февраля 1906 г.) // ОР ГБЛ 109-8-45.
- ¹⁶ Архив Горького. Т. 4. С. 195.
- ¹⁷ В библиотеке Горького сохранилась книга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (СПб.: Оры, 1907) с дарственной надписью: «Максиму Горькому на добрую память и в знак почитания. Автор». (Описание. С. 75.) По-видимому, посылая книгу на Капри, Ивановы надеялись продолжить отношения с Горьким.
- ¹⁸ Иванов Вяч. О «Красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. № 3. С. 45—46.
- ¹⁹ Иванов Вяч. Опять о «богоборстве» Л. Андреева (1907) // Лит. наследство. Т. 85. М., 1976. С. 499.
- ²⁰ Горький — Л. Андрееву, конец октября 1906 г. // Там же. Т. 72. С. 278.
- ²¹ Там же. С. 373.
- ²² Горький М. О творчестве Леонида Андреева. «Сашка Жегулев» (1925) // Там же. С. 402, 403.
- ²³ См.: Аверинцев С. Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
- ²⁴ Блок А. Творчество Вячеслава Иванова (1905) // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 18.
- ²⁵ Экземпляр «Прозрачности» (М.: Скорпион, 1904), сохранившийся в библиотеке Горького, имеет ряд его помет, которые выявляют особенности ивановской лексики и словоупотребления // Музей-квартира Горького в Москве, 16/3-38; Описание. С. 152.
- ²⁶ Горький — Л. Андрееву, конец июля 1907 г. // Лит. наследство. Т. 72. С. 288.
- ²⁷ Л. Андреев — Горькому (1907) // Там же. С. 292.
- ²⁸ Там же. С. 297.
- ²⁹ Горький — С. Кондурушкину, 20 марта 1908 // Лит. наследство. Т. 95. М., 1988. С. 953.
- ³⁰ Иванов Вяч. Кризис индивидуализма (1905) // Цит. по кн.: Иванов Вяч. По звездам. СПб.: Оры, 1909. С. 90.
- ³¹ Иванов Вяч. Анкета о самоубийствах // ОР ГБЛ 109-8-26. Частично опубликовано в Биржевые ведомости. 1912. № 12913. Веч. вып., 30 апр.
- ³² Горький М. Иадалека. Ст. V // Запросы жизни. 1912. № 27. 6 июля. С. 1579.
- ³³ Весы. 1904. № 10. С. 12.
- ³⁴ ОР ГБЛ 109-5-9. Л. 1 об.
- ³⁵ Иванов Вяч. Будущее поэзии (1920) // ОР ГБЛ 109-5-2. Л. 7.
- ³⁶ Иванов Вяч. По звездам. С. 96.

- ³⁷ ОР ГБЛ 109-5-2. Л. 9.
- ³⁸ См.: Золотое руно. 1909. № 1, 2/3.
- ³⁹ Там же. № 1. С. 89—90, 88. «Богостроители», напротив, стремились отмежеваться от ивановского религиозного коллективизма, считая его враждебным собственному. Об этом писал Горькому 3 февраля 1909 г. В. Руднев-Базаров (весьма неточно представлявший себе позицию Иванова. См.: АГ КГн 67-1-9). Церковники считали равно еретическими любые проявления мистического народничества; имена Горького и Вяч. Иванова стояли рядом в списке «безбожных писателей», которых епископ Гермоген на миссионерском съезде в Казани осенью 1910 г. потребовал у Синода отлучить от церкви. См.: Речь. 1910. 6 окт.
- ⁴⁰ См.: В. И. Ленин — Горькому, середина ноября 1913 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 226.
- ⁴¹ Из записки выступления Вяч. Иванова о Достоевском и Ницше // ОР ГБЛ 109-5-29.
- ⁴² Степун Ф. О «Бесах» Достоевского и письмах Максима Горького // Север. зап. 1913. Кн. XII. С. 124, 136.
- ⁴³ Горький — В. Войтинскому, 30 нояб. 1914 // Лит. наследство. Т. 95. С. 926.
- ⁴⁴ Горький — Лисовскому, 9 июля 1919 г. // АГ ИГ-рл 23-57-2.
- ⁴⁵ Иванов Вяч. Прометей. Пг.: Алконост, 1919. С. VII.
- ⁴⁶ Герасимов Ю. Драматургия символизма // История русской драматургии: Вторая половина XIX—начало XX в. (до 1917). Л., 1987. С. 595.
- ⁴⁷ АГ. КГ-н 30-2-2.
- ⁴⁸ См.: С. Каплун — Горькому, 19 сентября 1924 г. // АГ. КГ-н 34-7-20.
- ⁴⁹ Текст письма недавно обнаружен в фонде М. О. Гершензона (ЦГАЛИ) М. Л. Гаспаровым, которому приношу свою благодарность за сообщение об этой находке.
- ⁵⁰ Вяч. Иванов — Горькому, 25 ноября 1924 г. // АГ. КГ-н 30-2-4.
- ⁵¹ Аверинцев С. Указ. соч. С. 54.
- ⁵² Горький — Вяч. Иванову, 29 ноября 1924 г. // Архив Вяч. Иванова (Рим); текст письма сообщен мне сыном поэта Д. В. Ивановым, которому приношу свою благодарность. Горьковскую похвалу Иванов переписал 1 декабря 1924 г. в дневник, добавив, что признателен Горькому за «нравственную поддержку». См.: Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 851.
- ⁵³ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 3. С. 849.
- ⁵⁴ АГ. КГ-н 30-2-6.
- ⁵⁵ Горький — Вяч. Иванову, 12 декабря 1924 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 4.
- ⁵⁶ Цит. по: *Иванова Л.* Воспоминания / Публ. Д. В. Иванова // Альм. «Минувшее», Париж, 1987. Кн. 3. С. 56—57.
- ⁵⁷ Вяч. Иванов — Горькому, 4 сентября 1925 г. // АГ КГ-н 30-2-11. Об этой встрече см. также в воспоминаниях П. Маркова // Театр. 1959. № 6. С. 134.
- ⁵⁸ Музей-квартира Горького в Москве, 35/2-38; Описание. С. 323.
- ⁵⁹ Архив Вяч. Иванова (Рим). Текст письма сообщен мне Д. В. Ивановым.
- ⁶⁰ См.: *Горький М.* Вячесла(ав) И(ванович) Иванов // Архив Горького. М., 1957. Т. 6.
- ⁶¹ *Иванов Вяч.* Кручи: (О кризисе гуманизма) // Зап. мечтателей. 1919. № 1. С. 115.
- ⁶² Горький — Вяч. Иванову, 12 января 1926 г. АГ (из новых поступлений).
- ⁶³ Вяч. Иванов — Горькому, 30 марта 1928 г. // АГ КГ-н 30-2-19.
- ⁶⁴ Вяч. Иванов — Горькому // АГ КГ-н 30-2-7 и 30-2-12. Эти два письма ошибочно датированы Ивановым «XII—1929»; надо — «XII—1928».
- ⁶⁵ Горький — П. Когану (7 марта 1929) // Лит. наследство. Т. 70. С. 213.

М. ГОРЬКИЙ И Ф. СОЛОГУБ

(К истории отношений)

28 декабря 1932 г. и. о. заведующего издательством «ACADEMIA» И. Е. Гершензон обратился к А. М. Горькому со следующим письмом: «В нашем плане имеется книга Сологуба „Мелкий бес“. Книга эта подготовлена к печати сотрудниками института Русской литературы Академии наук, которые включили в текст, в виде дополнения, неизданные варианты „Мелкого беса“, в том числе главу „С. Тургенев и Шарик“. Люди, сведущие в этом деле, полагают, что писатель Шарик — это памфлет на Вас, и потому мы считаем необходимым, прежде чем публиковать эту главу, познакомиться Вас с материалом, а также с небольшой вступительной статьей, написанной по этому поводу А. Л. Дымшицем, чтобы знать Ваше мнение о том, стоит ли включать в книгу этот материал.

Это не только предложение издательства „ACADEMIA“, но и неперемнное условие Института Русской литературы, который без Вашего согласия не позволяет нам печатать эту главу.

Просим написать нам по этому поводу Ваше мнение, если можно, поскорее, так как книга уже предназначена для печати.

Текст главы и статьи к ней одновременно высылаем»¹.

Ознакомившись с присланными материалами², 7 января 1933 г. Горький ответил известным письмом в издательство «ACADEMIA»: «Против включения главы „С. Тургенев и Шарик“ . . . я, конечно, ничего не имею. Однако мне кажется, что „сказку“ „Смертяшкин“ обязательно следовало бы включить целиком в статью Дымшица»³. Напомним, что далее он коротко рассказал об отношениях с Сологубом в дореволюционные годы. В этих итоговых по времени написания воспоминаниях Сологуб предстает не столько бывшим идейным противником, сколько несимпатичным Горькому человеком, с которым он почти не контактировал. Между тем противостояние Горького Сологубу как другому полюсу русской литературы XX в. изучено давно и фундаментально. Как бы аксиомой стал вывод, что Горький, наряду с резкой критикой «сологубовщины», т. е. свойственных творчеству Сологуба крайнего индивидуализма, эстетизации зла, пессимизма и др., высоко ценил поэтическое мастерство этого писателя. В изложении их личных отношений Горький также сделал «кушюры». В предлагаемой работе предпринята попытка дополнить рассказанное Горьким с помощью неопубликованных материалов, преимущественно из его архива. Документы из архива Сологуба, выявленные А. Л. Дымшицем в процессе подготовки издания «Мелкого беса» в «ACADEMIA», приводятся по его статьям, не вошедшим в книгу.

Уезжая 4 января 1906 г. на дачу в Финляндию, в Иматру, Горький не знал, что вернется в Россию очень нескоро. Как известно, решение ехать за границу окончательно созрело после

встречи с В. И. Лениным, состоявшейся в Гельсингфорсе не позднее 23 января. В России среди прочих незавершенных дел оставалось одно из самых любимых горьковских начинаний — издательство «Знание». Его Горький оставлял на К. П. Пятницкого. «Такая масса дела, — писал он Е. П. Пешковой в начале февраля, — отъезд не ожидаю мной, — что я дни и ночи сижу и пишу письма, говорю с К. П. и т. д.»⁴ Видимо, именно в те горячие дни и был написан недатированный ответ на несохранившееся письмо Сологуба:

«Уважаемый Федор Кузьмич!

Я лишен возможности отозваться на Ваше предложение так, как хотелось бы. Дело в том, что я уезжаю из России и, вероятно, надолго. Все дела по „Знанию“ переходят в полное и исключительное ведение К. П. Пятницкого, к нему я и прошу Вас обратиться.

Я предупреждаю его о Вашем предложении, но боюсь, что он не возьмется за издание ввиду обилия возложенной на него работы.

Спасибо Вам за то, что дали мне возможность прочитать Ваш роман.

Жму руку Вану и кланяюсь В. И. Иванову, его супруге, а также всем, кого видел у В. И.

А. Пешков»⁵.

По всей вероятности, в письме идет речь о «Мелком бесе», о всеми забытой попытке Сологуба издать роман.

Горький рассказал «ACADEMIA», что Сологуб присылал ему «оттиски „Мелкого беса“, — кажется, из „Вопросов жизни“, причем — первый оттиск с надписью, весьма лестной для меня». Захватить в Иматру «оттиски романа Сологуба, присланные для меня на днях»⁶, он просил Пятницкого 24 или 25 января 1906 г. Они у Горького не сохранились, однако он мог прочитать только первые 23 главы «Мелкого беса», опубликованные в № 6—11 «Вопросов жизни» за 1905 г. На этом публикация романа оборвалась — из-за стесненного материального положения журнала, как известили автора. Попытки обеспечить его отдельное издание, предпринятые Сологубом заблаговременно, успеха не имели. Так, безрезультатным оказалось обращение в «Скорпион» к С. А. Полякову, которому Сологуб писал 22 октября 1905 г.: «В настоящее время в „Вопросах жизни“ печатается мой роман „Мелкий бес“. Потом я желал бы издать его отдельной книжкой. Т. к. Скорпион уже напечатал мои две книги, то мне было бы приятно, если б Вы взяли на себя и это издание»⁷. В связи с прекращением журнальной публикации «Мелкого беса» желание Сологуба выпустить его отдельной книжкой превратилось в насущную потребность. Автор читал роман вслух у себя дома⁸ и искал издателя. В январе 1906 г. он предложил его Горькому. Полученный ответ Сологуб правильно понял как вежливый отказ и Пятницкому писать не стал.

Может показаться, что Сологуб постучался в дверь чуждого ему «Знания» от отчаяния. Однако к Горькому он обратился раньше, чем к некоторым близким ему по направлению издателям. Так, отказ С. А. Соколова от «удовольствия видеть „Мелкий бес“ напечатанным в „Грифе“» помечен 1 марта 1906 г.⁹ Это свидетельствует об обдуманности его предложения Горькому.

На рубеже 1905—1906 гг. Горький предпринял попытку консолидировать силы русского искусства на основе общедемократических традиций. Накануне отъезда в Финляндию Горький присутствовал на многолюдном «литературном утре» у Вяч. Иванова. Судя по приведенному письму Горького, Сологуб был среди участников встречи. Был там и Е. Е. Лансере, через день изложивший свои впечатления в подробном письме А. Н. Бенуа. Оно интересно, в частности, тем, как деятели нереалистического искусства представляли себе сотрудничество с Горьким. «И я совершенно не понимаю, — писал он, уговаривая Бенуа принять сторону социалистов, — в чем тебе, например, мешала бы совесть примыкать к левым. И я вовсе не стою за непременно крайних, за баррикады и т. п. Это, конечно, не наше дело. Но, с другой стороны, не нужно думать, что нападать на самодержавие и буржуазию то же теперь, что лягать издыхающего льва. Еще общество и Россия полны и „Боже, царя храни“, и проч. хамством. Ведь ты проповедник, и вот хотелось бы, чтобы ты внес и направил бы этих людей партии по пути культурности и искусства. Например, Горький мог бы быть рычагом громадной силы. Он легко поддается, как говорят, влиянию. И он человек ясного ума и располагающий к себе своею искренностью — так нам, художникам, Добужинскому, Билибину, мне, раньше — Грабарю, да, кажется, и <прзб> и Баксту он очень понравился. И он как будто готов идти навстречу. Так, на собраниях „Жупела“ он всегда отстаивает „чистое искусство“. . . Вот что недавно говорил Горький: „В России, столь бедной во всех отношениях, единственные посетители культуры суть люди искусства (т. е. и словесность, и пластика); в России нет прочных традиций, ни прошлого, ни настоящего, ни права, и поэтому люди искусства являются истинным духовным авторитетным правительством страны“ и что „художник, только оставаясь самим собою, сохраняет свою силу и пользу“. Это им говорилось на собрании у В. Иванова при обсуждении соединения предпологаемого театров Факелов и Жупела»¹⁰.

Для переговоров по смежному вопросу Г. Чулков и Вс. Мейерхольд во вторую неделю января поехали в Иматру¹¹. Их визит датируется по сопоставлению с письмом Вяч. Иванова Горькому 16 января: «Г. И. Чулков вернулся. Спасибо за Ваш привет. Телеграммы Вашей (об отсылке которой говорит Чулков, хотя и неуверенно) я не получил. — Платной работы, которая представляла бы в то же время внутренний интерес, я ищу. . . и потому за „Саламбо“, например, взялся бы охотно. . . В надежде на поддержание дальнейших с Вами отношений остаюсь глубоко уважающий Вас Вяч. Иванов»¹². Кстати, об этом предложении Горький уведомлял Пятницкого в том же письме, в котором просил захватить оттиски, присланные Сологубом¹³. Последний решил обратиться со своим предложением к Горькому, учитывая сложившуюся благоприятную ситуацию. Однако, как видно, Горький и до спора с Л. Андреевым считал, что «Сологуб — фигура лишняя в сборниках „Знания“»¹⁴.

Горький всю жизнь считал его «талантливейшим выразителем пессимистического мировоззрения»¹⁵. По существу, эта оценка была им сделана еще в 1896 г. в рецензии на первую книгу стихов Сологуба. Отметив его художественное мастерство, Горький подчеркнул в его творчестве то, что объединяло поэта с некоторыми другими писателями: «Пессимизм и полное безучастие к действительности, страстный порыв куда-то вверх, в небо, и сознание своего бессилия, явно ощущаемое отсутствие святого духа в сердцах их — вот основные ноты и темы нашей новой поэзии»¹⁶. Между прочим, появлению этой рецензии предшествовало одно любопытное обстоятельство: рассматриваемую в ней книгу Горький получил от автора¹⁷.

Спустя десять лет, в лекциях слушателям «каприйской школы» Горький говорил о творчестве Сологуба как о реакционном явлении¹⁸. Его роман «Творимая легенда» (ч. 1 — «Навыи чары») он воспринял как оскорбление социал-демократии и был возмущен настолько, что отказался считать издавший его «Шинювник» «приличным» издательством¹⁹. Декабрьские 1907 г. письма Горького А. В. Луначарскому свидетельствуют, насколько острой была его первая реакция на это произведение²⁰. Содержащиеся в них отзывы о Сологубе по резкости выражений намного превосходят его негативные характеристики, обильно рассыпанные в дореволюционной переписке Горького. Бывало, что он употреблял имя «Сологуб» в значении собирательного или даже нарицательного. К примеру: «Хожу я с утра до вечера по широким тропам огромного кладбища, именуемого Париж, и веду тихие беседы с покойниками, совсем Сологубом чувствуя себя»²¹. В этом имени для Горького как бы олицетворялась неприемлемая психология творчества, породившая многообразные явления «упадка» русской литературы начала XX в.

В свою очередь, и Сологуб не поимал творчество Горького. В статье А. Л. Дымшица, прочитанной Горьким, приводилась недатированная заметка Сологуба: «... В душе путаница. (Рассказы. Т. 2. С. 43). Старое русское бродяжничество с примесью разрушительной склонности, дурно понятое нищестество, борьба за существование, декадентство, то шаблонный русский либерализм, то отрицание всякого буржуазного уклада жизни, то даже народничество. — Сборная пастила, но в общем прогрессивная. Прочтены какие-то книжки и вынесена из них простодушная, почти трогательная уверенность в том, что сверхчеловек должен проживать без паспорта и без саног... А дерутся в рассказах у Максима Горького много. И не потому, что того требует избранная тема, а потому, что искренно исповедуется вера в спасительность приложения кулачной силы к разрешению житейских запутанностей... Картины — поющая девица выпускает изо рта ленты звуков, звон плавает в воздухе комками... Понятно, что Максим Горький имеет успех в русской читающей толпе. Имеет успех он и за границею, в том самом высокопросвещенном обществе,

где еще так недавно возник и серьезно обсуждался законопроект о прикрытии Аполлона панталонами»²².

«В душе путаница» — это слова Коновалова, героя одноименного горьковского рассказа. Почему-то он, равно как и рассказ, из которого заимствованы «картины», привлекли особое внимание Сологуба. Вариации на указанные мотивы вошли в черновую рукопись «Мелкого беса»²³. В обличительной речи прокурора Авиловского, обрушенной на заезжих литераторов, были такие слова: «Шуты вы, а не писатели. Во всякие обноски выражались, теперь обносками декадентства щеголяете <...> картинно пишете, как у какой-то дивчины из рта ползли длинные разноцветные ленты заунывной песни. Эх вы! Звуки, дескать, плавали в воздухе, как клещки в суне»²⁴. Но, несмотря на непонимание творчества Горького, Сологуб признавал за ним талант. В первом выпуске затеянного им периодического издания, в «Дневниках писателей», он писал о Горьком: «Каким Горький уехал, таким и вернулся. Талант — тонор, как было сказано о Некрасове. Рубит фигуры из слов, как Ерзя из мрамора. Но главное — превосходный рассказчик. „Детство“ в фельетонах „Русского слова“. Невольно вспоминаешь благоуханное детство Льва Толстого. По контрасту. Дерутся, бьют, порют в каждом фельетоне. Какой-то сплошной садизм, психологически совсем не объясненный. Не видим, какая душевная сила движет людей к совершению преступств. Но ткань рассказа все же так добротна, что невольно следишь за нею. Все ждешь, что в темные, узкие души этих людей прольется свет творящего искусства, и мы поймем, почему»²⁵.

Знаменитое литературное столкновение Сологуба и Горького, известное как инцидент с III-й «Русской сказкой», произошло на фоне сложившегося негативного отношения к творчеству друг друга. Его историко-литературное значение анализировалось много раз. Напомним его фактическую сторону.

Первый шаг к открытому конфликту, ставшему предметом обсуждения в русской литературной среде, сделал Сологуб, опубликовав в «Речи» ранее не печатавшиеся им эпизоды «Мелкого беса», где фигурировали два писателя²⁶. Степень их антипатичности можно охарактеризовать тем, что они прекрасно вписываются в «передоновскую» среду. В шаржированном изображении одного из них настолько узнаваем Горький, что Сологуб был вынужден объяснить А. Измайлову: «Что касается того, что у М. Горького могли быть основания сердиться на меня, скажу следующее: в главах, которые я не включил в текст „Мелкого беса“ и нанечатал отдельно в „Речи“ нынче весною, есть, правда, кое-какие намеки на Горького (речь в буфете), но есть много и такого, что на образ Горького не натягивается. Списаны эти два писателя не с Горького, а с двух литераторов, с которыми я встретился в Крестцах, в 1884 г., и уже потом прибавлено кое-что из позднейших наблюдений». А. Л. Дымшиц, обнаруживший черновик этого письма, справедливо считал, что можно «согласиться (и скорее

всего, это действительно так!) с тем, что моральные черты, принятые облику Шарика, пьянство и разврат, фальшь и др., Сологуб взял из своих встреч с безымянными писателями в Крестцах», но тем не менее этот образ явно имел точную адресацию²⁷.

Прототипами большинства героев «Мелкого беса» действительно были люди, окружавшие Сологуба во время его работы в провинции²⁸. Однако «позднейшие наблюдения», вроде указанной Сологубом сцены в буфете, скопированной с газетных фельетонов 1900 г. об инциденте в Художественном театре, явно затмили в его сознании образы неизвестных горе-литераторов. На полях рукописи романа, около строк «Передонов... уселся в своем обычном положении: локти на ручки кресла, пальцы скрещены, нога на ногу, лицо неподвижное, угрюмое», — он написал «С портрета М. Горького»²⁹.

На вопрос «ACADEMIA» о вторичном обнаружении глав о Шарике Горький, как известно, ответил согласием. Однако он ничего не сказал о своем отношении к выпад Сологуба. Оно имело не только личный характер: Горький переживал за отечественную литературу, докатившуюся до «насквиленной полосы»³⁰.

Немногим более чем через полгода в «Русском слове» появилась горьковская сказка о Смертяшкине. Конечно, в ней «есть много такого, что на образ Сологуба не натягивается» (если перефразировать слова Сологуба), но не узнать его в героя сказки было невозможно хотя бы по упоминанию о рецензиях жены. «Не отрицаю, — писал Горький в издательство «ACADEMIA», — что издание Чеботаревской книги только положительных рецензий о Ф. К. очень развеселило меня». Она вышла в августе 1911 г. и была замечена многими. «Именинным сюрпризом» назвал книгу критик «Современного мира»³¹, — журнала, кстати сказать, вскоре напечатавшего несколько «Русских сказок» Горького.

Через день после появления сказки Сологуб обратился к Горькому с претензией: «Алексей Максимович, — Вы, как искренний и большой человек, не станете отрицать, что Ваша „Сказка“, помещенная в „Русском слове“ 16 декабря, метит в меня. Если бы это было только против меня, я и не возражал бы. Но Вы захотели говорить о жене Смертяшкина... вспомните, что над тусклым кипением ничтожных и пошлых чувств, из которых возникла Ваша прискорбная сказка, есть мир возвышенный и чистый... и я уверен, что на этой высоте Вы найдете в своей душе такую силу осуждения Вашего поступка, с которою не могут сравниться намеренно сдержанные слова моих упреков»³².

Судя по всему, Сологуб был в ярости. Письмо Горькому намного резче письма М. Кузмину по аналогичному поводу (от 3 сентября 1907 г.): «Многоуважаемый Михаил Алексеевич, в Вашем „Картином домике“ есть несколько презрительных слов и обо мне, — точнее о моей наружности и моих манерах, которые Вам не нравятся. Художественной надобности в этих строчках нет, а есть только глумление. Эти строчки я считаю враждебным по отношению ко мне поступком, мною не вызванным, ни в каком отношении

не нужным и, смею думать, случайным. Я слышал, что эта повесть печатается отдельным изданием. Повторение в ней этих строк я сочту за повторение враждебного по отношению ко мне поступка. С почтительным уважением Федор Тетерников»³³. Сологуб, конечно, понимал, что сказка Горького вызовет общественный резонанс, несопоставимый с «внутрицеховым» интересом, который возбудила повесть Кузмина. Кроме того, «Картонный домик» был напечатан в альманахе «Белые ночи», вышедшем через два месяца после первого отдельного издания «Мелкого беса»³⁴, и выпад Кузмина потонул в море переживаемого Сологубом успеха. Сказка же появилась в то время, когда Сологуб собирался в поездку по городам России с лекциями об искусстве³⁵, и подобная «реклама» была очень не к стати. Возможно, что это было одной из причин, побудивших Сологуба удержаться от публикации ответа Горького, как то было ему предложено. «Само собою разумеется, — писал Сологуб Горькому в следующем письме, — что я принимаю с совершенным доверием Ваши объяснения того, что Вы имели в виду сказать Вашею „сказкою“. Верить совершенной искренности Ваших слов меня побуждают, кроме всего прочего, те чувства уважения и восхищения перед Вашим талантом, которые сохраняются во мне неизменно с того времени, когда я первый раз читал Ваши рассказы. Но Вы напрасно удивляетесь тому, что русский писатель способен отождествлять себя с героями сатирических и юмористических рассказов: в России не приято очень ласково обращаться с писателями»³⁶.

С этим Горький не мог не согласиться: 17 декабря, на следующий день после выхода сказки, ему было послано анонимное письмо, озаглавленное «По поводу глупого и бессмысленно оскорбляющего читателя рассказа „Сказка“ в № 290 „Русс. слова“». Оно составлено из вырезанных из данной публикации нескольких абзацев, наклеенных на лист бумаги. Все наклейки сопровождаются «поправками», призванными обратить образ Смертяшкина против самого Горького. Фраза Прохарчука из сказки: «...я думал, ты — большой человек, а ты — просто маленький мужчина» — «отредактирована» так: «Я никогда не думал, что ты — большой человек, и всегда знал: ты — просто маленький мужчина и простой булочник!». Заявление Нимфодоры: «У тебя и не было ничего, никогда! Если бы не Прохарчук — ты так всю жизнь и писал бы объявления в стихах, слизняк! Негодяй, похититель юности и красоты моей...» — варьировано следующим образом: «У тебя и не было ничего, никогда! Если бы не газета, для шантажа, не печатала бы твои глупости, ты всю жизнь пек бы только баранки, а не писал бы в стихах, слизняк! Негодяй!». Ее утверждение, опять-таки обращенное к Смертяшкину: «Ты выдохся, жалкий человек. У тебя нет больше ни таланта, ничего! Слышишь: ни-че-го! — сопровождается припиской: «и не было никогда!». В абзаце о разносной статье Прохарчука «Мрачный мираж» вместо «у Евстигнея» написано «у булочника Максима», а после относящегося к прославившей Смертяшкина критике

слова «несмотрительной» вставлено — «и подкуленной». Анонимка заканчивалась советом: «И махни рукой на свой „талант“ и начинай печь пироги, а то уж очень тошнит от твоей „Сказки“». Далее следовала откровенная брань.

У нас нет оснований подозревать, что анонимка родилась в непосредственном окружении Сологуба. Скажем только, что Горький положил ее вместе с копией своего ответа Сологубу в конверт, на котором написал: «Тетерников. Ф. Сологуб»³⁷. Возможно, именно это послание вызвало подчеркнутые в нем слова: «Мне трудно представить, что Вы сами, изнутри, без толчков извне, отождествили себя со Смертяшкиным»³⁸. Получив от Сологуба примирительное письмо от 28 декабря, Горький завершил эту короткую переписку:

«Г. Федору Тетерникову,
извините меня, я не знаю Вашего отчества.

Весьма обрадован Вашим письмом, а особенно Вашим заявлением, что „догадливых толкователей“ — нет.

Выражение „беситесь“ употреблено мною отнюдь не в целях задеть Вас. — можете быть уверены в этом. Ваше письмо было написано достаточно нервозно, — вероятно, я должен был сказать — первичаєте.

Мне приятно, что это печальное недоразумение окончилось без шума»³⁹.

Для Сологуба история со сказкой Горького наложилась еще на одну неприятность. В декабрьском номере «Современного мира» была опубликована статья Ф. Д. Батюшкова «В походе против драмы. (По поводу „Заложников жизни“ Ф. Сологуба)». В письме П. Е. Щеголеву 10 февраля 1913 г. Сологуб говорил о Батюшкове, который «имеет смелость называть» его «рекламистом», и, видимо, о Горьком: «В жизнь мою пальцем не пошевелил я, чтобы кому-нибудь понравиться, и своими выгодами и пользами интересовался лишь в мере крайне необходимого <...> Да и Тургенев, поступая так, как Вам кажется правильным, не избег насквиля Достоевского, который обвинял Тургенева как раз именно в том же, в чем мои милые современники хотят обвинить меня: в кокетничании своею славою и в искании популярности. Современники во все времена любили злословить, меня же злословят с особенным удовольствием, и вот именно потому, что я избегаю тех путей к популярности и влиянию, которыми пользуются другие; и злословить меня удобно именно потому, что я не имею ни популярности, ни влияния; какую мерзость про меня ни напиши, ей поверят. Переменить это я не умею и, по всей вероятности, не сумею. Ну, а через 100 лет все это, конечно, изменится, потому что вообще потомки лучше разбираются в делах предков, чем сами предки»⁴⁰.

Состоявшееся примирение Сологуба с Горьким было только внешним: сказку о Смертяшкине он ему не простил. После двукратного обмена письмами не изменил своего отношения к Сологубу и Горький. Однако корректное по форме решение конфликта дало им возможность в дальнейшем вступить в сотрудничество.

19 декабря 1914 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Сегодня вернулся из Питера, где пробыл почти неделю. Кое-что затеял, но — увы! — из моих затей последнее время ничего не выходит.

Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, — а? Не веришь? Может быть, даже и более того затеем»⁴¹. Горький имел в виду «Русское общество по изучению еврейской жизни», в организации которого принимал самое деятельное участие.

Так, еще 12 декабря 1914 г. С. В. Познер, ставший вскоре одним из секретарей общества, писал Горькому: «...посылаю Вам, согласно обещания, книгу М. Л. Тривуса „Евреи в армии“ (...) При посылке есть и каталог наших (книгоиздательства „Разум“. — М. Н.) и имеющихся у нас на складе изданий по еврейскому вопросу»⁴². 23 декабря было избрано бюро общества в составе трех писателей-инициаторов: Горького, Андреева и Сологуба, которые собрались на свое первое заседание 27 декабря.

Формальности, связанные с учреждением нового объединения, завершились 28 апреля 1915 г., когда «Русское общество для изучения еврейской жизни» было «внесено в реестр обществ г. Петрограда за № 899 определением Петроградского особого городского по делам об Обществах Присутствия»⁴³. Работа же в этой общественной организации закинула с первых январских дней. Ее результатом стала опубликованная 3 февраля в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» «Анкета об евреях. Открытое письмо к публике трех русских писателей» за подписями членов бюро Общества. Следующим этапом работы стали их обращения к русским писателям и общественным деятелям с просьбой принять участие в анкете. В частности, 25 февраля Горький, Андреев и Сологуб писали Е. Н. Чирикову: «Милостивый государь Евгений Николаевич! В начале этого месяца мы обратились к Вам с предложением принять участие в организованной нами анкете по еврейскому вопросу и о мерах борьбы с антисемитизмом. К сожалению, до сих пор от Вас ответа не поступило. Между тем в интересах дела было бы весьма желательно получить отзвук от всех видных представителей литературы, искусства, науки и практической жизни, к числу коих Вы несомненно принадлежите (...) мы будем признательны, если Вы ограничитесь лишь общим суждением относительно поставленной нами на разрешение проблемы. Ввиду необходимости приступить в возможно скором времени к печатанию книги, желательно иметь Ваш ответ не позднее 10-го марта»⁴⁴.

На этом, раннем, этапе совместной общественной деятельности между Горьким и Сологубом установились добрые личные отношения. 29 января 1915 г. Горький телеграфировал Сологубу: «Субботу Мустамяках Вас и Настасью Николаевну ждут блины. Пешков»⁴⁵, о чем предупреждал Чеботаревскую в посылаемой ей записке: «Уважаемая Анастасия Ник.: Будьте любезны — отдайте книги подателю сего. Привет Федору Кузьмичу. Надеюсь видеть Вас в Мустамяках в субботу, о чем телеграфируем Вам. Всего доброго! А. Пешков»⁴⁶. 17 февраля Сологубу исполнилось 52 года, и Горький направил ему телеграмму: «Сердечно поздравляю. Горький»⁴⁷.

Видимо, ко дню рождения Горького Сологуб подарил ему свежееизданную книгу стихов с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с уважением и любовью Федор Сологуб»⁴⁸. В ответ Горький подарил ему «Детство»:

«Федору Кузьмичу
Сологубу
Поэту
с глубоким уважением,

М. Горький

25/III

915

Петроград»⁴⁹.

В круг дружеского общения Сологубы вовлекали и Л. Андреева, к которому Горький охладел с момента их спора 1907 г. В середине апреля Чеботаревская писала М. Ф. Андреевой: «В четверг приезжает Леонид Николаевич и возможно, что будем праздновать его именины у нас, так что среду пока отменим. Между прочим, он, бедняга, совершенно опять болен, и надо к нему относиться помягче, его положение прямо серьезное. Сейчас пишу под впечатлением смерти Скрябина (...) перед лицом великой тайны особенно чувствуешь ничтожность и бренность всех земных раздоров... Итак, если Вы с Алексеем Максимовичем будете свободны в четверг, — я позволю и буду очень рада Вас повидать»⁵⁰. Ее миротворческая миссия отразилась и в письме Горькому, одновременно свидетельствующем, как кажется, о том, что планировавшаяся встреча не состоялась: «Сегодня приезжает Леонид Николаевич — опять совершенно больной — в лечебницу: его положение очень серьезно, и друзьям его надо быть с ним „помиловосерднее“ — монархистом он не сделался, все тот же „Андреев“ со всеми печуждыми человечеству слабостями, но во всяком случае — искренний и заслуживающий всяческого списхождения... Все мы — не маленькие, знаем, что ни на какие гадости не способны — а огорчаем часто друг друга, а перед лицом Смерти (Скрябин!) — все это так мелко и суетно, право!»⁵¹.

Однако наладившиеся, казалось бы, отношения были подорваны конфликтом, происшедшим в редакции литературного сборника «Щит», соредакторами которого были все трое. Секретарь издания Познер исключил из книги набранную статью Н. А. Бердяева «О евреях». Дальнейший ход событий изложен в письме Сологуба в редакцию «Биржевых ведомостей»: статья «была забракована г. секретарем без согласия двух из трех его редакторов — моего и Л. Андреева. Так как статья была заказана мною и Н. А. Бердяев обратил ко мне, как к редактору, свое законное возмущение, то я много раз в течение трех месяцев настаивал на выяснении г. Познером автору статьи мотивов этого его решения. Убедившись в полном и сознательном игнорировании моих притязаний на корректное отношение к сотрудникам, я сообщил г. Познеру, что впредь до ликвидации инцидента с Н. А. Бердяевым я не считаю

для себя возможным посещать собрания общества <...> На это г. Познер, посоветовавшись, по его словам, с некоторыми лицами, вычеркнул мое имя из избирательного списка баллотирующихся в комитет общества и на учредительном собрании общества в декабре заявил <...>, что я „ушел“ из общества, „вероятно, изменив свои убеждения“. На это я должен возразить. Я слишком ценю свои убеждения, чтобы менять их в зависимости от случайных обстоятельств... Возмущенный исчезновением моего имени из списка, подал мотивированный отказ от участия в делах комитета — учредитель и зачинатель общества Леонид Андреев. Таким образом, ясно, что я и А. Н. Чеботаревская не „выходили“, по фактически очутились за бортом дела, созданного при нашем действительном участии»⁵².

17 января 1916 г. Сологуб послал Познеру (через Н. Е. Щеголева) изложение своих претензий⁵³. Ответ Познера его не удовлетворил. 5 марта Горький писал Е. П. Пешковой: «...завтра — свидетельствую на третейском суде по делу Сологуба с Познером, — дело, в котором скрытым обвиняемым являюсь я, а обвинителями Андреев и Сологубчик»⁵⁴. Как рассказывал Л. Андреев брату, на заседании «Сологубы и Горький обменялись оскорбительными резкостями <...> кричали судьи <...> все протестовали»⁵⁵. Члены суда сочли за благо разъехаться, не закончив разбирательства.

Однако фактическое исключение Сологуба из членов комитета общества имело конкретную причину, о которой он умолчал в своем открытом письме. Осенью стихи Сологуба появились в журнале «Лукоморье», основанном М. А. Сувориным. Кроме этого однозвонного имени, журнал был «знаменит» крайне шовинистическим направлением. К примеру, В. Я. Брюсов 13 сентября 1915 г. писал А. А. Измайлову: «Рассказ непременно постараюсь доставить Вам и именно „военный“. Ох, трудно это, — дабы не унудобиться авторам из „Лукоморья“!»⁵⁶.

Участие в «Лукоморье» многие считали неприличным, и 31 октября в «Дне» появилась статья Ом де Ора на эту тему. На следующий день Сологуб писал Щеголеву: «То, что пишет Ом д'Ор 31-го в Дне, совпадает с тем, что Вы мне сказали по телефону, и это — не правда: когда я печатался в Лукоморье, ни Буренина, ни Бурякина там не было, и Вы это знаете <...> Итак, как я не повернусь, травля против меня будет продолжаться, и газета День будет заниматься этим делом. Братья писатели, чего же вы добиваетесь? Загрызть меня до смерти, что ли, хотите? Сколько раз приходится повторять возглас Льва Толстого: „ведь вы же — люди, а не черти из болота“»⁵⁷. На защиту мужа встала Чеботаревская, пославшая протест в «День» через Щеголева, которого, между прочим, спрашивала: «И почему Вам можно было издать книгу о Грибоседове у Суворина-отца, а Ф. К. нельзя дать без всякой идейной связи в Лукоморье — несколько стихотворений?»⁵⁸.

Поступок Сологуба давал комитету общества моральное право

вычеркнуть его имя из списков, представленных на голосование. 24 декабря Горький, приглашая В. Г. Короленко принять участие в новом сборнике общества — «Евреи на Руси», писал ему: «Устав (общества. — М. Н.) уже послан Вам, а также посланы и списки лиц, вошедших в его комиссию. Если б Вас смутило участие Ф. Сологуба, считаю нужным сообщить, что он уже заявил о своем выходе из членов общества»⁵⁹. В посланных Познером документах ни Сологуб, ни Чеботаревская не значились⁶⁰.

В том, что его вывели из общества, Сологуб всецело винил Горького. Однако это было коллегиальное решение, о чем свидетельствует дневниковая запись Б. Н. Юрковского: «Ал(ексей) Макс(имович) рассказывал, что на одно из собраний „Русского общества изучения еврейской жизни“ явился Л. Н. Андреев. Он настаивал, чтобы Ф. Сологуб был избран в распорядители общества, его комитет. Проф. В. И. Семевский (председатель общества), член литературного фонда, протестовал против этого избрания, говоря, что в противном случае он уйдет из Общества, так как сотрудничество с Ф. Сологубом для него невыносимо. А. М. присоединился к Семевскому. Андреев защищал Сологуба. Тогда Семевский начал журить Л(ео니다) Никол(аевича), упрекая его в измене славным традициям русской литературы, за близость к писателям буржуазии и т. д. В итоге Л. Н. Андреев голосовал вместе с остальными членами общества»⁶¹.

Возможно, что именно об этом заседании Андреев писал Сологубу 12 января 1916 г., правда несколько приукрасив свою роль: «В большую вину ставилось Вам участие в „Лукоморье“, находили, что несовместимо быть членом Комитета в Обществе, защищающем евреев, и в то же время работать в „суворинском“ органе (...) Мое предложение каким-нибудь путем привлечь Вас в члены Комитета (расширением устава и дополнительными выборами либо как-нибудь иначе) было отвергнуто большинством четырех против одного моего голоса (Горький, Семевский, Калмыкова и Коробка) (...) А в частности, по поводу „Лукоморья“ не мешало бы Анастасии Николаевне поставить вопрос о Горьком, который ставится в „суворинском“ театре, — или для него это совместимо?»⁶².

Горький, как известно, в этом театре не ставился, но Чеботаревская подхватила подброшенную идею. «Многоуважаемый Алексей Максимович! — писала она Горькому в начале 1916 г. — Только сегодня я узнала о всей этой сложной и замаскированной интриге, которая велась против Ф. К. в комитете основанного им Об-ва, для которого мы столько работали и старались весь прошлый сезон. — Этого Вы хотели, когда в прошлом году вошли в наше Об-во? Мне были известны и раньше дикие проявления той травли, кот(орую) Вы годами практиковали по отношению к Ф. К., — письма, которые Вы писали в редакции изданий, требуя его бойкота и... может, голодной смерти как результата Ваших неутомимых усилий (напомню хотя бы знаменитую „Сказку“ в Р(усском) слове!).

Но когда Вы в прошлом году вошли в дело, *учрежденное* нами (я это докажу, где окажется нужно), когда Вы звали нас к себе (я зову только тех, кого уважаю), когда Вы восхищались стихами Ф. К., — тогда, скажите, что за цели Вы преследовали? Вы писали недавно где-то афоризм „надо уважать все *человеческое*“ — о, какой насмешкой звучат мне сейчас эти Ваши слова... Это из уважения — эта дикая травля старого, непомерно обремененного жизнью и ее тяготами человека, никому не сделавшего зла, чистого, доверчивого и незащитившего своего — поистине крестного пути ничем, никогда, — я говорю это как человек посторонний. Что, кроме случайного давания стихов в „Лукоморье“ (м. пр., Ваша пьеса идет в Театре „Суворина“), Вы можете поставить в упрек кристально чистой репутации Ф. К.? Это — Вы называете уважением к человечеству? Я сопоставляю с Вашим отношением — отношением Ф. К. к Вам, — который никому в доме у нас никогда не позволял отзываться о Вас даже неуважительно. Нет, — не верю я в общественность, покупаемую ценой такого вопиющего попрания прав личности, — нет, этим путем правда не придет на землю.

Уважающая Вас Анастасия Чеботаревская-Сологуб»⁶³.

Для понимания этого этапа в отношениях Горького и Сологуба представляется важным свидетельство Б. Н. Юрковского: «Как известно, Ф. Сологуб устроил третейский суд с <...> Познером, то есть попросту с А<лексеем> М<аксимовичем>... Сегодня А. М., возмущаясь, рассказывал о поступках Сологуба. Но все же отдал честь его таланту. „А все-таки Сологуб поэт. Из его вещей на меня самое сильное впечатление произвел сборник стихов „Пламенный круг“»⁶⁴.

Возобновившиеся после революции отношения Горького и Сологуба имели сугубо деловой характер. Они были обусловлены характером взаимодействия различных художественно-культурных объединений 1918 г. В Архиве Горького имеется его письмо Сологубу от 7 мая 1918 г.:

«Уважаемый Федор Кузьмич!

Я отказываюсь подписать присланную Вами бумагу, ибо мне неизвестно, прошла ли она через Совет и обсуждалась ли им.

Затем я прошу Вас передать Совету Союза прилагаемое заявление мое.

С уважением

А. Пешков»⁶⁵.

Ни письма Сологуба, ни заявления Горького в Архиве нет, однако приведенное письмо можно «прочитать», сопоставив его содержание с известными фактами литературной жизни тех дней.

Сологуб был активнейшим участником «Союза деятелей искусств», из литературной курии которого под эгидой Сологуба возник «Союз деятелей художественной литературы». 17 апреля Горький был избран председателем президиума исполкома Союза деятелей искусств. 19 апреля на его квартире состоялась встреча членов исполкома Союза, в том числе Сологуба, с А. В. Луначарским, курировавшим учрежденную при Наркомпросе Коллегию по делам искусств. Его пригласил Горький: «Имею необходимость

беседовать с Вами по делам „Свободной ассоциации“ и „Союза деятелей искусства“. . . Вас встретят у меня академик В. А. Стеклов, председатель Совета ассоциации и члены Исполнительного комитета „Союза деятелей искусства“. Ни минуты не сомневаюсь, что наши личные отношения не помешают Вам посетить меня»⁶⁶.

Как свидетельствуют газетные отчеты об этом собрании, Сологуб был едва ли не главным оппонентом Луначарского. Он отстаивал мнение Союза о том, что искусство должно быть освобождено от контроля со стороны государства. Договоренность об этом в принципе не могла быть достигнута, однако «Луначарский предложил собраться для общей беседы еще через несколько дней. Ф. К. Сологуб на это заметил, что вряд ли после ответа Луначарского есть необходимость подобного собеседования. После этого замечания Ф. К. Сологуба А. В. Луначарский покинул заседание»⁶⁷. В процитированном отчете говорилось далее, что через день Сологуб обратился к Луначарскому уже в качестве представителя «Союза деятелей художественной литературы» с ходатайством о предоставлении им помещения, денежной субсидии и об уравнении этого Союза в правах с другими профессиональными объединениями. В выступлении на конференции художественных школ Луначарский дал в целом положительный ответ на перечисленные просьбы. Однако в речи Луначарского встреча с деятелями Союза на квартире Горького была представлена как случайная, высказанные ими требования — как предложение сотрудничества, а обращение Сологуба с ходатайством о профсоюзе писателей — как его приход «на поклон». Все это возмутило Совет Союза деятелей искусства, и на его собрании было принято решение «ввиду подобных действий А. В. Луначарского прекратить с ним всякие сношения». На этом собрании обсуждался и проект «Открытого письма», в котором разъяснялся произошедший инцидент с Луначарским. Документ такого содержания имеется в Архиве Горького. (Он приложен к приведенному выше письму Горького Луначарскому⁶⁸.) В нем говорится о неверном истолковании Луначарским выступлений членов исполкома Союза деятелей искусств и о неправомерности Коллегии по делам искусств при Наркомпросе руководить искусством в стране. Сологуб, застрельщик конфликта, не мог не представить на утверждение Горького письмо Союза против Луначарского, поскольку Горький был председателем этой организации. Возможно, это письмо и было той «бумагой», которую отказался подписать Горький. 28 апреля он писал Е. П. Пешковой: «Меня все в председатели избирают, и теперь я уже трижды или четырежды председатель»⁶⁹. В тот же день в письме академику В. А. Стеклову он просил «передать прилагаемое заявление в Совет» («Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук»). Оно содержало просьбу сложить с него звание товарища председателя совета этой организации⁷⁰. Возможно, что к письму Сологубу было приложено заявление с аналогичной просьбой применительно к Союзу деятелей искусств.

20 мая Горький был заочно избран в члены совета Союза деятелей художественной литературы, Сологуб, организатор Союза, стал председателем его совета. 3 ноября 1918 г. в газетах появилось открытое письмо Сологуба и Чеботаревской, в котором говорилось об их выходе из Союза⁷¹. В тот же день он писал Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович, считаю своим долгом довести до Вашего сведения некоторые факты, о которых Вы, вероятно, осведомлены недостаточно точно. 14 октября, в день моего возвращения в Петроград, я был на заседании совета проф. Союза деятелей худ(ожественной) литературы». Далее он рассказывал, что в протоколе этого заседания было искажено его мнение по вопросу об открытии издательства. «Что я этого не нахожу (предложение об издательстве неприемлемым. — М. Н.) доказывається уже тем, что по сходному делу я разговаривал уже с А. Н. Тихоновым. Но к этому времени вскрылись окончательно мои принципиальные разногласия с советом по вопросу о целях и деятельности Союза. . . При самом основании Союза Вы проявили такое сердечное внимание, притом Ваше высокое и славное имя так дорого для всех нас, что я считаю своим нравственным долгом сказать Вам все это»⁷².

Осенью 1918 г. Сологуб обращался к Горькому и с личной просьбой. Она изложена в письме Чеботаревской: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, очень прошу поднискать эту бумажку, которая, конечно, хотя и безнадежна — в смысле результатов, но посылаю ее, пользуясь оказией — едет туда доктор, иначе пути отрезаны. Центральные власти объяснили, что они „бессильны“ защитить книги, рукописи, одежду и злосчастную корову, на поддержание жизни которой мы просиживали ночи над статьями и корректурами. Надо прибавить, что я пыталась разъяснить, что мы не „помещики“, даже не владельцы земли, а только брали в аренду клочок земли в 5 десят(ин) — дом с садом, который мы сами обрабатывали, лично копали грядки, сажали огород и пр. Помогите хоть своей подписью. Если бы это было наследственным, было бы не так жаль, но когда каждая пядь земли заработана тяжким трудом — горько и обидно. С приветом. Анаст. Чеботаревская-Сологуб»⁷³. На письме имеется помета Горького — «Сологуб». Видимо, именно оно предшествовало обращению Горького к Луначарскому: «Прилагаю письмо Ф. Сологуба — не дадите ли Вы ему „охранную грамоту“?» (на дачу в Костроме)⁷⁴.

В октябре 1918 г. по приглашению А. Н. Тихонова во «Всемирной литературе» начали сотрудничать и Сологуб с Чеботаревской. Ее работа в издательстве складывалась не вполне удачно — она отягощалась конфликтами и обидами на руководящих сотрудников⁷⁵. 30 марта 1919 г. во «Всемирной литературе» состоялось чествование Горького в связи с его 50-летием⁷⁶, на которое Сологуб не пошел: «Многоуважаемый А(лексей) М(аксимович). Поздравляю Вас с днем Вашего лит(ературного) праздника. К сожалению, в воскресенье не могу быть во В. Л.: трамвай не ходит, и мне очень

нездоровится все эти дни, т. е. не выхожу без крайней необходимости. С уважением Ф. Тетерников»⁷⁷.

Жизнь в Петрограде становилась все труднее. 10 апреля 1920 г. Чеботаревская писала своей знакомой: «...если бы не надо было выходить за разными „человеческими делами“ — то за дровами, то за мылом и т. п. — то жить можно было бы — и не плохо. Конечно, еще лучше было бы уехать — но крылья связаны»⁷⁸. 21 декабря она обратилась к Щеголеву с просьбой дать поручительство для выезда за границу: «...мы не собираемся заниматься там политической деятельностью, а своими литературными делами»⁷⁹. О том же просил его Сологуб: «...поездкой за границу я намерен воспользоваться исключительно для устройства моих литературных дел: напечатание моего нового романа „Заклинательница Змей“ и переводы на иностранные языки. Заниматься политикой я совершенно не намерен»⁸⁰. В мае 1921 г. Сологуб написал В. И. Ленину: «И по происхождению и по работе я — член трудового народа; сын портного и прачки, я 25 лет был учителем гор(одского) уч(илища), написал 20 том(ов) художественных произведений и имею не меньшее количество вещей, не вошедших в собрание сочинений. . . Я не имею намерения заниматься политикой, т. к. считаю это слишком ответственным и сложным делом, — я никогда не состоял ни в какой партии»⁸¹.

Вопрос о выезде Сологуба был решен положительно, что Луначарский посчитал ошибкой. «Кто такое Сологуб? — писал он в ЦК РКП после принятия этого решения, 15 июля 1921 г. — Старый писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым злостным и ядовитым образом настроенный против Советской России, везущий с собой за границу злобную сатиру под названием „Китайская Республика равных“. И этого человека, относительно которого я никогда не настаивал, за которого я, как Народный комиссар просвещения, ни разу не ручался (да и было бы бессовестно), о котором я говорил только, что я поставлен в тяжелое положение, ибо ВЧК не отпускает его, а Наркомпрод и Наркомфин не дают мне средств его содержать, этого человека вы отпускаете»⁸². Копия письма Луначарский направил В. И. Ленину и Горькому. Возможно, из-за этого у Горького осталось впечатление, что Сологубу не разрешили покинуть страну. 22 марта 1928 г. он писал Ромену Роллану в связи с антисоветским выступлением К. Д. Бальмонта, в котором, в частности, упоминался и «страдалец» Сологуб: «...плохие стихи (прославляющие коммунизм. — М. Н.) открыли пред Бальмонтом дверь за границу, и, переехав ее, он безбоязненно и немедленно провозгласил себя врагом. . . советского строя. Этот потрясающе смелый подвиг имел, к сожалению, очень плохие последствия для Блока и Сологуба в их просьбе о выезде за границу. . . Сологуб. . . был открытым врагом Советской власти, но, вероятно, я ему разрешили бы отъезд за границу, если б не пошел случай Бальмонта»⁸³.

В 1921 г. Сологуб мог уехать, но не воспользовался имеющимся разрешением. На рубеже 1921—1922 гг. В. Л. Львов-Рогачевский

писал А. А. Золотареву: «Сологуб собирается за границу. У него тяжелое несчастье: куда-то исчезла его жена Анастасия Чеботаревская, исчезла перед поездкой за границу. Говорят — утонула»⁸⁴. По рассказам мемуаристов, Сологуб не верил в трагическую смерть жены и каждый день ставил на стол ее обеденный прибор... Желание Сологуба покинуть Советскую Россию потеряло остроту. 23 июня 1923 г. он просил Луначарского о поездке за границу только на зимние месяцы⁸⁵.

После смерти Сологуба Горький писал С. Н. Сергееву-Цескому: «Да, помер Сологуб, прекрасный поэт; его „Пламенный круг“ — книга удивительная и — надолго. Как человек он был антипатичен мне — неспособный, заносчивый самолюбец и обидчив, как старая дева. Особенно возмущало меня в нем то, что он — на словах, в книгах — прикидывался сладострастником, даже садистом, демонической натурой, а жил как благоразумнейший учитель рисования, обожал мармелад и, когда кушал его, сидя на диване, эдак, знаете, подирывивал от наслаждения»⁸⁶.

Решая вопросы литературного наследия Сологуба, Горький отбрасывал все личное. Об этом свидетельствует и его письмо в «ACADEMIA», с которого был начат наш рассказ. Вопрос о включении в издание «Мелкого беса» направленных против Горького глав был задан ему как вопрос личный. Горький ответил на него как председатель редакционного совета издательства, считающий необходимым воссоздавать объективную картину прошлого. Так, в 1930 г. он ставил вопрос: «Не следует ли „Академии“ издать несколько наиболее крупных романов „контрреволюционного“ характера? Думаю, что без этого план „Академии“ будет выполнен недостаточно „исторично“»⁸⁷. С той же целью он рекомендовал включить в сборник дореволюционной критики о его творчестве «злые выходки Гиппиус и, пожалуй, грубости Арцыбашева, Куприна»⁸⁸. «Сергей Тургенев и Шарик» Сологуба относились к тому же ряду явлений, и разрешение на их публикацию органически следовало из проводимой Горьким издательской политики.

Роман «Мелкий бес» Горький считал лучшим произведением Сологуба и дважды предлагал его в издательские планы «ACADEMIA». «Из всей прозы Сологуба, — писал он 20—21 сентября 1928 г. в связи с перспективным пятилетним планом издания классиков, — это, на мой взгляд, — единственная книга, которую следует издать. В лице Передонова автор дал тип педагога эпохи самодержавия наиболее удачный, несмотря на его — Передонова — патологию. Все, что до Сологуба писалось о педагоге — „человек в футляре“, — покрыто, завершено Сологубом. Книга эта требует предисловия, которое [дало] бы хорошую картину эпохи, „передоновщины“»⁸⁹. 4 июля 1935 г. Я. Янсон обратился к Горькому с просьбой просмотреть планы издания классиков на 1935—1937 гг. Свои замечания Горький записал на листке из блокнота и вложил его в присланные материалы. В списке сделанных им добавлений — Сологуб. «Мелкий бес». Рядом — приписка: «Пламенный круг»⁹⁰.

- ¹ ИМЛИ АН СССР. Архив А. М. Горького. КГ-изд. 2-62-4. В дальнейшем этот архив обозначается АГ.
- ² См.: Сологуб Ф. Сергей Тургенев и Шарик: Непечатанные главы из романа «Мелкий бес» // АГ. РАВ-пг 41-5-1; Дымшиц А. Л. Максим Горький и Федор Сологуб: К истории одного насквиля // АГ. РАВ-пг 16-17-1.
- ³ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 30. С. 275. На подлиннике имеется резолюция Гершензона: «Т. Тихонову. Это ответ А. М. на наше письмо. Ознакомьте с ним кого нужно и сговоритесь с т. Дымшицем о включении „Смертишкина“ в статью. 12/1-33» (АГ. ПГ-рл 10-21-2). Далее в тексте это письмо Горького цитируется по указанному изданию без ссылки.
- ⁴ Архив А. М. Горького. М., 1955. Т. 5. С. 173.
- ⁵ АГ. ПГ-рл 40-15-7.
- ⁶ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 407.
- ⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. № 12.
- ⁸ См.: Письмо П. Е. Щеголеву 10 февраля 1906 г. // Там же. № 17. Л. 7.
- ⁹ См.: Дымшиц А. Л. Федор Сологуб и его роман «Мелкий бес» // ЦГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. № 1479. Л. 58.
- ¹⁰ АГ. ПГЛ 10-91-3.
- ¹¹ См.: Чулков Г. И. Годы странствий. М., 1930. С. 216—217.
- ¹² АГ. КГ-п 30-2-1.
- ¹³ См. примеч. 6.
- ¹⁴ Лит. наследство. Т. 72. М., 1965. С. 287.
- ¹⁵ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. С. 83—84.
- ¹⁶ Горький М. Еще поэт // Там же. М., 1953. Т. 23. С. 122.
- ¹⁷ 17 февраля 1896 г. Горький писал Е. П. Волжиной (Пешковой): «В одном из писем (7 февраля. — М. Н.) я просил тебя кунить стихи Сологуба — не покунай, у меня уже есть, он прислал» (АГ. ПГ-рл 30-19-11).
- ¹⁸ См.: Горький М. История русской литературы. М., 1939. С. 25, 43—45.
- ¹⁹ См.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 40.
- ²⁰ См.: Архив А. М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 26, 28, 31.
- ²¹ Горьков. чтения, 1953—1957. М., 1959. С. 19.
- ²² АГ. Рав-пг 17-17-1. Л. 11. Цитируемое Сологубом издание: Горький М. Рассказы. СПб., 1900. Т. II. С. 43.
- ²³ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 89—95. Поскольку рукопись закончена 17 июня 1902 г., можно предположить, что Сологуб прочитал «Рассказы» вскоре после их выхода. Видимо, тогда же была написана приведенная заметка.
- ²⁴ АГ. Рав-пг 41-5-1. Л. 25.
- ²⁵ Сологуб Ф. Заметки // Дневники писателей. 1914. март. С. 17.
- ²⁶ См.: Сологуб Ф. Сергей Тургенев и Шарик: Непечатанные главы из романа «Мелкий бес» // Речь. 1912. № 105. 15 апр.; № 109. 22 апр.; № 116. 29 апр.
- ²⁷ АГ. Рав-пг 17-17-1. Л. 4—5, 12.
- ²⁸ См.: Улановская Б. Ю. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Рус. лит. 1969. № 3.
- ²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 114.
- ³⁰ Горьковские отзывы собраны в кн.: Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1971. Т. 12. С. 570—579.
- ³¹ Коляда Е. Г. Летопись литературных событий, 1911 // Русская литература конца XIX—начала XX в. 1908—1917. М., 1972. С. 490.
- ³² Горький М. Материалы и исследования. Л., 1934. Кн. 1. С. 195—196.
- ³³ Цит. по: Cheron G. F. Sologub and M. Kuzmin. Two letters // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Band 2. P. 374.
- ³⁴ Максимова В. А. Летопись литературных событий, 1907 // Русская литература конца XIX—начала XX в. 1901—1907. М., 1971. С. 532, 526.
- ³⁵ См.: Письма Чеботаревской П. С. Воробьевой-Владимировой декабря 1912—января 1913 // ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. № 42.
- ³⁶ АГ. КГ-п 73-8-2.
- ³⁷ Там же, ПГ-рл 40-15-1.
- ³⁸ Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 289—290.
- ³⁹ АГ. ПГ-рл 40-15-2.
- ⁴⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. № 17. Л. 18—19.
- ⁴¹ Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 164.

- ⁴² АГ. КГ-п 58-1-1. М. Л. Трикус вошел впоследствии в информационную комиссию общества. Его воспоминания см.: АГ. МоГ 12-18-1.
- ⁴³ Там же. ПТЛ 13-2-1.
- ⁴⁴ Там же. ПГ-РЛ 52-3-10.
- ⁴⁵ Там же. ПГ-РЛ 40-15-6. На бланке проставлено только число. Датируется по времени масленичной недели в 1915 г.
- ⁴⁶ Учен. зап. ЛГПИ им. Н. Н. Покровского. Л., 1940. Т. 4, вып. 2. С. 252.
- ⁴⁷ АГ. ПГ-рл 40-15-5. Датируется по выпискам Ладьяжникова из приходно-расходной книги за 1915 г. (АГ. БИО 11-59-1).
- ⁴⁸ Личная библиотека А. М. Горького в Москве. М., 1981. Кн. 1. С. 163. № 2741.
- ⁴⁹ АГ. ДН-Г-КН 7-8-1.
- ⁵⁰ Там же. ПТЛ 16-104-1.
- ⁵¹ Там же. КГ-п 85-2-1.
- ⁵² Биржевые ведомости. 1916. № 15505. 18 апр. С. 6. Суть конфликта см.: Лит. наследство. Т. 72. С. 352—359.
- ⁵³ См.: ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. № 17. Л. 24.
- ⁵⁴ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 180.
- ⁵⁵ Лит. наследство. Т. 72. С. 554.
- ⁵⁶ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 248.
- ⁵⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. № 1. Л. 23.
- ⁵⁸ Там же. № 44. Л. 15.
- ⁵⁹ Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 347.
- ⁶⁰ См.: АГ. ПТЛ 13-2-1.
- ⁶¹ Там же. МоГ 14-6-1. Л. 2.
- ⁶² Лит. наследство. Т. 72. С. 553.
- ⁶³ АГ. КГ-п 85-2-4.
- ⁶⁴ Там же. МоГ 14-6-1. Л. 15.
- ⁶⁵ Там же. ПГ-рл 40-15-4.
- ⁶⁶ Архив А. М. Горького. Т. 14. С. 76—77.
- ⁶⁷ АГ. Бно 22-2-2. Вырезка из газеты «Петроградское эхо» с пометами Горького.
- ⁶⁸ См.: АГ. ПГ-рл 23-44-40.
- ⁶⁹ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 206.
- ⁷⁰ См.: АГ. ПГ-рл 41-7-2*.
- ⁷¹ См.: Северная коммуна. 1918. № 147. 3 нояб.
- ⁷² АГ. КГ-п 73-8-3.
- ⁷³ Там же. КГ-п 85-2-3.
- ⁷⁴ Архив А. М. Горького. Т. 14. С. 80, 81.
- ⁷⁵ См.: Письмо Чеботаревской Горькому // АГ. КГ-п 85-2-2.
- ⁷⁶ Юбилей праздновался в 1919 г. из-за ошибки Горького при сообщении даты своего рождения.
- ⁷⁷ АГ. КГ-п 73-8-5.
- ⁷⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. № 42. Л. 12.
- ⁷⁹ Там же. № 44. Л. 17.
- ⁸⁰ Там же. № 17. Л. 35.
- ⁸¹ Цит. по кн.: Сологуб Ф. Молкий бес. М.; Л., 1933. С. 5.
- ⁸² АГ. КГ-п 46-1-40.
- ⁸³ Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. 30. С. 83—84.
- ⁸⁴ АГ. ПТЛ 10-115-1. Датируется по содержанию.
- ⁸⁵ См.: Архив А. М. Горького. Т. 14. С. 81.
- ⁸⁶ Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. С. 57.
- ⁸⁷ Архив А. М. Горького. М., 1964. Т. 10, кн. 1. С. 82.
- ⁸⁸ Там же. С. 83.
- ⁸⁹ Там же. С. 290.
- ⁹⁰ АГ. КГ-изд 2-43-3.

М. ГОРЬКИЙ И НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Самобытное дарование Николая Клюева, выходца из крестьян Олонецкой губернии, быстро получило признание выдающихся русских поэтов начала XX в. Стихи его публиковались при содействии А. Блока. В. Брюсов написал предисловие к первой книге Н. Клюева «Сосен перезвон». Н. Гумилев откликнулся на выход сборника в одном из критических обзоров в журнале «Аполлон» (позднее перепечатанных в его книге «Письма о русской поэзии»).

Менее известно, что среди заинтересованных читателей Клюева был и М. Горький.

В личной библиотеке Горького на б. Малой Никитской хранится несколько книг Николая Клюева — это «Сосен перезвон» (М., 1912), а также изданные после Октября двухтомник Н. Клюева «Песнослов» (Пг., 1919), сборник стихов «Медный кит» (Пг., 1919), поэма «Плач о Сергее Есенине» (в книге двух авторов: Николай Клюев, П. Н. Медведев. Сергей Есенин. Л.: Прибой, 1927).

Николай Клюев не дарил и не посылал Горькому своих книг — все они были приобретены в разные годы самим владельцем библиотеки. При этом три книги из четырех имеют «переплет Горького». Из описания библиотеки мы узнаем, что Горький сам отбирал книги для переплета — те, которые сохранились в своеобразных «горьковских» переплетах: «зеленых, соррентийского периода, синих — последних лет жизни...»¹.

Отношение Горького к Н. Клюеву не было ровным — с течением времени оно изменялось: от скептических откликов в дооктябрьский период до признания поэта в позднейшие годы.

Уже в начале своего пути Клюев представлял собой достаточно сложную фигуру.

Поэт принимал участие в революционных событиях 1905—1906 гг., распространяя прокламации Крестьянского союза (у себя на родине, в Вытегорском уезде), в устных беседах призывал к неповиновению властям, полгода провел в тюрьме. Известно, что на Блока большое впечатление производили письма Клюева, особенно его очерк «С того берега» — о настроениях олонецкого крестьянства, который Блок цитировал в статье «Стихия и культура» (1908).

Ранние стихи Клюева рисовали «прогулку» в тюремном дворе, «тяжелую дверь каземата», что «не пускает к родимым полям», массовые казни эпохи реакции:

Лишь станут сумерки сильнее,
Туман окутает реку, —
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибающая в бою, —
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

Однако заканчивалось стихотворение не призывом к протесту, а нотой религиозного примирения, жертвенности:

И не согласишься яви зрячей,
Когда торжественно в ночи
Тебе — за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи².

Поэт отходит от радикальных настроений, увлекается идеей «гогофского христианства» и в 1909—1911 гг. сотрудничает в журнале Ионы Брихничева «Новая земля» (хотя в стихах «Победителям», «Современная былина» осуждает душителей революции, а в «Песне братьев-пахарей», опубликованной в 1913 г., бичует помещиков-«супостатов»).

Причастен был Ключев и к сектантству; одно время «жил у хлыстов» в Рязанской губернии (о чем позднее писал Есенину).

Вторая книга Ключева — «Братские песни» (1912 г. — почти одновременно с первой) — представляла собой литературную обработку хлыстовских песнопений. Поэт отрицал официальную церковь, резко высказывался о ней. Он писал Блоку в 1909 г.: «... Ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство „слепых“, людоедство верующих...»³.

В стихотворении «Бегство» герой бежит «из-под мертвенного» церковного свода в «простор лугов», на природу. Лирика Ключева проникнута своеобразным пантеизмом. Он молится «лику заката» или же «лику ив», слушает «пташек-клирошанок». Учившийся грамоте по церковным книгам⁴, в ранней юности ходивший паломником в Соловецкий монастырь и другие «святые места», Ключев глубоко впитал в себя церковно-религиозную культуру (в том числе и «потаенную», раскольничью) и воспринимал природу сквозь призму этой культуры. В шуме хвойного бора ему чудится пение серафимов, краски вечера у него — «ризы... багряно-золотые», лесные сумерки — «монах за узорочным часословом», а сам лирический герой — странник, полумонах, хотя и не подчиняющийся «строгому церковному обету»:

Природы радостный причастник,	Обету строгому неверен,
На облака молюся я,	Ушел я в поле к лознякам,
На мне иноческий подрясник	Чтоб взглянуть, как мир безмерен,
И монастырская скуфья.	Как луч скользит по облакам,

Как пробудившиеся речки
Бурлит на талых валунах,
И невидимка тенлит свечки
В нагих, дымящихся кустах.

(с. 174)

Ключев неоднократно противопоставлял свое творчество поэтам-«книжникам», считая себя представителем народа в поэзии (раннее стихотворение «Голос из народа», более позднее — «Оттого в глазах моих просишь...»). Но, как верно говорил М. Бахтин,

«выйти прямо из глубин народных в XX-м веке литературное явление не может: оно должно прежде всего определиться в самой литературе»⁵.

Чтобы стать вровень с тогдашними мастерами слова (а не остаться на уровне самоучек), выходцу из народа необходимо было подготовить себя к восприятию современной поэзии. А в ней в то время (в начале 1900-х годов) господствовал символизм.

Выступив в печати в 1904—1905 гг. с подражаниями П. Якубовичу и Надсону, Клюев в дальнейшем усиленно учится у Блока, посылая ему в течение нескольких лет свои стихи. В первой книге Н. Клюева «Сосен перезвон», посвященной Блоку, немало реминисценций из его лирики.

Клюеву оказались созвучны (и по-своему им претворены) высказывания Вячеслава Иванова о значении мифа, фольклора и соборности искусства. Этот видный теоретик символистской школы писал: «Истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве (. . .) Мы идем тропой символа к мифу. Большое искусство — искусство мифотворческое (. . .) Только народный миф творит народную песню и храмовую фреску, хоровые действия трагедии и мистерии»⁶. И хотя творчество Вяч. Иванова, переполненное образами из античной мифологии, иногда причудливо соединявшейся с мифологией христианской (такие словосочетания, как «Голгофа Вакха», «Христос — Геракл»), было достаточно далеко от народа, его высказывания, как и статьи Блока («Россия и интеллигенция», «Стихия и культура» с выдержками из очерка Н. Клюева «С того берега» — об олонечком крестьянстве), свидетельствовали о стремлении «младших» символистов уменьшить этот разрыв.

Поэзия символистов отличалась богатой образностью, метафоричностью. Андрей Белый развивал концепцию связи метафоры с мифом: «Когда я говорю: „Месяц — белый рог“, конечно, сознанием моим не утверждаю я существование мифического животного, которого рог в виде месяца я вижу на небе; но в глубочайшей сущности моего творческого самоутверждения не могу не верить в существование некоторой реальности, символом или отображением которой является метафорический образ, мной созданный»⁷.

Н. Клюеву, наряду с частым обращением к евангельской и народной мифологии, было присуще метафорическое видение явлений природы. Особенно много в его стихах метафор того типа, о котором говорил Белый («Туча — ель, а солнце — белка с раззолоченным хвостом. . .», «Октябрь — цетух медянозобый. . .», «Просинь — море, туча — кит. . .» и т. п.), а также антропоморфных образов (на очеловечивании, олицетворении явлений природы строится большинство его стихов о природе 1914—1916 гг.). В духе народной мифологии поэт рисует в «Скрытном стихе» грозу как сражение сказочных богатырей: «Когда гром гремит, Тóроп с Вихорем в грозовом бою ломают палицы». Сказочные мотивы и персонажи, смешение яви и сказки вообще характерны для поэта («Певучей думой обуян. . .», «Прохожу ночной деревней» и др.).

Мифопоэтическое и мистическое начала, религиозность, тяготение к жанрам сказки, легенды, мистерии, к апокрифическим мотивам присущи А. Ремизову — писателю, также связанному с символизмом и имевшему немало общего с Клюевым — особенно в области «орнаментального» стиля и языка, уснащенного старинными малоупотребительными словами и диалектной лексикой.

Однако по мере того как Клюев освобождался от влияния символизма, особенно осязаемого в двух его первых книгах, у него уменьшалось количество религиозно окрашенных стихов, усиливались предметность, «вещность» образов, подсказанных природой, крестьянским бытом, трудом, мотивами народной поэзии. Позднее он даже полемизировал с символистами — последователями Вл. Соловьева — в программном стихотворении «Поддонный псалом» (1916), противопоставив их идеалу родины — «Руси» (в образе «жены, одетой в солнце») свой, сугубо земной идеал.

Творчество Н. Клюева было с самого начала положительно оценено акмеистами, отколовшимися от символизма в 1912—1913 гг.⁸ Н. Гумилев посвятил рецензии обоим его сборникам (в журнале «Аполлон» — № 1 и 8 за 1912 г.). В приложении к «Аполлону» и в «Гиперборее» в том же году появились клюевские стихи. Статьи — декларации акмеистов — Н. Гумилева и С. Городецкого (Аполлон. 1913. № 1) осуждали мистицизм символистов, призывали отображать земной мир во всей его многогранности («во всей совокупности красот и безобразий»), отвергали поэзию намеков, «текучесть слова» во имя четкости и графичности словесного рисунка.

В новонародническом журнале «Заветы» Р. В. Иванова-Разумника Клюев печатал стихи, полностью свободные от мистики, выдержанные в фольклорном ключе. Поэт формально никогда не примыкал к акмеистам, но представители этого течения отзывались о нем очень высоко. О. Мандельштам писал в «Письме о русской поэзии»: «Клюев — пришелец с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте. Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Боратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя»⁹. Весной 1915 г. С. Городецкий объединил новокрестьянских поэтов в группу «Краса»¹⁰.

Характерно, что символисты ценили ранние книги поэта. В. Брюсов говорил в предисловии к сборнику «Сосен перезвон», что «огонь, одушевляющий поэзию Клюева, есть огонь религиозного сознания»¹¹. Восторженным предисловием напутствовал «Братские песни» мистик В. Свенцицкий.

Горький, как известно, отрицательно относился к религиозным исканиям модернистов. В статье «Разрушение личности» он писал: «Современный нам индивидуализм вновь разнообразно пытается воскресить бога, дабы силою авторитета его снова укрепить истощенные силы „я“, одряхлевшего, заплутавшегося в темном лесу узколичных интересов, навсегда потеряв дорогу к источнику живых творческих сил — коллективу»¹².

С поэзией Клюева писатель имел возможность ознакомиться не только по сборнику «Сосен перезвон» (который Горький сразу же заказал), но и по публикациям поэта в «Ежемесячном журнале» В. С. Мироялюбова, «Заветах» Иванова-Разумника. Впечатление его, видимо, было неоднозначным.

В мае 1913 г. Горький получил (на Каври) первое письмо от начинающего поэта Д. Н. Семеновского. Среди присланных произведений было стихотворение «Весенний перезвон» (название его перекликалось с клюевской книгой). Приведем некоторые выдержки из него:

Весна в берзовом пенке	И девушки, цветы весенние,
С цветами в ныпных косах,	По изукрашенным коврам
Сменясь, проходит вдалеке;	Пойдут в Христово Воскресение
В руках — зеленый посох. . .	В простор полей, в зеленый храм.

.

Смеется радостно и весело. . .	Как жертвенники, склоны дымные.
Пошла в поля, в простор лугов.	Повеет ветерок в лицо. . .
И на березках поразвесила	А в небе — звоны переливные,
Зеленокрылых мотыльков.	А солнце — светлое кольцо. . . ¹³

.

Горький подчеркнул в стихотворении неудачные, на его взгляд, выражения, слабые рифмы и на полях сделал помету: «Клюева читали? Это можно бы написать короче, ладнее»¹⁴.

Но наряду с лирикой природы (которая, видимо, правилась Горькому) было в творчестве Клюева немало стихов с эниграфами из Евангелия, с уподоблением лирического героя ангелу, сошедшему с небес («Я был прекрасен и крылат В богоотеческом жилище», «Я был в духе в день воскресный. . .», «Я тосковал о райских кринах, О берегах иной земли. . .» и др.). Эти стихи Горький, очевидно, не одобрял, чем и объясняются «сердитые» отзывы его о Клюеве в дальнейшем.

Писатель полагал, что недостатки творчества Дм. Семеновского (которому он помогал) — многословие, излишняя «цветистость» — идут от увлечения современной поэзией. Горький рекомендовал молодому автору учиться у Пушкина, а из современников — у Бунина: «. . . Он суховат, но прекрасно знает русский язык и не словоточив развратно, как, напр., Бальмонт, вообще — большой, конечно, поэт, но раб слов, опьяняющих его (. . .) Красота в простоте, это — аксиома»¹⁵.

А когда Д. Семеновский в письме к Горькому привел правившиеся ему стихи С. Клычкова и сообщал, что *решил быть поэтом* прекрасной дали, грядущего Эдема, града невидимого и влюблен сейчас в слово „рай“, то это вызвало резкую отповедь писателя: «А вот что Вам правятся стихи Клычкова, Клюева и подобных им, — людей весьма даровитых, но малосерьезных и еще *не поэтов*, — это плохо, простите меня! Очень плохо»¹⁶.

Д. Семеновский, кстати, не цитировал Клюева. Но Клычков

и Клюев печатались в одних и тех же журналах, их объединяли как «новокрестьянских поэтов».

Однако не к Клюеву персонально, а ко всей модернистской поэзии относились критические замечания Горького (в связи с высказыванием Д. Семеновского о «прекрасной дали, грядущем Эдеме» и т. д.): «... все это Вам не нужно. Все это — дрянь, модная ветошь, утрированный лубок и даже языкоблудие. Каким Вы будете поэтом, это неизвестно ни Вам, никому, но если Вы пойдете за Клычковыми — Вы не будете поэтом»¹⁷. С. Клычков был поэтом со своим, отличным от Клюева лицом; большую роль в его творчестве играла мифологизация природы (образы леших, русалок, картины кунальской ночи и проч.), а также сказочные мотивы.

Д. Семеновский продолжал увлекаться Клычковым, хотя в декабре 1913 г. он давал Горькому обещание: «За Клюевым, за Клычковым, хотя и восхищаясь последним, я, во всяком случае, не пойду. У меня свои задачи»¹⁸.

Клюев и Клычков тем не менее оказывали влияние на поэтов из демократической среды. Стихи в духе Клюева («Китеж», «Онта») писал А. Ширяевец (хотя общая тональность его творчества была иная). Образы с церковно-религиозной окраской встречались у раннего П. Орешина и у того же Дм. Семеновского (цикл «Иконостас»), не говоря уже о Есенине 1915—1916 гг.

Горький же настойчиво советовал молодым стихотворцам не поддаваться модным веяниям, искать себя. Он писал начинающему литератору Ю. Зубовскому (автору стихов и прозы): «Стихи... показали мне очень интересными, в них чувствуется нечто серьезное, есть своя дума о жизни, о мире. Берегите себя, не поддавайтесь влияниям „моды“. Отнюдь не думайте, что, например, Клюев — поэт. Нет еще, он не поэт, а позер. Он даровит, но — не серьезный парень»¹⁹.

Однако в высказываниях Горького тех лет, в его критике Блока (в письме к Д. Семеновскому от 31 января 1915 г.) ощутима известная недооценка исканий и завоеваний русской поэзии начала XX в. В том же письме к Ю. Зубовскому он заявлял себя строгим ревнителем классических традиций, утверждая, что «у нас стихи писали хорошо только старые поэты, прежде всех — Пушкин».

Писатель не одобрял формальных «изысков» в стихах; он неоднократно подчеркивал, что «красота — в простоте».

К вопросу о простоте Горький возвращался особенно часто, например в письме к Д. Семеновскому от 28 июня 1914 г.: «... Друг мой! — не нужно форсить рифмами, как делают это Клычковы и Клюевы, поверьте старому воробью: они гораздо больше книжники и спортсмены слова, чем поэты милостью Божией. Что будет с ними дальше, не знаю, но пока — они все еще музыкантствуют. Я не отрицаю музыку слова, но хорошая музыка — всегда просто, все хорошее — просто...»²⁰.

Хотя письмо оценивает поэзию Клюева и Клыčkкова критически, оно свидетельствует о том, что за их творчеством Горький следил. «Музыкантствующих» поэтов Горький критиковал и в устных

беседах с Дм. Семеновским (когда тот гостил у писателя в Мустаяках осенью 1915 г.). «Он, — вспоминал Д. Семеновский, — ревниво берег русский язык от засорения его «местными речениями» и словами придуманными, искусственными. Этих слов он терпеть не мог»²¹.

Н. Клюев, уроженец Олонецкой губернии, края знаменитых народных сказителей и во пленниц, многое почерпнул из фольклора. Он отлично владел песенным, сказовым, былинным стихом, а подобные жанры требовали языка, «отвечающего теме». Темами же лучших клюевских «Песен из Заонежья» и «Избынных песен» была народная жизнь, точнее — крестьянский быт его родных мест со всеми его светлыми, поэтическими и темными сторонами — гнетом рекрутчины, семейным деспотизмом, бесправным положением женщины в семье.

В лучших произведениях поэт умеренно пользовался диалектизмами. «...Самое большое, что я себе позволяю, — писал он В. С. Миролюбову, — это четыре народных слова на 32 строчки стихотворения, и то поясню упомянутые слова предыдущим содержанием, в строгом соответствии с формой и с замыслом стихотворения, т. е. так, чтобы не потребовалось никаких пояснительных сносок. В меня не вмещается ученое понятие о том, что писатель-певец дурно делает <...> если называет предметы языком своей родной местности, т. е. все-таки языком народным <...> Народная назывка — это чаще всего луч, бросаемый из глубины созерцания на тот или иной предмет, освещающий его с простотой настоящей силы, с ее огнем-молнией...»²².

Однако Клюев порой все же чрезмерно увлекался малодоступной читателю областной и архаической лексикой, как, например, в стихотворении «Беседный наигрыш».

В конце 1915 г. Горький присутствовал на вечере у художницы Н. Любавиной, где слушал выступление Клюева и Есенина²³. Клюев тогда постоянно читал «Беседный наигрыш», — «орнаментальный» стиль этого произведения, видимо, не понравился Горькому.

О Есенине и Клюеве говорил с Горьким в 1915 г. (в конце года?) критик Л. М. Клейнборт, которого писатель намеревался, по-видимому, привлечь к сотрудничеству в «Летописи» (сотрудничество это не состоялось). Л. М. Клейнборт позднее вспоминал: «Через несколько дней мы уже обсуждали темы ближайших „Очерков“ <...> Я обращаю его внимание на Есенина, о котором тоже следовало бы „Летописи“ поговорить. Он молчит.

— Что скажете?

— Человек богатого лексикона — вижу это, — отвечает он. — Но что с ним делать нам? Хороша Маша, да не наша. Он не нашей, а чужой окраски — голос звучит сердито. — Я видел его как-то вместе с Клюевым. Нарочитые пейзажи.

Горький против их „иконописи“, против их хождения по литературным салонам с гармоникой <...>²⁴.

Все же жаль, — сказал я, — модернисты захватывают такие

таланты, как Есенин, Клюев, Клычков, Ширицев. Одного выводит в люди Блок, другого — Городецкий, третьего — Свенцицкий.

— Что терять слова? Не по пути нам с ними, сударь».

Разговор возвращается к посвященному Горькому стихотворению писателя К. . . (из провинции), которое славит «божьих людей», «святую Русь». Клейнборт пытается истолковать это как символику. Горький предпочитает «без символики». «Вот как у Чехова, у Бунина. Достаточно фабрикатов Есенина, Клюева»²⁵.

Следует отметить, однако, что взгляды Горького на то или иное художественное явление, ту или иную творческую индивидуальность не были окончательными, они изменялись — в зависимости и от масштаба таланта художника, и от основного нафоса его творчества, и от общественной обстановки.

Не признавая как будто формальных новаций в поэзии, Горький одним из первых оценил дарование молодого Маяковского. Выступая против употребления в литературе малоопытных областных слов, он намеревался опубликовать в «Летописи» (№ 1 за 1916 г.) поэму Есенина «Марфа Посадница», содержащую такие слова, но пронизанную бунтарским антицаристским духом (как известно, поэма была запрещена царской цензурой).

Точно так же не было однозначным отношение Горького к религиозно окрашенной образности, к «иконописи» в стихах.

Скептицизм, недоверие проявлял писатель к «иконописи» модернистов. Но совершенно по-иному относился он к подлинным памятникам религиозной культуры русского и других народов²⁶.

В условиях начавшейся в революционные годы антирелигиозной пронаганды у Горького возникает мысль о необходимости сохранения и этой части культурного наследия.

23 декабря 1918 г. он пишет Дм. Семеновскому: «Не хотите ли Вы составить небольшой сборник по церковной лирике? Нужно взять такие вещи, как „Покаяния двери отверзи ми“, некоторые песнопения из заупокойной литургии, наиболее красивые ирмосы*, кондаки** и перевести их стихами.

Сборник будет издан так, что на одной странице — славянский текст, а на другой — перевод. Он выйдет в серии сборников, озаглавленных „Христианская церковная лирика“ или „Христ(ианские) церковные песни“. Затем будут даны сборники по буддийской, еврейской, магометанской церковной лирике. Надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть, и пустить это в широкий оборот. Так?

Отвечайте скорее, берете ли на себя эту работу»²⁷.

Во втором письме Горький давал Дм. Семеновскому два адреса, по которым он должен был посылать выполненные переводы: один свой, домашний (на Кронверкском проспекте), другой — издательства «Всемирная литература» на Невском. Именно в этом издательстве и предполагал писатель выпускать сборники религиозной поэзии разных народов.

* В православной церкви — род богослужебного песнопения.

** Кондак — краткая церковная песнь.

Представляет большой интерес и второе письмо Горького — от 21 января 1919 г.: «С переводами церковной лирики можете не очень торопиться, но — пожалуйста, считайте это дело — делом важным и очередным! Очень прошу! Будет большой заслугой Вашей перед русским народом, если Вы сердечно и умно покажете ему великую прелесть его религиозной поэзии. <...> Не страшно уходить от подлинника далеко: „студными бо околяхъ душу мою грехми“ — непонятно, а — прекрасно! Перелагая эти чудесные слова на упрощенный язык, необходимо найти нечто равносильное им по красоте, — не так ли? Возьмите кое-что из заукокойной литургии, из пасхальных песнопений и т. д. Много материала дает „Пентикостарион, сиречь Триодь цветная“*. Эпиграфом возьмите из Триоди же: „В печалех родиши чадо, тому прежде и радость внушити“. О „богомудрых женах“ найдите что-либо, а не найдете — извлеките из своей души»²⁸.

«С нетерпением жду переводов», — пишет Горький позднее (15 апреля 1919 г.)²⁹.

Повышенный интерес Горького к «религиозным началам» русской народной культуры, возможно, предопределил в тот период и более благожелательное отношение его к творчеству Ключева. Если Есенин, разошедшийся с «средним братом», осуждающе писал о его «мистически-религиозном тяготении»³⁰, то Горький положительно отнесся к ключевской поэме «Мать-Суббота», в которой это тяготение выступило особенно ясно.

Со второго полугодия 1919 г. и в следующем, 1920 г. Д. Семеновский выполнял заказ Горького, высылая ему переложения на современный литературный язык церковнославянских молитв и песнопений (приводя, как было условлено, и тексты первоисточников). Однако сопоставление переводов с оригиналами чаще всего свидетельствовало о неудачах поэта. Переводы оказывались бледными, теряли присущую церковнославянским текстам возвышенность, патетичность. Причиной, возможно, была «бедность языка» Д. Семеновского (о которой позднее написал поэту Горький, ознакомившись с его переводом «Слова о полку Игореве»).

Произведение Ключева «Мать-Суббота», написанное в 1921 г., изданное в декабре 1922 г., Горький (находившийся тогда в Саарове) прочел в начале января следующего года. В письме к Ромену Роллану от 13 января 1923 г. он сопоставил поэму Ключева (не называя ее, а лишь цитируя из нее строку-рефрен) с повестью французского писателя «Жола Брюньон» и новым романом К. Гамсуна. Горький пишет Роллану: «Какую прекрасную книгу сделали Вы, дорогой друг! Вот, поистине, создание галльского гения, воскрешающее лучшие традиции Вашей литературы! <...> Вы — мастер. И у Вас великолепное сердце. На днях я прочитал еще одну прекрасную вещь, это роман Кнута Гамсуна „Соки земли“ — эниче-

* Пентикостарион или пентикостарий (греч.) — то же, что Триодь — собрание трехпесенных канонов; Триодь цветная — церковные службы от Пасхи до Недели всех святых.

ская идиллия, апология жизни и труда — чудесная вещь! Там, как и у Вас, главный герой — „ангел простых человеческих дел“, гений труда и борьбы с природой»³¹. Закавыченные Горьким слова принадлежат Н. Клюеву; ни в тридцатитомнике, ни в двухтомной «Переписке М. Горького» (М., 1986) это не отмечено. Строка: «Ангел простых человеческих дел» — служит зачином и рефреном поэмы Клюева:

Ангел простых человеческих дел
Хлебным теляням дал тук и предел.
(с. 458)

Изображается в этой поэме и выращивание урожая, представленное как религиозное действо, в котором принимает участие сонм почитаемых на Севере святых (при этом повторена процитированная Горьким строка):

Слышите ль, братья, поддонный трезвон
Отчие зовы запечных икон?!
Кони Ильи, Одигитрии плат,
Крылья Софии. Попрание врат,
Дух и Невеста, Царица предета
В колесе житном отверзали уста!

Ангел простых человеческих дел
В персях земли урожаем вскинул.
(с. 459)

«Мать-Суббота» — гимн деревенскому труду, изобилию, плодovitости («Песеке зыбок претит пустота...»). Но это не бытовое произведение с этнографическими деталями (как более поздняя поэма Н. Клюева «Заозерье»). Здесь ясно просвечивает глубинная мистическая основа.

Писатель, видимо, высоко оценил художественное своеобразие произведения Н. Клюева, и оно запомнилось ему. Он и в дальнейшем упоминал «Мать-Субботу», — в связи с повестью Г. Уэллса «Душа епископа. Повесть о совести, религии, жизненных тревогах и немного о любви» (Л., 1924) Горький замечал: «Нет, рационалисты не умеют, не способны размышлять о элементарном: Боге, любви, смерти (<...> „Бог — владыка копеечной газеты и омнибуса и всех обыденных вещей“ — это раньше и лучше сказано Н. Клюевым в его «Субботе».

„Ангел простых человеческих дел“»³².

В переписке Горького с И. Груздевым в начале 1926 г. обсуждался вопрос о героях современной литературы. Горький был против искусственного «выдувания» «героев» из людей, которые, «привыкнув драться, больше ничего не умеют и не хотят»³³.

И. Груздев напомнил писателю о взглядах на проблему героя В. Г. Короленко: «Теперь уже героизм если и явится, то непременно не „из головы“ (<...> корни его будут (<...> в той глубокой

психической почве, где формируются вообще человеческие темпераменты, характеры и где логические взгляды, чувства, личные наклонности сливаются в одно психически неделимое целое, определяющее поступки и деятельность живого человека»³⁴.

Горький отвечал, что беседовал на затронутую тему с Короленко «в Москве, в 903 или 4 году и убедился, что он понимает: „психически неделимое“ как упрощение человека, примерно как Н. Клюев своего „ангела простых человеческих дел“. Моя „кочка зрения“ — иная: человек должен усложнять, а не упрощать себя. Героизм не только в „преодолении зоологического индивидуализма“. <...> в силе воли человека, ведущей его „вперед и выше“. <...> Поэтому для меня лично — герой исследующий, ищущий несравнимо ценнее героя, уже утвердившегося в вере своей и тем „упростившего“ себя <...> А „психически цельный“ человек мне кажется невозможным при наличии все более быстрого течения явлений жизни»³⁵.

Хотя Н. Клюев не был здесь в центре суждений Горького (он лишь воспользовался строкой поэта для пояснения своей мысли), писатель объективно высказался о несоответствии патриархального идеала Клюева историческому движению.

Это не мешало Горькому ценить Клюева как художника слова, многое почерпнувшего от «народа-языкотворца». Он писал прозаiku И. Ф. Каллиникову (в 1924 г.): «Ваш язык ничего нового не дает, — северяне писатели Чапыгин, Клюев, Пришвин несравнимо богаче Вас, лексикон у них обширнее и вкусней, ярче»³⁶.

К 1926 г. относится окончательная редакция статьи М. Горького «Семен Подъячев» — предисловие к первому тому Полного собрания сочинений С. П. Подъячева, выпускавшегося издательством «Земля и фабрика» (М., Л.: Зиф). В статье говорилось: «Беспощадно изображая слепоту и глухоту русской деревни, Подъячев никогда не забывал, что пишет он о людях хотя и весьма „черненьких“, но о людях, из среды которых, несмотря на звериные условия ее быта, все чаще являются Чапыгины, Есенины, Клюевы, Иваны Вольновы и т. д.»³⁷.

Горький интересовался судьбой Клюева, понимая, что она не может складываться благополучно в условиях рапповского третирования крестьянских писателей старшего поколения.

Вопрос о Клюеве неоднократно возникал в переписке Горького и А. П. Чапыгина, который также был уроженцем Олонецкой губернии и, живя, как и Клюев, в Ленинграде, встречался с ним.

«Что делает Клюев?» — спрашивал Горький Чапыгина в 1926 г.³⁸, в том же письме, где он вспоминал олонецкую сказительницу, произведшую на него глубокое впечатление.

Ответ Чапыгина был неутешителен: «Клюев — захирел, ибо ему печатать то, что он пишет, нигде, а когда делает вылазки в современность, то это звучит вместо колокольного звона как коровий шаркун, последнее время даже иконы писал, чтобы заработать хоть что-нибудь»³⁹.

Чапыгин был не совсем прав: Клюев предпринимал и удачные «вылазки в современность» — «Богатырка», «Новые песни» (особенно сильное стихотворение — «Ленинград»); несколько позднее — «Корабельщики». Характерно, что «новые песни» у Клюева начали появляться (после паузы в несколько лет) с конца 1925 г. Именно в тот период активно проводился в жизнь лозунг смычки города с деревней, а резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы» призывала к «бережному отношению» к попутчикам и крестьянским писателям. Однако этот благоприятный для Клюева период продолжался недолго. В начале 1927 г. он выступил с поэмой «Деревня», вызвавшей резкие нападки со стороны рапповцев. Ратуя, как и С. Клычков, за гармонические отношения человека с природой, Клюев предупреждал об опасности бездумного вторжения техники в мир природы. В его поэме при виде трактора

Утониться в окуньей гати
Бежали березки в ряд.
За ними с пригорка олки
Разодрали ноженки в кровь. . .⁴⁰

И хотя «Деревня» заканчивалась оптимистически («...будут, будут стократы По Дону вишневы хаты...»), содержание ее было противоречиво. За Клюевым прочно утвердилась репутация «кулацкого поэта».

Возможно, в связи с критикой новой клюевской поэмы А. Чапыгин обратился к Горькому (в апреле 1927 г.): «Дорогой Алексей Максимович! Очень прошу Вас написать в Москву кому-нибудь из власть имущих о *Клюеве*, — его заклевали, и он бедствует, а, между прочим, поэт крупный и человек незаурядный — пусть ему как-нибудь помогут. Не печатают его, и живет он по-собачьи. Жаль будет, если изведется!»⁴¹.

У нас нет сведений, ходатайствовал ли Горький за Клюева в 1927 г. Не исключено, что ходатайствовал, так как журнал «Звезда» опубликовал в № 5 за 1927 г. стихотворение Клюева «Юность», в ноябре на литературной странице «Ленинградской правды» появилось произведение «Корабельщики» (в сокращенном виде — без последних трех строф); а издательство «Прибой» начало готовить к выпуску в свет сборник Н. Клюева «Изба в поле» (он лежал в издательстве без движения два года — вышел в марте 1928 г.).

К тому времени Горький приобрел, очевидно, книгу двух авторов: Николай Клюев и П. Н. Медведев. Сергей Есенин (Л.: Прибой, 1927). Книга содержала поэму Н. Клюева «Плач о Сергее Есенине» и статью П. Н. Медведева «Пути и перепутья Сергея Есенина». Горький живо интересовался всем, касающимся С. Есенина. Книга хранится в личной библиотеке писателя с его пометами. Последние свидетельствуют о том, что поэму Н. Клюева Горький читал с большим интересом. На с. 6 подчеркнуты (красным карандашом) слова Клюева о Есенине: «Лепил я твою ду-

шеньку, как гнездо касатка». На с. 7: «Овдовел я без тебя, как печь без помяльца». На с. 10 Клюев вспоминает февраль 1917 г., свержение самодержавия, которое и он, и Есенин встретили восторженно (об этом есть свидетельство Иванова-Разумника в письме к Андрею Белому от 29 апреля 1917 г.: «Кланяются Вам Клюев и Есенин. Оба в восторге, работают, лишут, выступают на митингах» ⁴²).

В те годы московская Русь
Скидала державную гнусь,
И тцетно Иван золотой
Царь-колокол нудил пятой.

Горький подчеркнул слова «державная гнусь», не оставляющие никаких сомнений в прогрессивности взглядов Клюева в то время, в его антицаристской настроенности ⁴³.

Образ юного Есенина в первой части клюевской поэмы уподоблен молодой березке — это как бы символ полевой России, противостоящей городу. По мысли автора поэмы, столкновение с городом оказалось губительным для его «собрата» (а такая трактовка судьбы Есенина была тогда созвучна и высказываниям Горького).

Из всех подворотен шел гам —
Иди, песнопилкая, к нам!
А стая подкарых газет
Скулила: кулацкий поэт! ⁴⁴

Горький подчеркнул последнюю строчку в этой строфе, что свидетельствовало, видимо, о несогласии писателя с подобным вульгаризаторским отношением к Есенину (в 1927 г. кампания против «есенинщины» уже набирала силу).

Мы не останавливаемся на многочисленных пометах Горького в тексте статьи П. Н. Медведева «Пути и перепутья Сергея Есенина». Но последняя помета — на заключительной, 86-й странице книги — имеет отношение к Клюеву. П. Н. Медведев писал: «Есенина оплакали многие поэты, в стихах большею частью слабых и расслабленных. И вот „Плач о Есенине“ Николай Клюева, его песенного брата и друга лучших есенинских лет (. . .) В нем личное переплетается с общественным, глубоко интимное с общесторическим, скорбь с размышлением, нежная любовь к Есенину со спокойной оценкой его жизненного дела, одним словом, — лирика с эпосом, создавая сложную симфонию образов, эмоций и ритмов».

Далее следуют строки, которые Горький подчеркнул двойной чертой (красной и синей), поставив на полях большой восклицательный знак: «Из запутанной сети личных взаимоотношений с Есениным, сложных и неровных, то братских, то вражеских, Н. Клюев сумел выйти в „Плаче“ путем всепрощения».

Критик имел в виду заключительное стихотворение клюевского «Плача» — под названием «Успокоение», в котором звучат ноты умиротворенности и принятия жизни:

Падает снег на дорогу —
Белый ромашковый цвет,
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет.
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.

Жизнь — океан многозвонный —
Путнику плещет во след.
Волгу ли, берег ли Роны —
Все принимает поэт...
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет⁴⁵.

В мае 1928 г. Горький приехал в СССР. Изданную в том же году книгу Н. Клюева «Изба в поле» (составленную из дооктябрьских стихов поэта) райновцы отнесли к «новобуржуазной» (т. е. «нэповской») литературе.

Поэту стало ясно, что трудности с публикацией его творчества будут возрастать (в последние годы он не печатался ни в сборниках, ни в периодике⁴⁶). В этих сложных условиях Клюев решил обратиться за помощью к Горькому, приехавшему в СССР в 1928 г. Писатели были лично знакомы, хотя и не близки.

По воспоминаниям Пимена Карпова, Клюев на вечере у художницы Любавиной в 1915 г. назвал Горького «русским народным писателем». В 1918 г. он бывал в квартире Горького на Кропиверском проспекте. К тому времени относится и первое письмо Клюева к Горькому — с просьбой походатайствовать перед Луначарским об издании «Песнослава» (второй том его состоял из революционных стихов) в государственном советском издательстве. Письмо опубликовано К. Азадовским в документальном обзоре «Клюев и Горький (знакомство и переписка)»⁴⁷. Настоящая статья, содержащая переписку Клюева и Горького 1928 г., была уже написана, когда появилась публикация К. Азадовского в «Литературном обозрении». Поэтому мы считаем себя вправе воспроизвести переписку с некоторыми сокращениями писем Клюева.

Предположительно в конце августа 1928 г. Н. Клюев обратился с запиской к Горькому, находившемуся в то время в Москве: «Алексей Максимович — я погибаю от нищеты, помогите мне. Справедливость и русская поэзия будут Вам благодарны. Николай Клюев.

Адрес. Ленинград. Морская ул., д. 45, кв. 8».

На том же листе рукой Горького сделана помета красным карандашом: «Надо послать 200—300 р.», ниже почерком секретаря Горького: «Послано»⁴⁸.

Как явствует из второго письма Клюева, Горький прислал поэту не только деньги, но и благожелательный ответ, текст которого, к сожалению, неизвестен. Клюев (вторично) писал Горькому: «Я глубоко взволнован Вашей помощью, Алексей Максимович, — получил двести рублей и Ваше письмо. В письме Вы спрашиваете, каким способом можно помочь мне более солидно и чтобы я об этом подумал.

Скажу Вам как перед смертью: прежде всего непосредственной денежной помощью в таком размере, чтобы я пережил эту зиму, — считая хотя бы по пятидесяти руб. в месяц (...). Вторая возможность (...) следующая: По Вашему одобрению Халатов может

издать полное собрание моих стихов в количестве не менее пяти тысяч экземпляров каждой книги (всего три тома стихотворений) с выплатой мне половины продажной стоимости издания, чего в других случаях Госиздат не допускает. И третья возможность — это приобретение лично Вами в вечную собственность моих сочинений, конечно с правом передачи прав на издание каждому, кому Вы пожелаете (сыну, жене и т. п.).

Я знаю, что Халатов может Вам выложить резоны, временные и злободневные, но лучшие цветы с русских полей, собранные в мои книги, такой страсти, как наша, рано или поздно понадобятся. Халатову небызвестно, что ни одна лекция по русскому языку в вузах, семинариях и школах не обходится без моих стихов как пособия и что есть хрестоматийные руководства, где приводится целиком по тридцать моих произведений⁴⁹. Следовательно, польза от меня налицо. Но я умер бы счастливым, если бы самое любимое и прекрасное в народной жизни (что и составляет суть моего творчества) оказалось в Ваших руках. В настоящем это было бы истинной человечностью, время же овевало бы Вашу такую помощь глубокой нежностью и поэзией. Кланяюсь Вам земно и люблю крепко. Н. Клюев»⁵⁰.

Горький был немало удивлен и раздосадован последним предложением Клюева. Он ответил Н. Клюеву (текст приводится по сохранившемуся черновому автографу): «Ваше предложение купить Ваши книги в полную и личную собственность поразило меня и, если хотите знать, несколько обидело. Я — литератор и скупкой трудов сотоварищей моих по работе никогда не занимался, не знаю — занимался ли этим неблагоприятным делом кто-либо из русских литераторов. Прошу Вас предложения этого не повторять и не объяснять его.

С Халатовым еще не говорил. Думаю, что на условиях, Вами предлагаемых, Госиздат не возьмет Ваши книги. Но почти уверен, что можно бы издать том Ваших избранных стихов. О беседе с Халатовым сообщу Вам в среду. А. Пешков»⁵¹.

Ответ Горького датирован: 10/IX 28.

Третье и последнее (в 1928 г.) письмо Клюева позволяет уточнить время создания поэмы «Погорельщина».

Мы приведем (с сокращениями) это письмо поэта к Горькому от 16 сентября 1928 г., с Полтавщины, важное для уяснения некоторых фактов его биографии. В начале письма Клюев просит извинения у писателя «за голодный вой». «Но, — пишет он далее, — моя боль по земле, по сосновой поморской избе, которых за последние годы я лишился, двигает и моим поведением <...> нищета, скитание по чужим обедам разрушают меня как художника. Такие чистые люди, как, напр<имер>, В. С. Мировлюбов, хорошо осведомленный о мире, из которого я вышел, сердечно разделяют мою печаль. Но жизнь Вам и крепость.

Книжка моих избранных стихов два года лежала в изд<ательстве> „Прибой“ и наконец вышла в марте этого года. В книге не хватает девяноста страниц, не допущенных к напечатанию.

Гонорар же 400 руб, выплачиваемый „Прибосом“ в течение такого долгого времени, конечно, давно проеден.

Есть у меня книга поэм⁵². Написана новая поэма из двенадцати несен под названием „Погорельщина“. На издание Халатовым полного собр(ания) я согласен на каких угодно условиях»⁵³.

Итоги переговоров Горького с Халатовым были, видимо, неутешительны для Клюева — том его избранных стихотворений, который писатель считал возможным издать, в Госиздате не вышел.

В нашем литературоведении уже отмечалось, что отношение Горького к Есенину было частью более широкой проблемы — отношения писателя к деревне, к крестьянству⁵⁴.

Еще более верно это применительно к проблеме «М. Горький и Н. Клюев». Общеизвестно, что Есенин перерос «новокрестьянское» течение в поэзии, с которым он был связан в начале пути, стал великим певцом Руси Советской и лириком общечеловеческих «вечных» тем.

Н. Клюев же, хотя и положительно воспринял в свое время Октябрь («Мужицкая ныне земля И церковь — не наймит казенный. . .»), долгое время сохранял консервативные черты мировоззрения. Знатоком эстетических ценностей древней Руси, иконописи, народного искусства, он в эпоху коренной ломки старого уклада жизни опасался (и не без оснований) за судьбу этих ценностей. В начале 30-х годов поэт самокритично писал о себе:

Недоуменно не кори,	Как перс священному огню
Что мало радио-зари	Я отдал дедовским иконам
В моих стихах — бетона, гаек,	Поклон до печени земной,
Что о мужицком хлебном рае	Микула с мудрою сохой.
Я нудным оводом бубню	И надломил утесом шлею.
Иль костромским сосновым звоном!	

(с. 451)

Драматизм положения Клюева усугублялся в то время господством вульгарно-социологической критики, которая зачисляла в «кулацкие» писатели не только его и С. Клычкова, но и Есенина, П. Орешина.

12 июня 1932 г. состоялась беседа Горького «с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС».

Горькому был задан вопрос о Есенине, который якобы «был чужд нашей эпохе, а им заразились». Горький отвечал: «. . . если бы об Есенине не кричали так много, а просто читали, то (. . .) ничего бы не вышло, никаких заболеваний. Здесь — ясное и определенное явление. Крестьянский поэт тот самый глиняный горшок, который, столкнувшись с железной посудой — с городом, должен был об него разбиться. Это драма не одного Есенина, а всех настоящих, кондовых, инстинктивных, биологических крестьянских поэтов»⁵⁵. Можно не сомневаться в том, что к поэтам того же типа Горький относил и Клюева.

В 1933 г., уже после ликвидации РАПП, Горький, по существу, согласился с малообоснованными высказываниями литературоведа Н. А. Славятинского. В ответ на предложение Славятинского — создать «Словарь эпитетов русской художественной речи» — Горький выдвинул идею «дать еще „Словарь русского былинного языка“». Он считал необходимым «возбудить в молодых литераторах интерес к фольклору, к эпическому строю речи». Славятинский высказал в связи с этим сомнение: «Вас, по-видимому, не смущает то, что большая часть известных (оговариваюсь, известных мне) *попыток современных писателей опереться на фольклор носила либо реакционный характер* (Клюев, Клычков), либо карикатурно-революционный (небезызвестный Петр Орешин)».

Курсивом выделены слова, подчеркнутые Горьким. Он сделал возле них помету: «Очень верно!»⁵⁶.

Следует заметить, что Н. А. Славятинский не был специалистом по фольклору, а сообщал Горькому, что читает западноевропейскую литературу в Ярославле.

Можно привести немало примеров использования приемов и образов фольклора Клюевым в прогрессивных по содержанию стихах. Фольклоризм Клюева — проблема еще мало исследованная, хотя можно уже назвать работы В. Г. Базанова, Н. Ю. Грыкаловой (выступавших в «Русской литературе»).

Ценные сведения содержит также письмо В. А. Дынник, литературоведа и вдовы известного фольклориста Ю. М. Соколова, хорошо знакомого с Клюевым: «Ю(рий) М(атвеевич) часто говорил о Клюеве, ценил в его поэзии народность — не ту лубочную народность, которая раздражала и возмущала Ю(рия) М(атвеевича), а органическую, глубокую. . . О фольклоре и этнографии Севера Клюев вполне мог говорить с Ю. М. Соколовым „на равных“: его познания в этих областях были действительно чрезвычайно обширными»⁵⁷.

По-иному звучит и читается в наши дни и клюевская поэма «Погорельщина», по словам ученого, насыщенная «этнографией и фольклором, художественным видением поэтической старины»⁵⁸.

Клюев, несмотря на старания руководства писательских организаций, все же не был (в начале 30-х годов) в полной изоляции в литературе. Им интересовалась поэтическая молодежь. У него бывали Павел Васильев и другие поэты.

В преддверии первого Всесоюзного съезда писателей, в июне 1934 г., Н. Клюев был подвергнут административной ссылке в поселок Колпашев Нарымского края по обвинению в «кулацкой агитации». «Дано пять лет по 58/10 статье за поэму „Погорельщина“ и агитацию ею», — писал Клюев тогда же С. А. Толстой-Есениной, рисуя тяжесть, беспросветность своего положения («Я погибну в Нарыме без милостыни со стороны, без одежды, без нищи и без копейки») ⁵⁹. Он просит организовать для него сбор средств у писателей, но главной надеждой для Клюева в этот тя-

желый момент становится Горький. Он убеждает вдову Есенина связаться с А. В. Неждановой, знакомой с Горьким «еще по Италии», и поговорить об облегчении его участи — сокращении срока и изменении места ссылки. Среди друзей поэта были Н. А. Обухова и педагог по вокалу Н. Ф. Христофорова-Садомова, поддерживавшая переписку с опальным поэтом. Ей сообщает Клюев о своем намерении — обратиться к Горькому с письмом, но так, чтобы «письмо вручить лично и поговорить» (а не через секретаря, «который мое письмо непременно затормозит»). «Горький всю жизнь относится ко мне хорошо. Я крепко надеюсь, что и теперь он не изменился ко мне»⁶⁰.

Было ли написано Клюевым и передано через московских знакомых Горькому письмо — точно неизвестно. Но в сентябре поэт получил из Москвы описание «впечатлений от съезда писателей. Оказывается, — сообщает он той же корреспондентке, — на съезде писателей упорно ходили слухи, что мое положение должно измениться к лучшему и что будто бы Горький стоит за это»⁶¹. Эти слухи, видимо, имели основание. В своем выступлении на съезде Горький упомянул Клюева, отнеся его к певцам «мистической сущности крестьянства и еще более мистической „власти земли“»⁶². Это не могло помешать ему оказать поэту помощь. Срок ссылки сократить не удалось, но вскоре Клюева из Колпашева перевели в Томск. И хотя поэт общался с некоторыми представителями местной интеллигенции (семья ученого Р. С. Ильина), его быт оставался тяжелым. Сибирские письма Клюева содержат просьбы о материальной помощи, свидетельствуют о том, что ему приходилось порой просить милостыню. Поэт не имел средств снять отдельную комнату, жил в «общей избе, где народу 14 человек — мужичья и баб с ребятами»⁶³. Но творческий дар не покидал его. «Несмотря на бездомье и отсутствие уединения, — писал Клюев В. Н. Горбачевой-Клычковой, — сердце мое полно стихами. Правда, все они не записаны, а хранятся в арсенале памяти и радуют меня...»⁶⁴ В 1937 г. поэт был незаконно репрессирован и погиб в томской тюрьме.

По словам Горького, «в России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле»⁶⁵.

Тема Родины — России красной нитью проходит через все творчество Николая Клюева — начиная от ранних подражаний Блоку («О, кто ты, родина? Старуха? Иль властноокая жена?») до сказочного образа Руси — «Белой Индии», страны «высочайшего и сейчас немислимого духовного могущества и духовной культуры»⁶⁶, и трагедийных строк поэмы «Погорельщина»:

Где Стратилатом на коне
Душа России, вся в огне,
Летит ко граду, чьи врата
Под знаком чаши и креста!⁶⁷

На глазах поэта рушился привычный патриархальный крестьянский мир и созданный им миф об особом «избранном космосе», не подверженном историческим катаклизмам.

Порой его одолевали сомнения в правильности избранного страной пути, и тогда в его поэзии переплетались мотивы надежд и отчаяния, неверия и веры в будущее, как в поэме «Деревня».

Вместе с другими повокрестыянскими поэтами Н. Клюев сетовал, что в деревне «от полавочных изголовий Неслышно сказка ушла».

Но, вопреки этим драматическим переживаниям, поэт завершил произведение жизнеутверждающей нотой:

Только будут, будут стократы	Только б месяц, ридяся в дымы,
Но Доу вишневые хаты.	На реке бродил по налимь,
Но Сибири лодки из кедра,	Да черемуху в белой шали
Олончане песнями щедры,	Вечера, как девку, ласкали! ⁶⁸

Своей главной книгой Н. Клюев считал поэму «Песнь о Великой Матери» — России, полный текст которой пока не найден. Известны лишь небольшие фрагменты поэмы, хранившиеся у друга поэта художника А. Н. Яр-Кравченко ⁶⁹. Но и эти живописные картины русского Севера, Заонежья и Поморья свидетельствуют о том, что Клюев с полным правом называл себя «поэтом великой страны, ее красоты и судьбы» ⁷⁰.

¹ Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. М.: JL, 1981. Кн. 1. С. 4.

² *Клюев Н.* Стихотворения и поэмы. JL, 1977. С. 101—102. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

³ Лит. наследство. Т. 92, кн. 4. М., 1987. С. 489.

⁴ Церковнославянской грамоте Клюев выучился в семье (у матери-старообрядки). Позднее он окончил городскую начальную школу в Вытегре и один год учился в фельдшерском училище в Петрозаводске.

⁵ *Бахтин М. М.* Есенин: Запись лекции // День поэзии. М., 1985. С. 113.

⁶ *Иванов Вяч.* «Поэт» и «Чернь» // Весы. 1904. № 3. С. 8; *Он же.* По звездам. СПб., 1909. С. 41.

⁷ *Андрей Белый.* Символизм. М., 1910. С. 447—448.

⁸ См.: *Азидовский К. Н. А.* Клюев и «Цех поэтов» // Вспр. лит. 1987. № 4. С. 269—278; *Швецова Л.* Николай Клюев и Анна Ахматова // Там же. 1980. № 5. С. 303—305.

⁹ *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 175.

¹⁰ О группе «Краса» см.: *Есенин С. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1980. Т. 6. С. 432—433.

¹¹ *Клюев Н.* Осен перезвон. М., 1912. С. 11. Впоследствии В. Брюсов выступил с отрицательной рецензией на двухтомник Н. Клюева «Песноплов». А. Блок также отрицательно отзывался о позднейших стихах Клюева (в рецензии на творчество Дм. Семеновского, 1919).

¹² *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 31.

¹³ Архив А. М. Горького. КГ-ря 70-1-54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 303—304.

¹⁶ Там же. С. 345.

¹⁷ Там же. Нельзя согласиться с утверждением в т. 11 Архива А. М. Горького (М., 1966), с. 32, что именно «...поэтическую манеру Клюева» Горький определял как «мелкую ветость, утрированный дубок и даже языкобаудие». Речь шла о «всей современной бутафории и театральщине» модернистской поэзии.

¹⁸ Архив А. М. Горького. КГ-п 70-1-5; Волга. 1968. № 3. С. 47.

¹⁹ Архив А. М. Горького. ПГ-ря 16-25-2.

- ²⁰ Семеновский Дм. А. М. Горький: Письма и встречи. 2-е изд. Иваново, 1961. С. 25—26.
- ²¹ Там же. С. 60. Следует все же подчеркнуть, что в вопросе о «местных речениях» Горький не был столь категоричен, он лишь призывал «не злоупотреблять» ими. «Наиболее меткие — это хорошо, но надобно пользоваться ими умело» (Там же. С. 88).
- ²² Огонек. 1984. № 40 (сент.). С. 26. При этом Кавказ просил не принимать его «народные слова и образы только за олонечские, так как они <...> держатся крепко <...> во всей северной России и Сибири» (Там же.)
- ²³ См.: Архив А. М. Горького. М., 1969. Т. 12. С. 226. Горький ошибся в дате; «весной 14-го года», как он пишет, этой встречи не могло произойти, так как Клюев и Есенин тогда еще не были знакомы.
- ²⁴ Горький не мог знать того, что, выступая с чтением стихов в литературных салонах, Клюев критически относился к столичной литературной среде, к чете Городецких, к Игорю Северянину и стремился внушить это критическое отношение Есенину. См.: Письмо Н. Клюева к Есенину от августа 1915 г. // Есенин и современность. М., 1975. С. 238—240.
- ²⁵ Клейнборг Л. М. Встречи // Архив А. М. Горького. МоГ 6-32-1. С. 93—96.
- ²⁶ «Правда» писала о несостоятельности как аналогического преувеличения роли религии в истории человечества, так и вульгарно-социологического представления о ней как о своего рода контркультуре: «Строго говоря, следовало бы противопоставлять не культуру в религию как таковые, а светское и религиозное начала культуры. Подобное соотношение менялось от эпохи к эпохе, от одного региона к другому» (Турсунов А. Атеизм и культура // Правда. 1987. 16 янв.).
- ²⁷ Архив А. М. Горького. ПГ-рл 38-22-19.
- ²⁸ Там же. ПГ-рл 38-22-20.
- ²⁹ Там же. ПГ-рл 38-22-21.
- ³⁰ Есенин С. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 302.
- ³¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 404—405.
- ³² Архив А. М. Горького. М., 1969. Т. 12. С. 240.
- ³³ Там же. М., 1966. Т. 11. С. 31.
- ³⁴ Там же. С. 37.
- ³⁵ Там же. С. 41—42.
- ³⁶ Вопр. лит. 1986. № 6. С. 163.
- ³⁷ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 241.
- ³⁸ Лит. наследство. Т. 70. М., 1963. С. 648.
- ³⁹ Там же. С. 650.
- ⁴⁰ День поэзии. М., 1980. С. 28.
- ⁴¹ Лит. наследство. Т. 70. С. 656.
- ⁴² Есенин С. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1979. Т. 5. С. 368.
- ⁴³ В последние годы в печати появились высказывания, неверно освещающие этот вопрос. Так, В. И. Орлов в книге «Перекутыя» (М., 1976) писал: «...Клюева... возили в Царское Село, где он читал свои стихи императрице и был принят благосклонно» (С. 166—167). В действительности Клюев приезжал в Царское Село осенью 1916 г. в гости к Есенину и стихов императрице не читал (вместе с Есениным перед императрицей и царевнами в концерте для раненых в лазарете выступал другой солдат, подчиненный полковнику Ломану). На предложение того же Ломана Клюеву и Есенину написать книгу верноподданнических стихов, замечательных в них лиц царя и его приближенных, Клюев ответил отказом. См.: Вдовин В. Есенин на военной службе. Науч. доклады высш. шк. // Филол. науки. М., 1964. № 1. С. 144.
- ⁴⁴ Клюев Н., Медведев Н. Н. Сергей Есенин. Л., 1927. С. 11.
- ⁴⁵ Там же. С. 17—18.
- ⁴⁶ Лишь после ликвидации РАПЦ, в 1932 г., в № 12 журнала «Земли советская» появилось несколько стихотворений Н. Клюева под общим названием «Стихи из колхоза». Это — его последние прижизненные публикации.
- ⁴⁷ Лит. обозрение. 1987. № 8. С. 110—112.
- ⁴⁸ Архив А. М. Горького. КГ-н 35-23-1.
- ⁴⁹ Клюев не преувеличивал. В антология «Русская поэзия XX века» И. С. Ежова и Е. И. Шамурина (М., 1925) приведено 30 его стихотворений. Много примеров из поэзии Клюева содержится в учебных пособиях тех лет. См.: Рыбникова М.

- Книга о языке (являла в 20-е годы тремя изданиями); *Она же*. Русская литература в вопросах, темах и заданиях. 3-е изд. М., 1928; *Она же*. Современная и классическая литература в школе. М., Л., 1927; *Астахова А.* Из истории и ритмики хорей; Поэтика. Л., 1926 (Временник отд. словесн. искусств. Ин-т истории искусств; Вып. 1); и др.
- ⁵⁰ Архив А. М. Горького. КГ-п 35-13-2.
- ⁵¹ Там же. ПГ-рл 18-30-2.
- ⁵² Такой книги у Клюева нет, возможно, поэт готовил ее.
- ⁵³ Архив А. М. Горького. КГ-п 35-13-3.
- ⁵⁴ См.: *Вайнберг Н. А.* М. Горький и Сергей Есенин // *Вопр. лит.* 1984. № 9. С. 87.
- ⁵⁵ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 94.
- ⁵⁶ Лит. наследство. Т. 70. С. 373.
- ⁵⁷ *Азодовский К. М.* Ю. М. Соколов и Н. А. Клюев // *Русский Север: (Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики)*. Л., 1986. С. 215—217.
- ⁵⁸ *Базилов В. Г.* Поэма о древнем Выге // *Русская литература*. 1979. № 1. С. 82.
- ⁵⁹ Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ). Архив С. А. Толстой-Есениной (АСТ-Е).
- ⁶⁰ Сибирские письма Николаю Клюеву // *Красн. знамя*. Вытегра. 1985. 17 окт. С. 4. Публ. С. Субботина.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 349.
- ⁶³ Николай Клюев в последние годы жизни / Публ. Г. С. Клячкова и С. И. Субботина // *Новый мир*. 1988. № 8. С. 186.
- ⁶⁴ Там же. С. 191.
- ⁶⁵ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. С. 66.
- ⁶⁶ Звезды Вытегры. 1919. 3 авг.
- ⁶⁷ *Новый мир*. 1987. № 7. С. 92.
- ⁶⁸ *Клюев Н. А.* Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986. С. 230.
- ⁶⁹ Орывки из поэмы Н. Клюева «Песнь о Великой матери» приведены в ст.: *Шаецова Л., Субботин С.* Эти гусли — глубь Онега... (Из поэзии Николая Клюева конца 20-х—начала 30-х годов) // *Север*. 1986. № 9.
- ⁷⁰ Сибирские письма Николаю Клюеву. С. 4.

Л. Н. Иокар

УЧАСТИЕ А. М. ГОРЬКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПЕРВЫХ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИХ ЛЕТ (1917—1921)

Уже в первые месяцы после Октябрьской революции советское правительство намечает обширную программу в области искусства, стремясь приблизить его к народу и обеспечить художественное воспитание масс. Этим целям служили декреты о национализации крупнейших музеев и пополнении их за счет частных коллекций, об охране памятников искусства и старины, развертывании монументальной пропаганды, украшении городов в дни массовых народных праздников и ряд других. Осуществление этих декретов и начинаний проходило подчас в исключительно сложной обстановке развития искусства в первые послереволюционные годы, проводилось деятелями различных направлений. Многочисленные

художественные течения, зародившиеся в предоктябрьское время, — футуризм, кубизм, супрематизм, лучизм, пуантилизм и другие после Октября активизируются. Многие приверженцы «левого» искусства считали себя создателями новых художественных форм, единственно способных выразить передовые идеи бурной революционной эпохи. Они выступали не только как теоретики и практики «нового» искусства, но занимали руководящие позиции в Московском и Петроградском отделах изобразительных искусств Наркомпроса (Н. Пунин, О. Брик, Д. Штернберг, В. Татлин, К. Малевич, В. Кандинский и др.).

В спорах о путях развития нового искусства важнейшим был вопрос об отношении к классическому наследию. Газета «Искусство Коммуны» (орган Наркомпроса) выдвинула лозунг: «Пролетариат — творец будущего, а не последний прошлого»¹. Идея создания особого пролетарского искусства, не опирающегося на предшествующую культуру, была важнейшей и в теориях Пролеткульта.

Противопоставление искусства будущего художественным завоеваниям прошлых веков, пигилистическое отношение к реализму не могло встретить сочувствия у Горького. В то же время писатель, по словам художницы В. М. Ходасевич, «с величайшим вниманием присматривался и к новейшим течениям в живописи и скульптуре, включая и футуризм. Он отлично их знал и разбирался в том, что было талантливым поиском новых форм, а что — показным трюком»². Однако поиски нового, по мысли Горького, должны были опираться на все предшествующие достижения культуры, а не отбрасывать их.

Горький разделял ленинскую точку зрения на роль наследия и неоднократно напоминал о высокой оценке Лениным достижений культуры прошлого, которые должны стать «законнейшим наследством»³ рабочего класса. Мысль о народе, как «единственном и неиссякаемом источнике ценностей духовных», создавшем «все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры», с исключительной силой прозвучала еще в горьковской статье «Разрушение личности» (24, 26). Именно поэтому важнейшие задачи Советского государства в области культурного строительства, и прежде всего идея художественного просвещения народа, широкого ознакомления его с сокровищами русского и мирового искусства, были так близки Горькому. В это время он нередко пишет о высокой миссии искусства, облагораживающего душу человека, исковерканную и надломленную истребительной войной, хаосом и жестокостью, царящими в капиталистическом мире.

Уже через несколько дней после Февральской революции, 4 марта 1917 г., на квартире Горького состоялось известное совещание деятелей культуры, положившее начало организованной охране художественных памятников. Именно к Горькому пришли Н. Рерих и К. Петров-Водкин, А. Бенуа и М. Добужинский, И. Билибин и Е. Лансере, тревожась о судьбах русского искусства⁴.

С первых же месяцев Октября квартира Горького на Кронверкском становится одним из центров художественной жизни Петрограда. Здесь проходят заседания Комиссии по охране памятников искусства (в 1917 г.), Союза деятелей искусства (апрель 1918 г.), Оценочно-антикварной (впоследствии Экспертной) комиссии (в начале 1919 г.) и др. Иногда даже большой писатель участвует в их работе. Уже один перечень художников, неоднократно встречавшихся с Горьким в 1917—1921 гг., даст представление о необычайно широком круге связей писателя с деятелями искусства. С Горьким общались художники Н. Альтман, Ю. Анненков, Н. Андреев, А. и Н. Бенуа, И. Билибин, И. Бродский, М. Добужинский, Б. Кустодиев, А. Лаховский, В. Лебедев, Д. Митрохин, П. Нерадовский, К. Петров-Водкин, А. Радаков, Н. Рерих, В. Ходасевич, С. Чехонин, В. Шухаев, архитекторы Л. Бенуа, Е. Лансере, И. Фомин, В. Щуко. Замыслы и начинания, связанные с именем Горького, привлекали в те годы лучшие художественные силы. Писатель принимал участие в газете «Жизнь искусства»⁵.

В декабре 1918 г. в Петрограде был организован профессиональный союз художников, куда вошли свыше 300 деятелей искусства, выразивших желание работать с пролетариатом. Первое организационное собрание профсоюза художников состоялось во Дворце труда под председательством Горького⁶.

Художники возглавили свободные художественные мастерские (К. Петров-Водкин, Н. Альтман и др.), принимали участие в театрально-декорационной работе (М. Добужинский, А. Бенуа, Ю. Анненков, В. Щуко), выступали с лекциями по истории искусства в различных аудиториях.

Положение художественной интеллигенции, переживавшей вместе со всей страной тяжелые годы гражданской войны и интервенции, голод, разруху, многие трудности быта, осложнялось и отсутствием материалов для работы — красок, бумаги, холста. Хроника газеты «Жизнь искусства» за 1918—1919 гг. полна сообщениями о бедственном положении художников, за бесценок продающих свои картины, страдающих от голода и болезней⁷.

Широко известна работа Горького по организации помощи ученым, сохранению интеллектуальных сил страны в эти тяжелые годы. Заботы писателя распространялись и на художественную интеллигенцию. В начале 1920 г. Горький возглавил Комиссию по улучшению быта деятелей искусств. От художников в Комиссию входили К. С. Петров-Водкин и Н. И. Альтман, артистов и музыкантов представляли А. К. Глазунов, Б. В. Асафьев, Э. Купер, С. В. Брагин, писателей — К. И. Чуковский, А. Н. Тихонов, Е. И. Замятин, Е. П. Леткова. В докладной записке в Петросовет, подписанной Горьким, Комиссия ходатайствовала о предоставлении 900 пайков для деятелей искусства по норме, установленной для КУБУ. Просьба Комиссии была удовлетворена⁸.

В конце декабря 1919 г. в Петрограде по инициативе Горького открылся Дом искусств. О том, какую роль в те годы сыграл этот Дом в жизни многих писателей и художников, вспоминает

одна из первых его обитательниц, Е. П. Леткова: «1919 год. Голод и холод... Алексей Максимович как-то неслышно, не придавая особого значения своему участию, — при содействии товарищей и друзей — создает Дом искусств.

— Вам дома плохо?

— Как у всех: водопровод не действует, трубы полонались, буржуйка дымит...

— Переезжайте сюда... Бросайте квартиру, вещи и переезжайте. — Я так и сделала, а уже через неделю—две заселился весь наш коридор... Часто, по вечерам, мы собирались в громадной кухне дома Елисеева, вокруг неостывшей еще плиты. Поразительная память Чуковского, громадная эрудиция Воынского, искрящееся остроумие Лунца или тонкий юмор Добужинского вносили в эти вечера незабываемую прелесть... И когда к нам приходил кто-нибудь „со стороны“, живущий одиноко и тяжело, — мы не могли не обращаться мыслью к Алексею Максимовичу, сумевшему создать нам этот уют, который многих из нас буквально спас от голода»⁹.

Несмотря на многие трудности, Дом искусств проводил многообразную работу и стал центром, объединившим художественную интеллигенцию Петрограда.

Горький избирается председателем совета Дома искусств, в который вошли также А. А. Блок, К. И. Чуковский, А. Н. Тихонов, художники Ю. Анненков, А. Бенуа, К. Петров-Водкин, М. Добужинский, директор Эрмитажа С. Н. Тройницкий и др.

Деятельность Дома направлялась советами трех его отделов — художественного, литературного, музыкального. Литературные вечера и концерты, лекции по истории литературы, театра, изобразительного искусства, многочисленные персональные, коллективные и тематические выставки и, наконец, издание журнала «Дом искусств» — во всем этом активно участвовали сотни деятелей культуры. Редколлегия журнала «Дом искусств» (вышло два номера в 1921 г.) возглавлял Горький, оформляли издание художники М. Добужинский и С. Чехонин.

Очень много сделал Горький, чтобы спасти выдающиеся художественные ценности, оставленные их владельцами в петербургских особняках и пригородных дворцах. В этом он видел одну из главных задач руководимой им в 1919—1921 гг. Экспертной комиссии Наркомвнешторга. Мы не будем останавливаться на деятельности этой Комиссии, рассмотренной в ряде работ¹⁰. Нам лишь хотелось бы подчеркнуть, что Горький особенно тщательно следил за тем, чтобы прежде всего удовлетворялись просьбы музеев. Он писал впоследствии, что лишь «вещи, которые оставались после отбора в Эрмитаж и другие музеи, — шли на аукционы»¹¹. При содействии Горького Эрмитажу были переданы ценные археологические и этнографические предметы, коллекции произведений искусства древнего Египта и римской эпохи, ряд картин зарубежных художников¹². В Русский музей перешли полотна и рисунки В. Боровиковского, Д. Левицкого, Ф. Бруни, К. Брюллова, В. Вере-

цагина, И. Репина, В. Серова, Л. Пастернака, Ф. Малявина, а также предметы старины (бронза, фарфор, мебель) для устройства бытовых ансамблей¹³. Пополнились коллекции музеев Пушкинского дома, Старого Петербурга и др.¹⁴

В то же время необходимо отметить, что Горький придавал большое значение и той стороне деятельности Экспертной комиссии, которая помогала Наркомвнешторгу в приобретении средств для нужд разрушенного войной народного хозяйства и помощи голодающим. В этой связи интересен факт посещения Горьким и А. Н. Бенуа 8 мая 1920 г. фарфорового завода в Петрограде. Знакомясь с его работой, писатель внимательно выслушал рассказ о сложной технике фарфорового производства. «Приезд Горького, — вспоминает художница Е. Я. Данько, — сыграл большую роль в жизни завода. У Алексея Максимовича был с собой мандат от Наркомвнешторга — заказ заводу на 25 комплектов всех после-революционных изделий для экспорта. . . А. М. отобрал образцы изделий. Начало экспорта советского фарфора положил Горький»¹⁵. Вскоре после появления на международном рынке изделия завода завоевали ряд золотых медалей.

Но важнейшей заботой Горького оставались художественные музеи. Он считал необходимым строго соблюдать научный подход к сохранению целостности музейных собраний. Эта мысль содержится в Заключении совещания музейных, библиотечных и архивных деятелей Петрограда, подписанном Горьким как членом Совета Эрмитажа¹⁶ (под документом стоят также подписи академиков С. Ольденбурга, Н. Марра и директора Эрмитажа С. Н. Тройницкого)¹⁷. Именно такими соображениями руководствовался Горький, присоединяясь к ходатайству Совета Эрмитажа о возвращении картин из этого собрания, а также из Русского музея, вывезенных в Москву при Временном правительстве¹⁸.

Несмотря на трудности военного времени, крайнее напряжение физических и духовных сил народа, художественная жизнь Петрограда и Москвы не замирает. Особенно тяжелой была зима 1918 г. в Петрограде. Русский музей, Эрмитаж и другие музеи не отапливаются, произведением искусства угрожает гибель. Лишь два раза в неделю — в четверг и воскресенье, когда музеи посещают экскурсии рабочих и учащихся, слегка протапливают в залах. Однако к 1919 г. пульс художественной жизни начинает постепенно наполняться. Зимой 1919 г. в Петрограде был объявлен конкурс всех видов изобразительного искусства на тему «Великая русская революция». Горький вошел в состав жюри вместе с Луначарским, Блоком, Шаляпиным, Андреевой, Петровым-Водкиным, Рыловым и др. В начале мая в залах Академии художеств открылась выставка поступивших на конкурс произведений. Всего было представлено 18 скульптур, 41 живописная работа и 3 гравюры. Жюри отметило, что по художественному замыслу монументальная скульптура более всего отвечала теме.

Первая премия по скульптуре была присуждена М. Блоху за композицию «Триумф труда», вторая — В. В. Козлову и

Л. А. Дитриху за скульптуру «Великий строитель». Оба произведения, овеянные духом революционной романтики, посвящены теме мирного, творческого труда. По разделу живописи первую премию получил И. Бродский за портрет Ленина. Вызвал также интерес портрет Ленина работы Л. Чупятова (3-я премия). Однако, по отзывам критики, представленные произведения в большинстве своем не раскрывали «внутреннего значения революции, ее духовный смысл»¹⁹, подменяя его подчас внешним решением задачи; в исполнении ряда интересных произведений чувствовалась поспешность. Положительным результатом конкурса было то, что он привлек внимание многих художников к современной жизни, к темам революционной действительности.

В начале 1919 г. в Эрмитаже началась подготовка к первой большой выставке картин «художников всех направлений», открывшейся в середине апреля. В ней участвовало около 300 художников. Печать отмечала, что выставка имеет большой успех — в первые недели ее посещало до двух тысяч человек в день²⁰. На выставке был устроен ряд диспутов, первый из которых посвящался теме: «Искусство вчерашнее, сегодняшнее и завтрашнее». Хотя выставка задумывалась как отчет художников всех направлений, на ней преобладали реалистические произведения. Одобрительно был встречен критикой портрет А. М. Горького работы В. М. Ходасевич — первый живописный портрет писателя, созданный после революции. Он был написан художницей с натуры летом 1918 г. в квартире Горького на Кронверкском. Рассказывая о бушевавших в те годы в изобразительном искусстве различных течениях, художница пишет о себе: «Я же упрямо работала в рамках декоративного реализма, если это можно так назвать»²¹. Портрет Горькому очень понравился. Как вспоминает художница, он его рассматривал с большим интересом и даже волнением. Писатель изображен в свободной позе; он сидит, облокотившись левой рукой о стол, правая прижата к груди — характерный горьковский жест, столь выразительно переданный еще В. Серовым. Горький рассказывает (как он это делал всегда во время сеансов), а жест правой руки говорит о желании убедить собеседника. Декоративным фоном портрета является как бы окно в мир — богатый, многоцветный, причудливый мир действительности, в котором живут горьковские герои. Портрет по краскам очень яркий, жизнерадостный (построен на переходах голубовато-синих и желто-коричневых тонов); он убеждает своей правдой и воссоздает живой облик писателя тех лет.

У нас нет документальных свидетельств о посещении Горьким выставки в Эрмитаже весной 1919 г., но есть все основания предполагать, что он был среди ее многочисленных зрителей. Горький, которому изобразительное искусство доставляло огромную радость, едва ли мог пропустить эту первую большую выставку после октябрьских лет.

Одним из наиболее крупных событий художественной жизни Москвы в этот период была выставка древнерусского искусства,

открывшаяся весной 1920 г. в помещении Государственных художественных мастерских (на бывшей Рождественке). На ней были представлены результаты двух научных экспедиций в районы рек Москвы, Оки, Волги, проекты восстановительных работ памятников Московского Кремля и Ярославля, а также ряд заново отреставрированных выдающихся произведений древнерусского искусства. Руководителем экспедиций и организатором выставки был крупнейший художник и историк искусства, положивший начало научной реставрации древнерусской живописи, И. Э. Грабарь.

Горький посетил выставку в июне 1920 г. и пробыл на ней несколько часов. Особое внимание его привлекла знаменитая «Троица» Рублева. Как вспоминает искусствовед М. Бабенчиков, Горький «смотрел на нее не как простой зритель, а как человек, основательно знакомый с тайнами живописного мастерства. Не без труда низко нагнувшись всей своей длинной фигурой и желая, очевидно, проверить добротность доски, он даже осторожно пощупал ее пальцем и, водрузив на нос большие круглые очки, как бы размышляя, вполголоса сказал: „Мастеровито сделано. В Нижнем, когда я еще мальчуганом был, у нас начетчик один славился. Так он такие иконы фальшá называл. По его, это хорошей кисти значило. Редкая, дескать, икона!“ А вот та, Алексей Максимович указал перстом на изображение Спаса ярославской школы из Успенского собора, веселого письма. Не виню, народ живой. Любит поярче. А что насчет святости — так для кого как. Вот я, к примеру сказать, всю эту иконописную выучку на себе испытал. И знаю, для богомаза икона не святыня. Зато любовался красотой древнего художества с тех пор, как себя помню. Живоподобное искусство. Так его в старину и называли»²².

Знание Горьким особенностей различных иконописных школ и манеры отдельных мастеров поражало даже специалистов²³.

В 1919—1920 гг. ряд значительных и интересных выставок был организован в Петрограде Домом искусств. Горький как председатель Совета Дома принимал участие в утверждении планов художественного отдела. И, конечно, был постоянным посетителем этих выставок. Самой значительной явилась единственная прижизненная персональная выставка Б. Кустодиева, на которой было представлено около 170 произведений — картины русской жизни, декорации, серия «Русские типы», ряд портретов, отмеченных необычайной яркостью и мастерством²⁴. Пресса отмечала, что «выставка является одним из крупнейших событий в художественной жизни наших дней»²⁵. Б. Кустодиев обратился к Горькому с просьбой написать предисловие к каталогу выставки (к сожалению, писатель не смог выполнить этой просьбы)²⁶.

В Доме искусств также прошли персональные выставки К. Петрова-Водкина²⁷, М. Добужинского²⁸, большая выставка эскизов декораций и костюмов. Особенно представительной и разнообразной была выставка художников — членов Дома искусств. В трех залах были показаны «очень интересные, сильные вещи»²⁹ А. Бе-

нуа, А. Головина, К. Сомова, М. Добужинского, И. Бродского, А. Остроумовой-Лебедевой, Ю. Анненкова, С. Чехонина, Е. Кругликовой, Д. Митрохина, А. Радакова и др.

Осенью 1919 г. в Петрограде во Дворце искусств была открыта выставка японской гравюры из петроградских собраний, а в Русском музее — первая буддийская выставка, привлекавшая, по сообщениям печати, очень много посетителей³⁰.

В библиотеке Горького хранится книга крупнейшего ученого-востоковеда С. Ф. Ольденбурга «Первая буддийская выставка в Петербурге» (Пб., 1919)³¹. Горький проявлял большой интерес к искусству Востока и собрал ценную коллекцию предметов восточного искусства, часть которой перед отъездом за границу в 1921 г. передал в дар Этнографическому музею в Петрограде³².

Горький посещает не только выставки; он бывает и в мастерских художников. Радостным событием в жизни Б. Кустодиева был приход к нему в мае 1919 г. Горького и Шалапина. Художник, пораженный тяжким недугом и прикованный к креслу в течение многих лет, удивлял всех своим неиссякаемым жизнелюбием и исключительной работоспособностью. Дочь Кустодиева вспоминает об этом посещении: «Горький. . . долго говорил с папой о его картинах, о том, что „сказал“ ими в искусстве Кустодиев, чем ценны они для народа, для истории. Когда Алексей Максимович ушел, папа, довольный, радостный, весь словно светящийся изнутри, заметил: „я и сам не знал, что я такой хороший, большой художник, как сказал мне Горький“»³³. «Кустодиев — мастер изумительный, — писал позднее Горький, — я очень восхищаюсь его картинами и, видя его за работой, глубоко был взволнован его героизмом»³⁴.

Многолетние дружеские отношения связывали Горького с семьей А. П. Бенуа, талантливого художника и крупнейшего историка искусства. Н. Бенуа вспоминает о частых посещениях Горьким квартиры его отца. Писатель особенно любил «версальскую серию» художника. Говоря о великолепном умении А. Бенуа постигать дух эпохи, он считал, что «нет более убедительного путеводителя по истории, нежели вот это таинственное свойство Искусства, воскрешающего перед нами видения ушедших в бездну времен, эпох. . . и не просто оформляя сухие образы оных, а воссоздавая и самый их климат, поэтическую их сущность, ну так, точно художник сам все это видел своими глазами»³⁵. Время от времени Горький устраивал и просмотр работ начинавшего в те годы Н. Бенуа. Сочувственно относясь к исканиям молодых, Горький очень интересовался увлечением юности Бенуа музыкальными фантазиями выдающегося литовского художника и композитора М. Чюрлёниса. Интересно, что именно Чюрлёниса вспомнит уже в 1930-е годы Горький, отстаивая право художника на фантазию и связывая это с романтическим началом в реалистическом искусстве. «В нашей современной советской живописи чрезмерно много фотографизма». Об этом замечании Горького вспоминает Ф. С. Богородский³⁶.

«Я редко знала людей, — писала В. М. Ходасевич, — которым бы изобразительное искусство доставляло такое наслаждение, как Алексею Максимовичу. Обладая удивительной памятью, он помнил не только поразившие его произведения искусства, но и в каком городе или музее Европы или Америки он их видел, и умел удивительно верно описать виденное и подметить тончайшие детали. В круг знакомых Алексея Максимовича всю жизнь входили художники»³⁷.

Со многими из них Горького связывала в 1917—1921 гг. и совместная работа. Почти во всех начинаниях писателя в сфере культуры, предпринятых в первые годы Советской власти, весьма заметную роль играют художники.

Крупным событием было открытие в Петрограде в начале 1919 г. Большого драматического театра. Горький вместе с А. В. Луначарским и М. Ф. Андреевой явился инициатором его создания и организатором; Художественный совет театра возглавил А. А. Блок. По мысли Горького, это должен был быть театр классической трагедии, романтической драмы и высокой комедии, ибо «мы живем в эпоху катастрофальную — в эпоху героизма, и мы должны дать народу зрелища, книги, картины, музыку, которые воспитывали бы в массах умение чувствовать пафос борьбы»³⁸. «Высокая трагедия, — писал Блок, — есть насущный хлеб для нашего времени. . . великая школа благородной воли»³⁹. Чтобы романтический театр потрясал зрителя, он должен поэтически воссоздать эпоху, возродить образы прошлых времен и вдохнуть в них жизнь. В таком театре особенно значительной становилась роль художника. Называя Большой драматический театр «театром художника-живописца», один из критиков писал: «Определить место БДТ в кругу новейших театральных течений — значит указать на ту роль, которую играл в этом театре художник-декоратор»⁴⁰. Горький привлек к работе в театре А. Бенуа, В. Щуко, А. Радакова, М. Добужинского (последний был также членом Художественного совета театра). Особенно высоко ценя А. Бенуа, Горький говорил, что он «много способствовал торжеству нового духа в театре. . . высоко поднял он эстетический и культурный уровень декораторского искусства»⁴¹.

«Дон Карлос» и «Отелло», оформленные В. Щуко, «Разбойники», «Макбет» и «Король Лир», поставленные в декорациях М. Добужинского, «Много шума из ничего» — сценография А. Радакова и, наконец, «Венецианский кунец», «Слуга двух господ» и «Лекарь поневоле», поставленные и оформленные А. Бенуа как режиссером и художником, — лишь часть спектаклей БДТ в сезоны 1919—1921 гг. Необычайно красочные многоплановые декорации и живописные костюмы, выполненные с присущим этим художникам чувством стиля и высоким мастерством, придавали постановкам яркую, эмоционально насыщенную театральную форму. Продолжая мирискусническую традицию, БДТ явился одним из первых советских театров, в котором художник стал полноправным соавтором спектакля. Работа художников БДТ за-

ложила основы советского декорационного искусства как искусства исторической достоверности, жизненной правды и высокой художественной культуры.

Весьма разнообразным было участие художников в возглавлявшемся Горьким издательстве «Всемирная литература», в выпуске изданий для детей, в задуманных им книжных сериях — биографии замечательных людей и библиотека «Жизнь мира». Приступая к своим издательским начинаниям, Горький всегда тщательно занимался вопросом художественного оформления книг, привлекая наиболее талантливых художников-графиков — Ю. Анненкова, С. Чехонина, В. Лебедева, В. Замирайло, М. Добужинского и др.

Для развивавшегося в русле футуризма и кубизма Анненкова революция открыла путь к новым темам и образам. Гротескная символика его рисунков к поэме А. Блока «Двенадцать» необычайно выразительна и убедительна. Анненков был одним из авторов плана постановки и эскизов декораций массового зрелища «Гимн освобождения труда», устроенного в Петрограде 1 мая 1920 г. Для издательства «Всемирная литература» художник сделал эмблему, помещаемую на всех книгах и изображавшую крылатого коня Пегаса, летящего на фоне звездного неба. Конь, пронесшийся над земным шаром, — это символ искусства, объединяющего народы, не знающего границ.

Ряд книг во «Всемирной» оформил С. Чехонин, среди них — «Рай» Данте. Разностороннее дарование С. Чехонина — графика, миниатюриста, художника по фарфору и эмали — особенно расцвело в первые годы Октября. Как отличный мастер книжной графики, он участвует во многих горьковских начинаниях — сборник для детей «Елка», журнал «Дом искусств», выполняет марку для издательства З. И. Гржебина, в организации которого Горький принимал близкое участие. Именно с издательством Гржебина Горький связывал выпуск книжных серий — биографии замечательных людей и библиотека «Жизнь мира». Единую обложку для серии биографий также выполнил Чехонин⁴², первой предполагалось издать книгу о М. Ломоносове. В виньетке, обрамляющей название книги, расположены медальоны с изображениями Пушкина, Маркса, Данте, Шекспира, Пастера, Ньютона, Л. Толстого, Вольтера, Леонардо да Винчи, Менделеева, Гете, Бетховена, Ломоносова. Один лишь перечень этих портретов говорит о широте замысла писателя. Художник П. Нерадовский, присутствовавший на первом организационном заседании, рассказывает: «Горький сообщил собравшимся свой план издания. Он горячо и с большим увлечением говорил о нем... Авторы должны... ориентироваться на широкий круг читателей и так, чтобы примеры великих людей заражали и вдохновляли их. Сам Горький так был захвачен идеей этого издания, что невольно увлекал собравшихся... От тут же начал составлять список биографий первой очереди... После обсуждения намеченных Горьким вопросов собрание разбилось на группы: ученые, литераторы,

искусствоведы, музыковеды, каждая группа по своей специальности. Помнится, Горький и А. Тихонов составляли списки писателей, поэтов; С. Ольденбург и другие — список великих ученых; искусствоведы с А. Бенуа во главе — список художников»⁴³. В этой серии художники должны были выступить не только как оформители, но и как авторы книг о великих живописцах и скульпторах (в первую очередь А. Бенуа). Как известно, издание этой серии начало осуществляться под руководством Горького лишь в 30-е годы и продолжает выходить в наши дни.

В планах библиотеки «Жизнь мира» изобразительному искусству была посвящена специальная серия. Задачей библиотеки была популяризация различных областей науки и искусства. Книги предполагалось издавать по следующим разделам: русская литература, естествознание и техника, гуманитарные науки, художественный, музыкальный, педагогический, детский и справочный. В общую редакцию издания входили М. Горький, В. Десницкий и А. Пинкевич. К руководству Художественным отделом Горький привлекает А. Бенуа, к сотрудничеству в нем — Г. Верейского, И. Грабаря, М. Добужинского, П. Нерадовского, А. Радакова. В планах Отдела были монографии о крупнейших русских и западноевропейских художниках, книги по искусству Египта, Греции, Византии, эпохи Возрождения, древнерусской архитектуре. А. Бенуа предполагал также выпустить популярную «Историю живописи всех времен и народов». Издания книг по искусству требовали, конечно, очень высокого уровня полиграфической техники, который трудно было обеспечить в России в годы хозяйственной разрухи. Поэтому они должны были издаваться З. Гржебиным в Берлине. Однако Бенуа, по-видимому, загруженный работой режиссера и художника в БДТ, главного хранителя Эрмитажа, не смог подготовить планируемые им книги. В августе 1920 г. Гржебин писал Горькому, что от А. Бенуа не поступило ни одной рукописи по искусству; поэтому нет возможности выпустить даже образец этой серии⁴⁴.

В 1922 г. Горький вновь предпринял попытку выпуска книг по русскому искусству (в издательстве Гржебина) с целью ознакомления Европы с художественными ценностями России. Он обратился к А. Бенуа с просьбой руководить подготовкой серии, будучи уверен, что художник отнесется сочувственно «к этой хорошей задаче». Горький с возмущением пишет о дискредитации русского искусства за границей и считает, что выход этих книг, хорошо оформленных, будет праздником «для всех, кто искренно любит, ценит русское искусство»⁴⁵. Однако в связи с прекращением деятельности издательства Гржебина замысел не осуществился.

Придавая большое значение художественному оформлению книги, Горький считал одним из важнейших его компонентов — иллюстрацию. Достоинство иллюстраций он видел в их связи с замыслом, в разнообразном отражении содержания, четкости ком-

позиции, доходчивости. Для этого художнику необходимо абсолютное знание эпохи, быта, типов времени.

Среди особенно поразивших Горького иллюстраций — рисунки Э. Делакура к «Фаусту» и Г. Доре к «Озорным рассказам» Бальзака⁴⁶. В оценке этих произведений Горький совпал с А. Н. Бенуа, который считал рисунки Доре конгеннальными произведению Бальзака.

Вообще отношение Горького и Бенуа к иллюстрации во многом близко. Мысли на эту тему развиты последним в его статье «Книжная иллюстрация» (1931), где он отстаивает «право существования» этого вида графики и утверждает, что воссоздание творческой фантазией художника образов, рожденных писателем, «способствует более сильному воздействию их на воображение, более прочному утверждению их в памяти»⁴⁷.

Говоря о воздействии иллюстраций на читателя, Горький ссылаясь на свой опыт, вспоминая, что некоторые из них в свое время произвели на него «незабываемое впечатление и имели очень большое воспитательное значение»⁴⁸. Особенно важным поэтому он считал иллюстрирование книг, предназначенных для детей и юношества. В 1918 г. он пишет «Докладную записку об издании русской художественной литературы», предлагая выпустить для школ художественно иллюстрированные произведения русской классики. Горький рекомендовал переиздать книги с лучшими иллюстрациями русских художников — А. Бенуа к «Никитинской даме» и «Медному всаднику» Пушкина, М. Врубеля к Лермонтову, А. Агина и П. Боклевского к Гоголю и Островскому, Д. Кардовского к Грибоедову, К. Трутовского к Крылову. Если прежде эти издания были доступны лишь сотням «эстетов и снобов», пишет Горький, то теперь они «были бы на своем месте в каждом школьном кабинете родного языка, литературы» (24, 192). Поэтому столь тщательно подбирал он иллюстраторов первого организованного им издания для детей — «Елка» (работа над сборником проходила в основном в 1917 г., вышел он в «Парусе» в 1918 г.). В оформлении книги участвовали Ю. Анненков, А. Бенуа, М. Добужинский, В. Замирайло, В. Лебедев, А. Радаков, Вал. Ходасевич, С. Чехонин. К. Чуковский писал, как настоящий был Горький в своем желании получить очень понравившийся ему рисунок И. Репина. Именно этот рисунок побудил писателя обработать для сборника сказку «Про Иванушку-дурачка»⁴⁹. Анненков вспоминал, что Горький, предложив ему иллюстрировать для этой книги свою сказку «Самовар», сам прочитал ее художнику⁵⁰. Иллюстрации Анненкова полны юмора, неистощимой выдумки, изящества, отличаются отточенностью рисунка.

В конце 1918 г. по инициативе Горького был организован в Петрограде первый советский детский журнал «Северное сияние». Писатель возглавил редколлегию журнала. Исключительное внимание Горького к детской литературе способствовало приходу в нее таких талантливых иллюстраторов, как В. Лебедев, В. Конашевич и др.

В 1919 г. также осуществилось давнее стремление Горького дать народу дешевые иллюстрированные издания своих произведений. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов выпустил в массовой серии рассказы М. Горького, причем для их иллюстрирования писатель сам пригласил художницу В. Ходасевич. Ею были сделаны обложки и рисунки к рассказам «Дед Архип и Ленька», «Коновалов», «Макар Чудра», «Мальва», «Челкаш». Семь горьковских рассказов в этой же серии оформил И. Симаков. Вместе с рисунками Ю. Анненкова они положили начало иллюстрированию творчества М. Горького в советский период.

Неоценимо для художников духовное общение с Горьким. В свою очередь, и писателю многое было дорого в этой дружбе. Художники были частыми спутниками Алексея Максимовича при посещении музеев, с ними он особенно охотно делился мыслями об искусстве.

Большой творческой радостью для художников была работа над портретами великого писателя, человека с исключительно богатым внутренним миром, необычайной силой воли, огромным обаянием, интересом и доброжелательностью к людям. Поэтому среди массы дел и забот, приводивших в те годы художников в дом Горького, были и просьбы о позировании для портретов. До предела загруженный организаторской и творческой работой, писатель все же находил время, чтобы откликнуться на эти просьбы.

В первые годы революции было создано около 15 натурных портретов Горького, главным образом в графике. Его рисовали Н. Андреев и Дени, В. Шухаев и Ю. Анненков, Е. Кругликова и С. Чехонин, С. Залшутин и И. Ракицкий. Единственный живописный портрет в эти годы был написан В. Ходасевич, в скульптуре Горький был запечатлен М. Блохом (1917).

Портретисты, писавшие Горького, единодушны в своих отзывах о нем как о необычайно «тернеливой модели»⁵¹, отмечают его заинтересованность работой, постоянное желание помочь им, вспоминают, как он «переживал... удачи и промахи»⁵². Алексей Максимович позировал даже во время болезни (художнику С. Чехонину)⁵³. А сколько интереснейших рассказов-импровизаций услышали те, кто рисовал писателя! «Мне запомнились его воспоминания, звучащие в его личной передаче как драгоценные маленькие новеллы». — писал В. Яковлев⁵⁴. «Это была какая-то магия, колдовство, а он был волшебником, который своей волшебной палочкой переносил нас туда, куда хотел», — вспоминает В. Шухаев⁵⁵. «Быть бы мне тогда лучше стенографисткой», — с горечью замечает В. Ходасевич⁵⁶.

К числу лучших горьковских изображений в графике вообще относятся два портрета, сделанные в 1921 г. выдающимся художником и скульптором Н. Андреевым, автором широко известной ленинианы. Графические работы Андреева отличает своеобразие манеры художника-скульптора — необычайная пластичность, почти объемность изображения. Андреев встречался с Горьким

и в 1922 г. в Германии, где писатель лечился в одном из санаториев. Как вспоминала жена художника М. Горькая, «осенью 1922 г. Н. А. (Андреев. — Л. И.) получил от Госиздата командировку в Берлин для наблюдения за тем, как будет печататься там серия его портретов деятелей революции. В Берлине он бывал у Горького и сделал там его портрет (находящийся сейчас в Музее Горького)»⁵⁷. По-видимому, речь идет о карандашном рисунке — Горький за чтением рукописи.

Два горьковских портрета написаны в 1919—1920 гг. Ю. Анненковым. В этих портретах, обладающих исключительным сходством с оригиналом, привлекает необычайная легкость, отточенность рисунка. Почти через два десятилетия художник, вспоминая об этой работе, говорил: «Горький позирует мне для портрета, он держит в руках книгу. Рядом статуэтка Будды и цветные китайские скульптуры. Горький их коллекционирует. Он с любовью тонкими пальцами гладит их»⁵⁸. Все эти предметы вошли в композицию портрета. Горький высоко ценил мастерство Анненкова-портретиста. Об этом свидетельствует и находящаяся в личной библиотеке писателя книга Ю. Анненкова «Портреты» (Л., 1922), в которой воспроизведены лучшие работы художника, в том числе портрет Горького.

Превосходны миниатюрные портреты Горького, выполненные в 1919—1921 гг. С. Чехониным. На одном из них писатель изображен полулежащим в постели (позировал больным) за чтением книги; фон рисунка составили предметы горьковской восточной коллекции. Об этом портрете Горький отзывался одобрительно⁵⁹. Характерно, что факт создания Чехониным горьковского портрета был отмечен в разделе «Художественная жизнь» газеты «Жизнь искусства»⁶⁰.

Большой интерес представляют несколько карандашных портретов Горького работы Дени (В. Н. Денисова). По-видимому, эти натурные зарисовки были выполнены художником на многочисленных заседаниях с участием писателя. Горький изображен в пальто и меховой шапке, то погруженным в чтение документа, то сосредоточенно слушающим; в его облике чувствуется озабоченность всем происходящим. Рисунки скупы, лаконично передают трудные годы гражданской войны, не топленные квартиры и учреждения. Портреты интересны еще и тем, что художнику удалось незаметно для натуры зафиксировать Горького в будничной и деловой обстановке. В рисунках сказалась творческая манера художника-карикатуриста — они исполнены мягкого и доброжелательного юмора.

На всех горьковских портретах, созданных в 1917—1921 гг., лежит печать многообразных творческих поисков в советском изобразительном искусстве первых послереволюционных лет. Особенности стиля каждого художника, его творческий почерк, индивидуальное видение натуры, стремление выявить в ней близкие ему, художнику, черты — все это отличает один горьковский портрет от другого. Однако каждый из этих портретов по-своему

передает живой облик писателя со множеством его характерных черт. Написанные с натуры, они сохраняют теплоту и трепетность непосредственного общения художника с оригиналом, и этим особенно ценны для нас сегодня.

Многочисленные свидетельства участия Горького в художественной жизни дополняют страницы биографии великого писателя в первые годы революции.

- ¹ Искусство коммуны. 1919. 2 марта. № 13.
- ² Горький и художники. М., 1964. С. 68. В этом плане интересна помета А. М. Горького на книге К. Малевича «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм» (Иг., 1916). Автор, призывая «к новому живописному реализму, беспредметному творчеству» (с. 14), писал: «Вся бывшая и современная живопись до супрематизма, скульптура, слово, музыка были закрепощены формой натуры и ждут своего освобождения, чтобы говорить на своем собственном языке и не зависеть от разума, смысла, логики, философии, психологии, разных законов причинности и технических изменений жизни» (с. 3). Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Горьким (ЛБГ). В то же время следует иметь в виду, что теоретические манифесты были, как правило, уже и догматичнее художественной практики их авторов.
- ³ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 25. С. 169. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
- ⁴ О деятельности Особого совещания по делам искусства и Комиссии по охране памятников искусства, возглавлявшейся Горьким и протекавшей в период между Февралем и Октябрем 1917 г., см. в кн.: Муратова К. Д. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.—; Л., 1958. Гл. 1. С. 22—50.
- ⁵ См. объявление в газете «Жизнь искусства» (1919. 13—14 дек. № 316—317).
- ⁶ См.: Там же. 1918. 9 дек. № 32. Еще в октябре 1918 г. Горький дал согласие председательствовать на Учредительном собрании этого профсоюза, но не смог тогда присутствовать по болезни (Протокол учредительного собрания профсоюза художников 4 октября 1918 г.) // Архив А. М. Горького. БИО 11-8-110.
- ⁷ См. также: Письмо К. Горбатова Горькому от 17 февраля 1921 г. с приложенным списком художников, скончавшихся в последние годы // Архив А. М. Горького. КГ-ДИ 3-4-7.
- ⁸ См.: Список членов Комиссии и протоколы заседаний от 15 марта и 24 мая 1920 г. // Там же. БИО-16-73, 10-23, 16-74.
- ⁹ Леткова Ек. М. Горький — создатель Дома искусств и Дома ученых // Красн. панорама. 1928. № 12. С. 21.
- ¹⁰ См.: Беляков С. А. М. Горький в Экспертной комиссии Наркомвнешторга // Новый мир. 1963. № 4; Гак А. Из истории участия А. М. Горького в Экспертной комиссии Наркомвнешторга в 1919—1921 гг. // Горьковские чтения, 1961—1963. М., 1964.
- ¹¹ Письмо Горького — Н. И. Крутиковой, 8 декабря 1935 г. // Архив А. М. Горького. ПГ-ра 21-14-5.
- ¹² См.: Письма Горького в Наркомвнешторг от 7 июня, середины июня и 1 июля 1920 г. // Там же. БИО 20-32-2, 20-32-5, 20-32-7.
- ¹³ См.: Письма Горького в Наркомвнешторг от 7 июня и 1 июля 1920 г. // Там же. Био 20-32-3, 20-32-6.
- ¹⁴ См.: Письма Горького в Наркомвнешторг от 13 апреля и 12 июня 1920 г. // Там же. Био 20-47, 20-32-4.
- ¹⁵ Давыд Е. Я. О душевной щедрости. 1937. С. 5 // Архив А. М. Горького. МоГ 4-2.
- ¹⁶ В январе 1919 г. Горький был избран почетным председателем Совета Эрмитажа (п. С. Н. Тройницкого от 16 января 1919 г.). Архив А. М. Горького. Био 13-2-8.
- ¹⁷ См.: Заключение совещания (1918 г.) // Архив А. М. Горького. Био 20-8.
- ¹⁸ См.: Телеграммы Горького В. И. Ленину и А. В. Луначарскому от 5 декабря 1918 г. // Ленин и Горький. 3-е изд. М., 1969. С. 135.
- ¹⁹ Пламя. 1919. 15 июня. № 57.
- ²⁰ См.: Жизнь искусства. 1919. 25 апр. № 121.
- ²¹ Новый мир. 1968. № 3. С. 17.

- ²² *Бабенчиков М. А. М. Горький: Воспоминания. С. 7—8 // Архив А. М. Горького. МоГ 1-29-1.*
- ²³ Об устойчивом интересе Горького к древнерусскому искусству свидетельствуют и книги, находящиеся в личной библиотеке писателя, — работы известного собирателя и исследователя иконописи Н. П. Дыхачева. См.: *Дыхачев Н. П.* Краткое описание икон собрания Н. М. Третьякова. М., 1905; *Он же.* Царский «Изограф» Иосиф и его иконы. СПб., 1897.
- ²⁴ На выставке была и картина Кустодиева «Кунчиха на сундуке», подаренная им Горькому в 1919 г. и переданная писателем для экспонирования по просьбе художника (п. п. Б. Кустодиева — Горькому от 28 мая 1919 г. и 23 апреля 1920 г. // Горький и художники. С. 282).
- ²⁵ *Роом Г.* На выставке Б. Кустодиева // Жизнь искусства. 1920. 20—21 мая, № 456—457.
- ²⁶ См.: Письмо Б. Кустодиева — Горькому, 23 апреля 1920 г. // Горький и художники. С. 282.
- ²⁷ См.: Жизнь искусства. 1920. 7 мая № 445.
- ²⁸ См.: Там же. 30 марта. № 413.
- ²⁹ Там же. 11 мая. № 448.
- ³⁰ См.: Там же. 1919. 19 окт. № 271—272.
- ³¹ В ЛБГ также находятся тексты лекций, прочитанных на этой выставке: С. Ф. Ольденбурга — Жизнь Будды, индийского учителя жизни (Пб., 1919 — произнесена на открытии выставки 24 августа 1919 г.) и О. О. Розенберга — О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке (Пб., 1919).
- ³² Коллекция другого музея — Революции были тоже пополнены Горьким, который «принес в дар ряд интересных документов, а также фотографии разных революционеров» (Жизнь искусства. 1919. 11 дек. № 315).
- ³³ *Кустодиева И. Б.* Дорогие воспоминания // Б. М. Кустодиев. Л., 1967. С. 326.
- ³⁴ Письмо И. Груздеву 20 июля 1930 г. // Архив Горького. М., 1966. Т. 11. С. 236.
- ³⁵ *Бенца Н. А.* Воспоминания // Горький и художники. С. 88.
- ³⁶ См.: *Вогородский Ф. С.* Воспоминания // Там же. С. 104.
- ³⁷ Горький и художники. С. 68.
- ³⁸ Новая жизнь. 1918. № 107. 4 июня.
- ³⁹ *Блок А.* Большой драматический театр в будущем сезоне // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 348.
- ⁴⁰ *Гвоздев А.* Театр художника-живописца // Жизнь искусства. 1924. № 19.
- ⁴¹ *Бенца Н. А.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴² Им сделана и обложка к книге «На дне» М. Горького в постановке Московского Художественного театра. М., 1922.
- ⁴³ См.: Горький и художники. С. 56—57.
- ⁴⁴ См.: Письмо З. И. Гржебина — Горькому, 17 августа 1920 г. // Архив А. М. Горького. КГ-и-22-1-7.
- ⁴⁵ Письмо А. М. Горького — А. Н. Бенца, 15 мая 1922 г. // Там же. ПГ-рл 4-33-1.
- ⁴⁶ См.: *Лазаревский И. А. М. Горький о художественном оформлении книги // Там же. МоГ 8-2-3.*
- ⁴⁷ Александр Бенца размышляет. М., 1968. С. 321, 323.
- ⁴⁸ *Лазаревский И.* Указ. соч.
- ⁴⁹ См.: *Чуковский К.* Современники. М., 1963. С. 368—369.
- ⁵⁰ См.: *Анненков Ю. П.* Доклад на собрании французского общества культурных связей с СССР, посвященном Горькому // Архив А. М. Горького. МоГ 1-28-1.
- ⁵¹ *Ходасевич В. М.* Воспоминания // Горький и художники. С. 66.
- ⁵² *Яковлев В. Н.* Воспоминания // Там же. С. 122.
- ⁵³ См.: *Нерадовский П. И.* Воспоминания // Там же. С. 60.
- ⁵⁴ Там же. С. 123.
- ⁵⁵ Там же. С. 46.
- ⁵⁶ Там же. С. 67.
- ⁵⁷ *Гортынская М.* Воспоминания о скульпторе Н. А. Андрееве // Отд. рук. ГТГ, 4/50-78.
- ⁵⁸ *Анненков Ю. П.* Указ. соч.
- ⁵⁹ См.: *Нерадовский П. И.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶⁰ См.: 1919. 30—31 окт. № 280—281.

М. ГОРЬКИЙ И В. ЛУЖСКИЙ

Жизнь Горького неотделима от истории, культуры, духовного развития XX в. В ней поражает необыкновенное разнообразие, богатство связей, взаимоотношений, личных и творческих контактов писателя с современниками.

Интерес к людям сочетался в Горьком с особой художнической восприимчивостью, вниманием к сокровищам искусства, восторженным отношением к прекрасному.

М. Горький, вспоминая В. Рождественский, «любил все красивое, сильное, украшающее, исправляющее жизнь»¹.

Среди «мастеров культуры» у Горького было немало спутников, сподвижников, потому особенно содержательно его высказывание: «Ничто не объединяет людей так глубоко, как искусство, так да здравствует же искусство и те, кто служат ему...»².

Окружение Горького составляет тот биографический и общекультурный фон, без которого нельзя воссоздать жизненный путь художника, представить эстетические искания эпохи.

Близким Горькому оказался мир театра. Еще в молодые годы он проявил интерес к нему, был статистом, собирался стать во главе бродячей труппы в Тифлисе, организовывал любительские спектакли в Мануйловке, писал рецензии на спектакли.

Но подлинное служение театру началось у Горького на рубеже веков, в бурное переломное время, когда он выступил как драматург, и «именно драматургия открыла новый этап его творчества и вместе с тем новый этап в русской и мировой драматургии»³.

Знаменательно, что в этот период пересекались пути Художественного театра и Горького-драматурга. С МХТ, который все больше определялся как театр новой социальной ориентации и новых форм в искусстве, связаны были драматургические дебюты Горького.

Еще до сближения и непосредственного общения с режиссерами и актерами этого театра Горький живо интересовался «художественниками». Он был захвачен их сценическими поисками, пленен талантливостью режиссуры и исполнителей. Его соединяла с Художественным театром «бунтующая и непримиримая правдивость» (Немирович-Данченко), понимание того, что театр «начал великое исторически важное дело»⁴. Горький стремился посмотреть весь репертуар театра, несколько раз был на чеховских спектаклях, видел постановки «Доктора Штокмана» Г. Ибсена и «Извозчика Геншеля» Г. Гауптмана. После премьеры «Снегурочки», очарованный красотой и поэзией постановки, он сообщает Чехову, что это подлинное событие в искусстве.

Горький приезжает на премьеру «Юлия Цезаря» Шекспира и восторженно пишет Е. Н. Пешковой: «...изумительная постановка. Великолепен Качалов—Цезарь и — толпа»⁵.

Но для писателя это были не только театральные впечатления. Просмотры спектаклей, участие в репетициях, сближение и общение с выдающимися актерами и режиссерами помогли Горькому лучше понять природу и значение драматургического искусства.

Вспоминая о работе театра над горьковскими пьесами, Немирович-Данченко писал: «Горький был среди нас, но тут наши роли часто менялись: часто уже не он властвовал над театром, а театр над ним»⁶.

В письмах к Чехову Горький нередко делился своими наблюдениями от просмотренных спектаклей, оценивал и сценическое решение, и выдающихся исполнителей. В связи с постановкой «Дяди Вани» он писал: «...Все они — играют дивно!... Какие они все умные, интеллигентные люди, сколько у них художественного чутья!... Вообще этот театр произвел на меня впечатление солидного, серьезного дела... Я, знаете, даже представить себе не мог такой игры и обстановки. Хорошо! Мне даже жаль, что я живу не в Москве, — так бы все и ходил в этот чудесный театр»⁷. В одном из писем Горького Чехову (1900 г.) находим первое упоминание об актере и режиссере Художественного театра — В. В. Лужском: «...Слышал от многих людей, что 39 исполнение „Диди Вани“ прошло поразительно хорошо.

Говорят, Вишневский играл без крика и шума и так, что Лужский в сцене с ним побледнел от страха, а потом заплакал от радости. И плакала публика и актеры. Мне, наконец, хочется переехать в Москву ради этого театра»⁸.

Отношения Горького и Лужского еще не освещены. Между тем В. Лужский стал одним из первых вдумчивых и проницательных интерпретаторов горьковских пьес, написал статьи и воспоминания о Горьком. Время сохранило для нас дневниковые записи Лужского начала века, в которых запечатлены встречи Горького с Художественным театром. Все эти материалы приобретают характер документальных свидетельств.

Одну из своих статей Лужский назвал «Тяга к Горькому»⁹. В самом названии содержится глубокий смысл. Огромен был интерес читателей и зрителей к творчеству революционного писателя, прокладывавшего новые пути в искусстве. Узы личной и творческой дружбы связывали Горького с постановщиками и актерами МХТа, и Лужский в течение всей творческой жизни испытывал притяжение к Горькому. Он был среди тех, кого Горький вдохновлял, воодушевлял, побуждал к гражданственности.

В. В. Лужский (Калужский, 1869—1931) — стоял у истоков МХТа, и, по словам А. В. Луначарского, «горение перед искусством, столь свойственное всему кругу Станиславского», находило в нем «одно из лучших своих воплощений»¹⁰. Лужский вошел в театр из Общества литературы и искусства, отдал ему много сил, весь свой артистизм и душевное богатство.

В течение своей творческой жизни он создал целую галерею образов, стал интереснейшим характерным актером.

В одном из вариантов биографии незадолго до смерти Лужский писал: «Со дня открытия МХТ 14 октября 1898 г. служу артистом и режиссером. Мною переиграно в МХТ не менее 60 ролей. Бубнов в „На дне“ больше 400 раз, больше 300 раз сыграно в „Вишневом саде“ (Гаев, Фирс, Симеонов-Пищик). Играл во всех премьерах пьес Чехова. . . Как сорежиссер К. С. Станиславского принимал участие в МХТ в пьесах „Ганеле“, „Самоуправцы“, „Доктор Штокман“, „Микаэль Крамер“, „Три сестры“, „Мещане“. С Немировичем-Данченко сорежиссировал и принимал участие и как самостоятельный постановщик с художниками В. А. Симовым, М. В. Добужинским, Б. М. Кустодиевым в постановках „Бранд“, „Анатэма“, „Екатерина Ивановна“, „Живой труп“, „Братья Карамазовы“. Преподавательской деятельностью начал заниматься с середины 1900—1901 года»¹¹.

Современники, представители разных поколений актеров и театральных деятелей, вспоминают о Лужском как об актере-психологе, художнике-мыслителе, одаренном талантом «приковывать внимание к глубоким, скрытым свойствам и страстям человеческого существа»¹². Сценическими шедеврами Лужского считаются роли Андрея в «Трех сестрах» и Федора Карамазова в «Братьях Карамазовых». На творческие вершины поднимался Лужский и в горьковских спектаклях.

Острый интерес к взлетам и падениям человеческого духа не ослабевал у Лужского до конца жизни. Он работал в театре с редкой самоотдачей и интенсивностью, увлекался каждой новой творческой задачей, и глубоко справедливы слова Н. Волкова: «Лужскому на своем веку пришлось переиграть многих хмурых и лишних людей, покрытых пылью провинциалов, бездушных тупиц. Но в этих невыгодных и непривлекательных масках Лужский был неизменно притягателен и искусен. . . Он умел не только делать роли, но и отделять их. . . Лужскому легко было жить на сцене, потому что, любя своих героев как художник, он отрицал их как человек. В его игре замечательно сочетались художественное принятие роли с ее моральным опровержением»¹³.

Известно, что Горький познакомился с труппой Художественного театра в Крыму. В забытой теперь статье Лужский писал: «С Горьким труппа МХТ и я в том числе познакомились в Ялте, в 1901 г. весной. . . Как автора „Челкаша“, „Мальвы“, „Изергиль“, вообще автора „бывших людей“ мы знали Ал. М. и любили, связывал нас с ним и „наш“ уже Антон Павлович.

И тогда, в Ялте, уже редкие засидки в саду около театра или прогулки на водопад У-Чан-Су что ли, ренетиции даже какого-то концерта проходили без его присутствия <. . .>

И сам он нам нравился: с его оканьем, с его характерным перебрасыванием глаз, быстро, быстро, особенно при закуривании папиросы, да еще разговоре, его увлекающем. С его поправкой рукой густых волос, падающих на лоб и переносицу, и особенно с его жестом всей рукой, кистью, сжатой в кулак, когда этим кулаком не только жестикулировал в воздухе, но как бы и точку

ставил. . . Лоб большой, выдавшиеся надглазники. Глаза при ласковой, манищей улыбке теряли свою колкость и загадочность. . . »¹⁴. Тогда же Горький подарил Лужскому свою фотографию.

Наиболее тесное общение Горького и Лужского приходится на тот период, когда Горький, прислушиваясь к советам Чехова и внимая настойчивым просьбам руководителей Художественного театра, начинает писать для него.

Вспоминая о генеральной репетиции «Мещан», Лужский пишет, что на просмотре «было четверо представителей четырех правительственных ведомств, и только после этого просмотра разрешили играть спектакль, причем охранка была переодета на спектаклях „Мещан“ в костюмы канцеляристов театра, вот как было страшно»¹⁵. Правительство боялось демонстраций, выступлений политического порядка. О первом спектакле 26 марта 1902 г. Лужский писал: «Успех в Петербурге громадный, как самой пьесы, так и исполнения и постановки, телеграммы „специальных корреспондентов“ в популярнейшие тогда московские газеты!»¹⁶.

Лужский стал сценическим первооткрывателем образа Бессеменова. Он стремился избежать одностороннего толкования и создавал сложный психологический рисунок роли, основываясь на своих жизненных впечатлениях и наблюдениях.

В дореволюционной критике чаще давалась положительная оценка Лужского в роли Бессеменова. «На мой взгляд, — писал рецензент «Московских ведомостей» о Лужском-Бессеменове, — исполнение совершенно безупречно. Grim и костюм характерны. Тип выдержан вполне: есть подъемы сердечности, совершенно искренние, но общий тон человека сухого и черствого. . . »¹⁷. Другой критик замечал: «Типичен и старик Бессеменов, представитель темного мещанского царства с его домостроевским укладом. Тяжесть разыгравшейся драмы обращена на него. . . С большой похвалой следует отозваться о г-же Книппер (Кривцова) и о г. Лужском (старик Бессеменов)»¹⁸. Последнему отзыву созвучны слова Е. П. Пешковой в письме к Горькому 1903 г. Не вполне удовлетворенная постановкой «Мещан» на сцене МХТ, она сочла необходимым отметить, что ей «поправились, хорошо, особенно Лужский и Книппер»¹⁹.

Несомненный интерес представляет письмо Л. В. Собинова, присутствовавшего на генеральной репетиции «Мещан»: «Это удивительная пьеса. Нужно же было написать такую пьесу, где давит и гнетет зрителя безысходное положение целой группы мелких пошленьких людей, именно мещан не только по рождению, но и в духовном смысле, как раз в такое время, когда общество мечется из стороны в сторону, не ведая, не зная исхода. Этой пьесой Горький смело ухватился за этот больной нерв. . . Я понимаю, почему правительство так долго не хотело разрешать этой пьесы. Все, что можно было вычеркнуть, все вычеркнуто. От этого пострадали положительные люди, которых выводит Горький, и их философия остается чужда слушателю, но каждый в уме подска-

зывает себе, что именно рекомендует автор. Исполнение отдельных ролей изумительно. Выше всех я ставлю Калужского. Я сидел все время в театре, как на иголках, — так все эти люди знакомы мне с рождения. . . Несмотря на то, что в пьесе все больше рассуждения, — она оставляет громадное впечатление»²⁰.

В советское время И. Базилевская, написавшая статью о первой постановке «Мещан» в Художественном театре, подчеркнула, что «образ Бессеменова считался одним из наивысших актерских достижений Лужского»²¹.

Неслыханный, ошеломляющий успех в МХТ имела постановка пьесы «На дне». Лужский писал: «Через „Дно“ режиссеры и актеры научились лепить человеческую душу, слушать созвучие гневных проклятий и радостных пророчеств»²². В его «Дневниках» мы читаем:

«13 августа 1902

Чтение новой пьесы М. Горького „На дне“. Присутствовала вся труппа, находящаяся в Москве. . .

22 августа 1902

Беседа о „На дне“ с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Присутствует вся труппа, одна из оживленных бесед, хотя несколько отвлеченная от самой пьесы. Если Горького новую запретят, то ставить сейчас же Найденовскую. . .

27 августа 1902

Влад. Иван. приехал из СПб. и сообщал, что „На дне“, наверно, пропустит, достал новый цензурный экземпляр „Мещан“. . . Станиславскому даны два первых акта режис. экзempl. „На дне“. Он говорит, что у него планировка выходит обыкновенно скоро и успешно по вечерам»²³.

Позднее Лужский вспоминал о тех трудностях, препятствиях, цензурных осложнениях, которые встали на пути к постановке «На дне»: «. . . А как вот пьесу провести в жизнь, когда автору жить в столицах нельзя, он хоть и выбранный академик, но уже низложенный, беспокойный, а значит, страшный, страшный. . . А от кого же как не от него узнать нам — исполнителям, как действующие лица сцен „дошли до жизни такой“; как они могут не только переносить ночлежку, но острить, философствовать, спрашивать о существовании бога, верить в лучшее, мечтать о несбыточном. . . остаться людьми?»

И пошли поездки в Петербург к сильным людям, записки, телеграммы, уступки, скрепя сердце, просьбы, отношения. А мы, актеры, уже репетируем в Козицком переулке»²⁴.

Горькому было разрешено приехать в Москву, и 6 сентября 1902 г. он читал свою пьесу «На дне» в театре. Лужскому запомнились многие подробности того дня:

«. . . Та же шевелюра, те же глаза, то же „о“ и тот же фасон костюма, только светлая рубаша, что была в Ялте, сменилась суконной, черной.

Читал пьесу Ал. Макс. увлекательно и для слушателей и сам увлекался, как будто все симпатии его тогда были на стороне Луки и Анны, он всегда поплакивал тут, сморкался, вытирал

слезы, читая сцену. Мечталось ему, очевидно, что как-то должно же выйти, что кто-то скажет „дайте покой Анне, жила она очень трудно“. Здорово выходили у Алекс. Макс. Алешка и добродушная Квашня. Много поэзии, романтизма, искренности и тоже слез приносил Горький в чтении роли Настеньки, увлекался и актерским чтением стихотворений Беранжера.

Луку не только читал, но и рассказывал о таких же, как Лука, странниках, изображал его походку. Но словами, описательно. Симпатизировал Луке очень, пожалуй больше всех действующих лиц. Много рассказов с биографическими подробностями почерпнули от него Станиславский и Качалов для Сатина и Барона. Горький навез с собой фотографий почлежек, типов их, а также крючников с Волги»²⁵. Лужский получил роль Бубнова.

Сохранились воспоминания художника В. Симова о той же читке: «Я искоса посматривал на Лужского, он уже проникся ролью Бубнова. При словах: „А ниточки-то гнилые“ он прищурился, поджал губы, словно откусывая нитку»²⁶.

Лужский ставил в пьесе массовые сцены. По свидетельству А. Попова, «щедро разбрасывая краски человеческой характерности, каждому исполнителю он что-либо подсказывал: одному походку, другому — манеру говорить или постав всей фигуры. Но все это делал, руководствуясь общим замыслом картины и субъективными данными каждого исполнителя. . . Василий Васильевич показывал результаты своей работы Станиславскому и Немировичу, и надо сказать, ему почти не приходилось что-либо менять в своих заготовках»²⁷.

Готовя роль Бубнова, актер шел от «живых моделей»: «. . . мне по счастливой случайности повезло: образчиком послужил, во-первых, один хитрованец, вроде Любима Торцова, только из дворян, ходивший ежедневно мимо окон к своему родному брату — соседу по квартире, и еще стоявший у дома извозчик. Андрей его звали. . .»²⁸. Для нас особенно важны воспоминания Лужского о советах Горького: «. . . Меня Алекс. Макс. просил в третьем акте быть тупее того, чем это мною изображалось; еще тупее, понимаете, зачем человек врать так любит, старик ведь уже, зачем, понимаете, такому туподуму странно желание как-то подрумянить жизнь, ему — Бубнову — ясно и неоспоримо, что „та-тары — спать любят“, „зачем врать“. . .»²⁹.

16 декабря 1902 г. Горький присутствовал на генеральной репетиции «На дне» и среди лучших ролей отметил Бубнова в исполнении Лужского³⁰. А актер, вспоминая о премьере «На дне», отмечал праздничную атмосферу, которая 18 декабря 1902 г. царил в театре: «Какой исключительный вечер. . . Какая радость, какой общий возбуждающий подъем в кулисах, на сцене и зрительном зале. . . Теперь нередко приходится слышать аплодисменты среди акта почти любой из новых постановок. Таких среди акта аплодисментов в первом спектакле „Дна“ не было, они росли с занавесом каждого акта и выросли в конце в демонстрацию автору и театру!»³¹.

Горький присутствовал на премьере, первых спектаклях «На дне» и сообщал в письмах об исключительном, необычайном успехе спектакля. Он писал Пятницкому в декабре 1902 г.: «Игра — поразительна! Москвин, Лужский, Качалов, Станиславский, Книппер, Грибунин — совершили что-то удивительное. Я только на первом спектакле увидел и понял удивляющий прыжок, который сделали все эти люди, привыкшие изображать Чехова и Ибсена. Какое-то отрешение от самих себя». И дальше: «Качалов изумительно хорош. Сатин в четвертом акте великолепен, как дьявол. Лужский — тоже. И так — кого ни возьмешь. Чудесные артисты!»³².

Театровед С. Дурылин писал о превосходном исполнении Бубнова Лужским: «С неуклюжей ласковостью охмелевший Бубнов приглашал каждого: „... Ай-да ко мне в бесплатный трактир“. И канала по его лицу одна-единственная, но хорошая, крупная человеческая слеза, он звал всех в этот мечтаемый трактир и требовал: „затягивай... любимую“»³³. Актер Художественного театра В. Орлов вспоминал: «Лужский отнесся к Бубнову необыкновенно жестоко. Но даже в Бубнове, который был в истолковании актера последним из последних обитателей „дна“, самым из них нечувствительным, глухим к несчастью окружающих, даже в этом непривлекательном герое пробивалось временами какое-то человеческое, „песенное“ начало, не заглушенное тупостью и грубостью... „Запою“, „заплачу“ — в этих словах Бубнова-Лужского слышалась тема живой человеческой души, почти что скрытой грязью, почти что задавленной нуждой, борьбой за хлеб насущный. Но в этом „почти что“ и было все дело»³⁴.

К периоду постановки пьесы «На дне» относятся встречи и переписка Горького с Лужским. Возможно, во время одной из этих встреч Горький оставил у Лужского экземпляр пьесы и писал ему: «Забыл у Вас „Дно“ — будьте любезны, пришлите его с подателем. Ваш Горький»³⁵. Вскоре после премьеры, уехав в Нижний Новгород, Горький писал Лужскому 10 января 1903 г.:

Дорогой Василий Васильевич!

Андижанцам — ничем не могу помочь — сам готов сквозь землю провалиться от натиска всяких событий на длинное существо мое. В. И. скажите, пожалуйста, что я так тронут любезностью его, так тронут... умру — и после смерти, в течение трех лет, ежедневно, с того света приходить к нему буду и благодарить его...

Всего Вам доброго и жене вашей и деткам!

И вообще — всем. Хотели мне ребята ваши сообщить о дне, когда елка у них будет, и позвать меня на оную... Не забыли бы, черти!

А. Пешков.

Да! Относительно «Дна» в Питере — я не имею никаких известий. Ставят они или не ставят — не знаю. Ни от кого — ни гласа, ни послушания. Далматов — молчит, как деревянная статуя. Сообщите сей факт на усмотрение дорогого Владимира Ивановича»³⁶.

Об артисте Александринского театра В. П. Далматове идет речь в связи с его желанием сыграть в свой бенефис на сцене

этого театра роль Сатина (Цензурный комитет запретил Александринскому театру ставить пьесу Горького).

Жизнь Горького, действительно, протекала под натиском «неслыханных событий». Он активно сотрудничал в «Нижегородском листке», читал много рукописей молодых авторов, все глубже погружался в дела издательства «Знание», создавал «Театральное товарищество» для открытия в Нижнем Новгороде театра в только что построенном Народном доме. Горький связывает Народный дом с Художественным театром, увлекает идеей нового реалистического театра актеров и режиссеров МХТ, которые вступают в «Театральное товарищество», помогает в организации этого театра. Среди найщиков был и В. Лужский. Художественный театр передал Народному дому декорации и костюмы, а труппу возглавил артист МХТ, режиссер И. Тихомиров.

На самодеятельной сцене, в красноармейских студиях, уже в советское время, Лужскому не раз приходилось осуществлять постановку пьесы «На дне». Он считал, что зрителей привлекают «сюжет пьесы, герои, отдельные фразы, бисер слов и афоризмов...»³⁷.

В период первой русской революции Художественный театр проявлял большой интерес к новой пьесе Горького «Дети солнца» (1905). Станиславский писал Горькому: «...Искренне веря в то, что интересы нашего театра не чужды Вам, — я беру на себя смелость познакомить Вас с нашими планами... Необходимо сразу завоевать сезон. Наиболее сильная и интересная пьеса, конечно, — „Дети солнца“»³⁸.

В августе 1905 г. Горький читал пьесу актерам Художественного театра, а в сентябре, несмотря на цензурные трудности, состоялась премьера. Обстановка нарастающей революции вынудила правительство отменить запрещение постановки.

В записной книжке Немировича-Данченко имеется запись: «Лужский с Симовым поехали в Рязань за материалом для „Детей солнца“»³⁹. И в этой горьковской постановке Лужский создает ряд мизансцен. Горький присутствует на репетиции и делает замечания.

В репертуаре спектакль удержался недолго, хотя имел успех у зрителей. В его оценке, вспоминал Лужский, «сошлись обе тогдашние столицы». Он упоминает о том, в какие тревожные дни шла пьеса, «вскоре после первой всеобщей забастовки, значит, между манифестом 17 октября и декабрьским восстанием!»⁴⁰. Лужский пишет в воспоминаниях об известном факте, когда на сцене во время спектакля толпу у дома Протасова приняли за черносотенцев, в зрительном зале поднялся крик, многие бросились к рампе. Они «раздвигали занавес и истерически кричали: жив ли Качалов, покажите Германову, где Андреева, что с Леонидовым? И только когда все они по открытии занавеса появились живыми и здоровыми, раздались оглушительные аплодисменты»⁴¹.

Критика того времени, искаженно, подчас неверно трактовала горьковскую пьесу, а спектакль был оценен высоко.

В «Детях солнца» Лужский исполнил роль Чепурного. Интересно, что именно на этот горьковский образ в пьесе обратил внимание В. Стасов. Он писал Горькому: «Прекрасно, верно все, что говорит этот грубый, но умный и чувствующий малоросс, неповоротливый, тяжеловесный, но добродушный и острый по-малороссийски»⁴².

В рецензиях отмечалось умение Лужского-Чепурного передать богатство внутренней жизни героя, ставили его рядом с Качаловым, блистательно сыгравшим роль Протасова. Один из рецензентов писал: «... г. Лужский хорошо усвоил малорусский акцент и местами дал несколько теплых хороших ноток»⁴³. Другой — отозвался более высоко: «Очень хорош Лужский в роли Чепурного. В его воплощении получилась реальная, типично-характерная фигура...»⁴⁴.

Интерес к Горькому не угасал у Лужского в течение всей творческой жизни. В середине 20-х годов он осуществил инсценировку горьковских рассказов с молодыми актерами МХАТа. Они шли под общим названием «Мальва». Осенью 1927 г. Лужский пишет Горькому в Италию письмо, где (зная, что писатель обычно протестует против инсценирования его произведений) обращается с просьбой о разрешении играть спектакль: «У нас в МХАТ на Малой сцене (бывш. 2 студия) молодежь недавно прекрасно показала сцены, состряпанные из Ваших двух рассказов „Мальва“, „Челкаш“. Стряпано удачно. Актеры играют хорошо. Константин Сергеевич и наша режиссерская коллегия спектакль приняли... На эту переделку есть спрос, особенно Профсоюзами. Этим письмом ставлю Вас в известность о переделке для того, что если бы до Вас дошли слухи и Вы захотели задать перцу, так уж, по крайней мере, Вы узнали об совершившемся в первую голову от совершивших... Если бы Вы захотели и у Вас нашлось время ответить на мое извещение, мы будем знать о Вас и теперешнем здоровье Вашем точнее слухов, что печатаются. Все наши из МХАТ, зная, что я пишу Вам о „Мальве“ — так озаглавлены сцены, — шлют свой привет вместе с К. С.»⁴⁵.

Из воспоминаний Н. Горчакова известно, что Горький не возразил против этой инсценировки⁴⁶. Думается, что в таком отношении проявились симпатии Горького не только к Художественному театру, но и лично к Василию Васильевичу Лужскому.

⁴² Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 342.

⁴³ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 284.

⁴⁴ Бялик Б. Горький-драматург. 2-е изд. М., 1977. С. 45.

⁴⁵ Из надписи на книге «Рассказов», подаренной Вл. И. Немировичу-Данченко в 1900 г. и хранящейся в музее МХАТа.

⁴⁶ Архив Горького. М., 1955. Т. 5. С. 87.

⁴⁷ Немирович-Данченко В. И. Речь. Беседы. Письма. М., 1952. С. 115.

⁴⁸ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 118.

⁴⁹ Там же. С. 138.

⁵⁰ См.: Известия. 1928. 28 марта.

⁵¹ Там же. 1931. 4 июня.

⁵² ЦГАЛИ. Ф. 131. Ед. хр. 363. Оп. 2.

- ¹² Горчаков Н. Воспоминания о В. В. Лузском // Ежегодник МХАТ, 1946. М., 1948. С. 447—448.
- ¹³ Волков Н. В. В. Лузский // Сов. театр. 1931. № 8. С. 31.
- ¹⁴ Лузский В. Горький у художественников // Современ. театр. 1927. № 4. С. 52.
- ¹⁵ Лузский В. Из воспоминаний о первых постановках М. Горького на сцене МХАТ // Печать и революция. 1928. Кн. 4. С. 31.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Моск. ведомости. 1902. 28 окт.
- ¹⁸ Новости дня. 1902. 29 марта.
- ¹⁹ Архив А. М. Горького. КГ-рзв 8-1-131.
- ²⁰ Собинов Л. Жизнь и творчество. М., 1937. С. 245—246.
- ²¹ Базилевская И. «Мещанин» Горького в постановке Московского Художественного театра // Ежегодник МХАТ, 1944. М., 1946. С. 257.
- ²² Лузский В. Горький у художественников. С. 53.
- ²³ Лузский В. Дневники, 1902 // Архив музея МХАТ, Ед. хр. 5084.
- ²⁴ Лузский В. Из воспоминаний о первых постановках М. Горького на сцене МХАТ. С. 31.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Симов В. Моя первая встреча с Горьким // Театр. 1937. № 4. С. 107.
- ²⁷ Попов А. Воспоминания и размышления. М., 1963. С. 59.
- ²⁸ Лузский В. Из воспоминаний о первых постановках М. Горького на сцене МХАТ. С. 31.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 276.
- ³¹ Лузский В. Из воспоминаний о первых постановках М. Горького на сцене МХАТ. С. 31.
- ³² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 277.
- ³³ Дурылин С. Первая встреча МХАТ с Горьким // Театр. 1937. № 5. С. 84.
- ³⁴ Орлов В. Память сердца // Там же. 1968. № 10. С. 37.
- ³⁵ Архив А. М. Горького. ПГ-рл 23-46-2.
- ³⁶ Там же. ПГ-рл 23-46-1.
- ³⁷ Лузский В. Тяга к Горькому // Известия. 1928. 28 марта.
- ³⁸ Прометей: Ист.-биограф. альманах. М., 1966. Т. 1. С. 282.
- ³⁹ Цит. по кн.: Фрейдкина Л. Дни и годы Вл. Ив. Немировича-Данченко. М., 1962. С. 210.
- ⁴⁰ Лузский В. Из воспоминаний о первых постановках М. Горького на сцене МХАТ. С. 30.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Прометей: Ист.-биограф. альманах. Т. 1. С. 283—284.
- ⁴³ Моск. листок. 1905. 31 окт.
- ⁴⁴ Рус. листок. 1905. 26 окт.
- ⁴⁵ Архив А. М. Горького. КГ-ди 6-15-1.
- ⁴⁶ См.: Ежегодник МХАТ. 1946. С. 462—463.

Н. Н. Примочкина

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

(М. Горький и В. А. Стеклов)

Создание и деятельность первой научной общественной организации России — Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук — значительная страница в истории русской научной и общественной жизни. Возникновение Ассоциации ученых в первые месяцы освобождения России от гнета царизма в обстановке всеобщего народного воодушевления и острой

политической борьбы явилось ответом крупнейших научных сил страны на революционные события, отразило общественно-политические настроения в среде русской научной общественности.

М. Горький, так же как и академик В. А. Стеклов, был одним из инициаторов и руководителей этой организации, вдохновителем и популяризатором ее идей.

Несмотря на всю свою важность, тема эта до сих пор мало изучена. Кратко ее касались некоторые исследователи жизни и творчества Горького и Стеклова¹. Однако во всех этих трудах более подробно рассматривается, как правило, начальный, организационный период в истории Свободной ассоциации, который можно датировать мартом — маем 1917 г. Деятельность же организации в послеоктябрьскую эпоху и участие в ней Горького и Стеклова почти не изучены. Кроме того, ни в одной из работ не использованы в полной мере богатейшие архивные материалы (в частности, переписка Горького и Стеклова). Вероятно, настала пора обратиться к более внимательному исследованию этой весьма значительной страницы в биографии Горького с учетом всех доступных нам документальных свидетельств.

Возникшая еще в юношеские годы страсть Горького к естествознанию, преклонение его перед «точными» науками широко известны. Большой вклад в науку внес писатель как популяризатор и пропагандист научных знаний. Он начал заниматься этим задолго до революции как руководитель издательства «Знание», а затем как редактор журнала «Летопись». Не случайно поэтому, когда вскоре после победы Февральской революции 1917 г. прогрессивные ученые Петрограда решили создать Свободную ассоциацию для преобразования науки в России на новых демократических основах, — Горький оказался в самом центре и во главе этого начинания. Писатель с восторгом отнесся к идее Ассоциации ученых, с первых дней принимал горячее участие в различных организационных делах, тратил массу времени, сил и энергии, чтобы двинуть это дело в жизнь. Позже в очерке «В. И. Ленин» Горький писал: «Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны. . . Ради этой цели тотчас после февральского переворота, весной 17 года, была организована „Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук“ — учреждение, которое ставило задачей своею, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде»².

Для того чтобы лучше понять, почему Горький в работе по созданию Ассоциации с самого начала, и в особенности после Октябрьской революции, когда большая часть старой научной интеллигенции отшатнулась от сотрудничества с Советской властью, опирался именно на Стеклова, вступил именно с ним в наиболее тесный деловой контакт, — нужно сказать несколько слов об этом замечательном ученом.

Особый интерес Горького к Стеклову отчасти можно объяснить тем, что ученый был его земляком, нижегородцем. Владимир Андреевич Стеклов родился 28 декабря 1863 г. в Нижнем Новгороде, в семье преподавателя истории Нижегородской духовной семинарии. Мать Стеклова, урожденная Е. А. Добролюбова, была родной сестрой выдающегося критика и публициста Н. А. Добролюбова. В семье царила атмосфера почитания «дяди Коли». Очевидно, отсюда, из детских лет, осененных идеями революционной демократии 60-х годов, берет истоки незаурядный общественный темперамент будущего ученого. Окончив физико-математический факультет Харьковского университета, Стеклов получает звание магистра, а затем и степень доктора прикладной математики. В 1903 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук, в 1912 становится академиком. Научные интересы Стеклова охватывали очень широкий круг вопросов: исследования по гидродинамике, теории упругости, аналитической механике, геофизике, истории наук, философии и в особенности многие проблемы математической физики и анализа. Причем Стеклов отнюдь не был кабинетным ученым, прячущимся от реальной действительности и ее проблем. Он был горячим сторонником тесной связи науки с жизнью, вел большую педагогическую и общественную деятельность.

С особой силой научно-организаторские способности Стеклова развернулись после Октябрьской революции. Не случайно именно он в 1919 г. был избран вице-президентом Академии наук, в условиях разрухи и гражданской войны на него было возложено руководство всей административно-хозяйственной частью Академии, лег огромный груз дел, связанных с ее перестройкой и обновлением.

В 1921 г. Стеклов был избран директором созданного по его инициативе академического Физико-математического института. Он являлся также одним из организаторов Особого Временного комитета науки при Совете Народных Комиссаров. В годы гражданской войны Стеклов принимал активное участие в работе по изучению Курской магнитной аномалии, приведшей к открытию залежей железной руды. В. И. Ленин придавал большое значение этим исследованиям.

Естественно, что ученый и организатор такого масштаба, как Стеклов, не мог остаться в стороне от создания Свободной ассоциации ученых и сразу после победы Февральской революции 1917 г. включился в активную работу по осуществлению этого замысла.

Первое организационное собрание Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук состоялось 28 марта 1917 г. в Петрограде. Председателем собрания был избран академик А. А. Марков. С речами выступили Горький и академик И. П. Павлов. Обсудив вопрос об учреждении Ассоциации и ее задачах, собрание по предложению И. П. Павлова постановило назвать совокупность будущих научно-просветитель-

ских учреждений Ассоциации «Институтом в память 27 февраля 1917 г.». На собрании был избран Организационный комитет Ассоциации, в который вошли: И. П. Бородин, И. А. Бунин, В. И. Вернадский, М. Горький, В. Г. Короленко, Л. Б. Красин, А. Н. Крылов, И. И. Манухин, А. А. Марков, И. П. Павлов, В. А. Стеклов и др.

Деятельность Организационного комитета началась с публичных собраний, на которых крупнейшие ученые и общественные деятели выступали с докладами и речами о задачах новой научной организации. Первое публичное собрание состоялось 9 апреля 1917 г. в Петрограде, в Михайловском театре. Вступительное слово произнес Стеклов. Он говорил о том, что главной задачей ученых после победы февральской революции является «беспощадная борьба с невежеством и его проявлениями», широкая просветительская работа среди народных масс³. Горький выступил на собрании с большой пламенной речью «Наука и демократия», в которой провозгласил создание Ассоциации ученых «первейшей... задачей» культурных сил революции⁴.

16 апреля публичное заседание Ассоциации было устроено вторично в Народном доме, а затем Организационный комитет выехал в Москву, где 11 мая в Большом театре состоялось третье собрание.

26 мая 1917 г. Организационный комитет созвал в Петроградском университете Учредительное собрание Свободной ассоциации для обсуждения и утверждения проекта Устава и выбора Совета ассоциации. Совет был избран в количестве 50 человек. Стеклов зачитал выработанный Оргкомитетом проект Устава, который был принят единогласно. В Уставе определялись следующие основные задачи Свободной ассоциации: «...разработка и развитие положительных наук и их методов, распространение их в широких слоях населения и применение их к запросам практической жизни»⁵.

Для осуществления этих целей Ассоциация должна была, по замыслу ее организаторов, создать ряд новых научных учреждений, лабораторий и музеев, популяризировать научные знания с помощью лекций и докладов для народных масс и издавать научно-популярную литературу по различным отраслям знания.

30 мая 1917 г. состоялось собрание членов высшего органа Ассоциации — Совета. Председателем Совета на собрании был избран академик Стеклов, товарищами (заместителями) председателя — Горький и профессор Д. К. Заболотный, секретарями — профессора А. А. Петровский и В. А. Догель. Здесь же было избрано Правление Ассоциации, которое являлось исполнительным органом Совета. Председателем Правления стал проф. А. А. Иванов, товарищем председателя — проф. Н. М. Книпович, секретарем — проф. Ю. А. Филинченко, казначеем — инженер-технолог Б. А. Гордон. В состав Правления было избрано 5 членов: М. Горький, проф. С. П. Костычев, проф. Л. А. Чугаев, доктор И. И. Манухин и преподаватель Политехнического института

Э. Р. Ульман. На этом собрании Совет постановил обратиться к общественности России с написанным Горьким воззванием, призывавшим оказать содействие и материальную поддержку «научному учреждению, какого нет еще нигде на земле»⁶.

Сразу после Октябрьского переворота большевистская партия во главе с В. И. Лениным поставила задачу широкого использования науки для строительства социализма в стране. Уже в ноябре 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров была создана Государственная комиссия по просвещению и при ней образован научный отдел. В. И. Ленин указывал: «Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах»⁷. Однако стремление Советской власти поставить русскую науку на службу народу, привлечь буржуазных специалистов к задачам переустройства и обновления жизни встречало упорное сопротивление старой научной интеллигенции, в большинстве своем не принявшей Октябрьскую революцию, враждебно относившейся к Советской власти. В этих трудных условиях Свободная ассоциация, объединявшая наиболее прогрессивных ученых, могла сыграть свою роль в привлечении научных сил страны на сторону Советов, стать соединительным мостиком между старыми научными кадрами и новой властью.

В период до Октябрьской революции деятельность Ассоциации в основном ограничивалась внутриорганизационными делами и распространением Устава и Воззвания. Средств, собранных благотворительным путем на создание Института в память 27 февраля 1917 г., было явно недостаточно. На счету Ассоциации к концу 1917 г. находилось всего 117 тыс. руб. Кроме того, Ассоциации не располагала необходимыми помещениями для устройства лабораторий и административных корпусов Института. Дальнейшее существование и деятельность Свободной ассоциации оказались тесно связанными с теми революционными преобразованиями, которые проводились Советской властью во всех сферах общественной жизни, в том числе и в науке.

Уже в марте 1918 г. Горький попытался наладить контакт с Советским правительством (прежде всего с наркомом просвещения А. В. Луначарским) по вопросу о Свободной ассоциации. Вначале переговоры велись через М. Ф. Андрееву. В конце марта, узнав от Андреевой о положительном отношении наркома к задачам и целям Ассоциации, Стеклов, Горький и А. А. Иванов решили лично встретиться с Луначарским и подать ему докладную записку, в которой излагались бы главные нужды этой организации. В Архиве А. М. Горького хранится черновой набросок писателя, который и является, вероятно, проектом этой докладной записки. «Свободная ассоциация, — говорилось в наброске, — находя необходимым немедленно приступить к осуществлению главной своей цели — устройству „Института научных исследований“, нуждается в помещении для института и в средствах для организации

научных исследований. Не сообразовал ли А. В. Луначарский, как человек, во власти которого ныне находится дело развития духовной культуры страны, вступить в переговоры с Правлением ассоциации по вопросу о возможности использования для целей Научного института одного или нескольких помещений, принадлежавших бывшему министерству двора и уделов или какому-либо иному из бывших министерств? Не найдет ли он возможным поднять в Сов(ете) Нар(одных) Ком(иссаров) вопрос о субсидии Свободной ассоциации? Не согласится ли он разрешить бесплатное печатание плакатов о лекциях Ассоциации в одной из правительственных типографий и печатание объявлений о лекциях в официальных газетах, а также и в газетах социалистических групп?

Пояснение. Средства, собранные благодаря отзывчивости демократии — солдат, рабочих, крестьян, — равняются нескольким десяткам тысяч рублей. Этого слишком мало для широкой научной постановки таких отделений института, как биологическое, химическое и т. д., требующих множества дорогих аппаратов, сложных приборов и вообще очень богатой технической обстановки.

Посещаемость лекций 100—150 человек, в большинстве — рабочих. При входной плате в рубль это дает убыток от каждой лекции в 200, 150 рублей, ибо печатание и расклейка афиш стоят более 300 р. на каждую лекцию»⁸.

Предполагаемая встреча с Луначарским на этот раз, однако, не состоялась, так как нарком уехал по делам в Москву. 4 апреля 1918 г. в Наркомпросе Стеклова принял заведующий Научным отделом В. Т. Тер-Оганесов, бывший его ученик. Об этой встрече ученый доложил 9 апреля на заседании Совета Ассоциации. «В. Т. Тер-Оганесов, — записано в протоколе заседания, — высказал такой взгляд на Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук: считая Ассоциацию мощным ядром сплоченных наилучших ученых сил столицы, правительство желало бы, чтоб Ассоциация явилась как бы объединяющим куполом над всеми многочисленными вновь нарождающимися научно-просветительными обществами и являла бы собою как бы высшую инстанцию — „Парламент научного мнения“. . . Из дальнейшей беседы академика В. А. Стеклова с комиссаром В. Т. Тер-Оганесовым выяснилось, что правительство готово предоставить одно из свободных помещений республики в распоряжение Ассоциации для устройства Научного института. . .»⁹. На этом заседании было единогласно решено вступить в деловой контакт с Наркомпросом.

Вскоре после этого Горький решил устроить встречу председателя Совета Ассоциации Стеклова с наркомом просвещения, пригласив их к себе домой. 16 апреля он писал Луначарскому: «Имею необходимость беседовать с Вами по делам „Свободной ассоциации“ и „Союза деятелей искусства“.

Я болен, лежу в постели, надолго лишен возможности выйти из дома и не могу прийти к Вам. Это обстоятельство вынуждает

меня убедительно просить Вас посетить меня... Вас встретят у меня академик В. А. Стеклов, председатель Совета ассоциации, и члены Исполнительного комитета „Союза деятелей искусства“... Будьте любезны назначить время»¹⁰.

19 апреля 1918 г. Луначарский приехал на квартиру Горького, где состоялась беседа по поводу дальнейшей судьбы Ассоциации. Луначарский заверил Горького и Стеклова, что Советское правительство положительно относится к начинаниям этой научной организации и попросил ученых составить смету необходимых средств для устройства Научного института, чтобы на ее основании хлопотать о правительственной субсидии. Луначарский также пообещал доложить обо всех нуждах Ассоциации в Совете Народных Комиссаров.

Встреча Горького с Луначарским 19 апреля 1918 г., сообщения о которой печатались в газетах¹¹, явилась одним из первых свидетельств поворота писателя от резкой критики действий Советского правительства к желанию сотрудничать с ним. Естественно, что она привлекла к себе внимание внутренней контрреволюции, пристально и ревниво следившей за эволюцией Горького. 3 мая в газете «Наш век» появилась статья Д. Философова «Из скверного анекдота», в которой Горький обвинялся в том, что он «сватает» Свободную ассоциацию Совету Комиссаров и «зовет русскую интеллигенцию к предательству»¹². Полемизируя с этой статьей Философова, Горький писал: «Вот, до чего дошло! Призыв к работе на пользу государства и народа есть призыв к предательству»¹³.

Окрыленное успехом переговоров с Луначарским, руководство Ассоциации начинает усиленно заниматься подысканием необходимых помещений для размещения лабораторий и кабинетов Научного института.

Выбор ученых пал на национализированный Советами Морской дворец (ныне Музей В. И. Ленина), принадлежавший княгине Елизавете Маврикиевне, вдове бывшего президента Императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича. Проводя предварительные переговоры с бывшей владелицей дворца, Горький писал 30 апреля 1918 г. Стеклову:

«Уважаемый Владимир Андреевич!

Константиновичи будут очень рады, если Ассоциация займет дворец, но княгиня Елизавета Маврикиевна просит написать ей письмо от имени Совета Ассоциации, она же ответит на это письмо заявлением о том, что ничего не имеет против желания Ассоциации занять дворец. Пожалуйста, напишите ей это письмо и пришлите его мне, а я сегодня же отправлю ей через Хомикова и попрошу его взять ответ княгини.

Всего доброго!

А. Пешков»¹⁴.

Получив эту записку, Стеклов в тот же день написал княгине от имени Ассоциации: «Совет свободной ассоциации положительных наук, получив разрешение занять одно из свободных помещений, объявленных в настоящее время собственностью Республики, остановился на мысли, что наиболее подходящим для этой цели

зданием были бы служебные помещения Мраморного дворца.

Совет полагает, что занятие этих помещений именно ученым учреждением окажется наиболее отвечающим интересам как самой Ассоциации, так и наследников покойного великого князя Константина Константиновича, стоявшего в течение 25-ти лет во главе высшего ученого учреждения России Академии наук, наилучше обеспечит сохранность и неприкосновенность этого исторического памятника»¹⁵.

9 мая 1918 г. управляющий делами княгини В. А. Шаховской прислал в Ассоциацию официальное уведомление о том, «что при создавшемся положении не представляется возможным дать какой-либо ответ, т. к. великая княгиня, выселяемая в ближайшее время из Мраморного дворца, лишена даже права распоряжаться такими вещами, как самая необходимая мебель, посуда и тому подобное. При таких условиях уже не приходится принимать участие в решениях вопросов, касающихся недвижимостей»¹⁶. В тот же день Шаховской нанес личный визит Горькому, чтобы на словах объяснить позицию княгини. Сразу после беседы с ним Горький уведомил об этом Стеклова. Одновременно он сообщал Стеклову, собиравшемуся ехать с Луначарским в Москву по делам Ассоциации, о времени предполагаемой поездки:

«Уважаемый Владимир Андреевич.

Сейчас у меня был князь Шаховской, секретарь вел. кн. Елизаветы Мавриковны и управляющий Мраморным дворцом, он сказал: документа, который говорил бы о том, что вел. княгиня ничего не имеет против занятия Мраморного дворца Свободной ассоциацией, она не может дать, боясь осложнений с комиссарами, но что она уполномочила Шаховского заявить от ее лица, что ей будет более приятно, если дворец займет Ассоциация, а не что-либо другое.

Луначарский одет в субботу или воскресенье. Завтра он будет у меня, и я с ним предварительно поговорю об Ассоциации. Я лежу, ехать в Москву не могу. Чтобы достать разрешение на выезд в Москву и обратный проезд в Петроград. Вам надо съездить в Министерство нар(одного) прос(вещения), позвонив туда предварительно по телефону 40 003 и вызвав Д. И. Леценко, чтобы Вас не слишком задержали в приемной. Леценко и Луначарский бывают там ежедневно, от 4 до 6 часов, приблизительно.

С уважением

А. Пешков»¹⁷.

Несмотря на все хлопоты, Ассоциации не удалось получить Мраморный дворец, и вопрос о помещениях для нее пришлось отложить до осени.

Одновременно с поисками помещения ученые сразу после встречи Стеклова и Горького с Луначарским принимаются за составление проектных смет на устройство лабораторий и научных кабинетов. 30 апреля 1918 г. эти проекты были обсуждены на заседании Совета, а 1 мая Стеклов вместе с Ю. А. Филиппенко на их основе составил сводную смету по всем отраслям наук. 30 апреля Стеклов писал Горькому: «В четверг в 1 час дня в библиотеке Астрономической обсерватории будет заседание Комиссии ассоциации по составлению сметы. Не придете ли?»¹⁸ Горький ответил в тот же день согласием. Смета обсуждалась на заседании 2 мая, а затем на ее основе Стеклов написал докладную записку,

в которой была намечена структура будущего Научного института. Эта докладная записка дает представление о грандиозности замысла ученых создать в Советской России подлинный «Город науки»¹⁹ с разветвленной сетью научно-исследовательских и просветительских учреждений. «Осуществление поставленных Ассоциацией задач... — говорилось в докладной, — требует а) соответствующих помещений и в) крупных материальных средств... Совет Ассоциации пришел к заключению, что наиболее подходящими для намеченных им предприятий... являются: 1 — служебные здания Мраморного дворца, 2 — здания II бывшего винного склада на Ватном острове и 3 — некоторые службы дачи „Новая Александрия“ в Петергофе. Помещения Мраморного дворца Ассоциация предполагает использовать следующим образом:

А. Устроить там следующие ученые лаборатории:

1. Математическую вычислительную лабораторию.
2. Астрономическую лабораторию точных инструментов и фотографии.
3. Лабораторию по экспериментальной зоологии.
4. Лабораторию по генетике (и евгенике).
5. Лабораторию по анатомии и гистологии.

В. Показательные лаборатории и музеи:

1. Показательную лабораторию по физике и метеорологии.
2. Музей динамической геологии (с лабораторией).
3. Показательный анатомический музей.

С. Поместить там Бюро Ассоциации, отведя для этого особые комнаты, для Совета и Правления Ассоциации, залы для заседаний Общего собрания, для канцелярии и т. п.

Д. Устроить особые аудитории для организуемых Ассоциацией систематических публичных лекций для широких слоев населения и преимущественно рабочих кругов...

Е. Отвести помещения для предполагаемого Издательского комитета Ассоциации...»²⁰. Вслед за этим в записке приводилась примерная смета расходов на устройство вышеназванных лабораторий и отделений Научного института. Всего на «первоначальное обзаведение» Ассоциация просила 1 710 300 руб.

Вероятно, в составлении или редактировании докладной записки-сметы принимал участие и Горький. Об этом можно судить по его письму Стеклову от 6 мая 1918 г.: «Будьте любезны сверить текст докладной записки, подписать ее и возвратить мне. Подадим ее Луначарскому завтра». Здесь же Горький предлагал «передать докладную записку в статью под заголовком „Задачи Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук“», напечатать ее в газетах, журнале «Природа» и отдельной брошюрой, так как, по его мнению, распространение подобной статьи «показало бы унывающим людям, что интеллектуальная жизнь страны не замерла, а энергично развивается»²¹. 7 мая Стеков отвечал: «Посылаю Вам исправленную докладную записку с письмом к Луначарскому, которое прошу доставить ему вместе с запиской. Не сомневаюсь, что Совет одобрит Ваше

намерение составить соответствующую статью о задачах Свободной ассоциации и т. д.»²²

10 мая 1918 г. Луначарский посетил больного Горького перед своим отъездом в Москву, и писатель передал ему докладную записку и письмо Стеклова. 22 мая Луначарский доложил о Свободной ассоциации на заседании Большой государственной комиссии по просвещению. «Касаясь Ассоциации по развитию и распространению точных знаний, — говорилось в протоколе этого заседания, — т. Луначарский сообщает о желании М. Горького всеми силами способствовать сближению научного мира с Советской властью и установлению с ней постоянных сношений. Переговоры с учеными сферами велись через проф. Стеклова. Был представлен обширный доклад об организации Ассоциации и ряда лабораторий. . . Привлечены лучшие научные силы. . . Предложено войти в Совет Нар. Комиссаров с соответствующим докладом»²³.

Через несколько дней Луначарский доложил об Ассоциации на заседании Совнаркома. Сообщение об этом появилось в ряде газет, в том числе и в редактируемой Горьким «Новой жизни». В заметке «Ассоциация точных наук», напечатанной 28 мая 1918 г. в «Новой жизни», сообщалось: «Луначарский вошел в Совет Народных Комиссаров с представлением об утверждении проекта „Ассоциация точных наук“, разработанного Максимом Горьким. Во главе нового института точных наук станет сам Горький»²⁴.

Публикация этого сообщения явилась причиной серьезной размолвки между Горьким и Стекловым, отношения которых, при всем взаимном уважении, не были абсолютно доверительными и дружественно близкими.

Горький был в это время болен, в редакции не бывал, и публикация подобной заметки была неожиданностью для него самого. Сообщение исходило от Советского правительства. Не исключено, что оно явилось следствием тактической хитрости Луначарского, представлявшего доклад об Ассоциации в Совнарком: связывая эту научную организацию прежде всего с именем Горького, легче было добиться крупных правительственных субсидий на устройство Научного института. И в этом нет ничего удивительного. Ведь Горький, несмотря на временные идеологические расхождения с большевиками, оставался для них «своим». Партия и Ленин не теряли веры в то, что рано или поздно он будет работать вместе с ними. Поэтому для Ленина, Луначарского и других членов правительства было чрезвычайно важно, что Горький проявил добрую инициативу и стал через Ассоциацию активно содействовать сближению научной интеллигенции с Советской властью.

Естественно, писатель не мог претендовать на руководство таким сугубо научным учреждением, как Свободная ассоциация, однако не следует и преуменьшать его роль как одного из ее главных инициаторов и организаторов, роль, которая принадлежала ему по праву. Между тем Стеклов увидел в этой злосчастной заметке покушение на независимость ученых, попрание их свободы

и прав, чуть ли не узурпацию Горьким власти. Прочитав сообщение в «Новой жизни», он разразился гневным письмом, в котором фактически отрицал ведущую роль Горького в создании Ассоциации.

«Уважаемый Алексей Максимович, — писал ученый 28 мая 1918 г. — Пишу Вам не как Стеклов, а как председатель Совета Свободной ассоциации. Вчера в вечерних газетах прочел заметку под заглавием „Ассоциация точных наук“. Прочел — и плюнул: мало ли чего болтают вечерние газетки.

К удивлению своему сегодня в *Вашей* газете читаю то же и даже в усовершенствованном виде. Если редакция *Вашей* газеты не понимает, что 1) пристраивать Ассоциацию к какому-либо определенному лицу недопустимо, приписывать именно Вам — неправильно, ибо единственным основанием тому может служить инициатива дела, а таковая, в сущности, принадлежит И. И. Манухину и Заболотному, что 2) *проект Ассоциации точных наук* не мог быть, а потому и не был *разработан литератором*, что во главе *Института точных наук* не может стоять не только „сам М. Горький“, но даже хотя бы „сам В. Шекспир“, — то что сказать о широкой публике?!

Не стану распространяться о том, насколько такое „сообщение“ будет играть на руку всяким инсинуациям, о которых постоянно слышу, но сознательно и решительно вывожу из разговора, чтобы не сквернить языка.

Полагаю, напечатание такой заметки в *Вашей* именно газете налагает на Вас обязанность решительно рассеять ее вздорность и разъяснить широкой публике суть дела.

Уважающий Вас В. Стеклов»²⁵.

Получив это письмо, Горький мгновенно написал в редакции газет опровержение, в котором, в частности, говорилось: «... Горький не может встать „во главе“ серьезнейшего научного учреждения, во главу которого коллегией известнейших русских ученых уже поставлены такие деятели науки, как председатель Совета Ассоциации академик В. А. Стеклов, председатель Правления А. А. Иванов и ряд других крупнейших деятелей науки. Точно так же неверно, что М. Горький „разработал проект“ Свободной ассоциации положительных наук...»²⁶.

Отправив эту заметку в редакции газет, Горький немедленно написал заявление в Совет ассоциации, в котором просил сложить с него звание товарища председателя Совета и члена Правления Ассоциации, и направил его Стеклову вместе со следующим письмом:

«Уважаемый Владимир Андреевич!

Неленую заметку вечерних газет я не счел нужным опровергать, заметка „Н(овой) ж(изни)“ уже опровергнута мною. Вы знаете, что я не выхожу, не бываю в редакции, и помещение глупейшей заметки не может быть поставлено в вину мне.

Из тона Вашего письма явствует, что Вы подозреваете меня в самохвальстве, — качество, которым я не страдаю. Я очень хорошо знаю свое место, Вы увидите это — между прочим — из характера опровержения, составленного мною. Я знаю, как надо уважать науку и ученых.

Прошу Вас передать прилагаемое заявление в Совет.

Желаю Вам всего доброго.

А. Пешков»²⁷.

Получив ответ Горького, Стеклов, вероятно, понял ошибочность своих подозрений, осознал резкость своего тона и поспешил исправить положение. В тот же день, 28 мая 1918 г., он пишет еще одно письмо Горькому, в котором пытается как-то объясниться и разрешить конфликт, возникший между ними: «Я настолько Вас уважаю, что и помыслить не мог о том, что нелепая, но вредная заметка появилась с Вашего ведома, и потому „подозревать“ Вас, как Вы пишете, „в самохвальстве“ мне и в голову не приходило. . . Мои действия по поводу разных конфликтов, возникавших в Ассоциации в связи с нападками на Вас, и все мои дальнейшие отношения к Вам, кажется, достаточно убеждают в неуместности таких предположений. . . Если Ваше заявление о выходе из членов Совета есть результат Вашей обиды на то, что Вы неосновательно усмотрели в „тоне“ моего письма, то я считал бы желательным, исключительно в интересах дела, получить Ваше согласие на то, чтобы ему ходу не давать»²⁸.

Горький, к тому времени успевший связаться с редакцией «Новой жизни» и выяснить, откуда получено сообщение об Ассоциации, не замедлил ответить Стеклову 29 мая 1918 г. грустным, но исполненным внутреннего спокойного достоинства письмом:

«Уважаемый Владимир Андреевич!

Из объяснений с редакцией „Н(овой) ж(изни)“ я узнал, что известное глупое сообщение дано по телефону из Москвы и исходит непосредственно от Совета Комиссаров.

Последнее очень важно, ибо: 1-е свидетельствует о том, что проект организации Науч(ного) института и ассигновка Лун(ачарско)му дана. Но я боюсь, что там, в Совете, меня действительно поставили в идиотское положение по отношению к Ассоциации, — эту боязнь внушает мне редакция сообщения. Если это так, я, разумеется, тотчас же выхожу, и не только из тов(арищей) пред(седателя), но и из рядовых членов Ассоциации. Но из т. пред. я выхожу во всяком случае, не потому, что обижен Вашим письмом, а потому, что дальнейшее мое пребывание в почетном звании этом считаю бесполезным для дела, ныне, внешне, законченного.

Не хочу скрыть, дорогой В. А., что я и обижен Вашим письмом, — тон его незаслуженно резок. А я питаю к Вам чувство искреннего уважения и глубокой симпатии, мне так дорого знакомство с Вами, и я высоко ценю Ваше отношение ко мне. Все это очень грустно. Но — мы все так первозны и несправедливы друг ко другу, что делается еще тяжелее.

С сердечным уважением

А. Пешков»²⁹.

Вероятно, Горький не ограничился только объяснениями со Стекловым и редакцией газеты «Новая жизнь», но и предпринял шаги к тому, чтобы не допустить назначения его руководителем Ассоциации. Как известно, во главе этой организации вплоть до ее закрытия в конце 1920 г. оставался Стеклов, и больше этот вопрос ни в советской прессе, ни в переписке Горького не возникал. 8 июня 1918 г. Стеклов поехал к Горькому для личного объяснения по поводу происшедшего между ними недоразумения, после чего конфликт был окончательно улажен, и писатель согласился остаться на посту товарища председателя Совета.

Несмотря на эту досадную размолвку, Горький продолжал с энтузиазмом работать в Ассоциации, пытаясь развить ее деятельность и приспособить к новым условиям действительности. В процессе работы, видя внимательное и заинтересованное отношение Советской власти к развитию науки и культуры в стране, Горький и сам внутренне перестраивался, постепенно преодолевал собственные заблуждения. В конце июня 1918 г. он писал Е. П. Пешковой: «Собираюсь работать с большевиками на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая оппозиция „Н(о-вой) ж(изни)»»³⁰.

Горький хотел привлечь внимание вождя пролетарского государства к Ассоциации, познакомить с ее задачами и целями. Это видно из письма его сына, М. А. Пешкова, В. И. Ленину. Письмо можно предположительно датировать концом июня 1918 г., и оно также свидетельствует об эволюции Горького «влево»:

«Папа вчера уехал. Просит отослать Вам устав „Ассоциации для разви(тия) и распр(остранения) наук“. Но у меня его не нашлось. Пришлют из Питера. Папа начинает исправляться — „левееет“. Вчера вступил в сильный спор с нашими эсерами, которые через 10 мин. позорно бежали.

Пока всего лучшего. Если достану „устав“, принесу»³¹.

Судя по пометкам на полях, Ленин внимательно прочел это письмо.

Твердое решение о сотрудничестве с Советской властью, подготовленное деятельностью в течение весны и лета 1918 г., пришло к писателю после глубоко его поразившего покушения эсеров на жизнь В. И. Ленина. В беседе с Луначарским 4 сентября 1918 г. Горький заявил, что «террористические акты против вождей Советской Республики побуждают его окончательно вступить на путь тесного с ними сотрудничества»³². В середине сентября Горький посетил выздоравливающего Ленина в Кремле. Особое внимание при встрече Ленин уделил вопросу об интеллигенции. Позже писатель так передавал беседу с ним Ленина: «Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. . . Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но Вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам»³³. Горький воспринял эти слова Ленина как обращенное к нему трудное и ответственное «задание» и со всем энтузиазмом принялся за его выполнение.

Со второй половины сентября писатель начинает готовить общегородской митинг петроградской интеллигенции. Отметим, что и в этом случае он опирался прежде всего на Свободную ассоциацию во главе со Стекловым. Готовя митинг, Горький собрал у себя на квартире заседание Ассоциации при участии различных слоев интеллигенции, на котором разъяснял политику партии в отношении интеллигенции, пересказывал свою беседу с В. И. Лениным.

Митинг на тему «Интеллигенция и революция» под председательством Горького состоялся 6 октября 1918 г. Хотя писатель из-за простуды выступать не мог, он приехал в Таврический дворец и открыл заседание. Первым выступил А. В. Луначарский. Затем Горький предоставил слово Стеклову.

Ученый рассказал о том, как он после научной командировки в Вятскую губернию добирался в течение 11 дней до Петрограда. Вагоны были переполнены, и он долго не мог сесть на поезд. Тогда Стеклов подошел к вагону, в котором ехали красноармейцы, и объяснил им, что он — профессор, едет в Питер читать лекции студентам. С волнением говорил ученый, что красноармейцы сразу уступили ему лучшее место и всю дорогу трогательно о нем заботились, делились своим найком. Эти солдаты, продолжал Стеклов, стали для него олицетворением Советской власти, и он почувствовал, насколько они близки людям науки. В то же время в речи Стеклова сказались свойственные многим крупным ученым и профессуре стремление отгородиться от политики, преувеличенные представления о роли интеллигенции в историческом процессе, претензии на собственную исключительность. Сам ученый так передавал в дневнике суть своей речи: «Я заявил, что всякий ученый — сверхпролетарий, что наука аполитична, что профессор и ученый не может и не должен быть активным политиком, что мы, ученые, суть мозг пролетариата, и ученых пролетарское правительство должно поставить в исключительное, привилегированное положение и всячески их охранять»³⁴.

Митинг 6 октября 1918 г., организованный и возглавленный Горьким, стал событием огромной важности в общественной жизни Петрограда. Он явился одним из существенных показателей поворота интеллигенции к сближению с Советской властью, оказал большое влияние на все еще колеблющуюся часть профессуры, журналистов, литераторов.

В этой обстановке воодушевления интеллигенции Горький и Стеклов осенью 1918 г. еще раз попытались наладить работу Свободной ассоциации.

К тому же стало известно, что Ассоциации отпущена государственная субсидия в 132 тыс. руб. На заседании Совета Ассоциации 3 ноября 1918 г. Стеклов предложил «немедленно приступить к организации публичных лекций и издательского дела, на что и испросить соответствующие ассигнования. Кроме того, необходимо озаботиться в возможно скором времени приисканием помещения для исследовательского Института»³⁵. Присутствовавший на заседании Горький обещал свою помощь и в налаживании издательского дела (назначенный 21 октября 1918 г. комиссаром типографии «Копейка», он предлагал воспользоваться ею для издания научных трудов), и в отыскании нужных помещений.

Уже 12 ноября 1918 г. он писал по этому поводу Стеклову:

«Уважаемый Владимир Андреевич!

Предлагают для Ассоциации три дома: по Дворцовой набережной, угол Мошкова переулка, д. Терещенко, № 22 и по той же набережной, д. Поволуева, № 24,

а затем по Моховой, дом Хариной, номера не знаю. Соболаговолите распорядиться, чтобы эти дома были осмотрены в возможно скором времени.

С уважением

А. Пешков»³⁶.

Стеклов отвечал 16 ноября:

«Вашу просьбу о скорейшем осмотре указанных Вами зданий для Ассоциации передал лицам, в этом наиболее заинтересованным. Чугаев, Костычев и Филиппченко совместно решили произвести осмотр в воскресенье, 17-го ноября, и о результатах сообщат.

В воскрес(енье) 24-го созываю засед(ание) Совета для обсуждения, меж(ду) проч(им), вопроса о помещениях. . .»³⁷

Несмотря на попытки руководства «оживить» Ассоциацию, к концу 1918 г. стало ясно, что развернуть ее работу в том объеме, как это замышлялось с самого начала, в условиях разгорающейся гражданской войны и иностранной военной интервенции, голода и разрухи практически было невозможно. Ассоциация возникла как объединение передовых ученых, не удовлетворенных деятельностью Академии, стремившихся демократизировать научные учреждения и приблизить науку к массам. Теперь, когда власть перешла в руки народа, ученые получили возможность реализовывать эти задачи в стенах уже существующих учреждений, в частности в рамках Академии наук. Не способствовали расцвету Ассоциации и другие причины, и прежде всего крайняя загруженность ученых работой в других научных учреждениях. 13 декабря 1918 г., получив через Горького предложение Научного отдела Наркомпроса срочно представить смету по содержанию служащих Ассоциации, Стеклов от имени Совета ассоциации составил письмо в Наркомпрос, в котором указывал на огромные трудности в работе этой организации: «Несмотря на хлопоты, начатые еще в апреле месяце, Ассоциация до сих пор не получила ни испрашиваемых субсидий (в размере около 1 800 000 р.), ни соответствующих ее нуждам помещений. Поэтому Совет и Правление Ассоциации в настоящее время не имеют никаких данных для суждения о том, когда, где и в каких размерах могут быть организованы кабинеты, лаборатории, музеи и т. д. предполагавшегося Исследовательского института и тем более о составе служащих этих еще не существующих учреждений»³⁸. Письмо он передал через Ю. А. Филиппченко Горькому. Вероятно, писатель почувствовал в ответе Стеклова некоторое раздражение, вызванное неразберихой и организационными трудностями в делах Ассоциации, и поэтому посоветовал не отсылать это письмо в Научный отдел. 14 декабря 1918 г. он писал:

«Уважаемый Владимир Андреевич!

Научный отдел, в ответ на Вашу бумагу, может указать, что Ассоциация ничего не предпринимала для получения указанной Вами субсидии, ассигновка на которую уже давно готова; что Ассоциация не обращалась в Н. о. с хлопотами об отводе для ее целей свободного помещения и, что если нет ни помещения, ни штатов, ни вообще каких-либо работ — зачем же Ассоциации 1 800 000? Думаю, что достойнее промолчать, чем посылать в Н. о. бумагу, составленную Вами.

Если Вы считаете, что положение Ассоциации безнадежно — не лучше ли ликвидировать ее? Хотя я бы высказался решительно против такого конца, ибо — не известно, что будет, и вполне возможно, что Ассоциация еще пригодится. Ассигнованные ей деньги следовало бы возможно скорее положить на текущий счет Ассоциации. Это деньги, данные для целей чистой науки, и пренебрегать ими не следует.

Всего доброго.

А. Пенков»³⁹.

Стеклов прислушался к совету Горького и решил до времени не посылать письмо в Научный отдел Наркомпроса, а пойти туда для личных объяснений. Одновременно в ответном письме Горькому от 15 декабря 1918 г. он попытался определить свою позицию по отношению к Ассоциации, подробно описал те трудности, которые встали на пути ее нормальной работы. «... Я вошел в некотор^{ые} подробности, — резюмировал ученый, — чтобы дать понятие о некоторых из тех мотивов, по которым я считаю положение Ассоциации как самостоятельного учреждения в настоящий, по крайней мере, момент почти безнадежным, считая в то же время полную ее ликвидацию, быть может, и преждевременной»⁴⁰.

19 декабря вопрос о положении Ассоциации обсуждался в Научном отделе Наркомпроса Петрограда. Стеклов подробно описал это обсуждение в своем дневнике: «В 11 1/2 ходили с Филиппенко к Мих. Петров. Кристи, заведующему Научным отделом Комиссариата, по поводу Ассоциации. Сказал, что образование особых ассоциаций считает нецелесообразным при настоящих условиях, когда <1 прзб.> своб^{одных} учреждений могут быть создаваемы как правительств^{енные} учрежд^{ения} и организации, субсидируемые правительством. Что это лишь развивает нежелат^{ельный} параллелизм и совместит^{ельство}. Я вполне с этим согласен. Насчет ассигн^{ований} в 1 м. 600 тыс. сказал, что это дело безнадежное. Относит^{ельно} уже отпущенных 133 тыс. обещал навести справки, заявив, что их можно будет, быть может, с пользой употребить на издат^{ельство} при общей издательской комиссии при Комиссариате и обещал справиться, можно ли найти эти деньги. Насчет зданий — нечего и болтать, их не только не могут дать, но и имеющиеся в Комиссариате могут отобрать под всякие нужды. Я сказал, что, пожалуй, не лучше ли совсем ликвидировать эту „Ассоциацию“. Ответил, подождите пока, а там увидим. Я с этим тоже вполне согласен»⁴¹.

В дальнейшем деятельность Ассоциации сосредоточилась на подготовке к изданию отечественных и переводных научных трудов по естественным дисциплинам, что было весьма важным делом в период острого «книжного голода» в стране, в особенности «голода» на учебную литературу. На издательские нужды Ассоциации государство ассигновывало во второй половине 1918 г., а также в 1919 и в 1920 гг. определенные суммы.

Несмотря на очевидные недостатки в организации и деятельности Свободной ассоциации ученых, в целом она сыграла положительную роль в развитии нашей науки. Ассоциация была одной из первых общественных организаций в России, которая попыта-

лась приблизить науку к широким народным массам. Она способствовала сближению ученых разных отраслей знания. Передовые ученые, работая в Ассоциации, приобрели опыт популяризации науки. Многие идеи, положенные в основу этой организации, успешно осуществляются в наше время. Народный комиссариат просвещения в отчете о своей деятельности за 1918 г. указывал, что Свободная ассоциация «является весьма ценным вкладом в новое строительство знания»⁴². Следует упомянуть еще об одном эпизоде, свидетельствующем о совместной работе писателя и ученого. Речь идет о встрече Горького и группы ученых (В. Н. Тонкова, С. Ф. Ольденбурга и Стеклова) с В. И. Лениным в Кремле. Встреча состоялась 27 января 1921 г. и была посвящена вопросам улучшения научно-исследовательской работы в стране. Во время этого посещения ученые предоставили Ленину проект декрета об улучшении условий труда ученых, в составлении которого самое активное участие принимал Горький. Ленин с глубоким вниманием выслушал соображения ученых и передал проект декрета на скорейшее рассмотрение в Совнаркоме. После приема делегации Лениным проект декрета был при участии Горького рассмотрен Особой комиссией при СНК, а затем Малый Совнарком принял тезисы декрета об улучшении условий труда ученых.

В очерке «В. И. Ленин» Горький писал об этой встрече с Лениным: «Помню, я был у него с тремя членами Академии наук. . . Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

— Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все формулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С такими работать — одно удовольствие. Особенно понравился мне этот. . .

Он назвал одно из крупных имен русской науки, а через день уже говорил мне по телефону:

— Спросите С., пойдет ли он работать с нами?

И когда С. принял предложение, это искренно обрадовало Ленина; потирая руки, он шутил:

— Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а — перевернется!»⁴³.

Эта высокая оценка Ленина характеризует деятельность Стеклова после Октябрьской революции.

В заключение следует сказать не только о большом вкладе, внесенном в создание Ассоциации Горьким и Стекловым, но и о той роли, которую сыграла эта организация в жизни ученого и писателя.

Работа в Ассоциации в 1917—1920 гг. пробудила у Стеклова интерес к широкой популяризации знаний, к научно-художественному творчеству. Не случайно именно в это время он начал обработку своих записей историко-математического и философского характера, которые составили основу его книги «Математика и ее значение для человечества». Тогда же у Стеклова возникли замыслы двух научно-популярных книг о Галилео Галилее и

М. В. Ломоносове. Горький с интересом следил за этой стороной творчества ученого. Книга Стеклова «Михайло Васильевич Ломоносов», в которой автору удалось создать живой портрет гения русской науки, была напечатана при содействии Горького в 1921 г. в руководимом им издательстве З. И. Гржебина. Она до сих пор хранится в личной библиотеке Горького. Книги «Галилео Галилей» и «Математика и ее значение для человечества» изданы Госиздатом РСФСР в 1923 г., также по договору с издательством Гржебина.

Работа в Свободной ассоциации сыграла определенную роль и в жизни и творчестве Горького. В это время значительно расширяются личные контакты писателя с ведущими, наиболее прогрессивными учеными страны, углубляются многие его научные представления и идеи. Работа в Ассоциации помогла Горькому глубже понять духовные запросы и материальные потребности ученых, специфику их работы, условия, необходимые для успешной научной деятельности. Приобретенные в эти годы опыт, а также высокий авторитет среди ученых позволили писателю в 1920—1921 гг. стать настоящим организатором науки в Советской России, создателем и председателем знаменитой Петроградской комиссии по улучшению быта ученых. Пророчески предвидя, что XX век будет веком расцвета науки, настоящей научно-технической революции, Горький в тяжелые послереволюционные годы предпринимал гигантские усилия, чтобы спасти русскую науку от разрушения и обеспечить ей в будущем одно из первых мест в мире. Начав эту работу в 1917 г. в рамках Свободной ассоциации ученых, он продолжал ее до конца жизни, создавая КУБУ и ВИЭМ, популяризуя достижения отечественной и мировой науки в журналах «Беседа», «Наши достижения» и т. д.

Александр Блок, наблюдавший в годы революции за гигантской культурной работой Горького, сказал на юбилейном чествовании писателя 30 марта 1919 г.: «Судьба возложила на Максима Горького как на величайшего художника наших дней великое бремя. Она поставила его посредником между народом и интеллигенцией...»⁴⁴. Эти слова поэта довольно точно определяют особое место Горького в истории России, его художническую и человеческую миссию. Его совместная со Стекловым работа в Свободной ассоциации ученых в дни революции — лишнее тому подтверждение.

¹ См., напр.: *Слонимский А. Г.* А. М. Горький в борьбе за создание советской интеллигенции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сталинабад, 1956; *Юнович М. М.* Горький — пропагандист науки. М., 1961; *Менделевич Г.* Горький и «Ассоциация для развития и распространения положительных наук» // Горьковские чтения. М., 1968; *Игнациус Г. И.* Владимир Андреевич Стеков. М., 1967; *Владимиров В. С., Маркуш И. И.* Академик В. А. Стеков. М., 1973.

² *Горький М.* Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М., 1974. Т. 20. С. 28.

³ Речь и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9-го и 16-го апреля в Петрограде и 11-го мая в Москве. Пг., 1917. С. 12.

- ⁴ Горький и наука: Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964. С. 15.
- ⁵ Устав Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук. Пг., 1917. С. 3.
- ⁶ Горький и наука. С. 23.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 55.
- ⁸ Архив А. М. Горького. ПГ-рл I-38-1. Далее будет обозначаться АГ.
- ⁹ Там же. Био 18-1-23. С. 1—2.
- ¹⁰ Архив А. М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 76—77.
- ¹¹ Новая жизнь. 1918. № 77. 26 апр.; Дело народа. 1918. № 25, 21 апр.
- ¹² Наш век. 1918. № 88. 3 мая.
- ¹³ Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. № 86. 10 мая.
- ¹⁴ АГ. ПГ-рл 41-7-56.
- ¹⁵ Архив Академии наук СССР. Ленингр. отделение. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1. В дальнейшем будет обозначаться ААН.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ АГ. ПГ-рл 41-7-76.
- ¹⁸ Там же. КГ-уч 10-33-1.
- ¹⁹ Выражение из речи Горького «Наука и демократия». См.: Горький и наука. С. 16.
- ²⁰ АГ. Био 18-1-10. С. 1—2.
- ²¹ Горький и наука. С. 162.
- ²² АГ. КГ-уч 10-33-2.
- ²³ Цит. по кн.: Слонимский А. Г. Указ. соч. С. 16.
- ²⁴ Новая жизнь. 1918. № 101. 28 мая.
- ²⁵ АГ. КГ-уч 10-33-3.
- ²⁶ Новая жизнь. 1918. № 102. 29 мая.
- ²⁷ АГ. ПГ-рл 41-7-26.
- ²⁸ Там же. КГ-уч 10-33-4.
- ²⁹ Там же. ПГ-рл 41-7-36.
- ³⁰ Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 207—208.
- ³¹ Горьковские чтения. М., 1968. С. 348.
- ³² Максим Горький и Комиссариат просвещения // Известия. 1918. № 195. 10 сент.
- ³³ Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения: В 25 т. Т. 20. С. 33, 34.
- ³⁴ ААН. Ф. 162. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 1.
- ³⁵ АГ. Био 18-1-25.
- ³⁶ Там же. ПГ-рл 41-7-46.
- ³⁷ Там же. КГ-уч 10-33-5.
- ³⁸ ААН. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 19.
- ³⁹ АГ. ПГ-рл 41-7-86.
- ⁴⁰ Там же. КГ-уч 10-35-1.
- ⁴¹ ААН. Ф. 162. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 53.
- ⁴² Народное просвещение. 1919. № 9/10. С. 79.
- ⁴³ Горький М. Полн. собр. соч.: Худож. произведения: В 25 т. Т. 20. С. 34.
- ⁴⁴ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 92.



БОРИС АРОНОВИЧ БЯЛИК
(1911—1988)

28 сентября 1988 года на 77-м году жизни скончался ответственный редактор этого издания Борис Аронович Бялик — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, один из основоположников отечественного горьковедения, член Союза писателей СССР со дня его основания.

Автор четырехсот печатных работ, двенадцати книг — в том числе таких значительных, как «Властители дум и чувств. В. И. Ленин и А. М. Горький», «М. Горький-драматург», «Судьба Максима Горького», «М. Горький — литературный критик», «Великое слово» (о насущных задачах теории и методологии современной науки о литературе), — Б. А. Бялик пользовался признанием не только у советского, но и зарубежного читателя. Его исследования переведены на английский, французский, итальянский, японский и другие языки.

Талантливый лектор и блестящий полемист, страстный пропагандист советской литературы, Б. А. Бялик с неизменным успехом выступал на международных научных форумах, в универси-

тетских аудиториях Чехословакии и Польши, ГДР и Болгарии, США и Франции, Бельгии и Голландии, стран Латинской Америки. Он был избран членом Европейского общества культуры, почетным членом Ассоциации писателей Колумбии.

Без малого полвека Б. А. Бялик был связан с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. Он явился инициатором важнейших горьковедческих изданий. В руководимом им на протяжении ряда лет научно-исследовательском секторе созданы, в частности, фундаментальные труды, признанные этапными в изучении культуры рубежа веков: «Русская литература конца XIX—начала XX в.», четырехтомное исследование, посвященное русской литературе и журналистике с 1890 по 1917 г.

С первых дней Великой Отечественной войны и до победы Б. А. Бялик был на фронте. Он был корреспондентом армейских газет «За Родину», «На разгром врага», «Фронтовая правда». В августе 1941 г. Б. А. Бялик вступил в ряды Коммунистической партии. Его боевые заслуги, а также самоотверженный труд в мирное время отмечены пятью орденами и двенадцатью медалями. Двумя изданиями вышла книга Б. А. Бялика о днях войны «Наедине с прошлым».

Активный участник современного литературного процесса, член правления издательства «Советский писатель», многолетний преподаватель Высших литературных курсов, Б. А. Бялик был связан давней дружбой с А. Фадеевым, Б. Полевым, Ю. Олешей, М. Светловым, Я. Смеляковым, С. Смирновым, другими видными художниками слова. Всех, кому довелось иметь дело с Б. А. Бяликом, подкупали его последовательность в утверждении основ нашего мировосприятия, неистощимый оптимизм, искрящееся остроумие, всегдашняя готовность протянуть руку помощи каждому, кто нуждался в поддержке.

Организация настоящего издания — одна из самых последних акций ученого. С 1940 по 1968 гг. в ИМЛИ готовилась и выходила книжная серия «Горьковские чтения», имевшая значительный резонанс и охватывавшая широкий круг советских и зарубежных исследователей. Ее ничем не оправданное прекращение нанесло урон развитию науки о Горьком. Все это время Б. А. Бялик боролся за возвращение Институту, основанному по инициативе Горького и обладающему обширным рукописным наследием писателя, естественного права на специальное горьковедческое издание. И в конце концов добился возобновления научной серии, получившей новое название — «Горький и его эпоха».

Б. А. Бялик не только тщательно редактировал все материалы первых двух выпусков издания (второй выпуск — в производстве). Сюда вошли и последние его работы. Они писались тогда, когда ученый уже часто и подолгу болел. Но это никак не отразилось на них. Настойчивость в отстаивании научных позиций, публицистический темперамент, яркий дар полемиста — остались в деятельности Б. А. Бялика до конца.

*Институт мировой литературы
имени А. М. Горького АН СССР*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверинцев С. С. 183, 184
 Агарев А. А. 41, 59
 Агии А. А. 235
 Ададуров М. 95
 Азадовский К. М. 217, 222, 224
 Айзман Д. Я. 140
 Аксельрод П. Б. 138, 152
 Аксельрод-Ортодокс Л. И. 137
 Алабышев 95
 Алексеев М. (Брыздникова М. А.) 17
 Алексинский Г. А. 131, 143
 Алешов Н. 64
 Алисова 127
 Алкина Э. А. 122
 Альбрехт К. А. 52
 Альтман Н. И. 226
 Амбарова А. 122
 Амфитеатров А. В. 115, 119, (Old Gentleman); 141, 143
 Андреев Л. Н. 163, 169, 171—174, 177, 183, 187, 193—196
 Андреев Н. А. 226, 236, 237, 239
 Адресова М. Ф. 128—130, 136, 171, 194, 228, 232, 247, 253
 Анненков Ю. П. 226, 227, 231, 233, 235—237, 239
 Анненский И. Ф. 94
 Анненский Н. Ф. 64, 65
 Анлаклина А. И. 160, 164, 167, 168
 Арбеков 124
 Арцыбашев М. П. 137, 147, 201
 Асафьев Б. В. 226
 Аспизи (Розенберг-Райнис Э.) 178
 Астахова А. М. 224
 Аусеклис (Крогаемис М.) 178
 Ахматова А. А. 222
 Ашешов Н. П. 67, 69—71

 Бабель И. Э. 11, 12
 Бабенчиков М. В. 230, 239
 Базанов В. Г. 220, 224
 Базаров В. (Руднев В. А.) 145, 184
 Базилевская И. 244, 249
 де-Бай, барон 40
 Байрон Дж. 171, 175
 Бакст (Розенберг Л. С.) 187
 Балика Д. А. 167
 Балухатый С. Д. 64, 66, 67, 77
 Бальзак О.-де 15, 235
 Бальмонт К. Д. 59, 200, 208
 Баранов Н. М. 122
 Барон Брамбеус (Сенковский О. И.) 24, 53
 Баршев С. С. 37, 38, 58
 Батюшков Ф. Д. 72, 192
 Баулин А. В. 21, 53
 Бауман Н. Э. 115
 Бах И.-С. 43, 207
 Бахтин М. М. 205, 222
 Башкиров М. Е. 26, 27, 35, 55
 Башкиров Я. Е. 35, 48, 49 (Я. Е.); 61, 73, 77
 Безобидный 95
 Белинский В. Г. 111
 Белоусов И. А. 167
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) 10, 176, 178, 181, 206, 216, 222
 Беляков С. А. 238
 Бенуа А. Н. 170, 183, 187, 225—228, 230—232, 234, 235, 239
 Бенуа Л. Н. 226
 Бенуа Н. А. 226, 231, 239
 Бер А. Б. 112
 Бер Б. В. 109—119
 Бер Д. Б. 112
 Бер Н. Н. 112
 Берамже П.-Ж. 245
 Бердяев Н. А. 194
 Беспалов И. М. 9, 14, 18
 Бетховен Л. ван 42, 43, 233
 Библик А. П. 140, 150
 Билибин И. Я. 187, 225, 226
 Биссон А. 56
 Блинов И. Ф. 103—107
 Блинова О. И. 107
 Блок А. А. 115, 119, 173, 174, 176, 183, 200, 204—206, 209, 211, 221, 222, 227, 228, 232, 239, 266, 267
 Блох М. Ф. 228, 236
 Богданов А. (Маяковский А. А.) 131—134, 143, 145
 Богданович А. Е. 57, 59, 60, 74—76
 Богданович А. И. 122, 137
 Богомолов В. И. 94
 Богородский Ф. С. 231, 239
 Бодлер Ш. 116
 Боклевский П. М. 235
 Болдырева 108

- Бонами Т. М. 240
 Бонч-Бруевич В. Д. 104, 105, 108, 138, 153, 156—159
 Бор 94
 Боратынский Е. (Баратынский Е. А.) 207
 Боровиковский В. Л. 227
 Бородин И. П. 252
 Бородюков В. И. 2
 Брагин С. В. 226
 Брик О. М. 225
 Брихвичев И. П. 205
 Бродский И. И. 226, 229, 231
 Брукс Г. 131
 Бруни Ф. А. 227
 Брусков 95
 Брюллов К. П. 227
 Брюс Дж. 119
 Брюсов В. Я. 119, 174, 195, 204, 207, 222
 Буадзефр 62
 Будда 237, 239
 Буденный С. М. 18
 Булгаков М. А. 9, 11, 12, 177
 Булычев В. В. 30, 56, 73, 74
 Буний И. А. 15, 82, 140, 147, 163, 208, 241, 252
 Бурдинский С. М. 158
 Буренин Н. Е. 72, 128—130, 195
 Буришкин А. А. 195
 Буряк Г. 121
 Быковцева Л. П. 131
 Бялик Б. А. 2, 10, 77, 89, 102, 248

 Вайнберг И. И. 224
 Валин Е. см. Чириков Е. Н.
 Васильев П. К. 12, 220
 Вдовин В. А. 223
 Венгеров С. А. 77
 Верейский Г. С. 234
 Вересаев В. В. 82, 137, 140, 149
 Верещагин В. В. 227—228
 Верёвкин 101
 Вернадский В. И. 252
 Верхарн Э. 116
 Верхоустанский Б. А. 141
 Виллан В. Ю. 42—45, 52, 59, 60, 62
 Винонов Н. Е. 132
 Випниценко В. К. 161, 167
 Винокуров А. Н. 105
 Вирязов 122
 Витте С. Ю. 94
 Вишневский А. Л. 241
 Владимиров В. С. 266
 Войтинский В. С. 177, 184
 Волягина А. П. 57, 60, 74
 Волягина Е. П. см. Пенкова Е. П.
 Волин Б. М. 153, 154, 159
 Волков В. М. 71
 Волков Н. Д. 242, 249
 Волюнский А. Л. 227
 Вольнов А. И. 159
 Вольный И. (Вольнов И. Е.) 2, 78—82, 153—159, 214
 Вольнов И. И. 80 (Илья); 82, 153
 Вольтер Ф. 38, 233
 Воробьева-Владимирова П. С. 202
 Воронский В. В. 138
 Воронский А. К. 18
 Врубель М. А. 235
 Вуль Р. М. 128

 Гак А. М. 238
 Галилей Галилео 265
 Гамсун К. 212
 Гарин Н. (Михайловский Н. Г.) 70
 Гаспаров М. Л. 184
 Гауптман Г. 240
 Гаццкий А. С. 71
 Гвонетадзе Г. Д. 88, 89
 Гвоздев А. А. 239
 Гейне Г. 36
 Герасимов М. П. 11, 12
 Герасимов Ю. К. 168, 184
 Германова М. Н. 247
 Гермоген 184
 Гершензон И. Е. 185, 202
 Гершензон М. О. 169, 182—184
 Гете И.-В. 38, 58, 175, 233
 Гинниус З. Н. 201
 Гладков Ф. В. 54, 79, 82
 Глазунов А. К. 226
 Гогин Г. Д. 47, 48, 60, 73
 Гоголь Н. В. 163, 179, 235
 Голиков А. М. 30, 56
 Голдштейн П. Н. 127
 Головин А. Я. 231
 Гольцев В. А. 70
 Горбатов К. И. 238
 Горбачева-Клычкова В. Н. 221
 Гордон Б. А. 252
 Горленко В. П. 161—163, 167
 Городецкие 223
 Городецкий С. М. 207, 241
 Гортинская М. 239
 Горчаков Н. М. 248, 249
 Грабарь И. Э. 183, 187, 230, 234
 Гребенка Е. П. 22
 Гржебин З. И. 85, 86, 88, 233, 239, 266
 Грибоедов А. С. 62, 235
 Грибуни В. Ф. 246
 Гринг Э. 129
 Гриневецкий Ив. И. 120, 121
 Гриневецкий Игн. И. 120
 Гриневецкий С. И. 70, 71
 Гринченко Б. Д. 161, 162, 167
 Гриццута М. С. 168
 Громов В. А. 82
 Гросс К. 57, 58
 Груадев И. А. 3, 62—65, 77, 87—92, 95, 102, 103, 128, 243
 Грякалова Н. Ю. 220

- Губарев М. Н. 122
 Гулякин 80
 Гумилев Н. С. 204, 207
 Гусев В. А. 61
 Гусев С. С. 72
 Гусев-Оренбургский С. И. 140
 Гюнтер А. Ю. 120, 121, 125 (Александр)
 Гюнтер В. Н. 120, 125
 Гюнтер И. Ю. 120, 125 (Измаил)
 Гюнтер О. Ю. см. Каминская О. Ю.
 Гюнтер Ю. А. 120
 Давыдова А. А. 136
 Далматов В. П. 41, 59, 246
 Данте А. 38, 58, 175, 182, 233
 Даныш Е. Я. 228, 238
 Дарвич Ч. 25
 Деборин А. М. 137
 Дейч Л. Г. 137
 Делакруа Э. 235
 Дельвиг Д. Н. 71
 Деисов В. Н. (Дени) 236, 237
 Десницкий В. А. 94, 234
 Дзержинский Ф. Э. 154, 157
 Дитрих Л. А. 229
 Добровольский Е. 122
 Добролюбов А. М. 115, 119
 Добролюбов И. В. 61
 Добролюбов Н. А. 111, 251
 Добролюбова Е. А. 251
 Добужинский М. В. 170, 187, 225—227, 230—235, 242
 Догель В. А. 252
 Долгов 121
 Доре Г. 235
 Достоевский Ф. М. 38, 58, 108, 140, 151, 175, 177, 180, 184, 192
 Дробыш-Дробышевский А. (Умань-ский А. А.) 165—167, 168
 Дудко В. И. 100
 Дузе Э. 129
 Дурылин С. К. 246, 249
 Дымшиц А. Л. 185, 188, 189, 202
 Дышник В. А. 220
 Евграфов К. Р. 107, 108
 Ежов И. С. 223
 Елизавета Маврикиевна, кн. 255, 256
 Елизарьевский С. Я. 69, 78, 81, 116
 Ермаков П. В. 70, 71
 Есенин С. А. 204, 209—212, 214—216, 219, 221—223
 Ефимов Д. П. 167
 Ефимова 121
 Ефремов С. Д. 154
 Ещин Е. М. 64, 68, 70—72, 74—76
 Жанна д'Арк 36
 Жекулин А. Н. 106, 107
 Желябужская М. Ф. см. Андреева М. Ф.
 Журавлева Ю. И. 41, 59
 «Журналист» 15, 16
 Заболотный Д. К. 252, 259
 Заиражский Г. 150
 Зазубрин В. Я. 16, 17
 Зайцев Б. К. 171
 Залцунин С. А. 236
 Замирайло В. Д. 233, 235
 Замятин Е. И. 8, 12, 15, 226
 Зильберштейн И. С. 68
 Зиновьев П. Е. 155
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 171, 183
 Золотарев А. А. 151, 201
 Зорин С. С. 155, 159
 Зоценко М. М. 11
 Зубовский Ю. М. 209
 Иванов А. А. 253, 259
 Иванов Вс. В. 15, 17, 79, 80
 Иванов Вяч. И. 2, 169—184, 186, 187, 206, 222
 Иванов Д. В. 180, 184
 Иванов И. И. 163, 164, 168
 Иванов-Разумник Р. В. 207, 208, 216
 Иванова Е. В. 109, 119
 Иванова Л. В. 180, 184
 Ивановский В. С. 123
 Игнациус Г. И. 266
 Измайлов А. А. 189, 195
 Изот 96
 Ильин Р. С. 221
 Инбер В. М. 9
 Исариова М. П. 41, 59
 Иокар Л. Н. 224
 Иорданская М. К. (Давыдова, Куприна-Давыдова, Куприна, Иорданская, Куприна-Иорданская) 135—137, 140, 146, 147, 150, 152
 Иорданский Н. И. 135—138, 140, 142, 146—148, 151
 Исакович-Скрябина В. И. см. Скрябина В. И.
 Каверин В. А. 9
 Казанцевы 126
 Казачков Г. Н. 62
 Калашников В. И. 49, 61
 Каллиников И. Ф. 214
 Калмыкова А. М. 196
 Калужный А. М. 97
 Каминская О. Ф. см. Лошакова-Ивина О. Ф.
 Каминская О. Ю. 120—128
 Каминский Ф. Ф. 120, 121, 126, 127
 Кандиновский В. В. 225
 Канлув С. Г. 184
 Карасик З. М. 183
 Кардовский Д. Н. 235
 Карелин А. А. 20, 21, 40, 53
 Карцов Е. П. 28
 Карпов П. И. 217
 Картиковский И. А. 92, 93, 103
 Качалов В. И. 240, 245—248

- Каширин В. В. 120
 Квашин-Самарин Е. Н. 119
 Квитка-Основьяненко Г. (Квитка Г. Ф.) 161
 Келдыш В. А. 2, 153
 Кикинос Ф. 22
 Килевский Г. Р. 30, 56, 71
 Кипен А. А. 140
 Кириллов В. Т. 11
 Киселев Г. К. 168
 Китаев М. 122
 Клаарк В. И. 122
 Клейнборт Л. М. 150, 210, 211, 223
 Клычков Г. С. 224
 Клычков С. А. 208, 209, 211, 215, 219, 220
 Ключев Н. А. 2, 204—224
 Клинович Н. М. 252
 Книшнер О. Л. (Книшнер-Чехова) 243, 246
 Коваленко-Коломацкий Г. А. 167
 Ковалев В. А. 2
 Коган Н. С. 182, 184
 Козлов В. В. 228
 Козлов Е. 122
 Колесанов Е. В. 108
 Коллонтай А. М. 137
 Колоколов Н. И. 8, 10
 Кольцов Д. (Гинабург Б. А.) 138
 Коляда Е. Г. 68, 202
 Конашевич В. М. 235
 Кондратьева А. Н. 111
 Константин Константинович, вел. кн. 255, 256
 Конт О. 176
 Корецкая И. В. 169
 Корин П. Д. 107
 Коробка Н. И. 196
 Короленко В. Г. 54, 55, 65, 68—70, 74, 76, 77, 111, 116, 117, 119, 123, 148, 196, 213, 214, 252
 Корсак Б. П. 120—123, 125—127
 Корш Ф. А. 56
 Костычев С. П. 252, 263
 Коцюбинский М. М. 147, 160—168
 Коцюбинский Ю. Р. 168
 Крапихфельд В. П. 135, 137, 142, 146, 148—149, 151
 Красин Л. Б. 132, 252
 Крейнер Р. 42
 Кристи М. П. 264
 Кругликова Е. С. 231, 236
 Крутикова Н. И. 238
 Крылов А. П. 252
 Крылов В. А. 56, 66
 Крылов И. А. 235
 Кузин Д. В. 94
 Кузмин М. А. 190, 191
 Куйбышев В. В. 107
 Кулагин Н. Ф. 81
 Кулеш А. С. 95
 Купер Э. А. 226
 Куприн А. И. 136, 201
 Куприна-Иорданская М. К. см. Иорданская М. К.
 Курепин Н. X. 57, 75
 Куре А. Л. 15—17
 Кустодиев Б. М. 226, 230, 231, 239, 242
 Кустодиева И. Б. 239
 Лавров В. М. 61
 Ладыженский В. П. 107, 108
 Ладыжников И. П. 103, 104, 133, 141, 142, 152, 203
 Лажечников И. И. 56
 Лазаревский И. И. 239
 Ламартин А. 116
 Ланин А. И. 56, 97, 100, 114, 118, 124
 Ланин Н. А. 110
 Ланина Е. М. 30, 56
 Лансере Е. Е. 170, 183, 187, 225, 226
 Ланца 39, 58
 Лахметко Т. Ф. 95 (Лахметка)
 Лаховский А. 226
 Лебедев В. В. 226, 233, 235
 Левицкий Д. Г. 227
 Лежава А. М. 96
 Лельков П. И. 21, 53
 Ленин В. И. 7, 10, 15, 105, 128, 132—134, 138, 141, 145, 146, 152—159, 177, 184, 186, 200, 225, 229, 238, 251, 253, 255, 258, 261, 265, 267
 Ленц Р. 28, 56
 Леонардо да Винчи 233
 Леонидов Л. М. 247
 Леонов Л. М. 11
 Лермонтов М. Ю. 22, 235
 Леткова Е. (Султанова Е. П.) 226, 227, 238
 Лещенко Д. И. 256
 Либединский Ю. П. 17
 Лисовский М. 178, 184
 Лифшиц М. А. 132, 133, 152
 Лифшиц С. 152
 Лихачев Н. П. 239
 Личкус Р. 122
 Ломан 223
 Ломов И. 15
 Ломоносов М. В. 233, 266
 Лонакова-Ивина О. Ф. 112 (Ивина-Лонакова О. Ф.); 120, 124, 125 (Ольга)
 Лужский В. (Калужский В. В.) 240—249
 Луначарские 136
 Луначарский А. В. 15, 81, 131—133, 137, 143, 145, 152, 154, 176, 188, 197—201, 217, 228, 232, 238, 241, 253—258, 260—262
 Луцк Л. П. 227
 Львов-Рогачевский В. Л. 135, 146, 147, 150, 200

- Любавина Н. 210, 217
 Любарский Н. М. 79, 82
 Ляцкий Е. Н. 149
- Мазиц 95
 Мазурова Е. 121
 Макаровский М. 161
 Максимова В. А. 202
 Малевич К. С. 225, 238
 Малышев 122
 Малявин Ф. А. 228
 Мандельштам О. Э. 207, 222
 Маннинен О. 178
 Манухин И. И. 252, 259
 Марков А. А. 251, 252
 Марков П. А. 184
 Марков С. Н. 16
 Маркс А. Ф. 77
 Маркс К. 15, 25, 133, 233
 Маркуш И. И. 266
 Маркхам 98
 Марр Н. Я. 228
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 138, 152
 Масаиов И. Ф. 64
 Матвеев Д. Н. 95
 Махотин Н. А. 81
 Мациевич 96
 Маяковский В. В. 211
 Медведев М. В. 28, 55
 Медведев П. Н. 204, 215, 216, 223
 Медичи Л. 179
 Мейерхольд Вс. Э. 187
 Менделевич Г. А. 266
 Менделеев Д. И. 233
 Меренковский Д. С. 173
 Метерлики М. 114, 119
 Метлинны (Иван, Василий, Александр) 122
 Микеланджело В. 116
 Микешин М. О. 59
 Миловидов И. Е. 26, 35, 55, 57
 Миловидов Л. М. 168
 Милтон Д. 36
 Миннаев Д. Д. 53
 Минин К. 59, 122
 Мирбо О. 94, 103
 Мирный П. (Рудченко А. Я.) 161—163, 167
 Мирюлюбов В. С. 208, 210, 218
 Митрохин Д. И. 226, 231
 Михайловский Н. К. 54, 55
 Мицкевич С. И. 105
 Могилянскый М. М. 165, 166, 168
 Молгачев П. 119
 Молодцова Е. В. 109, 110, 118, 119
 Монассан Ги де 33, 57
 Москвин И. М. 246
 Моккин (Маякин) 47, 60, 73
 Мравлин-Штевен В. И. 109
 Муйжель В. В. 140
 Муравьев Н. К. 149
- Муратова К. Д. 61, 64, 77, 128, 142, 152, 153, 238
 Мурашов П. В. 145
 Мысовская А. Д. 111, 116, 117, 119
 Мукотин В. А. 65, 94
- Надзидский А. В. 168
 Надсон С. Я. 206
 Найденов С. А. 244
 Наполеон Б. 183
 Натансон М. А. 96
 Наумов П. К. 53, 61
 Началов М. Я. 95
 Неведомский М. (Миклашевский М. П.) 137
 Неверов А. С. 141
 Негри А. 36
 Нежданова А. В. 221
 Некрасов Н. А. 59, 176, 189
 Немиров 24
 Немирович-Данченко Вл. И. 240—242, 244, 246—249
 Нерадовский П. И. 226, 233, 234, 239
 Низовой П. (Туников П. Г.) 79, 80, 82
 Никавдрон Н. (Шевцов Н. Н.) 79, 82, 140—141
 Никитина Е. Ф. 79, 81
 Никитина М. А. 185
 Никифорова Л. А. 147
 Нинов А. А. 152
 Нитобург Л. В. 18
 Ницше Ф. 112, 115, 119, 172, 173, 181, 184
 Новиков-Прибой А. С. 79 (Силыч); 82
 Ньютон И. 233
- Обрядчиков Д. А. 61
 Обухова Н. А. 221
 «Обыватель» 31, 57
 Овсянко-Куликовский Д. П. 139, 140
 Овчаренко А. И. 152
 Окунев Я. М. 79, 81
 Олейников П. Т. 107
 Олейникова З. И. 107, 108
 Олигер Н. Ф. 140
 Ольденбург С. Ф. 228, 231, 234, 239, 265
 Ольминский М. С. 138
 Омон Ш. 51, 62
 Орешин П. В. 209, 219, 220
 Орлов В. А. 246, 249
 Орлов В. Н. 223
 Орловский П. см. Воровский В. В.
 Остафьев А. 109
 Островская С. Д. 182
 Островский А. Н. 29, 164, 235
 Остроумова-Лебедева А. П. 231
- Павлов И. П. 251, 252
 Пантелеева Р. П. 74

- Пастер Л. 233
 Пастернак Б. Л. 11
 Пестерняк Л. О. 228
 Певин Н. И. 149
 Переверзев В. Ф. 18
 Перельгин Н. И. 160
 Переселенков С. А. 84
 Пескова М. Т. 127
 Петрова М. Г. 63, 77, 114, 119
 Петров-Водкин К. С. 225—228, 230
 Петровский А. А. 252
 Пешехонов А. В. 65
 Пешков М. А. 74, 79, 80—82, 155—157, 261
 Пенкова Е. П. 64, 67, 74, 75, 78, 79, 81, 105, 108, 136, 142, 152, 157, 186, 192, 195, 198, 202, 240, 243, 261
 Пильняк Б. (Воган Б. А.) 2, 5—6, 9—16
 Пинкевич А. Н. 234
 Пирагези Д.-Б. 179
 Писарев Д. И. 111
 Платонов А. П. 11
 Плеханов Г. В. 137, 138, 146, 148, 152, 153
 Плотников М. А. 65
 Поволуев 262
 Подъячев С. П. 214
 Поздний Е. Н. 120, 128
 Позери Б. П. 94
 Познанский 122, 125
 Познер С. В. 193—197
 Покровский М. Н. 131
 Покровский Н. Н. 203
 Полонский В. П. 18
 Полонский Я. П. 28, 49, 50, 55, 61, 62, 68
 Поляков С. А. 186
 Помяловский Н. Г. 15
 Пономарев 95
 Попов А. М. 245, 249
 Попов Ф. Г. 118
 Поссе В. А. 67
 Постунаев Ф. Е. 141
 Прилежаев П. П. 126
 Примочкина Н. Н. 249
 Пришвин М. М. 11, 182, 214
 Протасов 247
 Протопопов А. Д. 70
 Протопопов С. Д. 64, 68—70, 74, 77
 Прохоров Е. И. 66
 Пуль Э. 98
 Пушин Н. Н. 225
 Пушкин А. С. 35, 53, 60, 173, 180, 208, 209, 233, 235
 Пятницкий К. П. 108, 136, 145, 152, 171, 183, 186, 187, 246
 Радаков А. А. 226, 231, 232, 234, 235
 Радзиневский В. В. 74
 Ракицкий И. Н. 236
 Рассохин С. Ф. 54, 56
 Ремизов А. М. 10, 178, 207
 Рерих И. Е. 228, 235
 Рерих Н. К. 225, 226
 Ричардзэлли П. 129
 Родионов И. А. 147, 148
 Рождественский В. А. 240
 Рожков Н. А. 94
 Розенберг О. О. 239
 Розенблюм Л. М. 68
 Роллан Р. 16, 200, 212
 Романов П. С. 9, 12
 Ромась М. А. 84, 96
 Роом Г. 239
 Рубинштейн Н. Г. 59
 Рублев А. 230
 Рукавишников И. С. 79, 82
 Рукавишникова Л. А. 46, 60
 Рукавишниковы (М. и Л.) 60
 Руссо Ж.-Ж. 58, 182
 Рыбникова М. А. 223
 Рыдзевский К. Н. 94
 Рылов А. А. 228
 Саблина-Дольская М. А. 25, 26, 54
 Савицкая В. И. 108
 Савицкий Г. К. 103 (Гога); 107
 Савицкий К. А. 103, 106—108
 Садовая Е. В. 122
 Саитов В. И. 84
 Салтыков-Щедрин М. Е. 55, 72, 164
 Сарду В. 66
 Свепицкий В. П. 207, 211
 Свердлов Я. М. 107
 Свободов А. Н. 66, 67
 Северянин И. (Лотарев И. В.) 223
 Сейфуллина Л. Н. 12
 Селецкий А. А. 122
 Сельвинский И. Л. 15
 Семевский В. И. 94, 196
 Семеновский Д. Н. 208—212, 222, 223
 Серафимович А. С. 16, 82, 140
 Сервантес С. 38, 58, 175
 Сергеев В. С. 60
 Сергеев-Ценский С. Н. 15, 82, 140, 201
 Сергеева Ф. 57
 Сергеевы 55, 73
 Серов В. А. 228, 229
 Сивачев М. Г. 145, 147, 150
 Силантьев И. О. 71
 Симакон И. П. 236
 Симова В. А. 242, 245, 247, 249
 Сироткин Д. В. 97
 Скворцов Н. А. 70, 71
 Скворцова Л. А. 131, 152
 Скиталец С. (Петров С. Г.) 73, 93
 Скотт В. 98
 Скрыбин А. Н. 59, 74, 194
 Скрыбина В. И. (Исакович) 43, 59
 Славянский Н. А. 220
 Слонимский А. Г. 266, 267
 Слонимский М. Л. 4, 83, 86—103

- Сауцевский К. К. 50
 Смирнов Е. (Гуревич Э. Л.) 147
 Собинов Л. В. 243, 249
 Соболевский-Самарин Н. И. 41, 42, 56, 58
 Соколов А. Г. 67, 68, 77
 Соколов С. А. 186
 Соколов Ю. М. 220, 224
 Соловьев Вл. С. 181, 207
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф. К.) 2, 174, 185—203, 191
 Сомов К. А. 170
 Сталин И. В. 18
 Станиславский К. С. 241, 242, 244—248 (Константин Сергеевич, К. С.)
 Старк Л. И. 155
 Старостин-Маненков В. Я. 95
 Стасов В. В. 248
 Стасюлевич М. М. 109
 Стеклов В. А. 198, 249—266
 Степановы 95
 Степняк С. (Степняк-Кравчинский С. М.) 95.
 Степун Ф. 177, 184
 Стефаник В. С. 165
 Стрельцов Р. 160
 Струве П. Б. 55, 177
 Субботин С. И. 224
 Суворин М. А. 195, 197
 Сургучев И. Д. 147

 Тагер Е. Б. 54
 Тин Н. (Богораз В. Г.) 140
 Тарасова А. А. 89
 Татаров 93
 Татлин В. Е. 225
 Таубе А. А. 58
 Твен М. 98
 Терещенко 262
 Тер-Оганесов В. Т. 254
 Тиняков А. М. 156
 Тихомиров И. А. 247
 Тихонов А. Н. 137, 148, 199, 226, 227, 234
 Тищенко Г. 121
 Токаревский С. 151
 Токмаковы 127
 Толстая С. А. 98 (С. Андр.)
 Толстая-Есеевна С. А. 220, 224
 Толстой А. К. 115
 Толстой А. Н. 9, 82, 87, 147
 Толстой Л. Н. 16, 25, 30, 35, 38, 39, 41, 42, 44, 45, 56, 58—60, 74, 98, 100, 169, 195, 224, 233
 Тошков В. Н. 265
 Тренев А. (Смирнов А. А.) 91—93, 102, 103
 Третьяков П. М. 239
 Трибус М. Л. 193, 203
 Тройницкий С. Н. 227, 229, 238
 Трутовский К. А. 235
 Тулянова Т. Л. 13, 18
 Туманян О. Т. 178

 Тургенев И. С. 35, 38, 57, 166, 168, 192
 Турсунов А. 223
 Тынянов Ю. К. 9
 Тюрин В. 164

 Улановская Б. Ю. 202
 Ульман Э. Р. 253
 Успенский Гл. И. 54, 55
 Ухтомский Э. Э. 114
 Уэллс Г. 98, 213

 Фадеев А. А. 17
 Фарбер Л. М. 128
 Федин К. А. 9, 11
 Федоров А. М. 97
 Федоров Н. Ф. 181
 Федорович Ф. Ф. 107
 Федченко П. М. 167
 Фейербах Л. 176
 Фет А. А. 50
 Филиппченко Ю. А. 252, 256, 263, 264
 Философов Д. В. 255
 Флеров Н. М. 103, 104
 Флобер Г. 166, 168, 171
 Фомосев К. И. 57
 Фокин И. А. 226
 Фофанов К. М. 50, 62
 Франко И. Я. 165, 168
 Франс А. 94, 103
 Фрейдкина Л. М. 249
 Фрелих Н. А. 51, 52 (Н. А.); 62, 71
 Фрелих Н. Н. 30, 56, 62
 Фролов П. И. 159

 Халатов А. Б. 18, 217—219
 Харица 263
 Хвостов 106, 108
 Хитровский Ф. П. 70
 Ходасевич В. М. 225, 226, 229, 232, 235, 236, 239
 Хомяков Н. А. 255
 Храбровицкий А. В. 103, 108
 Христос И. 206
 Христофорова-Саломова П. Ф. 221
 Христианович 157

 Цезарь Ю. 240
 Церцвадзе 127

 Чайковский П. И. 43, 56
 Чаныгин А. П. 214, 215
 Чеботаревская А. Н. (Чеботаревская-Сологуб) 190, 193—197, 199—203
 Чеботарев Ф. М. 167
 Чекин А. В. 122
 Череванин Н. (Липкин Ф. А.) 138
 Череп-Смирдонович 35
 Черешнев В. И. 28
 Черкасова 30
 Чернов П. Н. 159
 Чернышевский Н. Г. 166, 168

Чехов А. П. 15, 24, 54, 57, 58, 60, 72, 77,
92, 98, 241, 240—242, 246
Чеховский 121
Чехонин С. В. 226, 227, 231, 233,
235—237
Чириков Е. Н. 64, 68, 70, 72, 77, 140, 193
Читадзе Г. 97, 103
Чугаев Л. А. 252, 263
Чукинов А. 155
Чуковская Л. К. 85 (Лидия)
Чуковская М. Б. 85 (Марья Борисовна)
Чуковский К. И. 83, 85, 88, 148, 226,
227, 235, 239
Чуковский Н. К. 85 (Николай)
Чулков Г. И. 171, 179, 187, 202
Чулытов Л. Т. 229
Чюрлёнис М. 231
Шалалин Ф. И. 228, 231
Шамурин Е. И. 223
Шаховской В. А. 256
Швецова Л. К. 204, 222, 224
Шевченко Т. Г. 163, 166, 167
Шеллер-Михайлов А. К. 115, 119
Шелли П. 36, 43, 59, 116
Шекспир У. 38, 58, 175, 233, 240, 259
Шенемок В. 102
Шиллер Ф. 173, 175
Ширяевец А. В. 209, 211
Шкловский В. Б. 79, 80, 82, 88
Шмелев И. С. 82, 140
Шныров 36
Шолохов М. А. 11, 16, 17
Шонен Ф. 43

Штернберг Д. П. 225
Штиглиц А. Л. 40, 59
Шухаев В. И. 226, 236

Щербаков С. В. 40, 58, 59
Щербина В. Р. 2
Щёголев П. Е. 195, 200, 202
Щуко В. А. 226, 232

Энгельс Ф. 15
Эрберг О. Е. 178
Эри В. Ф. 177
Эсхил 182
Эфрос А. М. 15

Юнович М. М. 266
Юрковский Б. Н. 196, 197
Юрьев С. А. 56
Юшкевич С. С. 140

Яблоновский А. А. 150
Язвинский В. И. 79, 82
Яковлев А. (Трифонов-Яковлев А. С.)
79, 82
Яковлев В. Н. 236, 239
Яковлев Л. Ф. 54, 56
Якубович П. Ф. 206
Янишевский В. 123
Якина Л. И. 128
Яновская Л. А. 161, 162
Янсон Я. 201
Яр-Кравченко А. Н. 222
Яхонтов С. Д. 61

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	3
-----------------------	---

I

ГОРЬКИЙ М. «ВСЕ О ТОМ ЖЕ» (1929). (Публикации Архива А. М. Горького. Подготовка текста и примечания А. Е. Погосовой)	5
Бялик Б. А.	
О СТАТЬЕ М. ГОРЬКОГО «ВСЕ О ТОМ ЖЕ»	10
ГОРЬКИЙ М. «МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН» — «НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК», 1898 (подготовка текста и примечания М. Г. Петровой)	19
<i>Петрова М. Г.</i>	
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦИКЛ ФЕЛЬЕТОНОВ ГОРЬКОГО. ИСТОРИЯ НАХОДКИ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ	63
ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. М. ГОРЬКОГО И И. Е. ВОЛЬНОВА (Публикация Архива А. М. Горького. Подготовка текста и примечания И. И. Вольнова)	78

II

Слонимский М. Л. ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИГИ	83
<i>Тарасова А. А.</i>	
ПОМЕТЫ А. М. ГОРЬКОГО НА КНИГЕ М. Л. СЛОНИМСКОГО «М. ГОРЬКИЙ. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ»	89
<i>Храбровицкий А. В.</i>	
ЗАЧЕМ ГОРЬКИЙ ЕЗДИЛ В ПЕНЗУ?	103
<i>Иванова Е. В.</i>	
ГОРЬКИЙ И Б. В. БЕР	109
<i>Поздний Е. Н.</i>	
ГЕРОИНЯ РАССКАЗА «О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ». (Документы к портрету)	120
Вольнов И. И.	
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ А. М. ГОРЬКОГО	128
<i>Скворцова Л. А.</i>	
М. ГОРЬКИЙ В 1910—1912 ГОДАХ. К истории взаимоотношений с редакцией журнала «Современный мир»	131

Научное издание

ГОРЬКИЙ

и его эпоха

Исследования и материалы

В ы п у с к I

Утверждено к печати

Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства Т. А. Беловасцева

Художник Ф. Н. Бударнов

Художественный редактор М. Л. Храмцов

Технический редактор Л. П. Золотухина

Корректоры Л. А. Иванова, Т. И. Чернышова

ИБ № 39055

Сдано в набор 16.12.88

Подписано к печати 20.06.89

А-00901. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч.-изд. л. 21,5

Тираж 5600 экз. Тин. зак. 1170

Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В. И. ЛЕНИН И И. Е. ВОЛЬНОВ. (По документам)	153
<i>Дудко В. И.</i>	
М. ГОРЬКИЙ И М. КОЦОБИНСКИЙ. (Новые и малоизвестные материалы)	160
<i>Корецкая И. В.</i>	
М. ГОРЬКИЙ И ВЯЧ. ИВАНОВ	169
<i>Никитина М. А.</i>	
М. ГОРЬКИЙ И Ф. СОЛОГУБ. (К истории отношений)	185
<i>Швецова Л. К.</i>	
М. ГОРЬКИЙ И НИКОЛАЙ КЛЮЕВ	204
<i>Иокар Л. Н.</i>	
УЧАСТИЕ А. М. ГОРЬКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПЕРВЫХ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИХ ЛЕТ (1917—1921)	224
<i>Бонами Т. М.</i>	
М. ГОРЬКИЙ И В. ЛУЖСКИЙ	240
<i>Примочкина Н. П.</i>	
У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ НАУКИ (М. ГОРЬКИЙ И В. А. СТЕК- ЛОВ)	249
БОРИС АРОНОВИЧ БЯЛИК (1911—1988)	268
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (составитель И. С. Багдасарян)	270